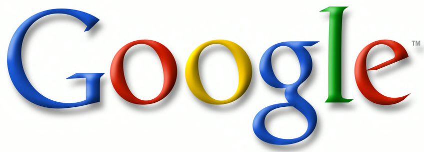


ВѢСТНИКЪ
ЗАПАДНОЙ РОССІИ

ВѢСТНИКЪ ЗАПАДНОЙ РОССІИ.

ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛЪ,

ИЗДАВАЕМЫЙ

К. ГОВОРСКИМЪ.

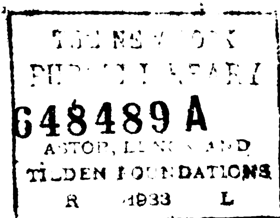
НОЯБРЬ.

ГОДЪ ТРЕТІЙ.

ТОМЪ II.

ВИЛЬНА.
Въ типографіи Р. М. Ромма.

1865.



Дозволено ценсурою. Вильна, 27 Февраля 1865 года.

I.

—

№ 6-й.

—

ДОКУМЕНТЫ ОТНОСЯЩІЕСЯ КЪ ИСТОРІИ УНІИ.

1.

Копія позыва митрополиту Ипатію Поцѣю, чтобы онъ явился на сеймъ дать объясненіе на жалобу иноковъ кіево-печерскаго монастыря, что онъ незаконно называется митрополитомъ и обманомъ завладѣлъ монастыремъ со всѣми его имѣніями. 1599 г.

(Хранится въ архивѣ бывшихъ греко-унитскихъ митрополитовъ при св. пр. сѵнодѣ за №. 15; писано по польски).

Zigmont trzecy etc.	Сигизмундъ III и проч.
Tobie Hypatemu Pocieiowi, ktory się mienis sie być me-	Тебѣ Ипатію Поцѣю, который называешь себя кіев-

tropolitem Kiowskim i episkopem Włodzimirskim i Brzeskim, z osoby twey sslachetskiey przykazviemy wiernosci twoiey, aby wier. twa przed nami i pany Radami nassymi na seimie walnem blisko przyssłym Warssawskim, ktory w roku tysiąc ssescsetnem, February 9 dnia przypada, iako na roku zawitym stanął na załobę i prawne popiranie Wielmoznych ich Mci Panow rad swieckich, Dignitarzow Vrzędnikow, iako i osob duchownych i wsselkiego stanv ludzi religi Greckiey tak rycerskiego, sslachetskiego stanv, iako i z miast obywatelow Wielkiego X-a L-o i Ziemie Wołyńskiey odpowiadał o to, iz wiernosc twa smiess nad prawo, przywileia confederacyi i wolnosci ich od przodkow nassych sławney i swiętey pamięci Krolow Polskich i wielkich xiąząt Litewskich im nadanych i od nas dzierzec im poprzysiężonych; Metropolią Kiowską, Archimendrynctwo Pieczerskie i Episcowstwo Włodzimirskie i dobra R. P. do nich nalezące dzierzec, tytułu i dobr tych zazy-

скимъ митрополитомъ, владимирскимъ и брестскимъ епископомъ, какъ вѣрноподданному нашему дворянину, повелѣваемъ, дабы ты явился, предъ нами и радными нашими панами, на великій сеймъ въ Варшаву, который послѣдуетъ незадолго, въ 1660 году 9 Февраля. Долженъ же ты явиться на таковой по обвиненію велеможныхъ пановъ свѣтскаго суда: сановниковъ, судей, членовъ духовныхъ и всѣхъ сословій людей греческаго исповѣданія, военнаго, дворянскаго сословій, какъ равно и городскихъ обывателей великаго княжества литовскаго и волынскаго воеводства, въ томъ, что ты, вопреки закона, привилегіи и *свободы*, данныхъ знамѣнитыми и блаженной памяти королями польскими и князьями литовскими и утвержденныхъ присягою, дерзнулъ самовольно овладѣть кіевскою митрополіею, печерскою лаврою, съ епископствомъ влодимирскимъ, и пользуешься незаконно какъ званіемъ, такъ и ихъ недви-

wac, o co oni i pierwiey tego Wiernosc twą na seim niedawno przessły przed nas i panow rad nassych pozywali, tylkoz dlia wielkich i waznych spraw nassych i R. P. odprawowac żeśmy tey sprawy na ten czas nie mogli. Jednakze ze wssytkimi iey postępkami wcale w teize mocy przez listy nasse do seimv teraznieissego blisko przyssłego iest odłozono. Przy czym oni cale stoiąc, i powtore was znowu tym pozwem nassym ku onemu pierssemu pozwu i sprawie i roku od nas zachowałemu przypozywaią, aby Wier. wassa na roku wyss mianowanem gdy od strony z regestru przed nas przywołan będziess iako na roku zaległym stanął i vsprawiedliwił. O czem to ssyrzey i dostateczniey wam od strony na roku obiasnionem wywiedziono i okazano będzie.

Pisan w Lucku, Roku od

жимыми имѣніями и вообще всѣми достояніями къ нимъ принадлежащими. По этому же самому дѣлу, тебя и на бывшій сеймъ призывали предъ нами и нашими радными панами (совѣтниками), но по причинѣ весьма важныхъ дѣлъ, которыми въ то время были мы озабочены, этого дѣла мы не могли обсудить. Но оно, при соблюденіи всѣхъ формъ судопроизводства, на основаніи нашихъ письменныхъ королевскихъ постановленій (указовъ), отложено было къ ближайшему сейму. При чемъ всѣ собща члены верховнаго судилища, согласно съ первымъ, вторично этимъ повелѣніемъ нашимъ, призываютъ, въ вышепомянутомъ году, для того, чтобы ты явился принесть оправданіе тогда, когда по списку обсуждаемыхъ дѣлъ, наступитъ очередь. О чемъ, со стороны обвиняемыхъ, своевременно будетъ вамъ изъяснено съ большею точностію и подробностію.

Писано въ Луцкѣ 1599

narodzenia Syna Bozego 1599 Decembry 20 dnia. | года отъ Рождества Христова, 20-го Декабря.

Съ подлиннымъ вѣрно.
И. д. Помощника Архиваріуса Архива Св. Сvнода
Н. Григоровичъ.

2.

Копія посланія галицкаго и львовскаго епископа Гедеона Балабана къ львовскимъ крылошанамъ, съ приглашеніемъ ихъ собраться на 12 маія въ львовскую церковь Успѣнія Пресв. Богородицы, на совѣщаніе о водвореніи спокойствія и мира въ церкви. 1604 г.

(Копія эта на польскомъ языкѣ находится въ Архивѣ бывшихъ уніятскихъ митрополитовъ при Св. Сvнодѣ и записана въ описи подъ N 18).

Hedeon Bałaban, Bozą miłoscią Episcop Halicki, Lwowski y Kamienca Podolskiego, Exarcha Wszystkiey Rusi od wielkiego Ołtarza Constantinopolskiego.

Bogomolcom naszym Kryłoszanom Lwowskim y wszystkim Duchownym Eparchiey naszey y ze wszystkiemi od

Гедеонъ Балабанъ, Божіей милостію IV. кн. галицкій, львовскій и каменецъ-подольскій епископъ, всея русскія земли отъ великаго константинопольскаго престола экзархъ.

Богомольцамъ нашимъ прихожанамъ львовскимъ и всѣмъ духовнымъ епархіи нашей, со всѣми отъ мала

mała az do wielu namiłszemi w duchu synami pokornosci naszey prawosławia iedney swientey wschodniey Catholickiey y Apostołskiey Cerkwie nasladowcami, łaska, pokoy od Pana naszego Jezusa Christusa.

Wiedząc my powinnosc vrzendu swego Episkopskiego, zesmy są dozorcy domu Bozego y strozowie pokoiu jego, widząc w tych dniach niebytnosci naszey w tym domu od Boga nam poleconym y od Cerkwie powszechney y od najasnieyszych krolow ich msci powierzonym rozruch przez mniemaiącego się Metropolitha Kiowskiego niezwykle, o ktorym nigdy az y do tego czasu nie słychano było, wzruszonym, ze nie tylko sam od Cerkwie wschodniey matki swey nie będąc przyznany, ale y nam tu obecnemu Episcopowi y Exarchowi wszyskiey Rusi, o którym dobrze wiedząc, zem iest niedaleko, dawniey wprzod iego (mianuiącego się takowego stanu byc) postanowiony, błogosławiony y zwyczaynie według praw y

до велика любезнѣйшими о Господѣ сынами смиренія нашего послѣдователями православія единой, святой, восточной каѳолической и апостольской церкви, благодать и миръ отъ Господа нашего Іисуса Христа.

Зная обязанности нашего епископскаго сана, состоящія въ охраненіи дома Божія и мира его, видя, что во время отсутствія нашего въ семъ домѣ, ввѣренномъ намъ Богомъ, вселенскою церковью и всемилостивѣйшими королями, произведено необычайное, никогда до сихъ поръ неслыханное смятеніе имѣнующимъ себя митрополитомъ кіевскимъ, который не только что самъ не будучи признанъ матерью своею восточною церковью, но намъ, живущему здѣсь епископу и екзарху всея Руси (не извѣстенъ), хотя онъ и знаетъ, что я (живу) недалеко, нѣкогда, прежде его постановленный, посвященный, по обыкновенію, на основаніи государственныхъ правъ и привилегій, королемъ, его милостію, утвержденный и на вѣчныя

przywileiow Panstwa tego Je^2 Kro. młsci nadany wiecznie będącym y po mnie nastempcom moim vprzywileiowany. Przeto tedy yz nam Je^c msc sam wyszey mianuiący się metropolith przyczynę dał bespiecznie w niebytnosci naszey przez sługi vrzędu swieckiego, by iakie kleryki niezwykle ani Canonnie po cerkwiach listy swoie vniwersałne y pozowne przybic kazał, pewny y zawity wam rok y mieisce składaiąc. A tak nic sie w tych rzeczach y w zburzeniu pospolitego pokoiu nie trwożąc: My wam za vrzendu pastyrzstwa naszego nie mniemaiącego, ale własnego w porządku Cerkwie powszechney maiącego roskazuiem y oycowskie prosim, rzeczy swoich potocznych namowy czas zaniechawszy, czas ten pospolitemu dobru daruycie, abyscie tak Kryłoszanie iako y paraphiianie z osobliwey chęci swoiey a szczyrey miłosci przeciwko cerkwi matce swey w miescie przy cerkwi Vspenia Przeczystey w sobotę miesiąca maia 26 dnia do nas stawali y o pospolitym po-

времена, въ преемникахъ моихъ, привилигированный. И такъ какъ его милость вышe сказанный митрополитъ, пользуясь отсутствiемъ нашихъ, самъ подалъ поводъ къ раздору, приказавъ служителямъ свѣтскаго чина, камъ бы какимъ нибудь клирикамъ, прибить по церквамъ свои окружныя посланiя и позвы, назначая самъ извѣстный срокъ и мѣсто (къ явкѣ.) По этому нисколько не опасаясь за нарушенiе общественнаго спокойствiя властью нашей пастырскаго сана,—немнимаго, но даннаго мнѣ по правиламъ вселенской церкви,—повелеваемъ вамъ и отечески просимъ, чтобъ, оставивъ житейскiя ваши дѣла, посвятили это время на дѣла общественнаго блага, именно, чтобы вы, какъ крилошане, такъ и прихожане, съ полною готовностью и искреннею любовью къ церкви матери вашей, явились къ намъ въ городъ, въ церковъ Успенiя Богородицы, въ субботу, 26 маiя, для совѣщанiй объ общемъ мирѣ церковномъ и для придуманiя мѣръ про-

koiu Cerkownym wszyscy społecznie naradzili y przeciwko burzliwosciom szkodliwym pospolitemu pokoiu przystoynie zastanowili. Zatym i powtore łaska Christusa Pana y Zbawiciela naszego y błogosławienstwo od wielkiey Cerkwie Maiestatu Constantinopolskiego, y modlitwa pokornosci naszey niech będzie ze wszystkiemi wami.

Pisan we Lwowie przy cerkwi Cathedralney swientego Wielkiego Menczenika Georgia, Miesiąca maia 22 dnia, Roku 1604.

Locus ✝ sigilli.

Cunctis vbique pateat euidenter et sit notum, quomodo Anno D-ni MDC quarto, Indictione romana secunda, Pontificatus Ss-mi Dni Dni Clementis Divina Providentia Papae Octavi Anno Decimo tertio, Leopoli, die sexta mensis Junii suprascriptus .... de suo originali ad.......... Ecclesia Ruthenorum Leopoli sitae affixa sunt transumptae et fideliter auscultate Poloniaeque lingua

тивъ вредныхъ для общественнаго спокойствія смятеній.

Засимъ вторично благодать Господа Христа Спаса нашего и благословѣніе великой константинопольской церкви, и молитва смиренія нашего да будетъ со всѣми вами,

Писано въ Львовѣ при каѳедральномъ святаго великомученика Георгія соборѣ; мѣсяца Мая, 22. дня, 1604 года.

(М. П.)

Всѣмъ да очевидно и извѣстно будетъ, что 1604 г. отъ рожества Спасителя нашего, второго послѣ всеобщей римской переписи, и на 13 году царствованія святѣйшаго отца, Божіей милостію папы Климентія VIII, въ Львовѣ, мца іюня, 6 дня, выше прописанная копія, заимствованная изъ подлинныхъ книгъ, находящихся при греческой, львовской церкви, и съ рус-

de lingua Rutenorum transcriptae et concordant cum suo originali. Praesentibus Excellens. D. Helia Leopoliens. nobilib. Alberto Dlugopolsky, Alberto Wuzkowsky et aliis quam plurimis testibus.

Et quia suprascriptus...... de suo vero et authentico .... Rutenorum afixo sunt Polonorum lingua fidel transumptae ideo ego Jacobus Brzezniccius sac. authoritate Aplica pub .... Leop. scriba mano mea ppia subscripsi et sigillo .... talibus utor consign............

Locus ✝ sigilli.

скаго на польской языкъ переведенная, дѣйствительно согласна съ подлинникомъ. Въ присутствіи преосвященнаго Иліи львовскаго, дворянъ Альберта Длугопольскаго, Альберта Вузковскаго и многихъ другихъ свидѣтелей.

А въ томъ что выше прописанная копія изъ подлинныхъ и неподдѣльныхъ книгъ, хронящихся при русской львовской церкви, списана и правильно на польскій языкъ переведена, я Яковъ Бржезницкій, святой апостольской львовской церкви писарь, собственною моею рукою скрѣпляю и печать съ таковымъ изображеніемъ прилагаю.

(М. П.)

8.

Копія Указа короля Сигизмунда III къ жителямъ г. Вильны, съ запрещеніемъ имъ ходить на богослуженіе въ наливайковскую православную церковь. 1605 г.

(Хранится въ архивѣ бывшихъ уніятскихъ митрополитовъ при св. Сvнодѣ, подъ N. 21).

Zygmunt Trzeci z Bożey łaski Krol Polski, wielkie xiąże Litewskie, Ruskie, Pruskie, Mazowieckie, Zmudzkie, Iflianskie, a Szwedzki, Gothski, Wandalski dziedziczny krol.

Szlachetnemu Mateuszowi Boczyminskiemu woitowi y sławetnym Burmistrzowi, Raicom y Ławnikom Miasta naszego Wilienskiego, wiernie nam miłym, łaskę naszę kroliewską, szliachetni y sławetni wiernie nam mili. Mamy tę wiadomosc, iz zapostawiennoi cerkwie Naliwaikowei niedawnemi czasy w miescie naszem tamecznem Wilenskiem, niektorzy z religiei Ruskiei mimo wolią y pozwolienie ich ducho-

Сигизмундъ третій Божіею милостію король польскій, великій князь литовскій, русскій, прусскій, мазовецкій, жмудскій, ифляндскій; наслѣдственный король шведскій, готскій, вандальскій.

Благородному Матеею Бочиминскому войту и именитымъ бургомистрамъ, совѣтникамъ и лавникамъ нашего города Вильны, любезнымъ намъ своею вѣрностію, наша королевская милость, благородные и именитые вѣрные намъ любезны. Дошло до нашего свѣденія, что многіе исповѣдующіе русскую религію, по построеніи въ недавнее время Наливайковской церкви въ тамошнемъ городѣ Вильнѣ,

wienstwa, domy się kupią y po niemałei częsci gromadzą się, skąd miedzy tamecznemi obywatelmi nie małe rozruchi się dzieią. Przeto w czas takiemu swowolienstwu zabiegaiąc, aby do cze° złego za czasem nie przyszli, roskazuiemy wier: waszym, abyscie wiernosc wasze tego dozor mieli, iako by sie napierwey budynek postawiony thei Cerkwie nie szerzył, odprawa nabozenstwa nie tam, alie na mieistach y w cerkwiach starodawnych aby była odprawowana, y to takie ich swowolienstwo aby było poskromione, o czym pisalismy do Jasnie wielmoznego Mikołaia Krzysztopha Radziwiła xiązęcia na Olyce y Nieswieżu, woiowody Wilienskiego, ktoremusmy tegoz dozor zliecili, y z niem się w tym wier: wasze znosic y porozumiewac będą. Inaczei dlia łaski i powinnosci swey nie czyniąc. W Krakowie III miesiąca Marty Roku panskiego MDCV Panowania krolewstw naszych Polskiego osmnastego a szwedzkiego roku XII.

вопреки волѣ своего духовенства покупаютъ домы и строятся въ большихъ размѣрахъ, вслѣдствіе чего между тамошними обывателями происходятъ не малые безпорядки. Поэтому благовременно предупреждая такое своеволіе, повелѣваемъ вашей вѣрности, имѣть надзоръ надъ этимъ дѣломъ: что бы впредь домъ этой церкви не распространялся,— Богослуженіе отправлялось не въ этой церкви, но въ церквахъ старыхъ — и такое своеволіе ихъ было обуздано. Объ этомъ мы писали его превосходительству Николаю Кристофору Радзивиллу князю олыцкому и нѣсвижскому, виленскому воеводѣ и также поручили надзоръ надъ этимъ дѣломъ; съ нимъ ваша вѣрность имѣете споситься объ этомъ лѣлѣ. Ради нашей милости и своей вѣрности иначе поступать не станете. Въ Краковѣ III мѣсяца марта. Лѣта отъ Р. Х. MDCV, царствованія нашего польскаго восьмнадцатаго, шведскаго XII.

4.

Письмо виленскихъ уніятскихъ священниковъ къ митрополиту Ипатію Поцѣю, въ которомъ они жалуются, что митрополитъ вопреки законовъ, назначилъ надъ ними намѣстникомъ архимандрита Іосифа Рутскаго, и что ему подчинили монастырь (Троицкій), вмѣсто того, чтобы назначить намѣстникомъ однаго изъ среды ихъ. 1608 г. сентября 7. дня.

Милостивый пане а пане и пастыру нашъ милостивый. Звыклые и повинные молитвы нашы за вашу светительскую милость до ласки в. м. своего милостивого пана и пастыра пильне залецаемо.

Ижесь в. м. нашъ милостивый панъ, намесництво все во всей митрополіи отьцу Руцкому злетить рачилъ а особливе у Вильни, на што мы священницы соборные виленьские, в. м. нашему милостивому пану с тымъ отозьваться мусимо, не зъ жадного зневаженя зверхности противъ в. м. то чинимо, алежесь намъ надъ право и звычай стародавный въ томъ кривда дѣеть, бо маемо право кроловъ пановъ, и славъное памети продъковъ в. м. митрополитовъ жесьмы неповинни только самыхъ пастыровъ митрополитовъ слухати, а намесьниковъ неповинни, але при насъ священникахъ соборъныхъ намесьництво быти маеть, а особливе доложоно жебы троецькие архиманьдриты и черьнъцы надъ нами жадъного старъшенства не мевали, и такъ до того часу при тыхъ

правахъ и вольностяхъ нашыхъ одъ продъковъ и отъ самого в. м. пастыря нашего захованысьмы были и суть, прето намъ ся въ томъ надъ права надъ звычай стародавны кривъда дѣеть, а прото унижоне а покорьне просимо в. м. своего милостивого пана и пастыра ра(чъ) в. м. насъ при правахъ и звычаю стародавъномъ пристойномъ захова‌ть рачилъ, ажебы намъ новинъ жадныхъ на тяжкость нашу уводить не рачилъ, вѣдаемо же в. м. о вольность духовъныхъ своихъ старанеметь рачишъ и новыми привѣлеями своими и кролевъскими утверъжать рачишъ, несмерътельную тогды за то славу отъ духовеньства своего в. м. собе еднаешъ, удаемо милостивой ласце в. м. же тую слушную и пристойную прозьбу нашу в. м. намъ милостивый панъ выслухать будешъ рачилъ жебы мнихи, законъницы до священниковъ свецъкихъ ничого жадъной справы не мели, кгдыжъ инъшее заволане ихъ, спокойное уединеное покутуючее, на то суть обецаны, а не на власти и старъшеньства, и тотъ есть порадокъ в церькви божей нашой и римьской, же инъшая капитула а инъшая мнихи законъницы; мы тежъ священъницы виленъские, якосмы с початку единости святой веру и неподозъренное послушеньство пастыремъ своимъ отъдавали и отъдаемо и отъдавать безъ жадъной облуды и отъмены в. м. своему милостивому пану и пастыру и потомъкамъ в. м. за помочу божіею волю неотъменную маемо только повторе унижоне в. м. своего милостиваго пана просимо рачъ в. м. тое намесьницъство отъца Руцъкого з насъ знести, а нашу тую вольность привилеемъ своимъ змоцьнити, которую то безъ жадъного вонътъпеня ласъку своего милостивого пана дознавъшы за в. м. Господа Бга просимо и просити всегда будемо, абы намъ в. м. нашего милостивого пана и пастыра въ благословеньстве своемъ святомъ, и въ спокойномъ а долъго форътунъномъ поволеныо на многи лета ховать рачилъ, за тымъ молитвы нашы и всякую повольность

з нискимъ поклономъ в ласку в. м. нашего милостивого пана пильне отъдаемо, писанъ у вилъни року 1608 мѣсяца Сеньтебра 1 (а҃) дня по старому.

Слуги и богомольцы в. м. нашего милостивого пана Протопопа и вси клирошане церъкви соборъное светой Трой(цы) у вилъни.

(Подлинное письмо хранится въ архивѣ бывшихъ греко-уніятскихъ митрополитовъ при Св. Пр. Синодѣ подъ N. 38.)

5.

Копія рапорта священника скрыгаловской православной церкви Іоанна Корженевскаго петриковскому протопресвитеру О. Григорію о насильственномъ отнятіи у него управляющимъ скрыголовскими имѣніями Антономъ Кржеминскимъ фундушовой записи, для скрыгаловской церкви, озеро, нѣкорые сѣнокосы, пахатныя земли и на другія церковныя угодья, въ пользу строющейся въ его приходѣ уніятской церкви. 1747 г.

(Изъ архива стрыгаловской церкви мозырскаго у.; списана съ подлинника за скрѣпою тамошняго священника съ приложеніемъ церковной печати).

Переводъ съ польскаго.

Ваше высокопреподобіе О. Григорій, протопресвитеръ св. Воскресенскій, петриковскій, о св. Духѣ мой отецъ и во Христе братъ!

Довожу до свѣденія вашего высокопреподобія, что имѣю обиду отъ моихъ ясновельможныхъ ктиторовъ. Управитель имѣній пани Петронеліи изъ Завишей Яхетховской, наслѣдственной владѣтельницы скрыгаловскихъ имѣній, состоящихъ въ мозырскомъ уѣздѣ, прибывъ недавно, въ 1741 году, въ мой домъ насильно отнялъ у меня фундушовую церковную запись, данную для скрыгаловской церкви на разныя земли и угодья, въ 1693 году 13 сентября, ясневельможнымъ паномъ полоцкимъ воеводою, полковникомъ его королевской мости Доминикомъ Слушкой, и по сей записи отнялъ церковное озеро Загробу, поле, недавно отказанное для этой церкви, въ 1621 году, жителемъ скрыгаловскимъ, бояриномъ Прохоромъ Санкевичемъ за погребеніе его тѣла и совершеніе другихъ нашихъ церковныхъ службъ, на которомъ и до сихъ поръ находится его могила съ камнемъ, на которомъ вырѣзано его имя, фамилія, годъ и мѣсяцъ кончины. Поле это называется Хрысты, на немъ я самъ засѣвалъ ржи 10 осьминъ петриковской мѣры и нажиналъ десять копенъ сноповъ; отняли также и въ другомъ мѣстѣ кусокъ земли, называемой Лесно, на которой засѣвалось ржи 8 осьминъ, тойже, вышесказанной мѣры. А также довожу до свѣденія и о томъ, что въ настоящемъ 1747 году, отпустили строительный лѣсъ на уніятскую церковь, которую намѣрены построить въ моемъ приходѣ, за Руднею, въ лѣсу. Въ пользу которой церкви хотятъ отнять отъ моей церкви фундушевую деревню Лешно и фундушовый островъ съ бортнымъ деревомъ и пашенною землею. Онъ называется Радогосцъ и состоитъ только изъ одной церковной земли.

Доводя о семъ до свѣденія вашего, покорнѣйше прошу ваше высокопреподобіе не откажитесь представить эту мою жалобу его высокопреподобію о. архимандриту слуцкому, намѣстнику кіевской митрополіи и

коммисару святой греко-русской религіи Іосифу Оранскому, и при семъ прошеніи моемъ препровождаю и копіи фундушей по іерейской моей совѣсти, слово въ слово списанныя. Одинъ фундушъ блаженной памяти, вышесказаннаго Слушки, а другой тоже, вышесказанной пани Хѣтховской. Скрыгалово, 1747 года, 21 февраля.

Всегда желающій всякихъ благъ и постоянный богомолецъ вашего высокопреподобія Іоаннъ Корженевскій, скрыгаловскій пресвитеръ.

(Сообщено изъ Мозыря Гр. Кулжинскимъ).

II.

ИСТОРИЧЕСКОЕ ОПИСАНІЕ ПОЛОЦКАГО БОРИСО-ГЛѢБСКАГО МОНАСТЫРЯ.

Полоцкій Борисоглѣбскій, нынѣ заштатный, монастырь находится за р. Двиною, въ разстояніи около одной версты отъ нея, а четверть версты отъ городской черты, задвинской части г. Полоцка. Монастырь сей, съ принадлежащими ему церквами, расположенъ на довольно-возвышенной площади, опускающейся скатомъ къ глубокому оврагу, который между крутыми, поросшими кустарниками, берегами образуетъ живописную лощину, посреди которой змѣится впадающая въ Двину рѣчка Бѣльчица, отъ чего и Борисоглѣбскій монастырь нерѣдко въ старину назывался *Бѣльчицкимъ*.

Онъ основанъ полоцкимъ княземъ Борисомъ Генвиловичемъ, внукомъ литовско-новогрудскаго князя Мингайлы, завладѣвшаго полоцкимъ княжествомъ, около 1190 г., *) вскорѣ послѣ прекращенія въ Полоцкѣ династіи князей

*) **Примѣчаніе 1.** Мингайло, завоевавъ Полоцкъ, обложилъ его данью и посадилъ на княжескій престолъ сына своего *Генвила*, который, вслѣдствіе вступленія въ брачный союзъ съ княжною тверскою Маріею Борисовною, родственною б. князьямъ полоцкимъ, первый изъ литовскихъ князей принялъ христіанскую

дома Владиміра Св. 1.) Время не пощадило первоначальныхъ зданій сего монастыря, посему и не извѣстно, были ли онѣ каменныя или деревянныя, и долго ли существовали въ первобытномъ своемъ видѣ; но каменная монастырская церковь, во имя Бориса и Глѣба, впрочемъ только въ стѣнахъ своихъ, осталась по настоящее время. Она заложена въ 1217 г. и окончена въ 1222, одновременно съ полоцкимъ Софійскимъ соборомъ 2). На построеніе сихъ церквей, по словамъ Стрійковскаго, Борисъ Генвиловичъ вывозилъ изъ Ливоніи, по р. Двинѣ, кирпичъ, известь, алебастръ и другіе строительные матеріалы *). По свидѣ-

---

вѣру и крещенъ въ православіи съ именемъ *Георгія*. Ему также приписываютъ построеніе Г. Борисова надъ Березиною и въ лѣтописяхъ онъ извѣстенъ еще по продолжительной и упорной войнѣ съ Псковомъ и Витебскомъ. (Stryikowski, stron. 241. Смотри— Stebelski—Dwa swiatła na horyzoncie Połockim... Tom 1. str. 147).

1) Stryikowski Kronika Litewska, księga VI. Rozd. XXI i XXII, pag. 273.; Gwagnin T. 1. pag. 301.; Stebelski Zywot S. Eufrozynii (Dwa Swiatla) T. 1. str. 149 i 150; Архивъ Борисоглѣбскаго монастыря, рукописные документы и инвентари.

2) Тамъ же. Stryikowski ks. IV Rozd. XII. pag. 233. Архивъ Борисоглѣбскаго монастыря. Архивъ Полоцкаго Соф. собора.

*) **Примѣчаніе II.** Изъ сего можно заключить, что, въ то время, въ Полоцкѣ еще не было своихъ кирпичныхъ заводовъ, или, что полочане уступали ливонцамъ въ искуствѣ приготовлять, годный, для прочной каменной постройки, кирпичъ. Вѣроятно, этотъ строительный матеріалъ тогда былъ весьма цѣннымъ, когда князь хотѣлъ увѣковѣчить память благополучной доставки онаго водою, приказавъ, на одномъ изъ находящихся въ срединѣ Двины огромныхъ камней, изсѣчь изображеніе Св. Креста, съ надписью: *Вспоможи Господи раба своего Бориса сына Генвилова.* Этотъ камень, съ хорошо сохранившеюся доселѣ надписью и изображеніемъ креста, находится въ р. Двинѣ, на седьмой верстѣ за г. Дисною. Впрочемъ, можно его видѣть только въ весьма сухое лѣто, когда Двина дѣлается мелководною. Мнѣніе, что князь Борисъ Генвиловичъ велѣлъ на семъ камнѣ изсѣчь

тельству Стрійковскаго и рукописныхъ документовъ, Борисоглѣбскій монастырь, въ древности, обнесенъ былъ каменною стѣною, надъ которою, во многихъ мѣстахъ, возвышались башни и бойницы, такъ что составлялъ родъ крѣпости, внутри которой, еще во времена князей Владимірова дома, находились княжескіе терема и, быть можетъ, древнѣйшая изъ каменныхъ церквей полоцкихъ, — церковь во имя св. Параскевіи, отъ которой одинъ только фундаментъ остался и которую, впрочемъ уже полуразрушенную, видѣлъ польскій лѣтописецъ, каноникъ Стрійковскій, жившій въ половинѣ 16 столѣтія 3). Въ русскихъ и ливонскихъ лѣтописяхъ неоднажды упоминается объ осадѣ сего монастыря ливонцами и упорной защитѣ онаго полочанами, предводительствуемыми ихъ князьями, чѣмъ доказывается, что монастырь сей вмѣстѣ былъ и крѣпостью. Каменная стѣна эта, съ бойницами и башнями, существовала еще во времена полоцкаго, уніятскаго архіепископа Іоасафата Кунцевича, т. е. въ началѣ 17 столѣтія, который, въ качествѣ архимандрита сего монастыря, по смерти своего предмѣстника, архіепископа Гедеона Брольницкаго, хотѣлъ вступить во владѣніе онымъ, но ктиторы монастыря, Корсаки, Щиты и другіе православные бояре б. полоцкаго воеводства, поставивъ на

крестъ въ память благополучной доставки изъ Ливоніи матеріаловъ, на постройку церквей въ Полоцкѣ, основано на общемъ мѣстномъ преданіи и на свидѣтельствѣ Стрійковскаго, читавшаго о семъ, какъ онъ говоритъ, въ какой-то древней лѣтописи (Stryikowski ks. VI, Rozd. XII, pag. 233). Изображенный на камнѣ крестъ — четырехконечный, надпись на немъ славянскими уставными буквами. По свидѣтельству многихъ очевидцевъ (въ томъ числѣ извѣстныхъ нашихъ археологовъ Гг. Тышкевича и Щита), подобныхъ камней, съ надписями и съ изображеніемъ Св. креста, находится въ Двинѣ, на пространствѣ между Полоцкомъ и Дисною, до семи. На нѣкоторыхъ изъ сихъ камней кресты шестиконечные.

3) Тамъ же.

бойницахъ пушки, засѣли въ немъ, съ множествомъ вооруженнаго народа, чтобы оружіемъ отстоять сей, искони православный монастырь, отъ посягательства на него уніятскаго архіерея. Съ своей стороны Іоасафатъ, послѣ тщетныхъ увѣщаній передать ему монастырь, какъ законному настоятелю, утвержденному въ семъ санѣ королевскою привиллегіею, принужденъ былъ, въ продолженіи одиннадцати дней, осаждать оный королевскими войсками, составлявшими постоянный гарнизонъ Верхнаго и Нижнаго Замковъ, и посредствомъ множества вооруженныхъ католиковъ и уніятовъ: для чего на лодкахъ свезены были по Двинѣ изъ Верхняго Замка осадныя орудія и поставлены на земляныхъ окопахъ, нарочно, по сему случаю, устроенныхъ на берегу р. Двины, противъ монастыря. Въ концѣ одиннадцатаго дня осады сдѣлана, посредствомъ частыхъ выстрѣловъ изъ сихъ орудій, брешь въ стѣнѣ, проложившая дорогу осаждающимъ къ вторженію въ монастырь и вытѣсненію оттуда храбрыхъ защитниковъ. Завладѣвъ, такимъ образомъ, Борисоглѣбскимъ монастыремъ, Іоасафатъ, окружавшіе оный стѣны велѣлъ разрушить до основанія и, съ тѣхъ поръ, Борисоглѣбскій монастырь пересталъ быть крѣпостію 4).

Борисоглѣбскій монастырь, еще въ началѣ своего существованія, надѣленъ былъ, тѣмъ же княземъ Борисомъ Генвиловичемъ, разными угодьями, землями и населенными имѣніями. Ревности сего князя, въ этомъ отношеніи, подражали не только его преемники, князья полоцкіе, но многіе изъ знатныхъ бояръ и шляхты, сдѣлавшіе, въ разныя времена, въ пользу сего монастыря, вклады деньгами, утварью, угодьями и населенными имѣніями.

---

4) Архивъ Борисоглѣб. мон.; архивъ полоц. Соф. собора; актовыя книги въ архивѣ полоц. уѣзд. суда; архивъ пол. духов. консисторіи, связка de unione и проч.

Время истребило документы, откуда можно было-бы заимствовать свѣдѣнія, какъ о названіи сихъ вкладчиковъ, такъ равно и объ ихъ пожертвованіяхъ. Сохранился только одинъ подлинный документъ, писанный уставными славянскими буквами, на пергаментѣ. Это граммата полоцкаго князя Ярослава Изяславовича, данная въ 1396 г. индикта 11, Борисоглѣбскому монастырю, по просьбѣ его настоятеля, архимандрита Филарета, на право построить мельницу на противоположномъ берегу рѣчки Бѣльчицы, и на земли, по обѣимъ сторонамъ ея лежащія (5). Впрочемъ, изъ документовъ позднѣйшихъ временъ и монастырскихъ инвентарей, видно, что, до занятія г. Полоцка московскимъ царемъ Іоанномъ Грознымъ, къ Борисоглѣбскому монастырю принадлежали слѣдующія волости: Турецъ, Суя, Усвятица, Долгое, Санники *), Пустынки, Бѣльчица, Кулаково, Шилково, Бѣлое, Мѣжно, Стуганы, Пауленково, Пяски, Корманы, Звонѣ, Церковно и другія 6). Всѣ монастырскія имѣнія, равно и самъ монастырь, съ церквами и всѣмъ принадлежащимъ ему имуществомъ, состояли подъ покровительствомъ, сперва полоцкихъ князей, а потомъ, по прекращеніи сихъ послѣднихъ тѣхъ изъ бояръ, кои сами, или ихъ предки, были вкладчиками, для чего, они, съ согласія

---

5) Борисоглѣбскій архивъ. Граммата сія напечатана въ 4 № Вит. губ. вѣдом. за 1858 г. и въ Вѣст. зап. Россіи за $18^{62}/_{63}$ г.

*) **Примѣчаніе III.** Санники достались Борисоглѣбскому монастырю по духовному завѣщанію князя Михаила Друцкаго-Соколинскаго въ 1621 г. сент. 27. Изъ этого завѣщанія, копія котораго находится въ архивѣ Борисоглѣбскаго, а другая Тадулинскаго монастырей, между прочимъ, видно, что имѣніе Санники куплено было княземъ Соломерецкимъ у *черницы* Тыпкевичевой, и что дочь его *Марина* была тоже православною *черницею* въ Кіевѣ. (Сличи актовая книга земская 1622 г. въ архивѣ полоцкаго уѣзднаго суда).

6) Борисоглѣбскій архивъ; Архивъ пол. Соф. собора; архивъ пол. дух. консисторіи; актовыя книги полоцк. уѣздн. суда.

архимандрита, избирали изъ среды себя, на извѣстное число лѣтъ, двухъ монастырскихъ старостъ, обязанность коихъ состояла въ попеченіи о благосостояніи монастыря и цѣлости принадлежащихъ ему имѣній, угодій и имущества. Этотъ обычай сохранялся ненарушимымъ до 1558 г.; но, когда, въ семъ году, король Сигизмундъ Августъ, привилегіею своею, передалъ оставшуюся вакантною полоцкую архіепископію, вмѣстѣ съ нею и Борисоглѣбскую архимандрію, во владѣніе каштеляну Глѣбу Ивановичу Корсаку (впослѣдствіи вступившему въ монашество, съ именемъ Герасима, и возведенному въ санъ полоцкаго архіепископа), то сей послѣдній, нѣкоторыя монастырскія имѣнія, самовольно роздалъ въ пожизненное владѣніе своимъ друзьямъ и родственникамъ, именно, своимъ зятьямъ: Николаю Немировичу Щиту и князю Борису Лукомскому, и роднымъ своимъ братьямъ Корсакамъ, обязавъ ихъ только, чтобы изъ доходовъ отъ сихъ имѣній, содержали въ монастырѣ черцовъ (которыхъ, впрочемъ, тогда не болѣе двухъ на лицо находилось, ибо прочіе, по причинѣ крайне скуднаго содержанія, розошлись по другимъ монастырямъ) 7).

По завоеваніи Полоцка, въ 1563 году, русскимъ царемъ Іоанномъ Грознымъ, вышесказанные Корсаки, Щиты и сверхъ того Тышкевичи испросили у царя граммату, по силѣ которой сдѣлались полными владѣльцами, какъ Борисоглѣбскаго монастыря, такъ и всѣхъ имѣній, угодій и имуществъ, монастырю сему принадлежавшихъ, за что обязались строить новые, исправлять прежніе и содержать на своемъ иждивеніи пограничные замки и остроги, за рѣкою Двиною. Вслѣдствіе чего, знаменитая и богатая Борисоглѣбская архимандрія пришла въ упадокъ, монастырь опустѣлъ, стѣны и принадлежавшія оному церкви, отъ недосмотра, клонились къ разрушенію, и въ такомъ плачев-

---

7) Тамъ же; Stebelski Chronologia T. II.

номъ состояніи она находилась не только во все время пребыванія Полоцка подъ владычествомъ Россіи, но и въ эпоху отнятія онаго королемъ Баторіемъ. Въ это время, по случаю учрежденія въ Полоцкѣ іезуитскаго коллегіума, король отдалъ во владѣніе іезуитамъ всѣ православные монастыри и церкви со всѣми имѣніями и имуществомъ къ нимъ принадлежавшими, кромѣ имѣній владычныхъ (какъ сказано, въ королевскомъ дипломѣ на учрежденіе іезуитскаго коллегіума), т. е. архіерейскихъ, слѣдовательно, кромѣ Борисоглѣбскаго монастыря, коего полоцкіе архіепископы были настоятелями. Для приведенія въ извѣстность всѣхъ сихъ имѣній, король назначилъ коммисаровъ, которымъ, между прочимъ, вмѣнено было въ обязанность произвести слѣдствіе и о имѣніяхъ, принадлежавшихъ прежде полоцкимъ монастырямъ и церквамъ, но въ разныя времена перешедшихъ во владѣніе свѣтскихъ лицъ. Коммисары эти, хотя въ отношеніи Борисоглѣбскаго монастыря и открыли, что Корсаки, Щиты и другіе дворяне полоцкаго воеводства самовольно завладѣли Борисоглѣбскимъ монастыремъ, съ принадлежащимъ ему движимымъ и недвижимымъ имуществомъ, но какъ они не имѣли въ своихъ рукахъ никакихъ письменныхъ на сіе имущество документовъ, которые всѣ пропали во время военныхъ смутъ то вышесказанные дворяне не отстаивали свои права на монастырское имущество Борисоглѣбскаго монастыря, преимущественно ссылаясь на то, что хотя и дѣйствительно пожертвованы были ихъ предками сему монастырю разныя угодья и населенныя имѣнія, но такъ какъ, по нерадѣнію настоятелей, монастырь оскудѣлъ отъ иноковъ, то они дворяне, какъ главные ктиторы, сочли справедливымъ отобрать оный со всѣмъ имуществомъ въ свое вѣденіе. Такое оправданіе, по видимому, было уважено королевскими коммисарами, ибо монастырь по прежнему остался въ рукахъ Корсаковъ и Щитовъ. Однакожъ, вскорѣ послѣ сего, назначенный для Полоцка Баторіемъ (въ 1580 г.), новый вое-

вода Мондвидъ Дорогостайскій, освѣдомившись, что большая часть угодій и имѣній даны были Борисоглѣбскому монастырю не предками Корсаковъ и Щитовъ, а полоцкими князьями и другими лицами, вознамѣрился было завладѣть имъ въ свою пользу и это свое намѣреніе сталъ уже приводить въ исполненіе; но полоцкій подкоморій Оникей Корсакъ, отъ лица всѣхъ Корсаковъ, успѣлъ выпросить у короля граммату, запрещающую воеводѣ отнимать у Корсаковъ и другихъ лицъ Борисоглѣбскій монастырь и дозволяющую симъ послѣднимъ, по прежнему обычаю, избирать изъ среды себя, для завѣдыванія онымъ, двухъ старостъ. Впрочемъ, какъ въ грамматѣ сей не было указано, чтобы населить монастырь монахами и предать его въ духовное вѣдомство, то Корсаки продолжали доходы монастыря обращать въ свою пользу, посему и монастырь сей продолжалъ быть въ запустѣніи. Впослѣдствіи, полоцкій архіепископъ Ѳеофанъ Рыпинскій, породнившись съ Корсаками, чрезъ бракосочетаніе сына своего съ дочерью одного изъ нихъ, не только не оспаривалъ у нихъ права на владѣніе Борисоглѣбскимъ монастыремъ, но еще подтвердилъ оное своею уступочною грамматою.

Преемникъ Рыпинскаго, Аѳанасій Терлецкій, управлялъ полоцкою епископскою каѳедрою весьма кратковременно, такъ, что едва уже наслѣдовавшій оную, послѣ сихъ двухъ архіепископовъ, архіепископъ Григорій Германъ Загорскій, позвалъ въ 1597 году въ судъ Корсаковъ, Щитовъ, Соломерецкаго и бывшаго въ то время полоцкимъ воеводою князя Друцкаго Соколинскаго, за незаконное завладѣніе Борисоглѣбскимъ монастыремъ и принадлежавшимъ ему движимымъ и недвижимымъ имуществомъ. Вслѣдствіе чего, сіи послѣдніе, разсудивъ, что жалоба архіепископа справедлива и что они могутъ проиграть тяжбу, заключили съ Загорскимъ мировую, по силѣ которой обязались ежегодно давать въ пользу монастыря по 30 копъ грошей, по 20 бочекъ ржи и по 25 бочекъ разнаго яроваго хлѣба; кромѣ того,

оди обязались исправлять монастырскія церкви и выстроить новыя келліи. Возстановивъ, такимъ образомъ, существованіе Борисоглѣбскаго монастыря, архіепископъ Загорскій населилъ оный монахами, впрочемъ только такими, которые согласились принять недавно возникнувую унію, которой онъ самъ, на Брестскомъ соборѣ 1596 г., сдѣлался ревностнымъ послѣдователемъ. Съ тѣхъ поръ древній Борисоглѣбскій монастырь сдѣлался достояніемъ уніятовъ, и это былъ первый изъ бѣлорусскихъ монастырей, обращенный на унію. Между тѣмъ, еще въ то время, православные Корсаки и проч., данное обратившемуся въ унію Загорскому, обязательство, выполняли весьма неаккуратно: церквей не поправляли и, по положенію, полнаго количества денегъ и хлѣба — не представляли. По кончинѣ же Загорскаго, подъ предлогомъ, что Борисоглѣбскій монастырь учрежденъ ихъ предками, собственно для православныхъ, т. е. (какъ выражались въ своихъ исковыхъ бумагахъ) *древней грецкой* вѣры иноковъ, а не для уніятовъ, они опять совершенно завладѣли симъ монастыремъ и уніятскихъ монаховъ прогнали. Преемникъ Загорскаго, тоже уніятскій архіепископъ, слабый и дряхлый, Гедеонъ Брольницкій, хотя и завелъ было съ ними тяжбу, однакожъ монастыря отнять не успѣлъ. Наконецъ Іоасафатъ Кунцевичъ, наслѣдовавшій послѣ Брольницкаго, въ 1618 г., полоцкую архіепископію, и съ тѣмъ вмѣстѣ, получившій отъ короля Сигизмунда III привиллегію на санъ архимандрита Борисоглѣбскаго монастыря, съ правомъ владѣнія всѣми принадлежащими ему имѣніями, потребовалъ у незаконныхъ владѣльцевъ Корсаковъ и прочихъ, немедленной передачи ему сего монастыря; но какъ они рѣшительно отвѣчали, что монастырь сей передадутъ только православному, а не другой какой-либо вѣры, настоятелю: то Іоасафатъ, какъ сказано уже выше, принужденъ былъ отнять у нихъ монастырь приступомъ. Однакожъ, вытѣсненные, такимъ образомъ, изъ монастыря Корсаки, угодій, имущества и принадлежащихъ ему насе-

ленныхъ имѣній, отдать уніятскому архіепископу и не думали. Тогда сей послѣдній позвалъ ихъ въ задворный ассесорскій судъ, требуя не только возвращенія всего движимаго и недвижимаго монастырскаго имущества, но и уплаты доходовъ, съ процентами, за все время незаконнаго владѣнія онымъ и, по усиленному его ходатайству въ польскихъ трибуналахъ и у короля, послѣдовало рѣшеніе, присудившее Корсаковъ и прочихъ къ возвращенію по описи всего, принадлежащаго Борисоглѣбскому монастырю, движимаго и недвижимаго имущества и къ уплатѣ 30,000 золотыхъ польскихъ. Рѣшеніе это, относительно возврата монастырскаго имущества, по настоянію Кунцевича, тотчасъ приведено было въ исполненіе. Но какъ Корсаки и другіе, подлежащіе сему рѣшенію, дворяне, столь огромной, по тогдашнему времени, суммы денегъ выплатить не могли то Іоасафатъ согласился съ ними на мировую, по которой деньги эти имъ прощалъ, съ тѣмъ непремѣннымъ условіемъ, чтобы всѣ они, съ своими семействами, немедленно перешли въ унію; на что они, не желая быть нищими, принуждены были согласиться, выговоривъ только, въ свое утѣшеніе, чтобы они имѣли право всегда считаться ктиторами Борисоглѣбскаго монастыря и участвовать въ избраніи настоятелей онаго. И вотъ такимъ образомъ, изъ коренныхъ бѣлорусскихъ бояръ, Корсаки и Щиты, первые измѣняютъ православію 8). (IV).

По случаю завоеванія Полоцка царемъ Алексѣемъ Михайловичемъ, Борисоглѣбскій монастырь, на все время господства здѣсь русскихъ, т. е. съ 1654—1667 годъ, возвращенъ былъ православію, и въ 1660 г., полоцкій право-

---

8) Архивъ Борисоглѣб. монастыря №№ 2, 3, 4, 5, 6 и 7.; актовыя книги полоц. уѣзднаго суда; архивъ Тадулинскаго монастыря; архивъ полоцкой духовн. консисторіи, связка de unione; фамильный архивъ помѣщика Людвика Корсака.

Примѣчаніе VI. (въ концѣ статьи).

славный епископъ Каллистъ произвелъ въ архимандриты сего монастыря игумена полоцкаго Богоявленскаго монастыря *Игнатія Іовлевича*.

Съ возвращеніемъ Полоцка Польшѣ, по мирному трактату, заключенному въ 1686 году между сю и Россіею въ Москвѣ, Борисоглѣбскій монастырь опять сдѣлался достояніемъ уніятскихъ монаховъ, базиліянцевъ, и управляемъ былъ архимандритами, возводимыми въ этотъ санъ по королевскимъ привиллегіямъ, по силѣ которыхъ монастырь сей, со всѣми принадлежащими къ нему угодьями и имѣніями, отдаваемъ былъ польскими королями архимандритамъ въ пожизненное владѣніе; а такъ какъ Борисоглѣбскій монастырь былъ имѣніями богаче всѣхъ другихъ монастырей полоцкой епархіи, то полоцкіе архіепископы почти всегда испрашивали для себя у королей привиллегію, на званіе архимандрита Борисоглѣбскаго монастыря. Впрочемъ, по присоединеніи Бѣлоруссіи къ Россійской Имперіи, Борисоглѣбская архимандрія управлялась особыми архимандритами, избираемыми базиліанскими конгрегаціями 9). Послѣднимъ изъ таковыхъ архимандритовъ былъ Исаія Шулякевичъ, скончавшійся въ 1822 году, а послѣ его смерти, монастыремъ управляли іеромонахи. Но съ 1834 г., по имянному указу б. уніятской коллегіи, поступилъ онъ въ вѣденіе б. Оршанскаго епископа, нынѣ полоцкаго и витебскаго архіепископа Василія, и состоялъ въ его распоряженіи по 1842 годъ, до передачи принадлежавшихъ сему монастырю населенныхъ имѣній въ казну. Съ того

---

9) Монастырскій архивъ и инвентарь; архивъ полоцкой духовн. консисторіи, архивъ провинціальный, по базиліанскій, находящійся въ полоц. духовн. консисторіи, связка 3, N. 1 и 11, фамильный архивъ помѣщика вит. губерніи, полоц. уѣзда, Людвика Корсака; акты ревизіи бѣлорусскихъ базиліянскихъ монастырей, хранящіеся въ вышесказ. провинціальномъ архивѣ; архивъ полоцкаго уѣзднаго суда.

времени Борисоглѣбскій монастырь обращенъ въ заштатный. Въ замѣнъ же имѣній, отошедшихъ въ казну, сначала надѣлено ему 60 десятинъ земли, восемь штатныхъ служителей и оставлены за нимъ: черствяцкое озеро и мельница на рѣчкѣ Вѣльчицѣ, а потомъ (въ 1852 г.) добавлено еще 90 десятинъ земли и предположено отвести до 300 десятинъ лѣсу изъ казенныхъ дачъ. Кромѣ того отпускается ежегодно отъ казны по 290 рублей серебромъ. Но монашествующихъ лицъ, въ продолженіи многихъ послѣднихъ лѣтъ, въ немъ не имѣлось, а до 1859 г. управлялъ онымъ полоцкій протоіерей и благочинный Андрей Юркевичъ; доходъ же отъ угодій монастыря и денежное пособіе отъ казны въ 290 руб., вѣроятно отсылаемо было въ полоцкую духовную консисторію, для приращенія капиталовъ духовнаго вѣдомства.

О монастырскихъ зданіяхъ.

Когда разрушились древнія монастырскія келліи, и были ли онѣ каменныя или деревянныя, не извѣстно; но до 1848 года существовалъ одноэтажный, деревянный, монастырскій корпусъ, построенный въ 1773 году, стараніемъ б. архимандрита сего монастыря Кесарія Чудовскаго. Въ недавнее время корпусъ этотъ разобранъ по ветхости и на его мѣстѣ построенъ новый, двух-этажный, также деревянный домъ, съ которымъ, посредствомъ коридора, соединена крошечная, теплая, каменная церковь, во имя Св. Параскевіи, построенная, тѣмъже архимандритомъ Чудовскимъ, изъ кирпича, взятаго изъ находящихся вблизи развалинъ древней, тогоже имени, церкви.

Во времена архіепископа Іоасафата Кунцевича, кромѣ главной Борисоглѣбской церкви и церкви св. Параскевіи, существовали въ Борисоглѣбскомъ монастырѣ еще двѣ церкви: *св. Іоанно-Богословская*, по всей вѣроятности, деревянная и, безъ сомнѣнія, на томъ же самомъ мѣстѣ,

гдѣ нынѣ стоитъ, тогожъ имени церковь приходская, построенная на счетъ монастыря, въ 1769 г. (впрочемъ нынѣ запечатанная, по ветхости), и другая церковь, во имя Успенія Пр. Богородицы, тоже деревянная, построенная иждивеніемъ *нибацкихъ* мѣщанъ. Но какъ отъ сей церкви ни какихъ слѣдовъ не осталось и о существованіи ея извѣстно только изъ преданія и рукописныхъ документовъ, то съ точностію нельзя опредѣлить и мѣсто, гдѣ она находилась 10).

Главная монастырская церковь во имя Бориса и Глѣба, построенная, какъ сказано выше, въ 1222 г, хотя и сохранилась по настоящее время, но только въ однихъ стѣнахъ своихъ, свидѣтельствующихъ, что она подвергалась разнымъ перемѣнамъ судьбы, т. е. испытала и раззореніе, и пожары, и неоднократныя передѣлки. Она каменная, одноэтажная, квадратная, въ видѣ правильнаго параллелограмма. Къ алтарной части, къ древней стѣнѣ пристроена новая каменная ризница, чрезъ которую сдѣланъ побочный входъ въ церковь. Извнѣ она имѣетъ длины 7 саженей и 8 вершковъ, ширины 4 сажен. и 10 вершковъ. Внутри, отъ западной двери до царскихъ вратъ, имѣетъ длин. 4 сажени, 2 аршина и 2 вершка. Иконостасъ каменный, пространствомъ отъ иконостаса до восточной стѣны, которою окончивается алтарь, 1 сажень и 15 вершковъ, толщина стѣны иконостаса 6 вершковъ. Внутренная ширина церкви 3 сажени.

Церковь эта построена вся изъ кирпича, сплошною кладкою, цементъ наложенъ слоемъ вдвое толще кирпича. Кирпичь обожженный, тонкій, не толще полвершка, въ длину 6

---

10) Жалоба 1618 г. полоцкаго архіепископа Іоасафата Кунцевича на ктиторовъ Борисоглѣбскаго монастыря: Корсаковъ, Щитовъ и другихъ, что по обязательству своему не поправляютъ трехъ монастырскихъ церквей. (Смотри монастырскій архивъ).

и $^{3}/_{4}$ вершка, въ ширину $5^{1}/_{4}$ вершковъ. Стѣны, какъ извнѣ, такъ и внутри отштукатурены вновь. Впрочемъ, внутри, изъ подъ нѣсколькихъ слоевъ, случайно отвалившейся штукатурки, виднѣются яркихъ цвѣтовъ древнія фрески, которыми, безъ сомнѣнія, расписана была вся церковь. На наружныхъ стѣнахъ выдаются прямыя лопатки, числомъ, на каждой стѣнѣ, въ длину церкви, по шести, а въ ширину, по четыре; каждая изъ сихъ лопатокъ шириною 1 аршинъ и 8 вершковъ и всѣ онѣ опущены къ землѣ— безъ цоколей, вверху оканчиваются на $^{3}/_{4}$ аршина и ничѣмъ неукрашены, а только срѣзаны въ видѣ долота, или клина. Надъ ними, вокругъ всей церкви, узкій поясокъ съ корнизцемъ. Подъ самою же кровлею, стѣны оканчиваются тоже корнизомъ съ поясомъ. Впрочемъ корнизы, вѣроятно, произведенія временъ новѣйшихъ.

Какой видъ въ древности имѣла кровля, не извѣстно; настоящая же желѣзная опускается прямо на стѣны, въ видѣ шатра, на три ската, съ фронтона же безъ ската и покрываетъ трехъ-угольный тимпанъ.

Фонарь деревянный глухой устроенъ подъ конецъ кровли, къ восточной стѣнѣ, шея гладкая, осмиугольная, покрытая листовымъ желѣзомъ; но въ древности, по свидѣтельству монастырскихъ описей, фонарь былъ каменный. Глава, опирающаяся на немъ, имѣетъ видъ луковицы, покрыта желѣзомъ и окончивается желѣзнымъ шестиконечнымъ крестомъ. Она построена вмѣстѣ съ крышею въ 1852 гооу.

Оконъ въ церкви шесть. Два изъ нихъ большія, помѣщенныя между средними лопатками у двухъ противуположныхъ стѣнъ,—широкія, продолговатыя, оканчивающіяся мысомъ, безъ наличниковъ, съ откосами. Таковаго же самаго устройства и размѣра третье окно, надъ западною дверью или входомъ. Остальныя три окна освѣщаютъ собственно алтарь, они размѣромъ меньше уже первыхъ,

дугообразныя, съ гладкими лѣпными наличниками, безъ откосовъ.

Двери у входа однѣ, деревянныя, одиночныя, безъ украшеній, вышиною равняющіяся большимъ окнамъ, но нѣсколько уже (вышина 1 саж. $1/4$ арш., ширина 1 арш. 10 вершковъ); наличники у двери гладкіе, лѣпные. Входъ украшенъ двумя полу-колонками, съ откосомъ, дугообразный. Паперти или притвора нѣтъ.

Внутри церкви алтарь отъ храма отдѣляется каменною стѣною съ тремя пролетами для царскихъ, сѣверныхъ и южныхъ дверей, и четвертымъ, надъ царскими вратами, вѣроятно, для поставленія иконы. Хотя это средостѣніе сложено изъ древняго кирпича, но архитектура и кладка обнаруживаютъ недавнее построеніе онаго. Сходство кирпича, въ отношеніи размѣра и качества, съ кирпичемъ развалинъ древней церкви св. Параскевіи, заставляетъ предполагать, что на построеніе сего средостѣнія употребленъ кирпичь изъ сихъ развалинъ Что подтверждаетъ и монастырское преданіе, приписывающее обновленіе и перестройку Борисоглѣбской церкви, вышесказанному архимандриту Чудовскому, именно употребившему для сего древній кирпичь изъ развалинъ церкви Св. Параскевіи.

Своды коробовые, полукруглые, древняго устройства. Столбовъ не имѣется никакихъ. На стѣнахъ нѣтъ лѣпныхъ украшеній, а только, въ соотвѣтствіе внѣшнимъ лопаткамъ, есть тонкіе, лѣпные наличники, проведенные отъ пола по стѣнамъ и сводамъ. Полъ въ церкви кирпичный, тоже не древній.

Алтарь возвышается одною ступенью. Св. Престолъ каменный, четыреугольный. Въ сѣверной и южной стѣнахъ алтаря находятся большія дугообразныя углубленія. Вѣроятно, въ нихъ вставлялись шкафы для храненія церковныхъ вещей.

Хоры прямолинейные, простые, деревянные, съ плоскими раскрашенными дощатыми балясами устроены во всю ширину церкви,—позднѣйшей работы. Входъ на оные нынѣ изъ внутри, но въ древности былъ извнѣ.

Изъ средины церкви, по ступенямъ, входятъ въ склѣпъ, подведенный подъ алтарь. Въ немъ находятся нынѣ три деревянные гроба, въ коихъ покоятся тѣла трехъ уніятскихъ архимандритовъ: Борисоглѣбскаго Кесарія Чудовскаго, Бѣлоцерковскаго Сулятицкаго и послѣдняго Борисоглѣбскаго Шулякѣвича.

Недавно (въ 1852 г.) церковь эта возобновлена на сумму 500 р. серебромъ, пожертвованную с.-петербургскимъ 1 гильдіи купцемъ Павломъ Кудряшевымъ, а вышесказанная теплая церковь св. Параскевіи, возобновлена въ 1850 г.

На сѣверо-востокъ отъ Борисоглѣбской церкви, въ 150 шагахъ, въ древности находилась церковь, по преданію, во имя св. Параскевіи. Но она, съ незапамятныхъ временъ, существуетъ только въ развалинахъ. Стрійковскій, извѣстный лѣтописецъ литовскій лично видѣлъ ее въ такомъ видѣ въ 16 столѣтіи, и построеніе оной приписываетъ, одновременно съ Борисоглѣбскою, князю Борису Генвиловичу. Но это не справедливо. Ибо, судя по развалинамъ, должно думать, что бывшая церковь св. Параскевіи, если не древнѣе Спасской, построенной около 1150 г., то, по крайней мѣрѣ, ей современна. Въ это уже время полоцкіе князья, уступивъ Верхній Замокъ на жительство епископамъ, имѣли свои терема на Бѣльчицѣ, слѣдовательно подлѣ нихъ строили и дворцовыя церкви, къ числу которыхъ принадлежала находящаяся нынѣ въ развалинахъ, и церковь св. Параскевіи, во имя которой русскіе искони любили строить церкви почти во всѣхъ городахъ. По сему мнѣніе нѣкоторыхъ изслѣдователей полоцкой старины, весьма правдоподобно, что Пр. Евфросинія церковь во имя

Св. Спаса на Сельцѣ, построила совершенно по образцу и плану княжеской церкви св. Параскевіи. Дѣйствительно, планъ, фундаментъ развалинъ ц. св. Параскевіи, а равно расположеніе, размѣръ, кладка стѣнъ, качество и объемъ кирпичей, толщина и составъ цемента, совершенно одинаковы съ Спасо-Евфросиньевскою церковію.

Когда и какимъ образомъ, разрушена церковь Св. Параскевіи, не извѣстно; достовѣрно только, что около 1576 г. она была уже въ развалинахъ 11) и что, наконецъ, около 1670 г., Борисоглѣбскій архимандритъ Чудовскій, для построенія небольшой церкви, тоже во имя Св. Параскевіи, и для возобновленія Борисоглѣбской церкви, употребилъ изъ сихъ развалинъ кирпичь.

По существующему нынѣ фундаменту сей церкви, можно догадываться, что она была квадратная. Алтарь же оканчивался тремя полукружіями, вмѣщающими въ себѣ кромѣ главнаго алтаря и два придѣла. Внутри храма находились четыре толстые столба, или колонны, поддерживающіе сводъ храма, который, вѣроятно, имѣлъ видъ арокъ, подобно какъ въ церкви Спаской. По находящимся впереди сихъ развалинъ грудамъ щебня, покрытаго дерномъ, можно догадываться о существованіи обширнаго притвора и паперти.

Церковь эта внутри имѣла длины 8 саженей и 1 аршинъ, въ ширину—6 саженей, 1 аршинъ и 14 вершковъ—до стѣны, отдѣляющей притворъ отъ храма. Толщина фундамента стѣнъ церкви 2 аршина, а толщина фундамента колоннъ 1 сажень. Кладка стѣнъ сплошная, цементъ наложенъ слоемъ, вдвое толще кирпича, и состоитъ изъ смѣси извести съ осколками камней и кирпича. Кирпичь—обожженный, тонкій, только въ полвершка толщины, длиною $7^1/_2$ шириною $4^1/_2$ вершка.

---

11) Strykowski, Kronika Litewska ks. IV. Roz. XII.

По общему, въ г. Полоцкѣ, преданію, подъ сѣверною стѣною церкви св. Параскевіи находилась дверь, ведущая въ подземельный ходъ (тюнелль), проведенный, въ древности, подъ рѣкою Двиною, до верхняго замка и церкви Св. Спаса, и такимъ образомъ соединяющій Бѣльчицу съ ц. Спаса и верхнимъ замкомъ. Слѣдовъ таковой двери, т. е. отверстія, теперь не видно. Быть можетъ, оно засыпалось землею и мусоромъ. Но полоцкіе старожилы разсказываютъ, что, будтобы, вскорѣ послѣ 1812 года, монахи Борисоглѣбскаго монастыря велѣли отыскать это отверстіе, которое и удалось имъ найти подъ мусоромъ, у сѣверной стѣны церкви, и, будтобы, посредствомъ длиннаго шеста, удостовѣрились о существованіи подземнаго хода, имѣющаго направленіе къ р. Двинѣ, но по причинѣ чрезвычайно дурнаго и вредоноснаго, исходящаго изъ сего хода, воздуха, принуждены были засыпать опять оный землею и мусоромъ.

Народная молва подозрѣваетъ существованіе въ семъ ходѣ несмѣтныхъ сокровищъ, будто бы спрятанныхъ тамъ полоцкими князьями и боярами, по случаю нашествія на Полоцкъ татаръ, по другимъ — литвы, а по инымъ — ливонскихъ рыцарей.

О настоятеляхъ Борисоглѣбскаго монастыря.

Въ древнія времена, когда еще Полоцкъ находился подъ властью русскихъ удѣльныхъ князей, настоятели Борисоглѣбскаго монастыря, утверждаемы были въ семъ санѣ князьями; въ послѣдствіи, когда Полоцкъ потерялъ назависимость и вмѣстѣ съ княжествотъ Литовскимъ перешелъ подъ владычество Польши, настоятелей сихъ избирали ктиторы монастыря и утверждалъ ихъ король; а какъ извѣстно, что Борисоглѣбскому монастырю принадлежали огромныя имѣнія, то польскіе короли стали возводить въ настоятели онаго полоцкихъ архіепископовъ, съ правомъ пожизнен-

наго владѣнія всѣми, монастырю сему принадлежащими, угодьями и имѣніями; поэтому мы видимъ цѣлый рядъ полоцкихъ архіепископовъ, титуловавшимися Борисоглѣбскими архимандритами и настоятелями; но подъ конецъ существованія уніи, когда полоцкіе архіепископы возводимы были въ санъ митрополитовъ, не преставая впрочемъ управлять полоцкою архіепископіею, то они назначали особыхъ настоятелей для Борисоглѣбскаго монастыря, въ замѣнъ же имѣній сему монастырю принадлежащихъ, получали во владѣніе огромныя имѣнія митрополичьи.

О древнихъ православныхъ настоятеляхъ Борисоглѣбскаго монастыря не сохранилось никакихъ историческихъ свѣдѣній. Впрочемъ изъ нихъ извѣстны намъ только два, архимандритъ *Филаретъ*, коего уважалъ полоцкій князь Ярославъ Изяславовичъ, давшій въ 1396 г. на его имя вышесказанную граммату на мельницу на р. Бѣльчицѣ, и тоже архимандритъ *Игнатій Іовлевичъ*, произведенный въ этотъ санъ ц. Алексѣемъ Михайловичемъ и патріархомъ Никономъ изъ игуменовъ полоцкаго Борисоглѣбскаго монастыря: въ 1660 г., во время нахожденія Полоцка подъ властію сего царя. Іовлевичъ извѣстенъ ученостію и голосомъ на московскомъ соборѣ (1667 г.) въ пользу патріарха Никона. Изъ уніятскихъ настоятелей монастыря, тоже извѣстны не многіе: *Геннадій Хмыльницкій*, по сану игуменъ, около 1629 г.; *Ѳеофилъ Ольшаница*, произведенный въ санъ архимандрита въ 1640 г., привиллегіею короля Владислава IV; Михаилъ *Гротусъ Тарновскій*, архимандритъ, около 1710 г. Въ послѣдствіи онъ былъ возведенъ въ санъ уніятскаго смоленскаго архіепископа; *Іосифъ Сапаровичъ*, около 1718 года, извѣстенъ ученостію; *Кесарій Чудовскій*, архимандритъ, извѣстный по возобновленію монастырскихъ и церковныхъ зданій въ 1790 г.; *Исаія Шулякевичъ*, управлялъ монастыремъ съ 1794 г. по 1822 г.; онъ, послѣ епископа, первенствовалъ въ духовенствѣ полоцкой епархіи и занимался епархіальнымъ у-

правленіемъ; Іеромонахъ *Бонифацій Тираевичъ*, управлялъ монастыремъ послѣ его кончины по 1834 годъ. Съ этого времени настоятелемъ Борисоглѣбскаго монастыря былъ епископъ оршанкій и мстиславскій, нынѣ полоцкій архіепископъ Василій, но, съ поступленіемъ въ 1842 году монастырскихъ имѣній въ казну, а монастыря въ заштатъ, управляли монастыремъ, съ 15 Сентября 1842 по 22 Марта 1843 года, Іеромонахъ *Иннокентій Блыщинскій*, а съ 1843 г. Игуменъ *Фавстъ Соболевскій*, умершій въ 1847 году; съ тѣхъ поръ былъ исправляющимъ должность настоятеля сего монастыря полоцкаго Софійскаго собора протоіерей Андрей Юркевичъ.

При Борисоглѣбскомъ монастырѣ существовало по 1835 годъ приходское училище, въ коемъ воспитывались бѣдные дѣти духовнаго званія, на монастырскомъ иждивеніи, и приходящія изъ города дѣти мѣщанъ, но, по поступленіи сего монастыря во владѣніе архіерея, оно было закрыто.

Примѣчаніе IV. (Смотри стр. 10).

Извѣстно, что до учрежденія въ г. Полоцкѣ королемъ Баторіемъ іезуитскаго коллегіума, не только Щиты, Корсаки, Тышкевичи, но и всѣ другіе коренные бѣлорусскіе дворяне, не говоря уже о всей массѣ народонаселенія (за исключеніемъ развѣ польскихъ переселенцевъ), были послѣдователями древняго, греко-россійскаго православія, т. е., какъ тогда выражались въ документахъ — *староэкитной рельи* (вѣры) *подъ послушенствомъ патріарха константинопольскаго находящейся*. Самый лучшій сему свидѣтель: это король Баторій, который, въ дипломѣ на учрежденіе вышесказаннаго коллегіума, прямо говоритъ,— что такъ какъ, *не только въ г. Полоцкѣ, но и во всемъ полоцкомъ воеводствѣ*, онъ не нашелъ *ни одного римско-католическаго костела*, то для распространенія св. вѣры въ сихъ странахъ учреждаетъ коллегіумъ оо. іезуитовъ а). Правда

а) Смотри — Kronika Bielskiego, an 1879—82;— Diploma fundationis Poloc. Coll. Soc. Jezu, an. 1580, Informacia o dobrach do Coll. Poloc. SS. Jezu należących § 5 и друг.

въ первой половинѣ 16 вѣка, гораздо ранѣе введенія католицизма въ Бѣлоруссію, проникъ было въ эту страну кальвинизмъ, и нѣкоторые изъ высшихъ бояръ, воспитанныхъ за границею, пожертвовали древнимъ православіемъ своихъ предковъ новому ученію Кальвина, Цвинглія и другихъ реформатскихъ сектаторовъ, б) но число таковыхъ было не велико; прочіе же большіе и меньшіе бояре, т. е. шляхта, и вся масса бѣлорусскаго народа оставались непоколебимо вѣрными православію до брестскаго собора (1596), за исключеніемъ развѣ немногихъ, тоже преимущественно изъ высшаго дворянства, настойчивостію іезуитовъ совратившихся въ латинство, не столько впрочемъ, по убѣжденію, сколько по честолюбивымъ видамъ и личнымъ интересамъ: одни изъ нихъ принимали латинство, чтобы добиться кресла въ сенатѣ, ибо въ началѣ царствованія Сигизмунда III, сеймовою конститиціею эта честь предоставлена была только магнатамъ римской вѣры; другіе, чтобъ имѣть право получить высшія государственныя должности и чины, которые, во времена тогоже Сигизмунда, раздавались только лицамъ, исповѣдующимъ римскую вѣру; иные, наконецъ, переходили въ латинство въ подражаніе магнатамъ, у которыхъ находились въ услуженіи, или были съ ними въ родственныхъ связяхъ. Въ началѣ насильственнаго распространенія уніи—сей новой секты, возникшей, какъ извѣстно, по чисто политическимъ видамъ, явились сильные противники ея, въ лицѣ большей части бѣлорусскихъ дворянъ. Доказательствомъ сему служитъ извѣстный протестъ бѣлорусскаго дворянства, составленный противъ уніи на полоцкомъ сеймикѣ, бывшемъ въ 1599 году, подъ предсѣдательствомъ, еще тогда неизмѣнившаго вѣрѣ предковъ, т. е. греко-россійскому православію, полоцкаго подвоеводіи Боркулава Корсака. На протестѣ семъ, кромѣ Корсаковъ, собственноручно подписалось и приложило фамильныя печати болѣе 80 лицъ православной бѣлорусской шляхты, потомки которыхъ существуютъ въ Бѣлоруссіи и понынѣ, но уже ополячившіеся и, благодаря латинству, поте-

---

б) Смотри Вит: Губ. Вѣд. за 1858 г. 95. 14. о введеніи Кальвинизма въ Бѣлоруссіи. соч. Та: ,

рявшіе, подобно полякамъ и другимъ олатинившимся славянамъ, характеръ истинной славянской народности.

Читая сей знаменитый протестъ в), лучшій современный памятникъ твердости въ православіи предковъ нынѣшнихъ бѣлорусскихъ дворянъ и преисполненный сильныхъ выраженій въ защиту свободы православной вѣры, можно ли повѣрить, чтобы ближайшіе потомки подписавшихся на немъ, измѣнили сей вѣрѣ и забыли свое чисто русское происхожденіе?

К. Говорскій.

О ГРЕКО-УНИТСКОЙ ЦЕРКВИ ВЪ ЗАПАДНОМЪ КРАѢ РОССІИ.

(*окончаніе*)

Императоръ Николай I, тотчасъ же по восшествіи на престолъ, обнаружилъ энергическое желаніе дѣйствовать въ духѣ русскомъ, и мы ободрились. Сѣмашко вошелъ по дѣламъ уніи въ сношенія съ директоромъ духовныхъ дѣлъ, Карташевскимъ (бывшимъ послѣ попечителемъ Бѣлорусскаго учебнаго округа), черезъ посредство котораго онъ представилъ свою записку по этому дѣлу министру Шишкову, а симъ послѣднимъ записка эта была представлена государю императору, и дѣло закипѣло. Сущность этого проэкта заключалась въ примѣненіи къ уніи нѣкоторыхъ реформъ, за коими представлялась со временемъ

в) Протестъ сей тогда-же отосланъ былъ ко внесенію въ трибунальныя книги б. новогрудскаго головнаго трибунала, королю Сигизмунду III и на генеральный варшавскій сеймъ. Подлинникъ же находится въ фамильномъ архивѣ помѣщика лепельскаго уѣзда Людвика Корсака, въ числѣ множества важныхъ, въ историческомъ отношеніи, документовъ. У него находится также и копія вышесказанной мировой Іоасафата Кунцевича, по которой Корсаки (впрочемъ только нѣкоторые) согласились принять унію и латинство.

возможность возсоединенія ея съ православіемъ. Для веденія этого дѣла былъ назначенъ статсъ-секретарь Блудовъ, съ званіемъ главноуправляющаго духовными дѣлами иностранныхъ вѣроисповѣданій, и это управленіе было отдѣлено отъ министерства просвѣщенія. Такимъ образомъ весь ходъ этого дѣла основанъ былъ на проэктѣ Сѣмашка, и на представленіяхъ коллегіи, душою которой былъ онъ.

Принятыя по этому случая мѣры заключались въ слѣдующемъ:

Прежде всего послѣдовало высочайшее повелѣніе о переименованіи 2-го департамента римско-католической коллегіи въ греко-унитскую коллегію, а другимъ повелѣніемъ, особенно важнымъ, состоявшимся по представленію коллегіи, послѣдовало подчиненіе монаховъ епархіальному вѣдомству, упраздненіе излишнихъ базиліянскихъ монастырей и заведеніе на счетъ монастырскихъ фундушей семинаріи для Брестской епархіи (*), а также и общеобразовательныхъ уѣздныхъ духовныхъ училищъ, съ цѣлію подготовленія учениковъ къ семинаріямъ. Вслѣдъ за тѣмъ, для увеличенія эдукаціоннаго фундуша были упразднены двѣ унитскія малыя епархіи: Луцкая и Виленская, такъ что изъ четырехъ епархій унитскихъ составились двѣ: Литовская, которой епархіальное управленіе помѣщалось въ м. Жировицахъ, Гродненской губерніи, Слонимскаго уѣзда (прежнее управленіе Брестской епархіи), и Бѣлорусская, которой управленіе попрежнему было въ Полоцкѣ.

Въ 1827 году я былъ командированъ изъ коллегіи для основанія литовской семинаріи въ Жировицахъ, въ званіи ректора семинаріи. Огромное каменное монастырское строеніе послужило удобнымъ помѣщеніемъ для семинаристовъ.

(*) Для Бѣлорусской епархіи, какъ я сказалъ прежде, была учреждена семинарія при Александрѣ I.

При семинаріи рѣшено было устроить и одно изъ предположенныхъ низшихъ (уѣздныхъ) духовныхъ училищъ. Архіереями были: Литовской епархіи митрополитъ Булгакъ, а Бѣлорусской епархіи Іаковъ Мартушевичъ (Красовскій уже не былъ въ живыхъ). Митрополитъ Булгакъ, какъ предсѣдатель греко-унитской коллегіи, постоянно жилъ въ Петербургѣ, а Литовскою епархіей управлялъ, по порученію Булгака, въ званіи официала, Антоній Тупальскій, товарищъ по воспитанію покойнаго полоцкаго архіепископа Красовскаго. Тупальскій, какъ принадлежавшій къ бѣлому духовенству, усердно дѣйствовалъ въ духѣ начавшагося въ греко-унитской церкви движенія.

Прибывъ въ Жировицы, я нашелъ тамъ приглашенныхъ имъ для семинаріи и уѣзднаго училища наставниковъ, священническихъ сыновей, большею частію получившихъ университетское образованіе въ главной семинаріи; они послѣ были усердными дѣятелями въ возсоединеніи уніи съ православіемъ. Всѣ они составляли какъ бы одно семейство. Тупальскій умѣлъ примѣниться къ обстоятельствамъ и къ молодымъ наставникамъ. Здѣсь прожилъ я двѣнадцать лѣтъ, сначала въ званіи ректора семинаріи, а послѣ—викарнаго епископа Литовской епархіи. Къ нашей семьѣ принадлежали:

Докторъ богословіи Михаилъ Голубовичъ, профессоръ семинаріи и членъ консисторіи, отличавшійся, при силѣ ума, высшимъ взглядомъ на жизнь, любовью къ искуству и приверженностью къ порядку. Онъ женился на дочери официала Тупальскаго, скоро умершей отъ первыхъ родовъ. Овдовѣвшій Голубовичъ былъ произведенъ въ архимандриты Бытинскаго монастыря, а послѣ перемѣщенія меня въ Минскъ, рукоположенъ въ викарнаго епископа Литовской епархіи. Въ настоящее время онъ минскій архіепископъ, и назначенъ на это мѣсто также послѣ меня.

Магистръ Ипполитъ Гомолицкій профессоръ и инспекторъ, а въ послѣдствіи ректоръ семинаріи—человѣкъ ум-

ный и пріятный, съ нѣжною любовію заботившійся о благѣ семинаріи, и отличавшійся русскимъ патріотизмомъ и даромъ слова. Онъ былъ женатъ на сестрѣ профессора Плакида Янковскаго, и умеръ не дождавшись старости, вскорѣ послѣ смерти жены своей въ Вильнѣ, въ званіи протоіерея виленскаго каѳедральнаго собора.

Протоіерей Плакидъ Янковскій докторъ богословія и профессоръ семинаріи, въ послѣдствіи членъ консисторіи, остроумный и пріятнѣйшій собесѣдникъ, отличавшійся начитанностію и знаніемъ многихъ языковъ, именно: русскаго, польскаго, латинскаго, французскаго, нѣмецкаго, англійскаго, италіянскаго и отчасти греческаго и еврейскаго. Онъ теперь на покоѣ, пишетъ разныя статьи въ *Литовскія Епархіальныя Вѣдомости*, а прежде подъ псевдонимомъ *of-Dicalp*, писалъ по-польски юмористическіе разказы. Янковскій былъ женатъ на другой дочери официала Тупальскаго.

Вронскій, оставшійся въ свѣтскомъ званіи, профессоръ физики и математики, отличавшійся откровенностію, честностію, умомъ и разсудительностью. Онъ былъ женатъ на третьей дочери официала Тупальскаго; теперь онъ директоромъ Пинской гимназіи.

Ѳома Налишевскій (магистръ) — добродушный, дружелюбный, гостепріимный, готовый на пожертвованія для общаго блага, усердный русскій патріотъ; онъ былъ моимъ ученикомъ въ Полоцкой семинаріи. Изъ профессоровъ Литовской семинаріи произведенъ въ архимандриты Полоцкаго Богоявленскаго монастыря и назначенъ ректоромъ семинаріи, за симъ былъ ковенскимъ епископомъ, викаріемъ Литовской епархіи, а теперь епархіальнымъ Уфимскимъ епископомъ.

Игнатій Желязовскій (магистръ) отличался религіознымъ чувствомъ, смиреніемъ и усердіемъ къ церкви; теперь онъ брестскимъ епископомъ и викарнымъ Литовской епархіи.

Для усиленія въ семинаріи русскаго языка, по ходатай-

ству правленія Литовской семинаріи, прислали намъ на профессорскія должности двухъ молодыхъ людей (магистровъ), учившихся въ С.-Петербургской духовной академіи. Несмотря на противоположность своихъ характеровъ, они оба сроднились душевно съ нашею семьей. Одинъ изъ нихъ, Доброхотовъ, женившійся въ Жировицахъ на четвертой дочери Тупальскаго, имѣлъ быструю понятливость, воспріимчивость; но излишняя раздражительность дѣлала перемѣнчивыми его чувствованія. Поэтому, будучи въ основаніи самымъ благонамѣреннымъ и добрымъ человѣкомъ, онъ могъ ужиться только въ жировицкомъ обществѣ, которое было такъ хорошо настроено, что не давало пищи его раздражительности. За то внѣ этой среды раздражительность причиняла ему много страданій и заставляла его часто перемѣнять мѣста служенія. Послѣ смерти молодой жены, онъ, въ званіи архимандрита, служилъ инспекторомъ семинаріи въ Вильнѣ, а послѣ служилъ, въ званіи ректора, въ Полоцкѣ, Ригѣ, Могилевѣ, Екатеринославѣ. Другой, Кандидовъ, женившійся на родственницѣ Тупальскаго, имѣлъ свѣтлый умъ, спокойный взглядъ на вещи, обращавшія на себя его вниманіе, и невозмутимое добродушіе. Теперь онъ директоромъ народныхъ школъ Минской губерніи.

Изъ числа наставниковъ семинаріи и членовъ консисторіи были и другіе просвѣщенные люди, имѣвшіе ученыя степени, не столь долгое время съ нами жившіе, но тѣмъ не менѣе входившіе въ кружокъ нашей жировицкой семьи, а именно: Оленичъ, Еліяшевичъ, Паньковскій, Грудзинскій, Горбацевичъ, Горбачевскій, Малевичъ, Гомолицкій, а изъ не-поповичей, но преданныхъ намъ, Яржинскій, Островскій, Хрусцицкій и другіе, о которыхъ я уже позабылъ.

Всѣ мы, довольные своимъ обществомъ въ Жировицахъ, не искали развлеченій на сторонѣ; къ тому же, окрестные помѣщики свысока смотрѣли на поповичей. Мы не стѣснялись строгимъ соблюденіемъ условныхъ приличій, не только свѣтскихъ, но и введенныхъ въ православномъ духовенствѣ.

Каждый изъ насъ одѣвался какъ хотѣлъ, и внѣ службы проводилъ время по своему усмотрѣнію. Любители охоты иногда охотились, а какъ у насъ былъ свой оркестръ музыки, составленный изъ жировицкихъ мѣщанъ, и до того времени употреблявшійся жировицкими базиліянами при церковномъ богослуженіи (музыка осталась за штатомъ по устроеніи пѣвчихъ изъ семинаристовъ), то по вечерамъ бывали у насъ и танцы; не умѣвшіе танцовать ходили, по крайней мѣрѣ, въ полонезѣ, не исключая меня и старика Тупальскаго. Иногда мы проводили время въ пріятной бесѣдѣ, переходя отъ учебныхъ предметовъ къ веселой шуткѣ.

Въ нашей семьѣ не были введены наружные условные знаки чинопочитанія, вызываемаго иногда тѣми грубыми намѣками, смыслъ которыхъ приводится къ формулѣ: знай, что я начальникъ; однакожъ у подчиненныхъ проявлялось внутренне, сознательное уваженіе къ начальству, болѣе дѣйствительное нежели то, которое обнаруживается въ другихъ случаяхъ лишь соблюденіемъ однихъ внѣшнихъ формъ. При такой свободѣ отношеній не было и мысли объ употребленіи ея во зло, напротивъ того, замѣтна была въ высшей степени честность и добросовѣстное исполненіе обязанностей. Можетъ-быть дѣло приняло бы совсѣмъ другое направленіе, еслибы наставники и члены консисторіи, не находя удовольствій и приличныхъ развлеченій дома, искали ихъ у окружавшихъ Жировицы ксендзовъ и пановъ. Впрочемъ, мы будучи выше ихъ образованіемъ и имѣя на своей сторонѣ правду, съ успѣхомъ отражали случайныя нападенія на насъ противниковъ. Можно сказать, что Жировицы были оазисомъ въ такъ-называемыхъ литовскихъ губерніяхъ. У насъ вырабатывался и созрѣвалъ независимый нашъ взглядъ на жизнь, на Русь и Польшу, на православіе, римскій католицизмъ и на нашу унію. Замѣчу здѣсь, что у насъ, въ Жировицахъ, былъ такъ силенъ поповско-народный патріотизмъ и усердіе просвѣтить опошленное польскимъ іезуитизмомъ бѣлое греко-уніат-

ское духовенство, что всѣ наставники, пока не увеличился источникъ семинарскихъ доходовъ, безъ ропота довольствовались пятидесятирублевымъ жалованьемъ, хотя, при своемъ образованіи, предавшись польскимъ тенденціямъ, могли бы получить гораздо болѣе доходныя мѣста.

До 1831 года, то-есть до мятежа польскаго, у насъ не было серіозной рѣчи о возсоединеніи съ православіемъ; но въ это время сами революціонеры дали намъ случай возбудить этотъ вопросъ.

Во время польскаго мятежа 1830 года патріоты распространяли по всей Литвѣ довольно толстую книгу въ защиту римской церкви противъ православной. Книгу эту раздавали безплатно греко-уніатскимъ священникамъ, въ намѣреніи притянуть ихъ къ польскому дѣлу. Эта книга была безплатно доставлена и мнѣ: она была наполнена цитатами изъ ученія св. отцевъ и вселенскихъ соборовъ, осязательно доказывавшими правоту римской церкви. Читая эту книгу, мы удивлялись, почему богословъ Клинфель, по которому насъ учили въ главной семинаріи, не приводитъ такихъ ясныхъ доказательствъ, довольствуясь для поддержанія римскаго ученія умозрѣніемъ и текстами Св. Писанія, по большей части метафорическими, могущими быть различно истолкованными; при томъ же Клинфель указываетъ на множество свидѣтельствъ св. отцевъ, понимавшихъ эти мѣста Св. Писанія не такъ, какъ понимаетъ римская церковь. Всѣ мы, участвовавшіе въ чтеніи революціонной книги, рѣшили повѣрить ея цитаты. Къ этому рѣшенію привела насъ одна ясная цитата изъ символа Св. Аѳанасія, въ которой онъ, говоря о происхожденіи Св. Духа, прибавляетъ къ словамъ: „отъ отца“, слова: „и сына“. Отстаивавшій римское ученіе библіотекарь Оленичъ (давно уже умершій) немедленно отыскалъ въ бибіотекѣ *) книгу Св. Аѳанасія, и возвратясь къ намъ съ торжествующимъ лицомъ

*) Въ наслѣдство отъ жировицкихъ базильянъ досталась семинаріи значительная библіотека.

указалъ пальцемъ на роковое filioque. Мы удивлялись, почему Клипфель не сослался на такое ясное доказательство, довольствуясь выводомъ этого догмата лишь изъ словъ Христовыхъ о ниспосланіи апостоламъ Св. Духа, ясно различномъ отъ предвѣчнаго происхожденія. Мы заглянули въ греческій оригиналъ, напечатанный при латинскомъ переводѣ,— и что же? тамъ не оказалось словъ „и отъ сына". У Оленича вытянулось лицо, онъ дѣлалъ гримасы и пожималъ плечами, неоднократно повторяя чтеніе греческаго оригинала, какъ бы не довѣряя глазамъ своимъ. При дальнѣйшемъ изслѣдованіи оказалось, что переводчикъ въ предисловіи сознается, что, найдя нѣкоторыя слова св. отцевъ несогласными съ ученіемъ церкви (разумѣется римской) онъ сдѣлалъ поправки. Еще хорошо, что хоть не тронулъ подлинника. Не было ли бы это тоже самое, еслибъ адвокатъ объявилъ судьямъ, что онъ въ видахъ выгодъ своего кліента исправилъ его документы, гдѣ нашелъ нужнымъ. Притомъ оказалось, что всѣ цитаты Клипфеля вѣрны и что они извлечены не изъ подложныхъ документовъ, тогда какъ многія мѣста св. отцовъ, указанныя революціонною книгой, безъ выписки словъ, имѣли совершенно иной смыслъ, нежели какой влагалъ въ нихъ авторъ книги. И такъ, вмѣсто возбужденія въ насъ ненависти къ православнымъ русскимъ, усилилось въ насъ отвращеніе отъ питавшагося ложью и обманомъ римско-ультрамонтанскаго католицизма. Наши убѣжденія сообщались постепенно духовенству, пріѣзжавшему въ Жировицы или по дѣламъ дѣтей, воспитывавшихся у насъ, или по дѣламъ къ епархіальному начальству. Въ нѣкоторыхъ изъ нихъ мы вселяли полное убѣжденіе нашими доводами; другіе же вѣрили намъ безусловно, какъ людямъ свѣдущимъ и притомъ ни чѣмъ не нарушившимъ ихъ довѣрія къ намъ. Послѣ 1831 года польскіе помѣщики, благодаря дѣйствіямъ генерала Муравьева, бывшаго въ то время въ Гроднѣ губернаторомъ, присмирѣли, и мы отъ нихъ неиспытывали значительнаго дѣйствія.

Не новость скажу, что поляки, при обстоятельствахъ сколько-нибудь имъ благопріятствующихъ, горды и наглыдо безконечности, въ обстоятельствахъ же противныхъ — смирны, угодливы и льстивы до крайняго униженія.

Многіе поляки говорятъ: „мы враги революціи, но мы добиваемся освобожденія отъ гнета нашей народности, нашей религіи.“ Такъ ли это? Исповѣдывать ихъ религію и говорить и писать по-польски никто имъ не воспрещалъ; даже при русскомъ правительствѣ, и то и другое, къ стыду русскихъ, развилось болѣе нежели при господствѣ Польши, и все это на русской почвѣ, въ ущербъ русской народности. Простодушная довѣрчивость русскихъ не подозрѣвала злонамѣренности поляковъ; она не знала польскаго ультрамонтанства, разрѣшающаго для достиженія цѣли всякія безъ различія средства—насиліе, ложь, обманъ и лесть. Такимъ образомъ, при русскомъ правительствѣ, въ западныхъ русскихъ губерніяхъ, увеличилась римская іерархія тремя епископствами, многими десятками костеловъ и тысячами прихожанъ. Когда же мы разглядѣли обманъ, и начали ставить преграды дальнѣйшимъ стремленіямъ поляковъ, то они, не переставая идти впередъ, даже съ оружіемъ въ рукахъ, съ шумомъ и трескомъ разыгрывая передъ Европою роль мучениковъ, выпрашивали у нея состраданія и защиты наподобіе здѣшнихъ евреевъ, которые кричатъ „гвалтъ“ въ то время, когда они же сами бьютъ мужика.

Итакъ, не народность угнетаемая будто бы русскими возбуждаетъ поляковъ къ мятежу, а несбыточный идеалъ небывалой Польши, составленный виленскимъ университетомъ и такъ заманчиво формулированный, бывшимъ ученикомъ этого университета, Мицкевичемъ. Настоящимъ же творцомъ этой опьяняющей фантазіи былъ римскій католицизмъ, разжигавшій воображеніе и противившійся не только ризвитію исторической критики, но и познанію явленій духовныхъ и матеріальныхъ въ ихъ дѣйствительности, то-есть непосредственному наблюденію этихъ явленій и уразумѣнію

между ними отношеній и ихъ законовъ. Взгляните на стремленіе римскаго католицизма при возродившемся просвѣщеніи въ Европѣ. Папы покровительствуютъ развитію фантазіи, поощряя живопись, скульптуру, музыку и поэзію, и въ тоже время преслѣдуютъ тружениковъ, посвятившихъ себя изученію явленій духовнаго и матеріальнаго міра. Наука, то-есть, здравый взглядъ на вещи, считается въ ультрамонтанствѣ какою-то діявольщиной, чѣмъ-то враждебнымъ религіи. Послушайте проповѣдь ксендзовъ, взгляните на ихъ тѣлодвиженія въ поученіяхъ, и вы убѣдитесь, что вся ихъ цѣль заключается въ возбужденіи фантазіи, а не теплой живой вѣры; вы видите на лицѣ слушателя не выраженіе чувствъ христіанина, а какую-то фантастическую восторженность.

Такимъ образомъ, взирая на все чрезъ призму фантазіи и не умѣя распознать настоящаго смысла явленій, вы встрѣтите въ Полякѣ всегдашнюю готовность броситься въ дѣло самое безразсудное.

При такомъ-то настроеніи, обожаемый поляками Мицкевичъ составилъ себѣ идеалъ польши, основанный на папствѣ, какъ на нерушимой скалѣ, на которой долженъ почить весь міръ. Какіе жъ элементы этого идеала? На папствѣ ставится вольность польскаго шляхетства, преданнаго папѣ; масса же народа поставлена въ тѣни, такъ что физіономія его не замѣтна; однакожъ, судя по тону пановъ, выказывающемуся въ этомъ идеалѣ, видно, что паны суть защитники народа, отцы-благодѣтели, старающіеся возвысить народъ до полноправности, до шляхетства. Вы не вѣрите? Вы скажете, что жизнь выработала у пановъ польскихъ склонность смотрѣть на хлопа какъ на раба, а не какъ на дѣтище. Но вы ошибаетесь; хотите доказательствъ,—читайте ***Пана Тадеуша*** Мицкевича: тамъ вы найдете, что герои поэмы при свадьбѣ объявляютъ свободу крестьянамъ, и при этомъ еще произносится возвышенной чувствительности спичъ. Хотите еще доказательствъ? вотъ вамъ золотыя грамоты. Но въ

томъ бѣда, что все это блеститъ въ поэзіи и на бумагѣ, а ничего подобнаго нѣтъ въ обычаяхъ польской жизни. Поляки не могутъ сами опредѣлить той черты, которую жизнь, подъ вліяніемъ папства, провела въ ихъ понятіяхъ между отеческимъ попеченіемъ и тираніей. Мнѣ на дняхъ довелось прочесть книгу профессора Лабуле о нѣмцахъ и славянахъ. Возставая на несправедливость государствѣ, раздѣлившихъ Польшу, и пугая Европу преобладаніемъ Россіи, усилившейся частію Польши, онъ, однакожъ, самыми черными красками изображаетъ жизнь Польши. Разумѣется, Лабуле не принимаетъ въ уваженіе, что при раздѣлѣ Польши Россія взяла лишь русскія области.

Однакожъ Мицкевичъ, въ своихъ парижскихъ лекціяхъ, утверждаетъ, что польская конституція выше англійской и французской, что миссія поляковъ состоитъ въ томъ, чтобы, распространяя господство папъ и польское государственное устройство, осчасливить тѣмъ весь міръ. Сравните съ этимъ ученіе ультрамонтанское, которое гласитъ, что всѣ принявшіе христіанство суть ipso facto подданные папы, и что съ неизъявляющими ему послушанія должно поступать, какъ съ мятежниками. Такъ учитъ даже теперешній, уважаемый ультрамонтанами богословъ, іезуитъ Перонне.

Послѣ этого какъ же полякамъ-ультрамонтанамъ не смотрѣть свысока и съ пренебреженіемъ, будто на профановъ, на другіе народы?

Поляки думаютъ, что, для исполненія такой важной миссіи, далъ имъ Богъ и мужество необыкновенное: сомнѣвающіеся въ томъ убѣдятся, прочитавъ въ поэмѣ Мицкевича *Панъ Тадеушъ* о томъ, какъ горсть шляхтичей, въ мирную пору, въ кратковременномъ сраженіи, перебила на повалъ цѣлую вооруженную роту русскихъ солдатъ. Какъ послѣ этого не быть увѣренными, что на одного повстанца мало десяти *москалей?*

А какъ избѣгнуть отвѣтственности предъ *московскою*

властію, въ томъ помогутъ ультрамонтанскія толкованія (рестрикціи), и Мицкевичу не трудно было указать средства, какъ избавиться отъ отвѣтственности за избіеніе роты солдатъ. Плѣннаго и обезоруженнаго начальника этой роты, чтобы не могъ сдѣлать доноса, по секрету убили. Когда объ этомъ узналъ бернардинъ, бывшій впрочемъ душою всего происшествія, то онъ началъ было проповѣдывать о грѣхѣ убіенія человѣка безоружнаго, но совершенно успокоился, когда ему сказали, что это сдѣлано pro publico bono (для общей пользы); остальные слѣды происшествія закрыли, зная кого, изъ продажныхъ чиновниковъ, нужно было подкупить. Какъ же тутъ не убѣдиться полякамъ, что москалей-*дураковъ* можно за носъ вести, куда угодно?

Не такое ли фантастическое настроеніе духа, неспособное цѣнить явленія по ихъ достоинству, одушевляло настоящее возстаніе поляковъ. Не бросаются ли они въ опасность, не оцѣнивъ ея, не опредѣливъ цѣли, не разчитавъ средствъ? Но дѣйствительность имѣетъ свои непреложные законы; она не подчиняется видамъ фантазіи, и поляки на каждомъ шагу должны болѣзненно разочаровываться. Но они и разочаровываются по своему. „Мы бы своего достигли, говорятъ они, но намъ помѣшало то, другое, третье. (А почему жъ вы всего этого не предвидѣли?) Впрочемъ, хотя говорятъ, что ***mądry polak po szkodzie***, но кажется, сбылось пророчество Нарушевича: что, ***nie na długo nowe przysłowie kupi, że i przed szkodą i po szkodzie polak głupi***. Поляки и послѣ неудачи смотрятъ на встрѣченныя ими препятствія чрезъ призму фантазіи. Ну, вотъ положимъ они были глупы, что начали революціонныя движенія въ минуту освобожденія крестьянъ отъ крѣпостнаго ига; но послѣ отпора, встрѣченнаго въ крестьянахъ, поляки объясняютъ неудачу не тѣмъ, что крестьяне боятся возврата подъ панскую власть, если бы взяла верхъ Польша, а говорятъ, что крестьяне, по неразвитости своей, не понимаютъ польской вольности, не понимаютъ отеческаго о нихъ попеченія па-

новъ и стремленія поляковъ постепенно перевесть ихъ въ шляхетство. Съ презрѣніемъ и свысока смотря на возсоединенное духовенство, поляки не могли взвѣсить размѣровъ его силы, столь противной ихъ тенденціямъ; они льстили архіереямъ и дружились съ ними, чтобы показать священникамъ: „смотри, молъ, преосвященный мнѣ другъ; если не будешь мнѣ повиноваться, будешь удаленъ съ мѣста.“ Мнѣ говорилъ одинъ священникъ, что когда онъ въ первый разъ явился къ помѣщицѣ своихъ прихожанъ, она отозвалась: pilnuj się żebys był dobrym, inaczej pójdziesz won (старайся быть добрымъ, а не то будешь прогнанъ). Ласковое обхожденіе преосвященныхъ поляки принимали за единомысліе съ ними, боявшееся обнаруживаться вполнѣ лишь по причинѣ гнета правительства. Паны не могли видѣть всей глубины нашихъ убѣжденій, религіозныхъ и политическихъ, столь противоположныхъ ихъ видамъ. Они ничего не читали изъ того, что привело насъ къ нашимъ убѣжденіямъ, избѣгали разговора о религіи, о которой впрочемъ имѣютъ они очень поверхностное знаніе. У нихъ породилась увѣренность, что изъ возсоединенныхъ есть только одинъ схизматикъ, и то не по убѣжденію, а по честолюбію: это Сѣмашко (Іосифъ, митрополитъ виленскій). Іезуитъ Перонне, въ богословіи своемъ, приписалъ дѣятельность митрополита Іосифа мести къ базиліанамъ за то, будто бы, что въ базиліанской школѣ, гдѣ онъ учился, онъ не получилъ какой-то ожиданной имъ награды. Между тѣмъ извѣстно, что высокопреосвященный Іосифъ учился не въ базиліанской школѣ, а въ свѣтской немировской гимназіи, послѣ же — въ главной семинаріи. „Нѣтъ, причина не та, говорилъ мнѣ одинъ римско-католическій епископъ: я слышалъ о другой, болѣе вѣроятной причинѣ. Когда, по смерти Сестрицевича, заступалъ мѣсто предсѣдателя перваго департамента коллегіи викарный луцкій епископъ, Пивницкій, римско-католики не дозволили митрополиту Булгаку, предсѣдателю втораго департамента, занимать первое мѣсто въ общемъ засѣданіи обо-

ихъ департаментовъ. Оскорбленный этимъ Сѣмашко рѣшился, во что бы ни стало, присоединить унитовъ къ православію.“ Но при Пивницкомъ я былъ засѣдателемъ коллегіи вмѣстѣ съ Сѣмашкомъ: не было никакихъ споровъ по этому предмету, не помню даже было ли при Пивницкомъ общее засѣданіе, по крайней мѣрѣ, его не было въ бытность Булгака, который при мнѣ уѣзжалъ на продолжительное время въ епархію. Польскіе ультрамонтаны, судя по себѣ, приписываютъ бывшему греко-унитскому духовенству такія побужденія, какія одушевляли бы ихъ самихъ въ подобныхъ обстоятельствахъ. Они не понимаютъ, что жизнь греко-уніатскаго духовенства, пренебреженнаго поляками-ультрамонтанами и оставленнаго въ невѣжествѣ, была не похожа на ихъ жизнь, которая одушевлялась гордостію и фанатизмомъ. Они не понимаютъ, что когда при русскомъ правительствѣ стала доступна наука и для греко-уніатскаго духовенства, не испорченнаго фанатизмомъ и обремененнаго слишкомъ практическимъ опытомъ, удалявшимъ его отъ фантазерства, то наука, расширяя взглядъ на явленія жизни, болѣе помогла греко-уніатскому духовенству, нежели полякамъ-ультрамонтанамъ видѣть явленія въ ихъ истинномъ свѣтѣ. Наши понятія приняли иной, нежели у поляковъ, колоритъ, иначе организовались и иной производятъ результатъ въ жизни.

При образованіи, бывшее греко-унитское духовенство, имѣетъ то преимущество предъ польскими ультрамонтанами, что оно, какъ и всѣ просвѣщенные Русскіе, знаетъ основанія и своихъ и польскихъ ультрамонтанскихъ убѣжденій. Ультрамонтанъ же не будетъ читать книги, написанной въ духѣ противномъ его предубѣжденіямъ. На дняхъ я разказывалъ одному графу содержаніе книги Рошелля: *Ultramontanisme devoilé;* гость мой, неохотно меня выслушавъ, сказалъ: „Французъ, желая отличиться, написалъ не такъ, какъ всѣ убѣждены“. Навѣрное онъ такъ и не прочтетъ этой книги. Безпристрастный читатель ни какъ не

усумнится въ моихъ убѣжденіяхъ, противныхъ польскому ультрамонтанству; но здѣшніе ультрамонтаны все истолковываютъ посвоему, и все не впопадъ. Не знающіе меня близко говорятъ, что я сдѣлался православнымъ лишь по слабости характера, что духомъ я папистъ, и что меня заставило удалиться отъ управленія епархіею угрызеніе совѣсти за то, что я содѣйствовалъ *гибели* милліоновъ душъ, совращенныхъ съ уніи. Такъ какъ преемникъ мой, минскій архіепископъ Михаилъ, при утонченности вкуса ко всему изящному, со всѣми необыкновенно вѣжливъ и хорошо говоритъ по польски, то отсюда поляки заключили, что быть не можетъ, чтобы въ душѣ онъ былъ москалемъ и схизматикомъ. Болѣе умные поляки, видя въ архіепископѣ Михаилѣ, подъ польскою оболочкой, твердый духъ русскаго православія, и тѣмъ болѣе считая его для своихъ видовъ вреднымъ, желали бы, чтобы мѣсто его заступилъ менѣе опытный, менѣе знающій Поляковъ. Въ этихъ видахъ, можетъ-быть, они исподтишка пустили въ ходъ между русскими патріотами мнѣніе, что преосвященный Михаилъ—полякъ, если самихъ русскихъ не обманула наружность его. Я совершенно раздѣляю мнѣніе одного благочиннаго (пинскаго), который, опровергая подозрѣніе въ ополяченіи православнаго духовенства минской епархіи, говоритъ между прочимъ: „Если бы, смѣшавъ все латинство, полонизмъ и іезуитизмъ съ его хитростями, успѣлъ кто-либо составить вещество, подобное водѣ или воздуху, и погрузилъ въ ономъ православнаго духовнаго на всю его жизнь, то и тогда онъ не пропитался бы этою міазмой, но по выходѣ изъ нея предсталъ бы на судъ Божій чистымъ и здоровымъ русскимъ православнымъ.“ Оканчивается этотъ рапортъ слѣдующими словами, согласными съ моими собственными наблюденіями: „мы очень далеки отъ ополяченія, и это съ нашей стороны не заслуга, не добродѣтель, потому что это противно нашей природѣ.“ Заблужденія поляковъ въ оцѣнкѣ обстоятельствъ вредныя и раззорительныя для нашего края,

а болѣе для нихъ самихъ, производятъ скорбь и состраданіе относительно заблудшихъ, а не возмущеніе. Но славянская наша откровенность и простодушіе не могутъ не возмущаться наглою ложью и клеветами, которыя употребляются польскими ультрамонтанами, для распространенія своего владычества. Но говоря о множествѣ лжи и клеветы, пущенныхъ въ незнающую нашихъ дѣлъ Европу, выдуманныхъ въ пылу нынѣшняго польскаго возстанія— разкажу только о наглой лжи, сочиненной въ самомъ центрѣ ультрамонтанства, въ Римѣ. Видите, имъ нужно было во что-бы ни стало убѣдить публику, что возсоединеніе унитовъ совершено насиліемъ; за неимѣніемъ фактовъ, которые послужили бы тому подтвержденіемъ, придумана престранная легенда съ самыми мелкими подробностями о семилѣтнемъ преслѣдованіи и мученіи монахинь унитскихъ (базиліанокъ), числомъ шестидесяти одной, за то, что онѣ не хотѣли стать православными, во время общаго возсоединенія унитовъ. Легенда эта списана будто бы со словъ настоятельницы базиліанокъ минскихъ, по имени Макрены Мечиславской, ректоромъ пропаганды римской Рылломъ, ректоромъ св. Клавдія въ Римѣ, Еловницкимъ, и теологомъ той же пропаганды Лейтнеромъ, а въ 1846 году напечатана въ Парижѣ. Въ этомъ разказѣ вѣрнаго только названія городовъ Минска, Витебска, Полоцка и мѣстечка Мядзіолъ, и то, что при немъ есть озеро, хотя сочинителямъ этого сказанія было неизвѣстно, что рѣка Полота не въ Витебскѣ, а во ста слишкомъ верстахъ отъ этого города; вѣрно также названіе теперешняго митрополита виленскаго, Іосифа, но разказчики не знали, что къ его управленію не принадлежала Бѣлорусская епархія, гдѣ онъ представляется дѣятелемъ; прочее же все выдумано,—какъ самые факты, такъ и названія множества лицъ, а въ числѣ ихъ и всѣхъ монахинь. Мнѣ почти всѣ монахини были лично знакомы, потому что я служилъ и учился въ Бѣлорусской епархіи, принадлежалъ къ управленію Литов-

ской епархіи, а послѣ, съ 1840 года, управлялъ Минскою эпархіей. Изъ 16 польскихъ фамилій, данныхъ монахинямъ, только одна случайно совпала съ фамиліей, которую носила дѣйствительно монахиня Кулешанка, настоятельница Полоцкаго монастыря, остававшаяся нѣкоторое время настоятельницею и послѣ возсоединенія. По разказу брошюры, мученіе начинается съ минскаго монастыря въ то время, когда въ Минскѣ не было монастыря, ибо минскія монахини-базиліянки, во время уніи, перемѣщены въ упраздненный Мядзіольскій монастырь, по той причинѣ, что близь Мядзіола были имѣнія базиліянокъ, а минскія монастырскія зданія понадобились для помѣщенія городскаго госпиталя. Не зная объ этомъ, въ брошюрѣ пишутъ, что изъ Минска въ Витебскъ перегоняли подъ военною стражей, скованныхъ, тридцать пять монахинь (такого большаго количества монахинь не было у насъ ни въ одномъ монастырѣ). Прежде чѣмъ пригнали ихъ въ Витебскъ, тамъ настоятельница витебская будто бы была замучена до смерти, и осиротѣвшія витебскія монахини, будто бы, подчинились съ радостію минской настоятельницѣ, героинѣ легенды Мечиславской; но какъ не было въ Минскѣ монастыря, такъ не было у насъ никакой монахини Мечиславской, а знакомая мнѣ настоятельница витебскаго монастыря, Клара Мартусевичева, была настоятельницею и послѣ возсоединенія, и ему непрепятствовала. Въ Витебскѣ, по словамъ брошюры, мученицъ сѣкли розгами, заставляли ихъ, прикованныхъ къ тачкамъ, возить мусоръ, томили ихъ голодомъ, такъ что онѣ лѣтомъ ѣли траву, а зимой кормъ коровъ и свиней; изъ Витебска также будто бы, какъ изъ Минска, перегоняли всѣхъ мученицъ въ Полоцкъ, гдѣ въ Спасскомъ монастырѣ заставляли ихъ, прикованныхъ къ тачкамъ, сносить какую-то гору, чтобы на этомъ мѣстѣ строить для преосвященнаго Іосифа трехъэтажный палацъ (сколько помню, около Полоцка равнина, и нѣтъ горъ, и тамъ не только для преосвя-

щеннаго Іосифа, къ вѣдѣнію котораго Полоцкъ не принадлежалъ, но и ни для кого другаго не строили дворца). При постройкѣ этого небывалаго дворца, мученицы, будто бы, были употребляемы для подвозки на тачкахъ матеріаловъ и подноски его на высоту строенія, отчего многія, будто бы, были раздавлены упавшими кирпичами и известкою. На ночь всѣхъ ихъ вмѣстѣ запираютъ въ сырыхъ и гнилыхъ сараяхъ. Построивъ такимъ образомъ дворецъ и поселивъ въ немъ преосвященнаго Іосифа (а онъ тогда жилъ въ Петербургѣ и былъ предсѣдателемъ коллегіи), брошура далѣе сообщаетъ гнусное сказаніе о томъ, будто бы, однажды, во время ночной оргіи, по приказанію преосвященнаго Іосифа, дьячки и служители отправились въ сарай насиловать мученицъ, изъ которыхъ, во время защиты невинности, будто бы, пяти монахинямъ выкололи глаза, а прочихъ изувѣчили. Изъ Полоцка оставшихся въ живыхъ, будто бы, перегоняли также въ кандалахъ въ Мядзіолъ, гдѣ ихъ, облекши въ рубашки съ однимъ рукавомъ и вложивъ обѣ руки въ рукавъ, топили въ озерѣ. Три монахини, въ числѣ ихъ Мечиславская, будто бы, убѣжали изъ монастыря. Мечиславская, будто бы, пришла въ Пруссію, а оттолѣ доброжелателями доставлена въ Римъ, и съ ея разказа, будто бы, списаны всѣ эти бредни.

Кто же была эта рекомая Мечиславская? Настоятельницею мядзіольскихъ монахинъ, перемѣщенныхъ изъ Минска еще во время уніи, была Левшецкая, уволенная изъ монастыря на жительство къ родственникамъ; она здѣсь здравствовала, и лишь недавно умерла, Вилейскаго уѣзда, въ имѣніи Боровской. Витебскою настоятельницей была, какъ я выше сказалъ, Мартусевичева, оставленная настоятельницею и послѣ возсоединенія; полоцкая настоятельница Кулешанка, также жившая въ монастырѣ и послѣ возсоединенія, уволена потомъ къ роднымъ. Ни одна изъ базиліанокъ не уходила за границу. Я подозрѣваю, что поляки-выходцы доставили въ Римъ ту самую обманщицу,

которая явилась комнѣ въ Минскѣ послѣ 1840 года (не помню въ точности когда именно) во время моего управленія Минскою епархіей. Обманщица эта, вся въ слезахъ, съ спазматическимъ всхлипываніемъ, сказала, что сообщитъ мнѣ по секрету важное дѣло, но неиначе какъ въ церкви. Въ домашней моей церкви она сознавалась, что бѣжала изъ монастыря полоцкихъ монахинь съ соблазнившимъ ее бернардиномъ, что раскаивается въ своемъ заблужденіи и желаетъ возвратиться въ монастырь, но боится строгаго наказанія за свое преступленіе, а потому проситъ моего за нее предстательства, а главное—денегъ на путевыя издержки. Замѣтивъ обманъ (потому что всѣ полоцкія монахини были мнѣ лично знакомы), я спросилъ какъ имя полоцкой настоятельницы? Послѣ продолжительныхъ всхлипываній, будто препятствовавшихъ ей говорить, она наконецъ сказала, что жила въ Полоцкѣ малое время, а потому не знаетъ названія настоятельницы, и что затѣмъ жила въ Оршанскомъ монастырѣ; однакожъ она не сказала фамиліи и оршанской настоятельницы, также мнѣ знакомой. Вмѣсто отвѣта, она болѣе прежняго подверглась спазмамъ и обмороку. Я отослалъ ее переночевать къ протоіерею, чтобъ она, на завтрашній день, отрезвившись, явилась ко мнѣ. Протоіерей заставилъ ее читать церковную книгу (базиліянки молились по-славянски.) Въ отвѣтъ тѣ же спазмы и обморокъ, потребовавшіе чистаго воздуха на дворѣ, и послѣ никто уже не видѣлъ ея. Однажды разсказывалъ я это происшествіе въ присутствіи управлявшаго римско-католическою епархіей и предсѣдателя уголовной палаты; они, распросивъ меня о примѣтахъ этой женщины, объявили, что она давно имъ извѣстна, что она жена отставнаго офицера, и что подобнымъ образомъ она обманывала многихъ римско-католическихъ священниковъ, была подъ уголовнымъ судомъ, рѣшеніемъ котораго отослана на мѣсто жительства, подъ надзоръ полиціи, Новогрудскаго уѣзда, въ мѣстечко Любче. Изъ любопытства я справлялся черезъ

полицію и у любчанскаго благочиннаго, тамъ ли находится эта женщина? Отвѣчали, что по розыску ея нигдѣ не отыскали. Вѣроятно, она спасается въ Римѣ, и можетъ-быть будетъ современемъ каноиизована. Вотъ образецъ ультрамонтанской лжи. Такъ какъ его сила основана на лжи, обманѣ, разжиганіи фантазіи и на помраченіи здраваго смысла, то сила эта не можетъ быть поддерживаема другими благородными средствами, приличными правдѣ. Я не могу, безъ сострадательнаго раздраженія, видѣть какъ папство или, точнѣе сказать, ультрамонтанское о немъ ученіе, испортило простодушную натуру славянъ, подпавшихъ, по обстоятельствамъ своей исторической жизни, подъ власть Рима. Богемія не такъ много испорчена; ей памятна кровопролитная борьба, поднятая ею для обороны отъ папской власти и нѣмецкаго преобладанія, да и послѣ своего покоренія она была нѣкоторое время подъ вліяніемъ не ультрамонтанскаго ученія; но поляки, долго воспитывавшіеся у іезуитовъ, проникли до костей ультрамонтанствомъ, съ тою разницей отъ другихъ ультрамонтановъ, что полякамъ внушалась самая глубокая ненависть къ православію и вѣрованіе, что все въ православіи есть богомерзкое, діавольское. Вотъ слова, недавно произнесенныя публично профессоромъ въ львовскомъ университетѣ: „Shcismatici sunt filii diaboli; ecclesia schismaticorum synagoga est diabolorum; in Eucharistia schismaticorum ipse sedet diabolus.“ *) Что тамъ говорятъ открыто, то у насъ, какъ мнѣ сказывалъ не одинъ римско-католикъ изъ простолюдиновъ, говорятъ по секрету, а болѣе всего во время исповѣди. Въ бесѣдахъ съ православными ксендзы обыкновенно начинаютъ пропаганду изъявленіемъ лукаваго сострадания, что православные губятъ свою душу и суть враги Бога, принадлежа къ схизмѣ *пекельной*. Такимъ образомъ поль-

*) Схизматики суть сыны діавола; церковь схизматиковъ есть сборище діаволовъ; въ евхаристіи схизматиковъ самъ сидитъ діаволъ.

скіе паписты, опутывая своими сѣтьми прозелитовъ, разжигаютъ непримиримую вражду ко всѣмъ, кто не принадлежитъ къ ультрамонтанскому лагерю.

Основанія такого взгляда на польскій папизмъ и на польскій патріотизмъ были положены въ нашемъ жировицкомъ обществѣ. Дѣйствія ксендзовъ и прочихъ польскихъ патріотовъ, во время нынѣшняго возстанія, взглядъ этотъ дополнили, прояснили и укрѣпили во всемъ православномъ духовенствѣ, такъ что уже не поколеблютъ его никакія софизмы, лесть и обманы.

Взглядъ этотъ изъ Жировицъ постепенно распространялся въ бѣломъ греко-унитскомъ духовенствѣ, поддерживаемый авторитетомъ, посѣщавшаго по временамъ Жировицы, преосвященнаго Іосифа. Само Провидѣніе устраняло препятствія къ такому распространенію. Ксендзы и дворяне, послѣ неудавшагося мятежа 1831 года, присмирѣли, и слабо противодѣйствовали намъ; старые греко-унитскіе архіереи, воспитанные въ ультрамонтанскомъ духѣ, Яворовскій, Сѣроцинскій, Головня и Мартусевичъ скоро одинъ за другимъ померли. Еще при жизни Мартусевича, епископа полоцкаго, былъ рукоположенъ въ викарнаго полоцкаго епископа членъ коллегіи, протоіерей Іосифъ Сѣмашко, преданнѣйшій православію (около 1830 года), такъ что послѣ смерти Мартусевича остались только два греко-унитскіе архіерея, митрополитъ Булгакъ и Іосифъ Сѣмашко. Булгакъ, по своему желанію, былъ перемѣщенъ изъ литовской (бывшей брестской) епархіи въ бѣлорусскую, имѣвшую болѣе богатый фундушъ архіерейскій, а преосвященому Іосифу досталась Литовская епархія. Оба они жили въ С.-Петербургѣ, Булгакъ какъ предсѣдатель, а Сѣмашко какъ членъ греко-унитской коллегіи: по этому оказалась надобность въ рукоположеніи для иихъ викарныхъ епископовъ.

Въ 1834 году были рукоположены въ С.-Петербургѣ, въ церкви греко-унитской коллегіи, три викарные епископа: для бѣрорусской епархіи, ассесоръ коллегіи, протоіе-

рей Василій Лужинскій, а для литовской, членъ коллегіи, архимандритъ Іосифъ Жарскій, и я, бывшій тогда въ званіи протоіерея, ректоромъ литовской семинаріи. Преосвященный Василій и я, какъ происходившіе изъ бѣлаго духовенства и воспитывавшіеся въ главной семинаріи, по сердцу и убѣжденіямъ были преданы православію; Жарскій же, поступившій въ базиліанское монашество изъ римско-католиковъ, хотя по воспитанію своему былъ преклоненъ къ латинству и полонизму, но столько имѣлъ силы, ума и характера, что признавъ борьбу между русскимъ и польскимъ элементами вредною для здѣшняго края, и видя нравственное безсиліе поляковъ устроить государство на прочныхъ основаніяхъ, безсиліе, испытанное при существовании Польши, въ неоднократныхъ попыткахъ воскресить ее, и постоянно объявлявшееся на дворянскихъ выборахъ, согласился дѣйствовать въ пользу Россіи и православія. Относительно религіозныхъ вѣрованій, правота православнаго ученія сравнительно съ латинствомъ такъ ясна, что истину легко знать желающему знать ее, особенно такому, у кого не затемненъ умъ традиціонною враждой и предразсудкомъ, препятствующимъ даже заглянуть въ православное ученіе. Поэтому Жарскій не затруднялся въ признаніи правоты православія.

И такъ, бѣлорусскою епархіей управлялъ преосвященный Василій (нынѣ витебскій и полоцкій архіепископъ), подъ руководствомъ епархіальнаго архіерея, митрополита Булгака, жившаго въ С.-Петербургѣ, въ должности предсѣдателя греко-унитской коллегіи. Я же, подъ руководствомъ литовскаго архіепископа Іосифа, находившагося также въ Петербургѣ, въ должности члена греко-унитской коллегіи, участвовалъ въ управленіи литовскою епархіей. Епископъ Жарскій послѣ долговременной болѣзни умеръ, не дождавшись возсоединенія унитовъ съ православными.

Преосвященный Іосифъ былъ душою греко-унитской коллегіи. Онъ своимъ всестороннимъ знаніемъ, практичес-

кимъ умомъ, безкорыстіемъ и чистотою нравовъ, снискалъ авторитетъ у членовъ коллегіи и въ своей паствѣ, и также довѣренность правительства, не исключая Государя, который всегда съ удовольствіемъ читалъ записки преосвященнаго Іосифа, и потому распоряженія духовнаго и гражданскаго начальства согласовались въ направленіи къ возсоединенію унитовъ съ православными. Возсоединеніе это виднѣлось въ туманѣ отдаленнаго будущаго.

Нужно было приготовить къ нему духовенство; но на это оказалось достаточнымъ менѣе времени нижели сколько можно было предвидѣть. Буду говорить про литовскую епархію, въ которой я дѣйствовалъ. Въ началѣ моего пребыванія въ литовской епархіи, хотя и былъ убѣжденъ въ правотѣ православія, но никому о томъ не исповѣдовалъ. При всякомъ однакоже удобномъ случаѣ, стараясь ослабить враждебныя предубѣжденія противъ греко-россійской церкви, порожденныя историческимъ антагонизмомъ Польши и Руси, я говорилъ, что униты, противу кореннаго закона уніи, испортили греческіе обряды, сдѣлавъ ихъ несогласными со смысломъ молитвъ, оставленныхъ неизмѣненными, что край здѣшній искони былъ русскимъ, долго состоялъ подъ польскимъ владычествомъ, враждебнымъ Руси, что предъ поступленіемъ здѣшняго края подъ польское владычество не было здѣсь ни римскаго католицизма, ни уніи, была только одна организованная греко-русская православная іерархія. Долгое время я не дѣлалъ ни малѣйшихъ намековъ на практическое примѣненіе этихъ свѣдѣній, пока съ ними не освоилось болѣе вліятельное греко-унитское духовенство. Не говорю, чтобы все это было совершенно неизвѣстно въ литовскомъ, болѣе образованномъ духовенствѣ; но я выводилъ эти факты на первый планъ въ то время, когда польское ученіе ставило ихъ въ тѣни, придавало имъ другой смыслъ, а часто и совершенно не принимало ихъ въ уваженіе.

По предписанію греко-унитской коллегіи, правленіе ли-

товской семинаріи свѣряло служебники московскій и унитскій съ греческимъ, для чего былъ принятъ въ разсмотрѣніе греческій служебникъ римско-католическаго изданія. Оказалось, что съ греческимъ текстомъ было согласно молитвословіе унитское, за исключеніемъ поминанія о папѣ римскомъ и прибавки къ символу вѣры: *и отъ Сына;* но было несогласно описаніе обрядныхъ дѣйтвій, которыя униты болѣе исказили на дѣлѣ, нежели сколько были они искажены унитскими служебниками; служебники же московскаго изданія согласны съ греческимъ текстомъ и въ молитвословіи, и въ описаніи обрядныхъ дѣйствій. Я уже говорилъ, что митрополитъ литовскій ввелъ греческій обрядъ въ полоцкой епархіи; въ епархіяхъ же Виленской, брестской и луцкой служили по-уніатски, такъ что по составленіи двухъ епархій изъ четырехъ, въ литовской все духовенство служило по искаженнымъ обрядамъ; а потому, преимущественно въ литовской епархіи, была надобность, еще до офиціальнаго предписанія о соблюденіи чистыхъ греческихъ обрядовъ, обратить вниманіе духовенства на незаконность и безсмысліе введенныхъ унитами измѣненій. Затѣмъ греко-унитская духовная коллегія прислала для всѣхъ церквей служебники московской печати, съ предписаніемъ служить по нимъ. Соотвѣтственно требованіямъ греческихъ обрядовъ, коллегія предписала устраивать иконостасы тамъ, гдѣ они были разрушены при польскомъ владычествѣ іерархами, поступавшими, какъ не разъ я упоминалъ, изъ латинства, а также заводить выведенныя изъ употребленія копья, звѣздицы, дарохранительницы и устраивать престолы. Впрочемъ, греко-унитское духовенство не было обязано, служа по московскому служебнику, не упоминать папы римскаго, и не прибавлять въ символѣ вѣры: „и отъ Сына."

Раздача служебниковъ московской печати произвела, однакоже, въ унитскомъ духовенствѣ нѣкоторое движеніе. Разнеслась возбужденная римско-католиками молва, что

принятіе московскихъ служебниковъ есть актъ присоединенія къ православію. Нѣкоторые священники отказывались принять новые служебники, не заглядывая въ нихъ. Священники эти думали, что въ служебникахъ заключается новая религія; но когда имъ было объяснено, что въ этихъ служебникахъ тоже молитвословіе, что и въ служебникахъ унитскихъ, съ того только разницею, что въ московскихъ правильнѣе описаны обрядныя дѣйствія, которыя по коренному закону уніи, должны соблюдать и униты, то почти всѣ священники литовской епархіи начали служить по московскимъ служебникамъ. Пробовавшихъ протестовать противъ московскихъ служебниковъ изъ 700 слишкомъ священниковъ, было около двухъ десятковъ; окончательно же не принявшихъ московскихъ служебниковъ было, сколько могу припомнить, три или четыре священника, изъ коихъ двое вышли въ свѣтское званіе, а одинъ принялъ служебникъ уже послѣ общаго возсоединенія унитовъ съ православными. Всѣ принявшіе служебники московской печати догадывались, что это шагъ къ возсоединенію съ греко-русскою церьковію; однакожь духовенство, за очень малымъ исключеніемъ, безъ малѣйшей протестаціи приняло эти служебники. Это служило доказательствомъ, что греко-унитское духовенство не имѣло симпатіи къ ксендзамъ и полякамъ, что и можно было предвидѣть, судя по его къ нимъ отношеніямъ, возникшимъ при польскомъ владычествѣ, и мало измѣненнымъ со стороны русскаго правительства въ пользу унитовъ. Болѣе просвѣщенное бѣлое духовенство (о базиліанахъ скажу послѣ), способное убѣдиться доказательствами, было увѣрено въ правотѣ православной церкви, что читатель можетъ видѣть изъ разказа моего о нашей жировицкой семьѣ. Большинство бѣлаго унитскаго духовенства, не образованное, не способное понимать доказательствъ, безсознательно вѣровало въ превосходство римскаго католицизма, но эта вѣра была слаба; ея не подгрѣ-

вала симпатія пропагандистовъ-пановъ, ксендзовъ и прежняго греко-унитскаго базиліанскаго начальства, заботившагося болѣе о разныхъ поборахъ съ священниковъ, нежели объ ихъ духовномъ образованіи и благосостояніи: потому оно было склонно примкнуть къ той сторонѣ, которая оказала бы ему сочувствіе.

Бѣлое духовенство видѣло, что новые, просвѣщенные іерархи, поступившіе изъ его среды, а не изъ римско-католиковъ, не только освободили его отъ всѣхъ налоговъ, прежде взимавшихся съ священниковъ, но старались о заведеніи небывалыхъ прежде училищъ и семинарій для дѣтей духовныхъ, и съ усердіемъ и безкорыстно занимались воспитаніемъ ихъ. По этому духовенство во всемъ довѣряло своимъ іерархамъ. Я удостовѣрился въ томъ, бесѣдуя съ священниками, пріѣзжавшими по дѣламъ въ Жировицы, и во время многократныхъ объѣздовъ епархіи. Объѣзды мои въ епархіи можно раздѣлить на два періода: въ первый періодъ я занимался преимущественно объясненіемъ греческихъ обрядовъ и указаніемъ, что они происходятъ изъ древней церкви временъ Василія Великаго, Іоанна Златоустаго и Григоріевъ; что подобнымъ же образомъ молились и латыняне; но послѣ раззоренія западной римской имперіи дикими народами, при возникшемъ тамъ хаосѣ и общемъ упадкѣ просвѣщенія, продолжавшемся около 1000 лѣтъ, у латынянъ произошли постепенно нѣкоторыя измѣненія и сокращенія, сдѣланныя людьми, не понимавшими смысла обрядовъ и молитвъ, и оттого въ этихъ перемѣнахъ оказывается безсмысліе. Напримѣръ съ начала христіанства крестили пресвитеры, а утверждали въ вѣрѣ епископы, при совершеніи обряда мѵропомазанія; когда же христіанство распространилось, епископы только освящали мѵро, а мѵропомазаніе поручали священникамъ, и съ теченіемъ времени введено въ обычай, чтобы священники полученнымъ отъ архіереевъ елеемъ совершали, при самомъ кре-

щеніи, и мvропомазаніе. Такъ теперь дѣлается въ восточной церкви, то же дѣлаютъ и римскіе священники; но у нихъ затемнилось преданіе, и они священническое мvропомазаніе не считаютъ таинствомъ, и послѣ особо совершаютъ мvропомазаніе епископы, хотя и по ихъ ученію таинство это не должно быть повторяемо, какъ крещеніе и священство. И римскіе ксендзы послѣ крещенія помазываютъ елеемъ, освященнымъ епископами, но говорятъ, что это не мvропомазаніе. „А что же?“ спрашивалъ я нѣкоторыхъ ксендзовъ. „Не знаемъ,“ отвѣчали они. Сокращеніе латинянами древней литургіи также носитъ слѣды средневѣковаго помраченія и неразумѣнія. Сокращая, напримѣръ, нашу первую ектенію, въ которой послѣ каждаго прошенія народъ отвѣчаетъ: Господи помилуй! (по-гречески: кvріе елейсонъ), латиняне выбросили всѣ прошенія, оставивъ только девять разъ повторяемое *кvріе елейсонъ* безъ указанія въ чемъ нужно помилованіе Господне. Я внушалъ духовенству, что намъ не слѣдуетъ учиться у латинянъ и по ихъ примѣру искажать наши обряды, а что напротивъ латыняне, всматриваясь въ наши обряды, могутъ уразумѣть духъ первоначальной церкви, соотвѣтственно тому, что когда-то сказалъ святитель Іеронимъ послѣ путешествія своего по Востоку: „на Востокѣ—источникъ религіи, а на Западѣ только ручейки (rivuli).“ Въ самомъ дѣлѣ ручейки эти, проходя черезъ неблагопріятную почву средневѣковаго на западѣ невѣжества, помутились. Исторія указываетъ естественныя причины омраченія понятій религіозныхъ на западѣ. Безпрестанныя войны и разбои прервали сообщеніе съ востокомъ; во времена варварства, заступившаго на западѣ мѣсто древняго просвѣщенія, не понимали греческаго языка, а черезъ это самое не могли сообразовать своихъ дѣйствій съ постановленіями семи первыхъ вселенскихъ соборовъ, писанными на греческомъ языкѣ; это невѣжество не было бы столь вреднымъ, если бы на западѣ держались старины, но латинянамъ взду

малось передѣлывать и перестраивать, что, при упадкѣ просвѣщенія, всегда выходитъ неудачно. Когда, во время средневѣковаго хаоса на западѣ, патріархъ римскій успѣлъ сдѣлаться римскимъ государемъ, нашлись льстецы, которые приписывали ему всемогущую власть въ церкви, и говорили, что церковь римская, то-есть подчиненная папѣ, есть церковь вселенская, непогрѣшимая. Хотя съ XV столѣтія на западѣ стало распространяться просвѣщеніе, но, порожденную невѣжествомъ практику, исправлять оказалось неприличнымъ; между тѣмъ схоластическая философія, своими формами болѣе способная скрывать заблужденіе, нежели открывать истину, помогала оправдывать всѣ измѣненія, сдѣланныя въ латинской церкви безъ сообщенія съ другими церквами.

Въ такомъ духѣ я объяснялся съ священниками и говорилъ каждому столько, сколько кто могъ понять. Заключенія изъ этихъ выводовъ я примѣнялъ только къ потребности соблюдать чистые греческіе обряды; о потребности же къ воссоединенію съ греко-россійскою церковью не было рѣчи въ первый періодъ моего посѣщенія церквей.

При объѣздѣ моемъ нѣкоторыхъ уѣздовъ, я бралъ съ собою знаменитаго въ то время протоіерея Михаила Бобровскаго, бывшаго профессора виленскаго университета, нѣсколько лѣтъ съ ученою цѣлію путешествовавшаго за границею на иждивеніи университета. Бобровскій, сынъ греко-уніатскаго священника, воспитывался въ главной семинаріи. По рожденію своему онъ не могъ быть пристрастенъ къ латинству, а по воспитанію не былъ фанатикомъ. Изъ Рима рапортовалъ онъ виленскому университету объ упадкѣ просвѣщенія въ папской области и о господствующемъ тамъ фанатизмѣ. Мнѣ разказывали ученики Бобровскаго, что онъ публично въ аудиторіи, когда одинъ изъ учениковъ назвалъ греко-россійскую церковь схизматическою, отозвался: „они ли, или мы схизматики, объ этомъ Богу, а не намъ судить.“ Впрочемъ, по многостороннему

образованію и добродушію, онъ былъ уважаемъ и просвѣщенною польскою публикой. Уважало его и гордилось имъ, какъ своимъ, и бѣлое греко-уніатское духовенство. Бобровкій, при разъѣздахъ со мною, подверждалъ своимъ авторитетомъ мое ученіе, и руководилъ священниковъ въ практическомъ исполненіи греческихъ обрядовъ.

И такъ, священники бѣлаго духовенства литовской епархіи безъ ропота усвоили себѣ служебникъ московской печати.

Многое сказанное мною о преимуществѣ греческихъ обрядовъ предъ латинскими было въ умахъ священниковъ зародышемъ раздумья о превосходствѣ православія предъ латинствомъ, раздумья для нихъ новаго, на которое прежнія ученія не только не наводили, но отвлекали ихъ, и указывали противное. Нужно было нѣкоторое время, чтобъ эти мысли добровольно, безъ принужденія, перебродили въ головѣ, улеглись и усвоились; поэтому въ періодъ моей миссіи, не было рѣчи о проэктѣ возсоединенія съ православіемъ. Однакожъ я замѣчалъ во многихъ священникахъ нѣкоторое удовольствіе, вслѣдствіе того, что они находили, повидимому, разумное основаніе своей къ латинянамъ антипатіи, бывшей прежде безотчетною

Самыя возраженія противъ обрядовъ со стороны малаго числа священниковъ, желавшихъ показать нѣкоторую самостоятельность, послужили къ объясненію дѣла и утвержденію новаго ученія. Когда одному священнику, вызванному въ Жировицы для практическаго изученія правильныхъ обрядовъ, замѣтили, что онъ неправильно крестится, полагая руку прежде на лѣвое, а потомъ на правое плечо, онъ отозвался съ жаромъ: „Что хотите дѣлайте, а я скорѣе умру нежели измѣню крестное знаменіе.“ Ему объяснили, что онъ крестится противно и греческому и римскому обряду, ибо какъ, по тому, такъ и по другому обряду, рука полагается, при произнесеніи *Святаго*, на правое плечо, а при словѣ *Духа*-на лѣвое, соотвѣтственно тому, что прилагательное у латинянъ ставится послѣ существитель-

наго, а у греков и славян прежде. Протестовавшій священник многократно повторял то *Святаго Духа,* то *Ducha Swiętego,* заставляя не всегда успѣшно непослушную руку ложиться прежде на правое плечо, крестясь по церковному. Убѣдясь въ неосновательности своего возраженія, съ такою запальчивостью произнесеннаго, онъ послѣ соглашался на все. Были и такіе священники, которые безсознательно колебались въ принятіи служебниковъ московской печати. Они побуждались желаніемъ, съ одной стороны, угодить помѣщикамъ, у которыхъ вдругъ явилась охота оказывать имъ особыя матеріальныя благодѣнія, а съ другой—угодить волѣ епархіальнаго начальства, заботившагося о болѣе существенныхъ потребностяхъ духовенства.

Одинъ благочинный (новогрудскій), считавшій себя глубокимъ политикомъ, умѣющимъ читать между строками, подъ вліяніемъ распространявшагося тогда недоброжелателями Россіи мнѣнія, что эта реформа дѣлается по натиску правительства, противно искреннему желанію епархіальныхъ начальствъ, думалъ угодить своему начальству, представивъ преосвященному Іосифу протестъ подчиненнаго ему духовенства противъ служебниковъ московской печати. Но скоро и самъ благочинный, и подвѣдомственное ему духовенство, убѣдились, что епархіальное начальство непремѣнно требуетъ соблюденія обрядовъ греческой церкви, поставленнаго унитамъ въ обязанность папскою грамотой, при подчиненіи русской церкви папѣ римскому, и почти всѣ священники новогрудскаго благочинія постепенно приняли московскіе служебники.

Въ этотъ промежутокъ сомнѣній, нѣкоторые бѣдные священники успѣли воспользоваться необычайными благодѣяніями помѣщиковъ, а еще болѣе помѣщицъ, увѣщевавшихъ крѣпко держаться уніи, не соглашаться на принятіе схизматическихъ служебниковъ (мшалы), и подвергаться за то всякаго рода мученіямъ въ подражаніе святымъ мученикамъ. Видите, изъ понятія о *москаляхъ,* выработаннаго вилен-

скимъ университетомъ, логически вытекало заключеніе, что москали должны прибѣгать къ жестокимъ мученіямъ для обращенія унитовъ въ православіе. Скажите, что никакихъ мученій не было, вамъ отвѣтятъ: быть не можетъ, непремѣнно были! А за границей разскажутъ въ подробности какія именно были мученія, какъ читатель можетъ судить по указанной мною брошурѣ о мнимомъ мученіи минскихъ монахинь. „Ахъ, пани!" отвѣчалъ бѣдный священникъ сердобольной помѣщицѣ: „меня вызвали въ Жировицы; вѣрно ужъ не возвращусь; оставляю жену и дѣтей..." И тутъ-то сыпались на него наличныя пожертвованія, а еще болѣе обѣщанія. Прибывъ въ Жировицы, священникъ, вмѣсто военной команды и жандармовъ, находилъ мировыхъ жировичанъ, удивлявшихся его глупости или подтрунивавшихъ надъ нимъ. Когда подобный священникъ являлся ко мнѣ, и я спрашивалъ: „правда ли, что о васъ доноситъ благочинный, будто вы отказались принять московскій служебникъ?" Онъ отвѣчалъ: „я всегда былъ и есмь сынъ послушанія своихъ пастырей. Благочинный меня оклеветалъ; онъ меня преслѣдуетъ на каждомъ шагу за то, что я не согласился дать ему хорошую лошадь въ замѣнъ его негодной клячи. Я согласенъ принять московскій служебникъ и служить по немъ." Послѣ того онъ немедленно давалъ въ томъ росписку, служилъ въ жировицкой церкви, и спокойно возвращался домой. Панамъ, раздраженнымъ за принятіе схизматическаго служебника, священникъ говорилъ: „какъ я разсмотрѣлъ этотъ служебникъ, то оказалось, что въ немъ нѣтъ ничего худаго."

Подобные случаи были не рѣдкость; священники желали съ одной стороны угодить волѣ епархіальнаго начальства, и послѣдовать примѣру болѣе просвѣщеннаго духовенства; а съ другой—не раздражать помѣщиковъ, отъ которыхъ во многомъ зависѣли ихъ матеріяльныя выгоды; напримѣръ, помѣщикъ могъ воспретить пастьбу священническаго скота, даже не дозволить перегона его на церковныя земли, по большей части черезполосныя.

Въ новогрудскомъ же благочиніи одинъ, довольно впрочемъ образованный священникъ, по страсти къ прекословію, протестовалъ противъ московскаго служебника, даже вопреки своему убѣжденію. Когда еще не было рѣчи объ исправленіи обрядовъ, онъ старался соблюдать ихъ по возможности правильно, даже употребляя вмѣсто копья перочинный ножикъ. Другимъ священникамъ говорилъ онъ: „вы дураки, ничего не понимаете; по правиламъ, такъ должно быть.“ Когда же послѣдовало общее распоряженіе о соблюденіи правильныхъ обрядовъ, онъ, при содѣйствіи доминиканцевъ, написалъ отъ своего имени протестацію противъ московскихъ служебниковъ. Протестація эта не подѣйствовала на духовенство новогрудскаго уѣзда, тѣмъ болѣе, что протестовавшій, по шероховатости своего нрава и спѣси, не былъ уважаемъ духовенствомъ. Но за то доброжелатели Польши съ успѣхомъ распространяли эту протестацію въ бѣлорусской епархіи, говоря: „смотрите, въ литовской епархіи не дремлютъ и усердно дѣйствуютъ противъ схизмы.“ Мнѣ говорили, что эта протестація попала въ заграничные журналы, какъ будто выраженіе желаній всего греко-унитскаго духовенства.

Это религіозное сомнѣніе доставило благовидный предлогъ къ переходу въ свѣтское званіе двумъ священникамъ новогрудскаго же благочинія. Тѣмъ и окончилась вся буря, взволновавшая было на короткое время все многочисленное новогрудское благочиніе (весь новогрудскій уѣздъ). Во всѣхъ прочихъ благочиніяхъ литовской епархіи, имѣющей около семи сотъ церквей, все духовенство, безъ замѣтнаго колебанія, приняло служебники московской печати.

Во время моихъ объѣздовъ по епархіи, бесѣдуя съ благочинными и другими болѣе просвѣщенными священниками, я убѣдился въ склонности ихъ возсоединиться съ греко-россійскою церковью. Поэтому я и просилъ моего епархіальнаго архіерея, архіепископа Іосифа, разрѣшить мнѣ принимать отъ священниковъ подписки о желаніи ихъ возсоединиться

съ православіемъ. Высокопреосвященный Іосифъ далъ требуемое разрѣшеніе, и тѣмъ начался второй періодъ моихъ разъѣздовъ по епархіи.

Когда мы начали вводить правильные обряды, православные іерархи возымѣли ревность, безъ предварительнаго приготовленія, присоединять къ православію по одиночкѣ нѣкоторые приходы, преимущественно въ казенныхъ имѣніяхъ. Священника спрашивали желаетъ ли онъ быть православнымъ, и послѣ отрицательнаго отвѣта, его удаляли отъ мѣста служенія, чтобъ онъ не препятствовалъ желанію прихожанъ присоединиться къ православію. Это порождало тайныя подстрекательства къ сопротивленію въ прихожанахъ, жалобы и вмѣшательство свѣтской власти, умирявшей безпорядки. Это раздражало греко-унитское духовенство противъ православнаго. Такое миссіонерство древле-православныхъ имѣло мѣсто преимущественно въ бѣлорусской епархіи. Нѣкоторые священники, рѣшившіеся вмѣстѣ съ прихожанами быть православными, подвергались насмѣшкамъ и презрѣнію римско-католиковъ и унитовъ. Во избѣжаніе этого зла, греко-уніатскіе іерархи стремились къ общему возсоединенію унитовъ съ православными. Потому и сами унитскіе архіереи и многіе священники, желавшіе возсоединиться съ православіемъ, не заявляли того, пока не были всѣ приготовлены къ возсоединенію.

Согласно этому плану, при объѣздѣ епархіи, послѣ надлежащихъ объясненій и переговоровъ, я бралъ отъ благочинныхъ подписки въ желаніи ихъ участвовать въ общемъ возсоединеніи греко-унитовъ съ православною церковью. Благочинные обѣщали принимать подобныя подписки отъ подвѣдомственныхъ священниковъ. Впрочемъ, останавливаясь при разныхъ церквахъ, я призывалъ къ себѣ ближайшихъ священниковъ и бесѣдовалъ съ ними объ управленіи церковномъ. Я представлялъ на видъ, что Христомъ учреждены, какъ видно и изъ богословія унитскаго, три степени священства: діаконство, пресвитерство и епископство; прочія

же степени іерархіи для порядка различно установлялись церковью, соотвѣтственно измѣнявшимся обстоятельствамъ. Степени эти обозначались названіями: протодіаконовъ, архидіаконовъ, протопресвитеровъ, протоіереевъ, благочинныхъ, архіепископовъ, митрополитовъ и патріарховъ, изъ коихъ нѣкоторые, по обычаю, назывались папами то-есть отцами (подобнымъ именемъ во многихъ мѣстахъ называются священники — у насъ попами, у латынянъ патерами). Обязанности и предѣли вѣдомства начальствующихъ подъ сими именами многообразно измѣнялись. Такъ, наша русская церковь первоначально была подчинена цареградскому патріарху; когда же, во время продолжительнаго бѣдствія и ослабленія Руси, часть ея подпала подъ владычество поляковъ, подчиненныхъ патріарху римскому, то почти вся эта часть Руси была подчинена Риму. Теперь же, когда Провидѣнію было угодно, чтобъ эта часть Руси возвращена была русскому государству, можетъ-статься, она будетъ подчинена и русскому церковному управленію, если на то будетъ воля Божія. При семъ я намекалъ, что церкви польско-латинская и русско-православная болѣе раздѣлены традиціонною враждой нежели сущностію ихъ ученій. Обѣ церкви признаютъ семь таинствъ, обѣ исповѣдываютъ Святую Троицу, воплощеніе Сына Божія для спасенія рода человѣческаго, обѣ принимаютъ за основаніе ученія книги учениковъ Христовыхъ и писанія отцовъ первоначальной церкви; обѣ проповѣдываютъ любовь, которая есть сущность ученія Христова. Правда, западная церковь, въ темный періодъ среднихъ вѣковъ, сдѣлала нѣкоторые выводы, напримѣръ о происхожденіи Св. Духа не только отъ Отца, какъ выразился Господь Іисусъ Христосъ, но и отъ Сына, какъ догадываются римляне изъ другихъ словъ Христовыхъ; но этотъ выводъ, эта догадка, не измѣняетъ сущности ученія. Значеніе разницы между обѣими церквами преувеличиваютъ поляки; насмѣшками надъ греческими обрядами и представленіемъ ихъ въ каррикатурномъ видѣ, они стараются возбудить

въ насъ омерзѣніе къ православной церкви, и усилить нами свой враждебный ко всему русскому элементъ. Намъ ли усиливать этотъ элементъ, когда онъ враждебенъ намъ самимъ: не говорятъ ли они, что и мы пахнемъ Русью?... Но судьбы народовъ въ рукѣ Божіей.

Я не оканчивалъ своей рѣчи заключеніемъ, предоставляя священникамъ время размыслить о сказанномъ и сдѣлать свои заключенія при бесѣдахъ ихъ съ благочинными, и уѣзжалъ для подобныхъ бесѣдъ съ другими группами священниковъ.

Да, жизнь народовъ въ рукѣ Божіей. Она слагается изъ дѣятельности множества воль отдѣльныхъ, болѣе или менѣе взаимно гнетущихъ себя, до безконечности разнообразно настроенныхъ разными современными обстоятельствами и силою прошлаго. Только Зиждитель жизни, Творецъ всѣхъ пружинъ, которыми она движется, можетъ оцѣнить количество и направленіе всѣхъ этихъ безчисленныхъ причинъ, и видѣть къ какимъ онѣ ведутъ результатамъ. Напрасно общественные дѣятели приписываютъ себѣ славу будто бы произведенныхъ ими важныхъ событій. И противъ воли людей дѣйствія ихъ способствуютъ предусмотрѣнному Провидѣніемъ концу. Виленскіе мудрецы, основавшіе главную семинарію и допустившіе воспитываться въ ней унитскому духовенству, не ожидали результатовъ противныхъ тому, что оказалось на дѣлѣ?

Видно, что дѣйствительно была на то воля Божія, чтобъ униты возсоединились съ православною церковью. Благочинные со всѣхъ сторонъ присылали болѣе и болѣе подписокъ во свидѣтельство желанія своего видѣть это возсоединеніе.

И благочинные, и простые священники тѣмъ рѣшительнѣе соглашались давать эти подписки, что имъ было извѣстно желаніе архіепископа Іосифа, котораго они глубоко уважали, и при полномъ убѣжденіи, что онъ сумѣетъ дѣло возсоединенія довести до конца стройно, безъ вредныхъ стол-

кновеній. Притомъ все бѣлое унитское духовенство разузнало, что думали объ этомъ важномъ дѣлѣ въ Жировицахъ, гдѣ занимавшіе должности въ консисторіи и семинаріи были челомъ, высшимъ авторитетомъ унитскаго духовенства: въ Жировицахъ всѣ держали сторону православія.

Такъ какъ общее единовременное возсоединеніе съ православіемъ предполагалось въ неопредѣленной будущности, то я совѣтовалъ священникамъ не разглашать о данныхъ ими подпискахъ, дабы избѣжать преслѣдованія латинянъ. „Пусть они узнаютъ объ этомъ тогда,“ прибавлялъ я, „когда всѣ священники подадутъ свои подписки всѣмъ въ совокупности легко будетъ обороняться; да тогда Богъ дастъ, поможетъ намъ и правительство. По инстинкту самосохраненія, священники въ точности исполняли мой совѣтъ. Обо всемъ этомъ броженіи въ греко-унитской церкви не знали и въ Петербургѣ, за исключеніемъ нѣсколькихъ лицъ принадлежавшихъ къ управленію духовными дѣлами, съ которыми высокопреосвященный Іосифъ былъ откровененъ, и которыхъ онъ убѣдилъ въ возможности возсоединенія; да зналъ объ этомъ еще покойный государь Николай Павловичъ. Поэтому неудивительно, что многіе русскіе патріоты считали возсоединеніе унитовъ явленіемъ внезапнымъ, неестественнымъ, и вѣрили Полякамъ, что возсоединеніе произведено насиліемъ. Да и сами Поляки не вникали въ сущность дѣла, которое отъ нихъ скрывалось.

Какъ не всѣ вдругъ приняли служебники московской печати, такъ не всѣ вдругъ дали и подписки о желаніи общаго возсоединенія съ православіемъ: это дѣло продолжалось два года, не считая времени предварительнаго приготовленія, начавшагося съ 1827 года и продолжавшагося во время раздачи московскихъ служебниковъ.

Духовенство нѣкоторыхъ благочиній было въ родственной связи и близкомъ знакомствѣ съ вице-предсѣдателемъ консисторіи, Михаиломъ Голубовичемъ (теперь минскимъ архіепископомъ), снискавшимъ уже тогда авторитетъ

въ этихъ мѣстностяхъ. Онъ съ успѣхомъ исполнилъ порученное ему миссіонерство, разъѣзжая по разнымъ церквамъ.

Изъ семисотъ священниковъ Литовской епархіи только четыре отказались дать подписки, и объявили предъ епархіальнымъ начальствомъ о нежеланіи своемъ присоединиться къ православію. Они были удалены отъ своихъ приходовъ. Трое изъ этихъ священниковъ дали потомъ требуемыя подписки; только одинъ остался непреклоннымъ: то былъ родной братъ бывшаго профессора Виленскаго университета, Онацевича, одушевленнаго польскими идеями.

Все сказанное мною относилось преимущественно къ бѣлому духовенству; монашествующимъ же, какъ большею частію уроженцамъ римско-католическимъ, при введеніи въ унитской церкви чистыхъ греческихъ обрядовъ, было разрѣшено, по желанію, возвратиться въ латинство, въ вѣдѣніе римско-католическаго начальства. Въ Литовской епархіи нѣкоторые монахи воспользовались этимъ разрѣшеніемъ, но большая часть осталась въ унитской церкви, рѣшившись быть православными по примѣру монаховъ жировицкихъ; небольшое число не желавшихъ православія не перешли въ латинство, чтобы не покидать настоятельскихъ мѣстъ. Они, конечно, понимали, что принятіе московскихъ служебниковъ есть шагъ къ православію, но они знали, что это еще не самое православіе, которое видѣлось ими въ туманной дали. Когда бѣлое духовенство изъявило подписками желаніе общаго присоединенія къ православію, то подобныя подписки потребовались и отъ монаховъ. Со времени подчиненія монаховъ епархіальному начальству, слагавшемуся тогда большею частію изъ лицъ происходившихъ изъ бѣлаго духовенства, энергическихъ и по тогдашнему времени высоко образованныхъ, снискавшихъ себѣ авторитетъ, монахи старались сближаться съ бѣлымъ духовенствомъ, что не могло не дѣйствовать на измѣненіе образа ихъ мыслей. Впрочемъ, тогдашніе монахи,

какъ предназначаемые для учительскихъ должностей въ свѣтскихъ училищахъ, бывшихъ прежде въ вѣдѣніи монастырей, болѣе занимались свѣтскими науками нежели богословскими тонкостями и не были фанатиками, а нѣкоторые учились богословскимъ наукамъ вмѣстѣ съ учениками главной семинаріи, приходя изъ Виленскаго базиліянскаго монастыря, центра базиліянскаго просвѣщенія, свѣтскаго и духовнаго. Когда свѣтскія школы были отняты у монастырей, то болѣе способные монахи, еще не достигшіе высшихъ монастырскихъ должностей, были назначаемы въ учители духовныхъ унитскихъ уѣздныхъ училищъ и даже семинарій, и такимъ образомъ все болѣе и болѣе сближались съ бѣлымъ духовенствомъ, и входили въ виды епархіальнаго начальства. Отказались отъ православія въ Литовской епархіи только три іеромонаха и два архимандрита, долго жившіе въ Вильнѣ, занимая тамъ высшія должности, и сдружившіеся съ профессорами Виленскаго университета и польскими патріотами. Изъ нихъ одинъ престарѣлый архимандритъ, жившій въ разныхъ монастыряхъ на покоѣ, былъ безвреденъ, а три іеромонаха и одинъ архимандритъ были удалены отъ должностей и препровождены на жительство въ великороссійскія губерніи, съ назначеніемъ имъ приличнаго содержанія.

Отъ монахинь, называвшихся базиліянками, не требовались подписки о присоединеніи ихъ къ православію. Которыя исповѣдывались и причащались у своихъ православныхъ духовниковъ, тѣ считались православными.

Почти всѣ базиліянскіе монахини вышли изъ римско-католическихъ богомолокъ, девотокъ. Только настоятельницы Вольнянскаго монастыря (въ Новогрудскомъ уѣздѣ) и Витебскаго были священническія дочери и остались православными. Разумѣется, препятствій ихъ привычкамъ, не противнымъ сущности православія не дѣлалось. Прочія же почти всѣ перестали исповѣдываться и причащаться у своихъ духовниковъ. Когда, несмотря на увѣщанія, онѣ оста-

лись непреклонными, то имъ было разрѣшено удалиться изъ монастыря и жить при родственникахъ. Впрочемъ, во время возсоединенія унитовъ съ православными, монахинъ было не много: менѣе десяти на монастырь. Въ числѣ оставившихъ монастырь была и настоятельница минскихъ монахинъ, еще во время уніи перемѣщенныхъ въ Мядзіолъ *) (Вилейскаго уѣзда), Параскевія Левщецкая, переѣхавшая изъ монастыря къ своему брату, у котораго живетъ и понынѣ. Она никогда не была, ни въ Витебскѣ, ни въ Полоцкѣ, и не называлась Мечиславскою, какъ называетъ настоятельницу минскихъ монахинь упомянутая выше легенда о вымышленномъ мученіи минскихъ базиліянокъ.

Какъ шло дѣло присоединенія къ православію въ Бѣлорусской епархіи, это мнѣ въ подробности неизвѣстно. Знаю только, что тамъ гораздо позже начали приготовлять духовенство къ возсоединенію съ греко-русскою церковію. Причиной этого замедленія было то, что Бѣлорусская епархія была тогда подъ главнымъ управленіемъ митрополита Булгака, поступившаго въ монашество изъ римско-католиковъ. Хотя онъ въ званіи председателя греко-унитской коллегіи не противился распоряженіямъ коллегіи, дѣланнымъ по инициативѣ литовскаго архіепископа Іосифа и заключавшимъ въ себѣ общія мѣры, сближавшія унитовъ съ православными; однакожъ, по воспитанію своему въ Римѣ и по связямъ съ панами, онъ не желалъ, чтобы возсоединеніе, которое онъ предвидѣлъ, совершилось при его жизни. Притомъ, прежде Булгака, долгое время управлялъ Бѣлорусскою епархіей епископъ Іаковъ Мартусевичъ, преданнѣйшій іезуитамъ.

При этихъ обстоятельствахъ, въ Бѣлорусской епархіи сильно противодѣйствовало возсоединенію разглашеніе па-

*) По упраздненіи Мядзіольскаго монастыря, въ зданіи его были перемѣщены минскія базиліянки около 1834 года, по тому уваженію, что ихъ имѣнія были вблизи Мядзіола, а ихъ минскія зданія потребовались для городскаго госпиталя.

новъ, прикидывавшихся доброжелателями Россіи, что прекращеніе уніи вызоветъ смуту въ народѣ и поведетъ къ рѣзнѣ. Между тѣмъ помѣщики, пренебрегавшіе прежде унитскими попами, начали съ ними дружиться, съ цѣлію отклонить ихъ отъ подписокъ, подобныхъ тѣмъ, которыя давались священниками Литовской епархіи, какъ доносила имъ молва. Все это удерживало дѣятельность просвѣщеннаго и преданнаго дѣлу возсоединенія бѣлорусскаго духовенства и самаго викарнаго епископа Василія, зависѣвшаго отъ епархіальнаго архіерея Булгака. Почти послѣ смерти Булгака начали откровенно говорить низшему духовенству о проектѣ возсоединенія унитовъ съ православными, и не желая отстать отъ Литовской епархіи потребовали отъ священниковъ подписокъ. Многіе священники колебались; тогда послѣдовало перемѣщеніе священниковъ изъ тѣхъ благочиній, гдѣ была стачка противъ проэкта возсоединенія въ другія болѣе благонадежныя, гдѣ упорные, въ сторонѣ отъ вреднаго вліянія, могли бы поразмыслить и поучиться. Многіе, съ этою цѣлію были вызываемы къ епархіальному начальству. Когда почти всѣ священники согласились на общее возсоединеніе съ православною церковію, то немногіе (кажется, около десяти), не желавшіе православія, были отрѣшены отъ приходовъ, и, чтобъ они не возмущали народа, были высланы въ великорусскія губерніи.

Довершилось дѣло возсоединенія соборомъ унитскихъ архіереевъ, собравшихся въ Полоцкѣ, и другими формальностями извѣстными изъ обнародованныхъ офиціальныхъ документовъ. Я имѣлъ намѣреніе разказать только о томъ, что въ жизни греко-унитской церкви, пренебрегаемой и поляками и русскими, было неизвѣстно публикѣ; а это неизвѣстное было причиною лжетолкованій, которымъ подверглось возсоединеніе унитовъ, и которыя распространялись въ видахъ польскихъ революціонеровъ и ультрамонтановъ.

Въ заключеніе сдѣлаю замѣчаніе о связи двухъ польскихъ мятежей, 1830 и 1863 годовъ, съ современными этимъ мятежамъ періодами жизни греко-уніатской церкви и русскаго народа западныхъ губерній. Связь эта обнаруживаетъ задушевное желаніе здѣшнихъ пановъ держать въ рабствѣ русскій народъ посредствомъ невѣжества, а невѣжество народа поддерживать необразованностію греко-унитскаго духовенства; чѣмъ достигались и виды ультрамонтановъ, какъ я объяснялъ прежде. Мятежъ 1830 года возникъ вскорѣ, по учрежденіи училищъ для просвѣщенія греко-унитскаго духовенства. Во время этого мятежа было сдѣлано усиліе закрыть Жировицкую новоучрежденную семинарію. Всѣ зданія семинарскія, по указанію предводителя дворянства и чиновниковъ изъ Поляковъ, были заняты русскимъ военнымъ госпиталемъ, хотя были въ городѣ Слонимѣ монастыри римско-католическіе (Жировицы въ 9 верстахъ отъ Слонима), а также вблизи былъ Бытевскій базиліянскій монастырь съ огромными зданіями,—и вотъ Жировицкая семинарія была закрыта. Несмотря на то, что вскорѣ послѣдовало высочайшее повелѣніе о немедленномъ вынесеніи изъ Жировицъ госпиталя; повелѣніе это не было исполнено до окончанія мятежа.

Мятежъ 1863 года возникъ вскорѣ послѣ освобожденія кресьянъ отъ крѣпостнаго права. Я согласенъ, что вожди революціи имѣли иныя цѣли; но вѣрно они знали потребности сердца здѣшнихъ пановъ, что выбрали для мятежа эти, а не иные моменты жизни здѣшняго края. Они знали чѣмъ возбудить къ мятежу русскую Литву, безъ которой польша равняется для нихъ почти нулю.

Да не посѣтуютъ на меня поляки за то, что я, не желая противорѣчить своему убѣжденію, сказалъ имъ много непріятнаго. Это не значитъ, чтобы я не признавалъ въ нихъ много очень хорошихъ качествъ. Не соглашаясь съ ними, я далекъ отъ ненависти къ нимъ, и искренно страдаю смотря на ихъ нравственную религіозно-патріотическую бо-

лѣзнь, причиняющую такъ много вреда имъ самимъ, и всему краю, болѣзнь очень не гармонирующую съ ихъ политическимъ положеніемъ, возбуждающую въ нихъ стремленіе противное потребностямъ и желаніямъ огромнаго большинства здѣшняго народа, и препятствующую имъ видѣть явленія жизни такими, каковы они на самомъ дѣлѣ, а не въ фантастическихъ образахъ. Даже благоразумнѣйшіе изъ поляковъ здѣшнихъ, порицающіе послѣдній мятежъ и возжигателей мятежа, сами не замѣчая того, возжигаютъ другихъ къ мятежу, истолковывая въ худую сторону всякій шагъ правительства.

И русскіе патріоты и самое правительство знаютъ, что въ Россіи, при развитіи жизни, оказалось много негоднаго, что считалось прежде необходимымъ. Пусть же здѣшніе паны, напрасно называющіе себя поляками, соединятъ свои усилія съ русскими для выясненія мѣръ къ дальнѣйшему прогрессу общаго отечества, Россіи, вмѣсто разжиганія страстей язвительными остротами и клеветой, вмѣсто стремленія къ насильственному разрушенію государственнаго зданія, чтобы, возстановляя польшу, возвратиться къ началу борьбы. Это значитъ не впередъ идти, а пятиться назадъ. Поляковъ соблазнила италіянская революція, но они упустили изъ вида, что Италіянцы стремятся къ соединенію частей Италіи, чтобъ общимъ единствомъ быть сильными и независимыми, а поляки стремятся къ разъединенію одноплеменныхъ и слѣдовательно къ ослабленію. Это я говорю патріотамъ; но кромѣ ихъ, возстаніемъ двигали еще двѣ пружины, чисто-революціонная, совращавшая и губившая добродушныхъ молодыхъ людей, и ультрамонтанство, которое внесло и постоянно вноситъ вражду въ христіанство славянское. Благонамѣреннымъ изъ числа ультрамонтановъ я посовѣтовалъ бы почитать со вниманіемъ книгу католика-француза, Рошел-

ля, ***L'ultramontanisme devoilé*** (Paris 1861). **Пусть поручать они безпристрастному ученому подвергнуть повѣркѣ его цитаты, подобно тому какъ мы въ Жировицахъ повѣряли цитаты ультрамонтанскія!...**

Архіепископъ Антоній.

III.

НОВЫЙ ВЗГЛЯДЪ НА „ОКРУЖНОЕ ПОСЛАНІЕ ПІЯ IX ОТЪ 8-го ДЕКАБРЯ."

Страсти питаются и усиливаются препятствіями, а въ результатѣ пресыщенія всегда является апатія. Римскіе первосвященники не могутъ пожаловаться на препятствія, — на недостатокъ оппозиціи ихъ принципамъ и стремленіямъ, со стороны людей и народовъ, нераздѣляющихъ убѣжденій и противящихся властолюбію мнимыхъ намѣстниковъ Христовыхъ, — и вотъ изъ твердыни Ватикана-то и дѣло-летятъ въ современное человѣчество протесты и прещенія, угрозы и анаѳемы.

Настоящій архіепископъ Рима менѣе своихъ предшественниковъ можетъ пожаловаться на недостатокъ реакціи человѣчества папскимъ притязаніямъ, на борьбу либеральной Европы съ абсолютизмомъ государя—въ рясѣ. Пій IX имѣлъ несчастіе пережить самую бурную, самую опасную для властолюбія мнимыхъ преемниковъ св. Петра, эпоху. Либерализмъ и раціонализмъ, поднимавшійся—или опускавшійся—до нигилизма и атеизма, группировка національностей вообще и коалиція обществъ италіанскихъ въ особенности, клики гарибальдійцевъ: „Римъ или смерть," громкій, наконецъ, протестъ Европы противъ свѣтской власти римскихъ епископовъ,—все это повергало Пія IX въ глубокое раздумье, заставляло его не разъ вздрогнуть, осмотрѣться боязливо кругомъ себя, убѣдиться въ своемъ одиночествѣ, беззащитности и прибѣгать къ единственной силѣ духа, теряемаго

безсильнымъ негодованіемъ и отчаяніемъ,—къ единственному, заржавѣвшему отъ времени, оружію, завѣщанному отжившимъ свой вѣкъ преданіемъ,—къ протесту и анаѳемѣ. Но что значитъ протестъ противъ вопіющихъ истинъ, противъ совершившихся, на основаніи самой неизбѣжной исторической послѣдовательности, фактовъ! Что значитъ анаѳема противъ людей, виноватыхъ только тѣмъ, что они удачнѣе римскаго епископа цитируютъ тексты св. писанія, лучше его понимаютъ и духъ христіанства, и значеніе архіерея, яснѣе его сознаютъ несостоятельность папскихъ принциповъ и стремленій, неестественность каѳедры—престола! Оттого благословеніе Божіе видимо почивало и почіетъ на главѣ всѣхъ людей, анаѳематствуемыхъ Піемъ IX, вѣнчаетъ нежданнымъ успѣхомъ дѣла ихъ и предпріятія, тогда какъ самъ онъ страдаетъ недугами душевными и тѣлесными, хватается судорожно за всѣ роли, всѣ оружія,—и все напрасно. Онъ ужъ испытывалъ и роль либерала, и реформатора, и бѣглеца, и деспота. Область за областью отпадаетъ отъ самозваннаго государя и прирастаетъ къ болѣе натуральному центру; сторонняя только сила, преувеличившая, быть можетъ, силу ватиканскаго владыки, гарантируетъ ему владѣніе тѣмъ уголкомъ, который отмежевало снисхожденіе сосѣдей и робость, либо интрига и зависть не сосѣдей. Но и въ этотъ уголокъ, изъ за близкой границы, все еще порой долетали въ Ватиканъ зловѣщіе клики: „Римъ или смерть!,“ все еще шла, за кулисами дипломатіи, переторжка на покупку „папской области,“ на продажу свѣтской власти римскаго первосвященника. Назадъ тому еще два года Пій IX хотѣлъ-было приняться за оружіе Григорія VII, Бонифація VIII, но, удерживаемый опасеніемъ, гоняясь за большимъ, лишиться и послѣдняго убѣжища, не извлекалъ этого оружія изъ ноженъ, не смотря на подстрекательства іезуитовъ вообще и о. Перроне вчастности. Наконецъ, когда Римъ и папская область были закрѣплены и упрочены за римскимъ первосвященникомъ между-народными трактатами, когда столицѣ Италіи указана постоянная, болѣе достойная и привычная къ этой чести резиденція; когда, слѣ-

довательно, папа почувствовал подъ собою почву хоть узкую, но прочную, когда въ резервуаръ папскихъ легіоновъ начали стекать разныя изверженности разныхъ революцій, — Пій IX (не спросясь, вѣроятно, осторожнаго и практичнаго Антонелли),— бросилъ въ міръ 8 декабря разомъ три бомбы ватиканскія, извѣстныя подъ именемъ „окружнаго посланія (енцикливи), перечня современныхъ заблужденій и буллы о праздновании юбилея." Кто знаетъ, можетъ быть, эти бомбы духовныя разсчитываютъ на взрывъ бомбъ, на звукъ оружій, болѣе вещественныхъ!... По крайней мѣрѣ, болѣе и менѣе отдаленные примѣры прошедшаго заставляютъ насъ убѣждаться, что звукъ перваго оружія рѣдко когда не вызывалъ аккомпанимана послѣдняго, что демонстраціи ультрамонтанскія большею частію служили сигналомъ, инициативой смутъ, столкновеній и катастрофъ между-народныхъ.

Вотъ, по нашему мнѣнію, краткій очеркъ происхожденія названныхъ сейчасъ документовъ, пущенныхъ въ ходъ Піемъ IX. Чтожъ мы скажемъ онихъ?

Одна газета (1), обсуждая папскую буллу отъ 8 декабря между прочимъ, говоритъ: „непредъявить противъ нея (буллы самаго рѣшительнаго протеста, значилобъ измѣнить своему долгу." Да, если обыкновенныя, нерѣдко даже обыденныя, явленія общественной жизни бываютъ предметомъ разглагольствій, протестовъ, полемики современной прессы, то такой крупный фактъ, какъ послѣдняя булла Пія IX, заслуживаетъ эту честь по преимуществу. Оттого нѣтъ въ Европѣ періодическаго изданія, которое не заплатило бы своей дани этому документу, не отнеслось къ нему, такъ или иначе, по нѣскольку разъ. Обязательно ли такое вниманіе къ произведенію Ватикана для насъ—православныхъ? Мы читаемъ буллу Пія IX съ христіанскимъ соболѣзнованіемъ о заблужденіяхъ и притязаніяхъ папизма; мы закрываемъ ее безъ злорадства, съ какимъ встрѣтили бы подобную ошибку съ нашей стороны паписты, мы прочли

(1) N. F. Presse.

буллу безъ удивленія, потому что напередъ знали ея содержаніе, знали характеръ обличительныхъ буллъ папскихъ. Такими ощущеніями нашего духа мы могли бъ и ограничить наши отношенія къ буллѣ Пія IX, еслибъ она своими отрицаніями не сообщала новаго свѣта божественному православію, — а особенно — если бы въ русскомъ государствѣ не было около 5 мильоновъ папистовъ, не вполнѣ еще умиротворенныхъ, весьма, конечно, заинтересованныхъ полуреволюціоннымъ характеромъ папскаго посланія, и въ свѣтской власти римскаго первосвященника находящихъ нѣкоторую точку опоры для своихъ анархическихъ мечтаній, — надежду на столкновенія свѣтской іерархіи съ духовною, и на выработаніе, подъ шумокъ этого столкновенія, чего либо и для дѣла польскаго. Зная, какъ отецъ святой относился къ польскому возстанію, зная то антихристіанское, судорожное участіе, какое приняло въ этомъ возстаніи папское духовенство, — мы даже предполагаемъ, что въ числѣ побужденій къ обнародованію буллы отъ 8 декабря не послѣднее мѣсто занимали интересы Польши. Нѣкоторыя мѣста буллы (1) дѣлаютъ эту догадку болѣе чѣмъ правдоподобною.

И борьба свѣтской власти съ духовною уже началась; открывшись сперва въ прессѣ, она скоро перешла въ область фактовъ. Уже около 50 епископовъ французскихъ протестовали противъ приказа министра духовныхъ дѣлъ на счетъ не полнаго обнародованія папской буллы и запрещенія говорить по поводу ея съ церковной каѳедры, а 5 епископовъ (2) открыто выступили изъ сферы этого запрета и, съ большею или меньшею торжественностью, нарушили и первую и вторую часть приказанія правительства. Какъ далеко пойдетъ эта борьба, кто останется побѣдителемъ — рѣшить трудно. Кажется, что обѣ стороны склонятся на миръ или перемиріе, постараются кое-какъ замять дѣло, спрятать концы въ воду, — министръ не возметъ обратно

(1) Наприм., о недвижимыхъ имѣніяхъ монастырей, о главенствѣ папы *въ церкви*, не отрицаемомъ папистами, и проч.

(2) Скоро это сдѣлаютъ, такъ или иначе, почти всѣ.

своего приказа, а клерикальная партія не откажется отъ своего протеста и, подъ-рукою, будетъ нарушать его безнаказанно. Такимъ образомъ, нѣкоторая поверхность остается все-таки на сторонѣ ультрамонтанъ и ихъ предводителя. На такой исходъ дѣла намекаетъ и "Крестовая Газета," увѣряющая, что изъ Парижа уже отправлена въ Римъ депеша, въ которой правительство (Наполеонъ III) объявляетъ, что оно довольно объясненіями, данными кардиналомъ Антонелли, и будетъ по прежнему доказывать свою преданность главѣ католической церкви." Мы вполнѣ вѣримъ увѣренію Крестовой Газеты и даже понимаемъ причины „преданности" Наполеона III Пію IX. Преданность эта, въ переводѣ на болѣе ясный языкъ, — значитъ чувство самосохраненія и опасеніе утраты Франціей первенства въ западной Европѣ. Объяснимся нѣсколько подробнѣе. Во императорѣ Французовъ трудно предполагать слишкомъ горячаго паписта, какъ въ общемъ значеніи этого слова, такъ и въ смыслѣ личной привязанности къ Пію IX. Въ послѣднемъ смыслѣ даже было нѣсколько поводовъ къ противоположному чувству. Но, какъ великій мыслитель, какъ глубокій политикъ, Наполеонъ III вполнѣ понимаетъ важность и неприкосновенность религіи народовъ вообще и качество услугъ, оказанныхъ ему клерикальною партіей и еще ожидаемыхъ отъ нея, — въ частности. Онъ знаетъ, что насиліе, заявленное противъ этой партіи, можетъ быть истолковано народамъ, какъ насиліе самой религіи. А надо отдать справедливость римскому духовенству въ томъ отношеніи, что оно умѣетъ весьма ловко проводить, въ смутное понятіе народа, подобныя толкованія и дѣлать его орудіемъ въ развитіи своихъ плановъ, въ проявленіи и симпатій своихъ и антипатій. Вотъ гдѣ ключъ къ истолкованію тѣхъ маленькихъ, такъ сказать, столкновеній, инициативу которыхъ скрывается въ Ватиканѣ и его клевретахъ! Вотъ почему и Наполеонъ III находитъ для себя неудобнымъ задѣвать слишкомъ чувствительно клерикальную партію, а особенно ея предводителя! — Далѣе во имя ли объединенія національностей, изъ великой ли признательности за маленькую услугу, оказанную Викторомъ-Еммануилъ

плоды союзниковъ надъ Севастополемъ, изъ желанія ли пріобрѣсти признательнаго союзника и разомъ *услужить* за старую *дружбу* и Риму и Вѣнѣ, или по всѣмъ этимъ побужденіямъ вмѣстѣ,—повелителю французовъ захотѣлось маленькое сардинское королевство превратить въ 20 мильонное итальянское королевство. Надежды итальянцевъ, подстрекаемыя событіями, окрыляемыя пламеннымъ воображеніемъ юга, понеслись далеко—далеко. Уже они видѣли себя хозяевами Рима, Венеціи,... какъ вдругъ виллафранкскій миръ остановилъ и ходъ событій и иллюзіи земляковъ Данта и Петрарки;—они увидѣли себя остановленными на полдорогѣ къ итальянскому единству,—съ полнѣйшимъ разочарованіемъ на счетъ обладанія и столицею кесарей, и царицей Адріатики; чужое, представилось далеко дороже и обаятельнѣе собственнаго,—и Италія, а съ ней и весь міръ, съ ропотомъ изумленія взглянули на творца итальянскаго королевства. Вопросамъ, протестамъ, воплямъ и нареканіямъ не было конца и мѣры, а благодѣтель Италіи отмалчивался, по обыкновенію, и дѣлалъ свое дѣло. По причинамъ, указаннымъ частію выше, частію ниже, онъ находилъ неудобнымъ отдать другу все, что тотъ взялъ бы съ удовольствіемъ: онъ находилъ неудобнымъ для себя и Франціи отдать Италіи столицу запада, востока, міра, отдать Венецію, столь славную своимъ прошедшимъ, своей позиціей и надеждами. Тогда Франція могла бы скоро очутиться на второмъ мѣстѣ въ спискѣ западныхъ державъ; тогда, чего добраго, въ болѣе или менѣе отдаленномъ будущемъ, Парижъ могъ бы очутиться въ такихъ отношеніяхъ къ новому Риму, въ какихъ находилась Лютеція къ древнему. Такія думы, разсчеты и опасенія занимали умъ Наполеона III во время созданія единой *Полуиталіи*, такія думы занимаютъ его и теперь; а Пій IX подслушалъ эти думы—и смѣло бросаетъ въ своего тѣлохранителя анаѳемой, будучи вполнѣ увѣренъ, что сей послѣдній, бережетъ болѣе себя, чѣмъ владыку Рима, что онъ не можетъ поступить иначе. Вотъ политическая иниціатива буллы отъ 6 декабря; вотъ почему Франціи показалось такъ удовлетворительнымъ объясненіе, по поводу ея, кардинала

Антонелли, которое, въ сущности дѣла — не что иное, какъ уловка школьника, упавшаго въ пропасть, — митинье на Петра, — на оо. іезуитовъ.

И отношенія къ буллѣ 8 декабря органовъ тѣхъ націй, которыя держатся римскаго вѣроученія, далеко не одинаковы. За исключеніемъ какого нибудь „Diritto,“ какъ органа лично заинтересованной въ дѣлѣ стороны, всѣ другіе болѣе горячатся, чѣмъ говорятъ дѣло, угрожаютъ, поражаютъ вниманіе не последовательностью полемики, придиркою къ фразамъ, даже словамъ. Причина такой несостоятельности, при обсужденіи папскаго посланія западниками, весьма понятна. Въ буллѣ Пія IX, какъ и во всѣхъ другихъ буллахъ, какъ и въ цѣломъ кодексѣ папизма, фальшь собственно въ двухъ посылкахъ, именно: папа — глава церкви, папа — государь. Допустивъ первую посылку, трудно, почти невозможно, бороться съ последнею; допустивъ обѣ, рѣшительно уже невозможно опровергнуть все прочее, опирающееся на этихъ основахъ, вытекающее, по силѣ логической последовательности, изъ этихъ посылокъ, какъ выводы и заключенія. Какимъ же, послѣ этого, образомъ паписты, считающіе догматомъ и первую посылку (намѣстничество Христово, главенство папы надъ всею церковью), и вторую (его свѣтскую власть) могутъ логично полемизировать съ буллою Пія IX, — съ низу до верху, построенною на этихъ основахъ? Очевидно, имъ остается бороться не съ принципомъ, а съ частностями, — не съ посылками, а заключеніями. Жалкая полемика! А между тѣмъ папа очень хорошо понимаетъ и это неудобство своихъ немногихъ контрагентовъ и, хоть не безъ риска, вступаетъ съ ними въ открытую борьбу, полагаясь на выручку, вслучаѣ крайности, на несмѣтныя массы неновѣдниковъ своей доктрины. Вотъ еще новая точка опоры для буллы отъ 8 декабря, разсчитанная съ ловкостью подлинно — іезуитскою!

Оттого французское правительство (его примѣру хотятъ последовать и нѣкоторыя другія) допустило нелогичность и въ самомъ остракизмѣ буллы. Дозволивъ, или точнѣе — не запретивъ перепечатывать ее цѣликомъ, говорить объ ней безъ умол-

ку въ газетахъ, о чемъ въ иное время разрѣшило читать въ церквахъ только одинъ разъ, — о праздновании юбилея, закрыло, то есть, для обнародованія папской буллы, въ папской націи, путь самый законный на нихъ, подогрѣло любопытство массъ, преувеличило въ головѣ ихъ фантазію о притѣсненіи религіи, о запретѣ говорить съ отцу „съ вѣрными католиками," вызвало реакцію со стороны духовенства, уже сообщающуюся и массамъ, подало quasi легальный поводъ къ нарушенію запрета правительства, — вообще — придало буллѣ Пія IX значенія больше, нежели сколько она имѣетъ, и только больше способствовало достиженію той цѣли, отъ которой хотѣло устранить само же правительство. Далеко поступило бы дальновиднѣе правительство, если бы запретило юбилей, — это святотатственное „открытіе (слова Пія IX) небесныхъ сокровищъ церкви, находящихся въ папскомъ распоряженіи," (1) это отпущеніе *всякихъ* грѣховъ и прошедшихъ, и настоящихъ, и будущихъ, на цѣлый мѣсяцъ въ теченіи цѣлаго года. Сама булла такъ одряхлѣла, такъ ничтожна, что въ ней самой заключается самое грустное ея, какъ выражаются италіянцы, fiasco, самое рѣзкое доказательство ея обскурантизма, ретроградности; но юбилей уже — не клочокъ несостоятельной бумаги, или пергамена, не теорія, а дѣло, и притомъ такое, которое очутится въ самыхъ искусныхъ рукахъ, единственными агитаторами котораго будутъ *солдаты маэстра*, — клевреты папства, которые пустятъ въ ходъ, при этомъ удобномъ случаѣ, и исповѣдь, и несмолкаемыя проповѣди, въ которыхъ и на которыхъ будутъ говорить многое, о чемъ не слѣдовало бы говорить и что не всякому можно слышать.

Теперь намъ остается сказать то немногое, чего не могли или не хотѣли досказать паписты. Наше положеніе, въ этомъ случаѣ, далеко независимѣе ихъ положенія, мы не стѣснены ни предразсудками, ни фальшью доктрины папской, ни отношеніями нашими къ главѣ римской церкви. Его чувства къ

(1) Какъ тутъ не вспомнить польской пословицы: «czego nie kupuje, tego nie żałuje»

намъ извѣстны и неизмѣнны; искуственныя связи, въ какихъ мы находились съ нимъ, недавно порваны почти окончательно. Это предоставляетъ намъ такую свободу слова, въ отношеніи къ буллѣ Пія IX, которою можетъ пользоваться въ современной Европѣ одна почти православная Россія.

Въ буллѣ Пія IX содержаніе видимо двоится: одну ея часть можно назвать нравственно-религіозною, другую политическою; первая опирается на главенствѣ папы въ церкви, послѣдняя на его *quasi* предсѣдательствѣ въ сонмѣ государей. По причинѣ тѣсной связи, какая существуетъ между этими псевдо—властями, булла Пія IX такъ сбивчива, непослѣдовательна, въ ней такъ странно перепутаны обличенія чисто — нравственныя съ притязаніями политическими, что можно было бы удивляться не логичности Пія IX, если бы мы не знали, что эта не логичность—умышленна. Ему нельзя было отдѣлить одной своей миссіи отъ другой; онъ одинаково *непогрѣшимъ во всѣхъ* своихъ приговорахъ и нравоученіяхъ; ему нужно было говорить обо всемъ вдругъ. Отдѣли онъ на бумагѣ пастырскія наставленія, обличенія, отъ нетерпѣнія, отъ притязательностей политическихъ, — и онѣ были бы отдѣлены на дѣлѣ, и всякій имѣлъ бы поводъ сказать: мы признаемъ христіанское ученіе римскаго, первосвященника, внимаемъ съ благоговѣніемъ нравственному наставленію главы церкви,—допускаетъ одну часть его аллокуціи но протестуетъ противъ его вторженія въ область предметовъ, неподлежащихъ его приговору, отвергаетъ другую часть его аллокуціи,—политическую, мірскую. Оттого въ буллѣ Пія IX рядомъ стоятъ: атеизмъ, раціонализмъ, коммунизмъ, соціализмъ, съ вѣротерпимостью, съ насиліями инквизиціи, съ предоставленіемъ права эмигрантамъ свободно исповѣдывать свою религію и проч. Оттого равной подвергаются анаѳемѣ и тѣ, которые отвергаютъ бытіе Божіе, божество Іисуса Христа, какъ и тѣ, которые непризнаютъ мірской власти римскаго епископа, совмѣстимости ея съ властію духовною, которые держатся системы невмѣшательства, отнимаютъ имѣнія у монастырей, кото-

рые выгораживаютъ, въ какомъ бы то нибыло отношеніи, изъ подъ руководства и опеки римскихъ первосвященниковъ, умъ и совѣсть, дѣла и намѣренія государей и народовъ, и проч. и проч. Нужно было, видите, человѣческое гарантировать божескимъ, земное — небеснымъ, — показать, что всѣ эти наставленія исходятъ изъ одного принципа, опираются на однѣхъ началахъ, что нарушеніе котораго либо изъ нихъ — одинаково преступно, равно противно идеямъ непогрѣшимости, главенству, мірской власти папы, равно преступно въ очахъ Того, Кто поставилъ римскаго епископа Своимъ намѣстникомъ, главою церкви. Изумительное кощунство и самообольщеніе! И стало же ослѣпленія у Пія IX сказать, послѣ подписи этого жалкаго документа: „monumentum eregi" (я воздвигъ памятникъ)! Это не памятникъ, а столпотвореніе вавилонское! Не даромъ о. Лакордеръ сказалъ: „ультрамонтане погубилибъ и Самаго Бога, еслибъ была какая нибудь возможность погубить его."

Собственно нравственная и отчасти религіозная сторона буллы Пія IX,—въ большинствѣ своихъ положеній, не перечитъ ученію Христову, не выходитъ изъ круга обязанностей христіанскаго учителя. Настоящій вѣкъ переполненъ такими лжеученіями, такимъ обиліемъ отрицаній, что если бы необличали ихъ церковь и христіанство, противъ нихъ,—воспользуемся словами небеснаго учителя,—*завопили бы камни.* Призывать на эти порожденія испорченныхъ умовъ и совѣстей гнѣвъ неба и проклятія людей—прямая обязанность не только учителя церковнаго, но и всякаго честнаго и вѣрнаго христіанина. За то, какъ грѣховна та половина папской доктрины, которая употребила эту архипастырскую миссію только драпировской другой миссіи, далеко не христіанской—въ устахъ, особенно, намѣстника Христова! Извращеніе всѣхъ почти основъ гражданскихъ обществъ, проклятіе всего, что составляетъ *истинный* прогрессъ человѣчества, проповѣдуемое гоненіе на всѣхъ диссидентовъ, желаніе толкнуть міръ христіанскій 5 вѣками назадъ,—въ эпоху Гильдебрандовъ, судорожное отстаиванье римскимъ

епископомъ мнимыхъ правъ своихъ на мірское преобладаніе надъ народами и государями и проч.,—какъ все это дико, чтобы не сказать сильнѣе,—въ устахъ человѣка, который долженъ быть провозвѣстникомъ ученія кроткаго, незлобиваго Богочеловѣка, неимѣвшаго гдѣ главы преклонить, жившаго весьма часто подъ кровомъ созданнаго Имъ неба, питавшагося почти милостынею и умершаго на крестѣ, между двумя разбойниками!...

Но изъ всей этой массы прещеній разнаго достоинства, особенно выдаются: сперва, разумѣется, свѣтская власть папы надъ всѣмъ міромъ христіанскимъ, потомъ анаѳема системѣ невмѣшательства и наконецъ такая же анаѳема отрицанію права на владѣніе духовенствомъ недвижимою собственностью. Всѣ эти притязанія рѣшительно не касаются вѣры; всѣ онѣ построены на корысти и властолюбіи; а между тѣмъ онѣ-то и составляютъ душу буллы Пія IX, какъ и буллъ большинства его предшественниковъ. Папы безразлично, если не съ радостію, глядѣли на пытки и казни инквизиціи, на повсюдныя кровопролитія, вызванныя интригой и фанатизмомъ латинства, благословляли порой клятвопреступленія, подвиги разбойниковъ, разрѣшали беззаконія; но коль скоро задѣвалась мірская власть римскаго епископа, отнимались имѣнія у монастырей,—папы начинали проповѣдывать мораль, не забывая при этомъ, конечно, и земныхъ своихъ интересовъ, включая ихъ въ число обязанностей, лежащихъ на всякомъ „католикѣ,“ въ отношеніи къ церкви и небу. И настоящій папа просмотрѣлъ бы и пантеизмъ и атеизмъ и проч., какъ просмотрѣлъ душегубство польскаго духовенства и проч., еслибъ Австрія и Франція помогли бунтовавшимъ полякамъ, если бы не было франко-итальянской конвенціи 3 сентября, если бы Франція не освобождалась этой конвенціей отъ должности папскаго тѣлохранителя, а Испанія и Австрія не отказались смѣнить ее на этомъ „почетномъ караулѣ“—по системѣ *невмѣшательства*, еслибы во всемъ мірѣ христіанскомъ непризнано было необходимымъ избавить монастыри отъ такой

несродной имъ заботы, каково владѣніе имѣніями, и еслибы, наконецъ, не заговорили такъ громко, такъ правдиво не только диссиденты, но и паписты, о неестественности сочетанія въ одной особѣ власти царской съ властью епископа. Особенно нестерпимо кажется Пію IX это ужасное *невмѣшательство!*... Толи дѣло, еслибы при первомъ недоразумѣніи, при первой вспышкѣ революціи, по одному манію папъ, народы вмѣшивались въ чужія дѣла и рѣзали другъ друга для пользы папства,— „ad maiorem Dei gloriam!"

IV.

—

ВОЕВОДА ВОЛЧІЙ ХВОСТЪ,

ПОВѢСТЬ КРАСНАЯ

ВРЕМЕНЪ ВЕЛИКИХЪ КНЯЗЕЙ СВЯТОСЛАВА

И

СЫНА ЕГО ВОЛОДИМІРА.

(Продолженіе).

Часть II.

IV.

Идольскія требища.

Въ глухую полночь градъ Кіевъ былъ переполненъ безчисленнымъ множествомъ народа. Улицы града, небольшія его площадки и даже вокругъ града волновались тмы-темъ народа. Старцы и дѣти, жены и дѣвицы, всѣ здѣсь были. Крикъ, шумъ, хохотъ, слышались на нѣсколько верстъ. И всѣ отъ мала—до велика были въ какомъ то неестественномъ настроеніи духа; всѣ ожидали чего то необыкновеннаго, ждали чего то съ нетерпѣніемъ. Если бы сторонній зритель захотѣлъ прислушаться къ говору этихъ необозримыхъ массъ народа, то кромѣ частыхъ проклятій крещеннымъ, онъ ничего бы больше не услыхалъ.

Пробраться въ средину града было немыслимо и попытка, быть можетъ, стоила бы жизни, такъ какъ почти всѣ мущины были вооружены дубинами, ратищами, щитами и мечами.

Въ тоже время на Угорище, на Подоліи, и за градомъ, вокругъ церквей крещенныхъ, царствовало глубокое безмолвіе; окрестности этихъ мѣстъ покрывала мрачная темнота ночи и только зарево кладней, пылавшихъ въ самомъ градѣ, было ярко видно и въ тѣхъ отдаленныхъ мѣстахъ. Крики буйнаго народа, наполнявшаго и окружавшаго градъ, явно слышались и въ самыхъ отдаленныхъ дебряхъ Угорскаго и далеко неслись за Оболонье и за Днѣпръ къ Чертову-лѣсу.

За нѣсколько часовъ до разсвѣта, изъ града, среди густой массы народа проскакалъ на бѣломъ конѣ вершникъ; бѣлый платъ покрывалъ его голову и самое лице. Въ слѣдъ за нимъ, въ нѣсколькихъ шагахъ, промчались еще два вершника. Народъ съ громкими и радостными восклицаніями провожалъ ихъ взорами; когда вершники скрылись въ темнотѣ ночи, то массы народа еще болѣе разсвирѣпѣли и еще громче послышались: брань, проклятія и угрозы крещеннымъ.

Тысячи цѣръ пылало въ рукахъ женщинъ и дѣтей и освѣщало это небывалое въ прежніе годы зрѣлище, вокругъ града древняго князя Кія.

Проѣхавъ оврагъ, отдѣлявшій градъ отъ возвышенности, на которой стояла маленькая деревянная церковь св. Софіи, вершники съѣхались вмѣстѣ, остановили коней и начали довольно тихо между собою совѣтоваться:

— Я поѣду на Аскольдову; — сказалъ вершникъ ѣхавшій впереди, у котораго почти все лице было закрыто бѣлымъ платомъ.

— А я здѣсь останусь.

— Ну, такъ мнѣ надобно ѣхать къ Иліи, на ручей.

— Ты Петро, поѣзжай къ Иліи, а ты Ивой къ Софіи,—я такъ сказалъ и великому князю. Намъ не слѣдуетъ опасаться разъяренныхъ перунщиковъ, такъ какъ князь приказалъ всей своей крещенной и не крещенной рати оберегать наши церкви и всѣхъ и каждаго крещеннаго. Вчера, въ полдень, въ каменномъ теремѣ, былъ соборъ всѣхъ градскихъ старцевъ, нарочитыхъ мужей—перунщиковъ и всѣхъ воеводъ—перунщиковъ и строго великій князь приказалъ имъ оберегать крещенныхъ; а если хотя одинъ крещенный будетъ убитъ перунщикомъ, то десять головъ некрещенныхъ отлетятъ за одну крещенную.

— Да, это все ладно, воевода, но вѣдь какая сила можетъ удержать перунщиковъ, когда они замыслятъ принести новому своему богу жертву крови крещеннаго?

— Ты Ивой долженъ помнить, что есть сто плѣнныхъ полочанъ, ихъ назначено принести въ жертву, и вѣроятно и принесутъ.

— Сто человѣкъ будутъ умерщвлены, самымъ ужаснымъ образомъ? Боже правый!

— Однакожъ пора намъ ѣхать къ своимъ мѣстамъ. Прощайте други, Ивой и Петро.

— Прощай воевода!

— Прощай великій воевода! произнесъ Ивой и поворотилъ коня.

Вершники разъѣхались въ разныя стороны.

Воевода довольно быстро помчался къ Угорищу. Проѣхавъ близь Аскольдовой могилы и помолившись у церкви, воевода поѣхалъ по взгорью, среди чащи лѣса, и скоро достигъ тайнаго входа въ подземельное жилище крещенныхъ.

Остановивъ коня у самаго входа въ это жилище, воевода слѣзъ съ него и ввелъ въ чащу густыхъ кустовъ, и, среди мрака ночи, увеличеннаго густотою лѣса, среди безмолвія,

прерываемаго, едва доносившимися до того мѣста, всплесками днѣпровскихъ водъ, осторожно началъ проникать во внутрь священнаго подземелья. Узкій и низкій могильный проходъ хорошо былъ ему знакомъ; безъ огня и путеводителя онъ прошелъ его, мало помалу углубляясь въ нѣдра земли и въ концѣ прохода замерцалъ тусклый, мертвенный свѣтъ, падавшій на красно-желтыя пещаныя стѣны подземелья. Воевода сдѣлалъ еще нѣсколько шаговъ, и предъ нимъ открылось нѣсколько расширенное пространство, озаренное едва горѣвшею глиняною лампадкой, стоявшей въ углубленіи пещаной стѣны; на ней остріемъ по песку былъ начертанъ ликъ Спасителя. Предъ этимъ ликомъ на колѣнахъ молилась прекрасная Юнія; и въ то самое мгновеніе, когда воевода увидѣлъ ее, руки ея были воздѣты.—Молитва дѣвы была безмолвна, но пламенна;—воевода остановился позади молившейся. Онъ видѣлъ предъ собою свою прекрасную Юнію, казалось, въ ту минуту еще болѣе очаровательною, но и тѣнь земнаго помысла не касалась его души, озаренной свѣтомъ христіанской вѣры, напротивъ мысли его возносились изъ нѣдръ земли въ безпредѣльное небо и падали предъ престоломъ Трисвятаго— незримаго Вседержителя міра.

Нѣсколько минутъ воевода стоялъ позади Юніи въ глубокомъ безмолвіи, въ углу пещеры, и не смѣлъ нарушить ея пламенной молитвы.

Юнія приподнялась, воевода приблизился къ ней.

— Николай,— благословенъ твой приходъ, тихо произнесла Юнія. На глазахъ ея блистали слезы.

— Мы всѣ въ страхѣ; съ минуты на минуту ожидаемъ мученической смерти. Вся пещера наполнена нашими братьями и сестрами. Кто не могъ помѣститься въ ней, тотъ помѣстился въ другихъ, а многіе скрылись въ дебри, боясь лютыхъ перунщиковъ. Скажи, что съ нами будетъ? вѣдь идольщики могутъ отыскать насъ, могутъ проникнуть сюда и мы погибнемъ.....

— Не страшись Юнія, я присланъ къ вамъ отъ великаго князя съ благовѣстіемъ: онъ всѣмъ крещеннымъ — твердая защита и нерушимая охрана. Гдѣ матушка Анна, отецъ Григорій, гдѣ всѣ наши?

— Дальше проходи. Вотъ я возьму лампадку и пойдемъ къ нимъ.

— Пойдемъ, я передамъ всѣмъ слова великаго князя.

Съ лампадкой въ рукѣ Юнія шла впереди, проникая узкимъ проходомъ далѣе, во глубь подземелья, а за нею шелъ воевода—Волчій Хвостъ.

Въ концѣ втораго подземнаго корридора,—узкаго, мрачнаго какъ могила и также сыраго какъ она, открылась новая подземная келлія, но уже гораздо обширнѣе той, въ которой молилась Юнія. Въ этой келліи было изрыто нѣсколько земляныхъ ложей; по стѣнамъ начертано болѣе ликовъ святыхъ и накопчено свѣчей нѣсколько крестовъ. Двѣ небольшія лампадки, также глиняныя, озаряли эту келлію; человѣкъ пять мущинъ и до десяти женщинъ стояли на колѣнахъ и молились предъ образами угодниковъ, начертанныхъ на пещаной стѣнѣ пещеры. Когда вошли въ пещеру Юнія и Николай, то молитва всѣхъ была прервана, молившіеся встали на ноги и тотъ часъ начались вопросы о предстоявшемъ событіи.

Анна,—прежняя Алла, первая обратилась къ воеводѣ съ вопросомъ.

— Мы здѣсь всѣ погибнемъ; мы уже приготовились встрѣтить смерть отъ нашихъ лютыхъ гонителей. Но какъ они насъ умертвятъ? вытащатъ ли всѣхъ отсюда и предадутъ растерзанію и въ жертву своимъ богамъ, или здѣсь погребутъ насъ навсегда, отыскавъ входъ въ подземелье наше и засыпавъ его пескомъ?

— Братія и сестры не опасайтесь перунщиковъ: великій князь объявилъ и далъ приказъ, что если они лишатъ жизни кого либо изъ насъ, то за одну крещенную голову погибнетъ десять некрещенныхъ. Онъ вчера призывалъ меня къ себѣ, дол-

то и очень долго говорилъ со мною и въ разговорѣ высказалъ, что крещенныхъ онъ любитъ, что Богъ въ коего мы вѣруемъ, есть Богъ истинный, что онъ это постигаетъ и тайно исповѣдуетъ его; что мать и бабка его научили этому, но что еще не приспѣло время ломать отческій обрядъ; что и славяне чтутъ Бога небеснаго, а только имъ нуженъ вещественный Его образъ, ибо ихъ умъ не можетъ постигать безъ образа— Бога небеснаго, незримаго окомъ человѣческимъ. — Наши церкви и дома будутъ охранять воины великаго князя и мы будемъ свободно въ церквахъ нашихъ творить молитвы Богу нашему. Это повелѣлъ мнѣ передать вамъ великій князь нашъ. Молитесь, да сохранитъ васъ Христосъ—Спаситель. Завтра увидимся, а теперь спѣшу въ теремъ къ великому князю. Поцаловавшись со всѣми, воевода вышелъ изъ пещеръ, сопровождаемый Юніею, сѣлъ на коня и прежнею дорогою ѣхалъ, все еще среди тьмы ночной, направляя путь свой ко граду.

Когда онъ поднялся на возвышеніе надъ могилою Аскольда, то вдали, среди чащи бора, представилось взору его необозримое море пламени изъ кладней, пылавшихъ какъ среди самаго града, такъ и по сельбищамъ, примыкающимъ къ нему. Неистовые крики многихъ тысячъ народа и звуки трубъ, сопелей, русалей и бубнъ оглашали окрестности, еще покрытыя мрачною пеленою ночи. Горькія чувства сильно волновали широкую, богатырскую грудь славнаго воеводы, Волчаго Хвоста. Онъ ѣхалъ довольно скоро, но желалъ, чтобы путь его продлился хоть на безконечное время. Ему, какъ познавшему истиннаго Бога, не хотѣлось въ ту пору ѣхать въ градъ, гдѣ онъ долженъ былъ увидѣть невиданное имъ во всю его жизнь и небывалое еще торжество идольства. Взоръ его былъ мраченъ и голова склонившаяся къ груди. Самый конь, казалось, наровилъ унесть его мимо града, на Подолье къ ручью, къ тому мѣсту гдѣ виднѣлась убогая церковь Св. Иліи. Но онъ долженъ былъ, какъ воевода великаго князя, спѣшить въ отній его теремъ.

Изъ за спокойнаго зеркала широко разливающагося Днѣпра выплыло золотое солнце, и во всемъ своемъ величіи, во всей своей красотѣ, отразилось въ этомъ зеркалѣ, озолотивъ его своими яркими лучами; черныя стѣны лѣсовъ, представлявшіяся во время ночи нерушимыми твердынями гигантской крѣпости, зазеленѣли яркою зеленью; откосы и ребра приднѣпровскихъ возвышенностей выказывали по мѣстамъ то золотистый, то снѣговидный песокъ. Отъ Днѣпра повѣялъ ароматный вѣтерокъ; каждый живой человѣкъ, въ тотъ часъ, смотря на красоту окружавшей его природы, казалось, долженъ былъ чувствовать, что онъ долженъ будетъ жить вѣчно; что все окружающее его создано не кускомъ дерева или камня, обтесаннаго человѣческою рукою, а тѣмъ кого никто изъ смертныхъ не зритъ... Но увы, и въ то время многіе этого не разумѣли, какъ и нынѣ многіе того понять не могутъ....

— Если я сознаю Твое величіе, истинный Создатель, смотря на твореніе рукъ Твоихъ,—то я и по смерти моей буду живъ. Кто могъ создать это солнце, луну и милліоны звѣздъ какъ не Ты, кого я исповѣдую, не зря Тебя моимъ тлѣннымъ окомъ. О какъ я счастливъ, что уже не идольщикъ... О! Боже, счастливъ!... Такія мысли наполняли душу воеводы, когда онъ въ нѣмомъ восторгѣ смотрѣлъ на взошедшее солнце, озарившее яркимъ блескомъ своимъ всю окрестность и плывшее по лазурной чашѣ неба.

Но вотъ воевода уже у каменныхъ вратъ града, и несмѣтная толпа перунщиковъ преграждаетъ на каждомъ шагу коню его скорый бѣгъ; и шагъ за шагомъ, повинуясь движеніямъ самой толпы, онъ медленно пробирается къ сторонѣ каменнаго терема. Вотъ онъ уже *у Бабьяго торжка*, и что же представилось его взору:

На мѣстѣ прежняго истукана *перуна*, на новомъ каменномъ столпѣ красовался новый, огромный, деревянный истуканъ бога грома и молніи—*перунъ*. Голова его блистала серебромъ, усы золотомъ, а весь истуканъ былъ окрашенъ яркою, красною

красною. Вокругъ истукана было сложено, изъ дикаго камня, девять *жертвищъ*, вокругъ коихъ толпились густыя массы идольщиковъ. На каждомъ жертвищѣ было приготовлено, для принесенія въ жертву, животное. На переднемъ лежалъ связанный, черный, откормленный быкъ, на другихъ овцы, козы, собаки, кошки и даже разная домашняя птица. Вокругъ идола была сдѣлана ограда, за которую народъ не смѣлъ входить.

Въ этой оградѣ, предъ самимъ истуканомъ, у его высокаго подножія, было сдѣлано особое жертвище, покрытое дорогою золотистою паволокою. На жертвищѣ стояли различныя золотыя и серебряныя судины: чаши, мисы, куфы, чарки, и туры рога и лежала расплетенная длинная черная дѣвичья коса, конецъ которой, отрѣзанный отъ головы, былъ вдѣланъ въ золотую рукоятку, подлѣ не большой мечъ, лукъ, колчанъ со стрѣлами и щитъ.

Между всѣми жертвищами пылали огромные кладни дубовыхъ дровъ; а самый большій — предъ истуканомъ; вокругъ каждаго кладня были воткнуты въ землю по шести копій.

Женщины, стоявшія у кладней, держали въ рукахъ огромныя связки ароматическихъ растеній, и по временамъ, бросали въ огни части этихъ связокъ. Въ рукахъ многихъ женщинъ замѣчались небольшіе металическіе и глиняные сосуды.

У каменнаго терема, подъ дорогою попоною, изъ цареградской матеріи, протканной золотомъ и серебромъ и ушитой самоцвѣтными камнями и жемчугомъ, два красивыхъ отрока держали подъ уздцы статнаго бѣлаго восточнаго коня. Нѣсколько поодаль отъ него, почти противъ главнаго входа въ теремъ, стоялъ Костарь, облеченный въ длинную, пурпуроваго цвѣта, мятлю. Онъ держалъ въ правой рукѣ, аршина въ три длинною, тонкую, красную палку, къ верху которой былъ привязанъ лошадиный бѣлый хвостъ. По сторонамъ сѣдаго Костаря, дрожавшаго отъ дряхлости и своего недуга, стояли два

отрока одѣтые также въ пурпуровые мятли. На головѣ Костаря торчалъ высокій, конусообразный, шерстяной, бѣлый колпакъ, а головы отроковъ были покрыты бѣлыми платами. За Костаромъ, въ двухъ шагахъ отъ воротъ теремнаго двора, стоялъ старикъ Миславъ, также поддерживаемый двумя отроками: Миславъ былъ въ шерстяной, зеленаго цвѣта эпанчицѣ; на головѣ его былъ бѣлый платъ. Отроки, поддерживавшіе его, были въ эпанчицахъ голубыхъ, головы ихъ были безъ платовъ.

Вездѣ и во всемъ видимо было приготовленіе къ совершенію знаменательнаго торжества.

Вся площадь и всѣ прилежащія къ ней мѣста были битькомъ набиты народомъ; самыя высокія крыши доминъ, на которыя, въ другое время, казалось, невозможно было взлѣзть и удержаться, на тотъ разъ были совершенно покрыты народомъ. На дворѣ велико-княжескаго терема, столпилось столько отборнаго люда, что не было возможности юношѣ, попавшему въ средину толпы, сдѣлать и малое движеніе. Оставался свободнымъ проѣздъ отъ дверей терема къ воротамъ двора и отъ мѣста гдѣ стояли кони, да Костарь и Миславъ, и то потому, что были обнесены деревянными перилами и охраняемы мечниками.

Начало торжества ожидалось народомъ съ минуты на минуту. Ожидавшіе съ нетерпѣніемъ спрашивали другъ у друга о причинѣ медленности въ начатіи торжества, но никто не могъ разрѣшить вопросовъ, хотя многіе высказывали свои различныя предположенія.

Воевода Волчій Хвостъ, остановивъ, на нѣсколько мгновеній, коня своего противъ идола и окинувши однимъ взглядомъ небольшую площадь, на которой высился истуканъ и кипѣли, вокругъ него, массы народа, скорѣе прежняго поѣхалъ къ велико-княжескому терему. Толпы народа почтительно отступались предъ нимъ, давая ему дорогу впередъ. Свободно проѣхалъ онъ площадь и въѣхалъ въ теремной дворъ. Здѣсь вскочивъ съ коня передалъ его одному изъ стоявшихъ у входа отроку, а самъ пошелъ въ теремъ.

Среди народа поднялся еще сильнѣе нетерпѣливый говоръ и ропотъ; но вскорѣ, этотъ говоръ умолкъ и вслѣдъ затѣмъ у вратъ терема показалось болѣе двадцати воеводъ и старцевъ градскихъ, а за ними много знаменитыхъ и нарочитыхъ людей. Всѣ они спѣшили садиться на коней; и едва только успѣли сѣсть, какъ на крыльце вышелъ великій князь, облеченный въ пышную и драгоцѣнную велико-княжескую, длинную, багрянаго цвѣта, суконную мятлю, застегнутую на правомъ плечѣ дорогою запоною, средину которой украшала большая жемчужина. На головѣ великаго князя была небольшая чернаго смушка шапка, колпакообразный верхъ которой былъ бѣлаго сукна. Исподнее его платье было изъ зеленой паволоки, отороченное внизу широкою полосою золотого позумента.

Какъ только великій князь показался на крыльцѣ терема, вотъ часъ подвели ему статнаго, бѣлаго коня, сбруя котораго густо была украшена золотыми солидами, а узда самыми крупными драгоцѣнными каменьями, цареградское сѣдло все было шито золотыми разводами и жемчугомъ. Стремена серебряныя, украшенныя также дорогими камнями и рѣзбою. Сѣвъ на коня, великій князь далъ знакъ рукою, чтобы дружина его слѣдовала за нимъ. И вотъ процессія двинулась:

Впереди ѣхали велико-княжескіе отроки, въ стальныхъ шишакахъ и кольчугахъ, грудь и ноги были покрыты стальными латами; въ правыхъ рукахъ они держали желѣзные, согнутые дугою и окрашенные красною краскою, щиты, а въ лѣвыхъ были копья. За дружиною шелъ Костарь, поддерживаемый отроками, за нимъ старецъ Миславъ; потомъ ѣхало нѣсколько старцевъ градскихъ, нѣсколько нарочитыхъ людей и воеводъ, но среди ихъ не было Волчаго Хвоста.

За ними ѣхалъ великій князь и позади его множество воеводъ, отроковъ, гридней и множество, разныхъ званій и возрастовъ, людей, принадлежащихъ къ велико-княжеской дворнѣ и почитавшихъ древній законъ.

Народъ, завидѣвъ велико-княжескій поѣздъ, падалъ ницъ и поднимался только по проѣздѣ великаго князя. Когда вели-

кій князь пріѣхалъ на перуновскую площадь, то весь народъ до послѣдняго человѣка, въ знакъ своего уваженія къ великому князю, снова палъ ницъ и оставался въ такомъ положеніи, пока великій князь не произнесъ: востаньте дѣти перуна бога нашего.

Народъ всталъ.

Князь подъѣхалъ къ истукану и остановилъ коня прямо противъ него.

Костаря, какъ главнаго идольскаго кудесника—жреца, торжественно взвели отроки на приготовленное возвышеніе, устроенное у подножья перуна. Нѣсколько ниже Костаря остановился, также поддерживаемый отроками, старецъ Миславъ, почитаемый перунщиками за любимаго сына перуна.

Мгновенно воцарилось молчаніе. Всякъ присутствующій, съ внутреннимъ трепетомъ, ожидалъ чего то необыкновеннаго, ожидалъ со страхомъ, съ нетерпѣніемъ и умиленіемъ.

Принявши торжественное положеніе, Костарь поднялъ высоко надъ головою своею палку, которую онъ держалъ въ рукѣ, и лошадиный хвостъ, придѣланный къ ея концу, разметался въ воздухѣ. Сдѣлавъ, какія то таинственныя движенія во всѣ четыре стороны этою палкою, Костарь поставилъ ее у ногъ истукана и—взявъ съ жертвища мечь, повторилъ имъ тѣже движенія какія дѣлалъ палкою; потомъ, снявъ колпакъ съ головы своей, Костарь взялъ отъ истукана мечь и положилъ его на голову свою и взявши два золотые сосуда въ руки, сошелъ съ возвышенія и приблизился къ переднему жертвищу, на которомъ лежалъ связанный, черный, тучный быкъ; Костаръ началъ кричать и бѣгать вокругъ жертвища, дѣлая разныя странныя и до крайности непристойныя тѣлодвиженія, безпрестанно разсѣкая, надъ головою своею, воздухъ мечемъ, Въ такомъ бѣснованіи, оббѣгши нѣсколько разъ вокругъ жертвища, онъ взялъ изъ рукъ отрока, передъ тѣмъ поданную имъ золотую чашу, приблизился къ быку и страшно завылъ. Быкъ, предчувствуя свою гибель, также зарычалъ. Съ демонскимъ хохотомъ вонзилъ Костарь мечь въ сердце быка и струя крови

фонтаномъ брызгнула изъ раны животнаго. Костарь подставилъ чашу къ ранѣ и вскорѣ она наполнилась кровью; передавъ ее одному изъ отроковъ, онъ взялъ другую изъ руки отрока и, мгновенно сдѣлавъ еще двѣ раны въ груди животнаго, также наполнилъ и эту чашу кровью. Быкъ быстро окончилъ свое существованіе. Торжествуя, Костарь, взявъ въ свои руки сосуды, наполненные кровью и опять, положивъ мечь на свою голову, торжественно возвратился къ подножью перуна, поставилъ сосуды на жертвище, обратился къ истукану лицемъ, проговорилъ на печенѣжскомъ языкѣ какія то заклятія; потомъ поворотился къ жертвищу, взялъ дѣвичью косу, окунулъ ее въ сосудъ, наполненный кровью и началъ ею мазать истуканъ, дабы умилостивить этого великаго бога—грома и молніи.

Обмазавъ истуканъ, Костарь испилъ предъ народомъ крови изъ сосуда и опять, окунувши косу въ сосудъ, началъ кропить кровью предстоявшій народъ, который сильно тѣснился къ Костарю, желая, чтобы и хоть малѣйшая брызга крови пала на каждаго людина, такъ какъ это считалось каждымъ идольщикомъ за величайшее счастіе. Потомъ Костарь взялъ свою палку, слилъ кровь въ одинъ сосудъ, омочилъ лошадиный хвостъ въ кровь и палкою началъ помахать въ воздухѣ, чтобы и дальній народъ окропить кровью и каждаго присутствовавшаго этимъ осчастливить.

Окончивъ окропленіе народа кровью, Костарь опять сошелъ съ возвышенія, приблизился къ умерщевленному быку и своимъ мечемъ разрѣзалъ ему животъ. Внутренности обнажились и по нимъ онъ началъ гадать:

— Великому князю побѣда надъ врагами и слава во всѣ концы свѣта, а народу его хлѣбъ, медъ и зелено—вино пошлетъ богъ—перунъ на многіе годы, произнесъ костарь.

Народъ въ восторгѣ огласилъ воздухъ страшными криками. Костарь, торжествуя, возвратился на возвышеніе и сѣлъ у ногъ истукана.

Старецъ Миславъ подошелъ къ Костарю и поклонился ему. Костарь всталъ, взялъ сосудъ, опорожненный отъ крови и по-

далъ его и мечь Миславу. Съ сосудомъ и мечемъ Миславъ подошелъ къ жертвищу, на которомъ лежалъ приготовленный для жертвы баранъ и мечемъ пронзилъ его грудь; и также какъ и Костарь собравъ кровь въ сосудъ, возвратился съ нимъ къ главному жертвищу, на которое поставилъ сосудъ и положилъ мечь.

Костарь смѣшалъ кровь быка, остававшуюся въ одномъ сосудѣ, съ кровью барана и опорожненный сосудъ и мечь подалъ Миславу. Миславъ, какъ и въ первый разъ, подошелъ къ слѣдующему жертвищу, на которомъ была приготовлена овца и, убивъ ее, собралъ часть крови въ сосудъ; за тѣмъ подходилъ и къ прочимъ жертвамъ, убивалъ ихъ, вонзая каждому животному мечь въ сердце и собиралъ въ сосудъ часть истекавшей крови. Когда всѣ жертвы были закланы, Миславъ, съ сосудомъ въ рукахъ возвратился къ главному жертвищу и, передавъ сосудъ и мечь Костарю, занялъ свое мѣсто. Костарь, поставивъ сосудъ съ кровью на жертвище и сдѣлавъ надъ нимъ заклинанія, сошелъ съ возвышенія и подъ каждую закланную жертву подкладывалъ огонь, громко произнося непонятныя для предстоявшихъ слова. Поджегши всѣ жертвища, Костарь взялъ великокняжескаго коня за узду и нѣсколько разъ провелъ его среди пламени костровъ, между растановленными копьями. Великій князь бодро сидѣлъ на конѣ, а Костарь зорко слѣдилъ за поступью коня и изрѣкалъ непонятныя слова и заклинанія.

— Быть тебѣ счастливу на отнемъ столѣ, въ великомъ твоемъ княженіи. Будешь ты и здравъ и долголѣтенъ, конь твой счастливо прошелъ всѣ ратища..... сказалъ Костарь.

Великій князь, вынувъ изъ одежды своей горсть цареградскихъ солидовъ, осыпалъ ими голову Костаря.

Поцаловавъ край епанчи князя, Костарь собралъ золото и въ сопровожденіи отроковъ, торжественно ушелъ съ площади, въ теремъ.

— Даю, какъ и предки мои давали, десятую часть добычи моей богу перуну!—изрекъ великій князь предъ народомъ.—

Мущины собрались тѣсными группами подлѣ каждаго жертвища и, распластавъ жертвенныя животныя, гадали по ихъ внутренностямъ; женщины же толпились близь Мислава, который, взявъ съ жертвища сосудъ съ кровью, отливалъ ее каждой женщинѣ, подставлявшей ему свой сосудъ, заранѣе для этого приготовленный; кровь эта считалась перунщицами вѣрнымъ средствомъ противъ нечистаго духа и всѣхъ его наважденій и лекарствомъ отъ болѣзней.

Когда всѣ жертвы были объяты пламенемъ, великій князь со свитой поѣхалъ по граду, поклониться идоламъ, также какъ и перуну поставленнымъ имъ заново.

И поклонился онъ съ дружиною своею другимъ истуканамъ. Выѣхавъ изъ града, великій князь поворотилъ коня къ сѣверу и скоро достигъ края возвышенности, на коей былъ расположенъ тогдашній градъ. Предъ взоромъ князя открылась очаровательная картина заднѣпровья! за синѣвшими водами излучистаго Днѣпра утопавшій въ туманной дали градъ Ольжинъ; а у ногъ князя катился изъ подъ возвышенности ручеекъ, по берегамъ котораго тянулся густой лѣсъ, на югъ, по всему перевѣсищу его бабки — княгини Ольги.

Здѣсь, надъ самымъ спускомъ къ Днѣпру, на бугрѣ, стоялъ громадный истуканъ *Даждь-бу-бога* т. е. бога войны, научившаго людей дѣлать оружіе и владѣть имъ.

Истуканъ Даждь-бу-бога представлялъ человѣка съ четырьмя головами и четырьмя шеями, съ двухъ сторонъ представлялись двѣ спины и двѣ груди; одна голова представляла плѣшиваго старца, съ разинутымъ ртомъ и безъ зубовъ, другая съ длинною бородою и усами, но скудоволосаго, третья — съ воинственнымъ выраженіемъ лица, а четвертая юношу. Въ лѣвой рукѣ идолъ держалъ турій рогъ, который свободно вынимался, а въ правой длинное копье, которое тоже свободно вынималось, у пояса висѣлъ въ ножнахъ огромный мечъ. У ногъ — лежали: лукъ, колчанъ со стрѣлами и щитъ. Истуканъ былъ окрашенъ багряною краскою.

И здѣсь, вокругъ истукана, толпилось несмѣтное множество народа, но среди его было очень немного женщинъ, а дѣвицъ почти вовсе не было.

Подъѣхавъ къ идолу, великій князь, сойдя съ лошади, взошелъ на возвышеніе къ самому идолу и собственноручно вынулъ изъ ноженъ мечь, а воевода Блудъ, ѣхавшій при князѣ, подалъ ему турій рогъ, вынувъ его изъ руки идола.

Турій рогъ былъ полонъ меда. Великій князь, поднявъ къ верху мечь, клялся предъ идоломъ защищать отъ враговъ Кіевъ и все свое великое княженіе и въ доказательство вѣрности испилъ меду изъ турьяго рога и потомъ передалъ мечь и рогъ Блуду, который мечь тотъ-часъ вложилъ на прежнее мѣсто, и произнесши предъ истуканомъ, подобно князю, клятву и, испивъ меду изъ рога, передалъ рогъ другому воеводѣ. Всѣ бывшіе съ великимъ княземъ воеводы и вся дружина княжеская, произнесши клятву, пили медъ изъ турьяго рога и послѣдній отрокъ вложилъ рогъ въ руку истукана. Затѣмъ великій князь поѣхалъ обратно и за нимъ, какъ и прежде, послѣдовала вся дружина. На другой сторонѣ града, не вдалекѣ отъ церкви Св. Софіи, построенной великою княгинею Ольгою, на небольшой площадкѣ, стояли два истукана: *Черно-бога и Бѣлъ-бога*, обращенные одинъ къ другому спинами. — *Бѣлъ-богъ* представлялъ красиваго, хотя и сильно израненнаго юношу, а *Черно-богъ*—старика съ рогами на головѣ и длинной бородой; вмѣсто кистей рукъ и пальцевъ были лапы съ когтями, окрашенныя красною краскою, весь же идолъ былъ окрашенъ черною. На жертвищѣ, предъ идоломъ Черно-бога, лежали, приготовленные къ жертвоприношенію: черный котъ, черная собака и черная курица. На другомъ жертвищѣ, устроенномъ противъ идола Бѣлъ-бога лежали, на деревяномъ лоткѣ: соты меда, яблоки, груши, сливы и другіе плоды.

Предъ истуканомъ Черно-бога стоялъ съ зазженною щепою въ рукѣ—Костарь.

Когда великій князь подъѣхалъ къ истукану, Костарь поднялъ факелъ выше своей головы и сдѣлалъ имъ въ воздухѣ

какие то таинственные знаки, произнося: — Черно-богъ — дивъ, цуръ сего мѣста, сего града и люда его...... Потомъ взялъ жертвенный ножъ, лежавшій у ногъ истукана, пронзилъ имъ лежавшихъ на жертвищѣ животныхъ, собралъ кровь въ сосудъ, стоявшій у подножья идола и кровью обмазалъ истукана, дабы его умилостивить. Потомъ этою же кровью окропилъ народъ, толпившійся вокругъ идола. Въ тоже время два челядина подожгли жертвище и жертвы запылали.

Народъ густою массою толпился вокругъ пылавшаго костра, гадая по пламени и углямъ. Въ числѣ народа были толкователи и разгадчики, гадали людины и старухи и матери, послѣднихъ было гораздо больше нежели мужей. Женщины выхватывали изъ пламени обгорѣлые кости животныхъ, дабы ихъ впослѣдствіи повѣсить на шеи своихъ дѣтей, полагая, что это вѣрные талисманы отъ худаго глаза и всякаго злаго наважденія. Когда жертвище догоряло, великій князь подъѣхалъ къ истукану *Бѣлъ-бога* и сошелъ съ коня; вся его дружина послѣдовала его примѣру. Великій князь подошелъ къ жертвищу и Костарь поспѣшилъ жертвеннымъ ножемъ разрѣзать на части соты, часть ихъ бросилъ въ идола, а часть подалъ на деревянной тарелкѣ великому князю, который принялъ соты и частицу ихъ взялъ въ ротъ, а остальной кусокъ подалъ ближайшему изъ воеводъ, который и раздѣлилъ тотъ кусокъ между всею дружиною. Потомъ Костарь разсѣкъ по поламъ яблоко, половину его бросилъ въ идола и вторую половину опять разсѣкъ по поламъ и часть подалъ великому князю, а остальной кусокъ самъ съѣлъ; тоже самое дѣлалъ онъ съ другими фруктами. Все оставшееся бросилъ въ толпу, каждый считалъ величайшимъ счастіемъ получить для себя хоть крошку какого либо фрукта отъ жертвы Бѣлъ-бога.

Вечерѣло, когда кончились жертвы *черному и бѣлому богамъ*; великій князь съ дружиною направилъ путь къ каменному терему, мимо истукана перуна. Народъ хлынулъ во слѣдъ великому князю. Когда князь подъѣхалъ къ перуновой площади, то у въѣзда, изъ небольшой улицы, на площади встрѣтила

его избранные отъ народа *градскіе старцы и нарочитые люди* и поднесли на серебрянномъ, цареградской роботы, блюдѣ хлѣбъ, соль и турій рогъ меда. Принявъ приношеніе, великій князь испилъ изъ турьяго рога меда и поклонился на четыре стороны народу.

Въ тоже время на площади перуна, вокругъ идола, были поставлены длинные столы и на нихъ лежали въ изобиліи, приготовленные для народа хлѣбы, пироги и различныя яства и лакомства, а въ огромныхъ бочкахъ — зелено вино и медъ хмѣльный; за особымъ столомъ противъ неугасаемаго *кладня*, пылавшаго денно и ночно предъ идоломъ перуна, — сѣлъ великій князь, а противъ него заняли мѣста почетные старцы градскіе, воеводы, нарочитые мужи, бояры, дружники, именитые юноши и отроки. Народъ, по знаку великаго князя, началъ подходить къ бочкамъ, и каждому подходившему подавали чару не малую — въ четверть ведра. Пей сколько можешь, — а пей каждый, будь каждый съ хмелемъ въ головѣ, на то пиръ на весь міръ; пиръ даетъ народу кіевскому великій князь, въ честь и славу древнихъ боговъ словенскаго люда, — говорилъ челядинъ, подавая каждому огромную чару и каждый долженъ былъ пить болѣе, нежели сколько могъ.

Столовъ было безчисленное множество. Яствъ столько, что ими можно бы накормить и еще столько народа, сколько его собралось въ то время. Начался пиръ. Затрубили въ трубы и сопѣли, зазвучали струны гуслей и послышался звонъ мѣдныхъ тарелокъ и грохотъ бубенъ. На средину площади, предъ столъ великаго князя, вышли плясуны и кудесники и началась пляска, съ припѣвомъ, въ утѣшеніе великаго князя, его дружины и всего кіевскаго люда.

Чары глубокія съ зеленымъ виномъ и турьи рога съ медомъ сладкимъ безпрестанно переходятъ изъ рукъ въ руки. Пируютъ, торжествуя обновленіе стараго закона, пируютъ и клянутъ новую вѣру и ея послѣдователей.

Звуки музыки, пляски, пѣніе и крикъ хмѣльнаго люда, страшно толпившагося вокругъ столовъ и бочекъ, продолжались до захожденія солнца. Наступилъ вечеръ. Великій

князь, съ особо избранными градскими старцами, вставши изъ за стола, пошелъ на покой — въ теремъ, приказавъ не щадить ни зелена вина, ни меду. И хмель бралъ свое. Нѣсколько тысячъ опьянѣлаго народа наполнили площадь......

Костры ярче запылали въ сумракѣ вечера и освѣтили группы пировавшихъ; тьма покрыла градъ и появились, по отдаленнымъ мѣстамъ площади, группы молодыхъ женщинъ и дѣвъ, коихъ во время разгара пира,—восемь дней, было невидно, такъ какъ вмѣстѣ съ мужами пировали однѣ пожилыя женщины; головы молодыхъ женщинъ, а въ особенности дѣвъ, были украшены вѣнками изъ живыхъ цвѣтовъ и зелени. Съ пѣснями и плясками смѣло онѣ приблизились къ пылавшимъ кладнямъ и, взявшись за руки, начали вокругъ огней сладострастную пляску.

Челядины проворно наполняли сотни турьихъ роговъ и чаръ медомъ и подносили ихъ плясавшимъ. Ни одна изъ участвовавшихъ въ пляскѣ не отказалась отъ чары и каждая съ жадностiю испивала хмѣльной напитокъ.

И скоро хмѣль вскружилъ головы плясуньевъ, и скоро взоры ихъ подернулись сладострастною влагою. Движенiя ихъ сдѣлались порывистѣе и сладострастнѣе, стыдъ здѣсь не имѣлъ мѣста, потому что то было торжество богамъ, а торжество идоламъ требовало того, что оскорбительно для нравственнаго чувства людей, просвѣщенныхъ христiанствомъ......

Въ толпу дѣвъ вмѣшались опьянѣлые мужья, безъ различiя лѣтъ и званiй. Круги плясавшихъ вокругъ жертвеннаго огня ежеминутно увеличивались; сладострастныя пѣсни часъ отъ часу пѣлись живѣе и громче.

Турьи рога быстрѣе переходили изъ рукъ въ руки плясавшихъ, но скоро затѣмъ круги плясавшихъ начали уменьшаться, потому что многiя пары были одолены хмелемъ и онѣ, въ присутствiи огромной, впрочемъ хмѣльной, толпы, валялись у подножiя истукана. Ночь набросила свою черную пелену на развратъ идольскаго требища, на развратъ, считавшiйся священною принадлежностiю древняго языческаго вѣрованiя.

(Продолженiе впредь.) *Н. Сементовскiй.*

О ЮЖНО-РУССКИХЪ ПОСЛОВИЦАХЪ. (1)

Вторую форму южно-русской, какъ и всякой вообще, народной поэзіи, составляетъ *пословица*, въ обширномъ значеніи. Пословица есть краткое, но сильное, рѣзкое, замысловатое и складное изреченіе о какомъ-либо явленіи внѣшней или внутренней дѣйствительности, — изреченіе, полюбившееся народу и потому принятое имъ, какъ руководительное начало или какъ доказательство истины. Происхожденіе ея по большей части бываетъ слѣдующее: при извѣстныхъ случаяхъ и обстоятельствахъ жизни, на мірскихъ сходкахъ, изъ среды народа выступаютъ люди, превосходящіе другихъ житейскою опытностію и высказываютъ свои мнѣнія объ этихъ случаяхъ и обстоятельствахъ. Изреченія ихъ, утверждаясь общимъ безмолвнымъ согласіемъ (tacite consensu), обращаются въ общее достояніе, получаютъ неотразимую силу въ жизни народа, магически дѣйствуютъ на его умъ или сердце и потому примѣняются къ разнообразнымъ обстоятельствамъ его семейной и общественной жизни, переходятъ отъ поколѣнія къ поколѣнію и наконецъ обращаются въ руководящее начало жизни и дѣятельности, нравовъ и обычаевъ народа. (2) Такимъ образомъ, источникъ пословицъ есть умъ человѣческій, богатый опытами жизни; пораженный какимъ либо явленіемъ жизни, онъ выходитъ изъ обыкновеннаго своего спокойнаго состоянія, возбуждается къ осо-

(1) Статья первая, имѣющая предметомъ своимъ народныя южно-русскія пѣсни, помѣщена въ 9, 10 и 11 книжкахъ Вѣстника за $18^{63}/_{64}$ годъ.

(2) Mores sunt tacitus consensus, longa consuetudine inveteratus. Tit. ex corpore Ulpiani.

Пословица нерѣдко заключаетъ въ себѣ удачный афоризмъ, выдернутый изъ басни, расказа или пѣсни народной и ловко примѣняющійся къ извѣстному явленію жизни: на ворѣ шапка горитъ, ларчикъ просто отпирался и мн. другіе афоризмы.

бенной дѣятельности, приходитъ въ состояніи одушевленія — и высказываетъ свои наблюденія въ формѣ сжатыхъ и характеристическихъ изреченій. Этимъ происхожденіемъ пословицы изъ ума объясняется ея содержаніе; рождаясь подъ господствомъ ума, пословица имѣетъ своимъ содержаніемъ не какую-либо игру фантазіи, а результатъ наблюденій ума, мысль, искушенную опытомъ жизни. Такимъ образомъ, пословицы предлагаютъ намъ, то религіозныя воззрѣнія народа, то правила нравственности и житейскаго благоразумія, то наблюденія надъ явленіями природы, то взглядъ на достопамятныя событія, словомъ — внутреннюю и внѣшнюю жизнь народа, и потому справедливо называются его *мудростію*. Народъ русскій, вѣроятно, понималъ такое много-объемлющее значеніе и серьезное содержаніе пословицы, потому что выразилъ и запечатлѣлъ это изреченіями: *глупая рѣчь не пословица, старая пословица не мимо молвится*, — которыя лучше различныхъ теорій и общихъ взглядовъ указываютъ на сущность этого вида народной поэзіи.

Заключая въ себѣ мысль, добытую и оправданную жизнію, пословица, какъ все истинное, праведное и прекрасное, дѣлается достояніемъ цѣлой страны и не только настоящихъ, но и грядущихъ поколѣній. Этому содѣйствуетъ, сверхъ мыслительнаго ея значенія, живая, поэтическая ея форма (1).

Мыслительная сила, изъ творческаго лона которой возникаетъ пословица, не есть умъ теоретическій: это умъ, какъ мы видѣли, отъ соприкосновенія съ явленіемъ жизни, пришедшій въ состояніе одушевленія и восторга, слѣдовательно умъ, возбужденный къ особенной творческой производительности. Такой умъ называютъ эстетическимъ, а существенныя черты отличія ума эстетическаго отъ теоретическаго состоятъ, между прочимъ, въ слѣдующемъ: умъ теоретическій идетъ путемъ ана-

---

(1) Мы здѣсь разумѣемъ собственно пословицу, или пословицу въ тѣсномъ смыслѣ.

Ред.

лиза и выражается въ формѣ общихъ, отвлеченныхъ понятій, сужденій и умозаключеній; умъ эстетическій слѣдуетъ по пути синтеза и, идеализируя природу, представляетъ ее въ живыхъ и конкретныхъ образахъ. Поэтому, исторгаясь изъ нѣдръ духа въ минуту восторженнаго состоянія ума и являясь въ живомъ откровеніи посредствомъ слова, мысль, составляющая содержаніе пословицы, является не въ отвлеченной своей общности, а въ конкретномъ образѣ, въ живомъ очертаніи, въ наглядномъ обличіи, въ одушевлённой поэтической формѣ, которая сообщаетъ пословицѣ краткость, силу и впечатлимость, условливающія ея долговѣчность. Разовьемъ эту мысль. Одушевленный умъ не нуждается во многихъ чертахъ для обрисовки извѣстнаго предмета, или для воспроизведенія физіономіи жизни; онъ часто однимъ образомъ, однимъ словомъ, иногда однимъ счастливымъ звукомъ достигаетъ этой цѣли, какъ бы улавливаетъ жизнь въ самыхъ внутреннихъ ея движеніяхъ. Отсюда проистекаетъ сжатость изображенія и соотвѣтствующая ей быстрота выраженія, или краткость формы. Далѣе, — наблюдая, размышляя, умъ, въ обыкновенномъ своемъ спокойномъ состояніи, облекаетъ дѣятельность свою въ отвлеченныя логическія формы. Но мысль, какъ идеальная сущность чего-то разумнаго, бывъ высказана отвлеченно, оставляетъ слабый слѣдъ въ нашей душѣ и скоро забывается: потому что впечатлѣнія, производимыя ею на насъ, будучи слабы и частны, скоро и легко сглаживаются. Причиной этой частности впечатлѣнія — общность формъ логическихъ и соотвѣтственныхъ имъ грамматическихъ. Напротивъ того, мысль, родившаяся подъ господствомъ ума одушевленнаго, слѣдственно сказанная съ одушевленіемъ и энергіей, невольно принимаетъ и форму одушевленную, энергическую, живую. Существенную принадлежность такой формы составляютъ образность или наглядность и музыкальность, требующая мѣрности звуковъ, полногласія, риѳмы или ассонанса. Образность же или наглядное изображеніе предмета, производитъ на насъ такое впечатлѣніе, какое мы получили бы отъ нагляднаго созерцанія этого предмета,

слѣдственно способствуетъ тому, чтобы извѣстная мысль сильнѣе, рѣзче и глубже, а слѣдовательно и на долѣе, врѣзалась въ нашу душу и память. А метрическія и музыкальныя условія формы еще болѣе содѣйствуютъ этому: мѣрность звуковъ, сковывая нѣкоторымъ образомъ свободу слова, требуетъ краткости въ изображеніи и употребленія самыхъ характеристическихъ словъ, въ слѣдствіе чего происходитъ сила изображенія и сосредоточенное, сжатое впечатлѣніе его на насъ. — Вотъ причины, почему пословица всегда отличается счастливымъ, удачно сказавшимся оборотомъ, — почему легко и удобно припоминается, прививается она народу, нравится ему, передается, какъ завѣтъ предковъ потомству, изъ рода въ родъ и, вообще, долго сохраняется въ памяти народной.

Всѣ народы имѣли и имѣютъ свои народныя изреченія, свои пословицы. Такъ, пословица была любимою формою поэзіи древнихъ евреевъ (*moschel*, притча) и индійцевъ (*шлокка*); у грековъ были *γνῶμας*, *ἀποφθέγματα*, *παροιμίαι*; у римлянъ *adagia*, *proverbia*; арабы и другіе восточные народы имѣютъ свои *misl*; всѣ народы ново-европейскіе также имѣютъ этого рода изреченія; наконецъ, и славяне имѣютъ ихъ, у разныхъ племенъ подъ различными названіями: у сербовъ—*pritcze*, *posłowice*, у чеховъ—*pripowietke*, *prisłowi* и *posłowiec*, у поляковъ—*przypowieści* и *przysłowia*; у насъ онѣ встарину назывались, какъ это видно изъ Нестора, ***притчами*** и, какъ можно заключать изъ слова Даніила Заточника, ***мірскими притчами*** (1), потомъ—***пословицами***, ***прислoвицами***, и ***поговорками*** (2), а въ малороссіи еще и ***помовками***.

---

(1) Нынѣшній терминъ — пословица встарину означалъ областное выраженіе или провинціализмъ, какъ можно объ этомъ заключать изъ евангелія, писаннаго въ 1506 г.; а также принимался въ смыслѣ оборота рѣчи или выраженія, какъ это видно изъ сочиненій Максима Грека и предисловія къ Макарьевымъ четь—минеямъ.

(2) Слова: пословица и поговорка не рѣдко употребляются одно вмѣсто другаго и какъ бы принимаются за тождественныя. Но между ними извѣстное различіе: пословица выражаетъ мысль образно и фигурально, а поговорка высказываетъ ее просто, безъ поэтическаго покрова, въ формѣ сентенціи; та есть изреченіе, по употребленію своему въ рѣчи, самостоятель-

Почерпая мудрость изъ опыта, славяне болѣе всего старались выражать дознанную правду въ поэтической формѣ, высказывать свое сужденіе въ пословицахъ. Лучшимъ доказательствомъ этого служитъ, изумляющее своею огромностію, количество этихъ народныхъ изреченій, которыя отчасти уже собраны и изданы, большею же частію еще не извѣстны ученому міру, сохраняясь пока только въ устахъ народа. Если сравнить количество славянскихъ пословицъ съ количествомъ ихъ у другихъ народовъ; то окажется, что обиліемъ ихъ славяне превосходятъ многіе европейскіе народы. А такъ какъ содержаніе пословицы, какъ уже было замѣчено, составляетъ опытная мысль, практическая истина, то фактъ о чрезвычайномъ множествѣ пословицъ у славянскихъ племенъ свидѣтельствуетъ, что они отличаются наблюдательностію смысла и особенно богаты житейскою опытностію. И въ самомъ дѣлѣ, если вглядѣться въ эти изреченія народной мудрости, то увидимъ, что въ нихъ блистательно отразился геній славянскихъ народовъ: здѣсь вкратцѣ представляются намъ результаты, извлеченные изъ долговременныхъ наблюденій надъ отечественными или чужеземными происшествіями, или надъ частными отношеніями, предлагаются народу мысли, то нѣжныя, то сатирическія, предписывается чего должно избѣгать и чего придерживаться, короче сказать, пословицы—это скоропись мыслы, философія славянъ.

Каждый народъ имѣетъ свою особенную физіономію, свои особенныя нравственныя и физическія свойства и живетъ

ное; эта, состоя по большей части изъ меткаго уподобленія или удачнаго сравненія, употребляется къ слову, напр. для выраженія сходства: какъ двѣ капли воды. Эта, такъ сказать, прозаическая форма поговорки даетъ намъ право полагать, что послѣдняя есть плодъ ума, спокойно размышляющаго и потому скорѣе можетъ быть отнесена къ области философіи, чѣмъ къ поэзіи.—Подъ притчею теперь понимаютъ иносказательное повѣствованіе, заключающее назидательную истину и сходное съ параболой и апологомъ.

Прим. редак. Мы не вполнѣ согласны съ уважаемымъ нами сотрудникомъ Вѣстника на счетъ различія пословицы отъ поговорки; это различіе, какъ будто, сочинено: по большей части то и другое названіе употребляются безразлично.

своею особенною нравственною жизнію. Эта особенность нравственнаго бытія народа кладетъ печать свою на всю его духовную дѣятельность. Поэтому каждый народъ, являясь на поприщѣ общечеловѣческой дѣятельности, сохраняетъ въ ней общій или родовой характеръ эпохи и, въ тоже время, развиваетъ индивидуальное, свое особенное направленіе, условливающееся его нравственной физіономіей. Эта личность народа ни въ чемъ такъ сильно не отражается, какъ въ его словесности вообще и въ безъискуственной по преимуществу. Вотъ причина, по которой южно-русскія пословицы, нося на себѣ родовой, обще-славянскій, характеръ разнообразной практической мудрости, имѣютъ и нѣкоторыя видовыя особенности.

Южно-рускія пословицы, изображая внутреннюю и внѣшнюю жизнь мало-росса, живописуютъ его умъ, чувство и волю, его климатъ, нравы, обычаи, исторію: это—книга жизни, сложенная народомъ въ свѣтлыя и мрачныя минуты его бытія и завѣщанная отцами въ наслѣдіе дѣтямъ. Очевидно, что содержаніе ихъ въ высшей степени разнообразно, а потому и систематизированіе ихъ по группамъ и категоріямъ — дѣло довольно трудное. Между тѣмъ, указать каждому явленію извѣстной сферы свое мѣсто въ ряду прочихъ — необходимо, если только мы хотимъ составить себѣ ясное и раздѣльное понятіе объ этомъ явленіи. По этому обратимся къ философіи, открывающей единство въ разнообразіи. Здѣсь мы находимъ, между прочимъ, что всѣ предметы человѣческаго вѣденія можно свести къ тремъ: *я*, *не-я* и *абсолютъ*, или, замѣняя условный языкъ науки языкомъ общепонятнымъ: человѣкъ, природа и верховная причина того и другого, или Богъ. Сообразно съ этимъ и все разнообразіе разсматриваемыхъ пословицъ можно распредѣлить по тремъ категоріямъ: пословицы *теологическія*, *антропологическія* и *физическія*. Первыя выражаютъ понятія народа о Богѣ и объ отношеніи Его къ міру и человѣку; вторыя имѣютъ своимъ предметомъ человѣка и всѣ условія его частной и обществен-

ной жизни; наконецъ физическія касаются природы и ея отношенія къ человѣку.

А) Изъ отношенія Бога къ человѣку, какъ Творца къ творенію, возникаетъ для послѣдняго рядъ обязанностей въ отношеніи къ первому, вслѣдствіе чего религіозность народа выражается не только познаніемъ божества, на основаніи догматовъ вѣры, но и вытекающею отсюда нравственностію дѣяній. На этомъ основаніи, теологическія пословицы можно подраздѣлить на *догматическія* и *нравоучительныя*.

а) Разсматривая первыя, необходимо замѣтить, что нѣкоторыя изъ нихъ получили свое начало еще въ языческой древности и носятъ на себѣ явственные признаки миѳологическаго происхожденія, не изгладившіеся и подъ вліяніемъ христіанства. Чтобы объяснить себѣ это явленіе, припомнимъ, что славяне-язычники былъ религіознѣйшій народъ и отличались сильною привязанностью къ своему божеству, вслѣдствіе чего языческія понятія и преданія глубоко вкоренились въ народномъ бытѣ. Потомъ, принимая, по волѣ князя, новую вѣру народъ русскій не былъ достаточно приготовленъ къ воспринятію новыхъ, высокихъ истинъ христіанства и, не дошедши самъ до сознанія ложности язычества, онъ не въ силахъ былъ вдругъ отрѣшиться отъ языческаго вѣрованія и его обрядностей; отъ этого языческія вѣрованія перемѣшались съ христіанскими воззрѣніями и произошла двойственность началъ, управлявшихъ жизнію и дѣятельностью народа. Такъ, напримѣръ, хотя народъ, благодаря усердію пастырей и учителей нашей церкви, и ознакомился съ чистыми и правильными понятіями христіанской вѣры о Промыслѣ, но прежнее вѣрованіе въ непреложность судьбы, вмѣстѣ съ нѣкоторыми другими остатками язычества, глубоко вкоренившись въ его духѣ, осталось въ прежней силѣ. Народная же поэзія, какъ непосредственное выраженіе народнаго міросозерцанія, восприняла это двоевѣріе и запечатлѣла его пословицами. Вотъ почему въ южнорусскихъ пословицахъ, рядомъ съ догматами христіанской вѣры, встрѣчаемъ вѣрованіе въ неотразимый рокъ или судьбу, какъ слѣ-

пую и безусловную необходимость; напр. *що буде, то буде, що кому написано на роду, того и конемъ не объѣдешь; крути, не верти, а треба умерти; разъ родила мати, разъ и умирати; однои смерти не минешь, а другои не буде; отъ лихои твари въ свѣтѣ не утечешь; не шукай моря — и въ калюжѣ утонешь; або рыбку звѣсти, або на дно сѣсти; або панъ, або пропавъ* и др.

Южнорусскія догматическія пословицы, взятыя вмѣстѣ, представляютъ цѣлую систему вѣроученія южно-русскаго христіанина. Такъ здѣсь мы находимъ: 1) вѣру въ совершенства или свойства Божіи, какъ то: a) всемогущество — *великій Богъ христіанскій, зъ однимъ Богомъ на сто ворогѣвъ:* b) всевѣдѣніе — *Богъ все бачитъ; Богъ и въ ночи бачитъ, якъ сирота плаче;* c) премудрость Создателя — *якъ ни мудри, а Бога не перемудришь; що Богъ дае, то все къ луччому;* d) благость и милосердіе — *люди зъ лихостью, а Богъ зъ милостью; пошли, Боже, зъ неба, чого намъ треба; Богъ зъ помочею, а баба зъ руками; грѣхъ не грѣхъ, абы Богъ простивъ;* e) правосудіе — *Богъ правду любить; кого Богъ судить, чоловѣкъ не розгудить; равенъ Богъ, да нема щастя кожному.* f) долготерпѣніе и провосудіе Божіе — *Богъ довго жде, да дуже бье;* 2) вѣру въ триvпостасность Божества — *Богъ любить тройцю; Богъ въ Тройцѣ кохаетьця;* 3) догматъ о Богѣ — Творцѣ міра — *все въ мірѣ дѣетьця не нашимъ умомъ, а Божимъ судомъ;* и ученіе о бытіи духовъ — *де просто, тамъ ангеловъ зо сто;* 4) мысль о нравственномъ чинѣ въ мірѣ и вѣру въ Промыслъ Божій — *безъ Бога ни до порога; якъ тревога, то и до Бога; якъ Богъ напише на роду, то не обойдешь и на леду:* твердое упованіе на отеческую попечительность Промысла — *якъ бы Богъ послухавъ чередника, тобъ за лѣто вся выдохла середа; якъ дасть Богъ вѣкъ, то дасть и викъ; хто змочить той и высушить;* и понятіе о совмѣстимости Промысла съ свободой человѣка — *чоловѣкъ гадае, а Богъ располагае; хто рано встае, тому и Богъ дае; Боже поможи, а ты, хлопче не лежи; береженнаго и Богъ береже;* наконецъ

5) вѣру въ безсмертіе души и жизнь загробную — *смерть не все возьме: якъ умрешь, то побачишь; товчетьця якъ марко по пеклу; вольному воля, а спасенному рай.* (1)

b) Изъ познанія Бога — его существа, свойствъ и дѣйствій — возникаетъ любовь человѣка къ Нему; а отсюда проистекаютъ всѣ его обязанности въ отношеніи къ Богу, самому себѣ и другимъ. Это составляетъ предметъ нравоучительныхъ пословицъ народа. Такимъ образомъ, пословицы нравоучительныя предлагаютъ то, что, по требованію вѣры и здраваго смысла и по откровенію совѣсти, *должно быть* въ жизни человѣческой; онѣ, слѣдовательно, изображаютъ идеальную или возможную сторону жизни. Направляя человѣческую волю къ частному и общему благу, онѣ составляютъ нравоучительный кодексъ народа и имѣютъ для него силу обязательную. Южнорусскія нравоучительныя пословицы, служа напутствіемъ въ жизни большинству народной массы, которая еще живетъ преданіями, умомъ и благословеніемъ родительскимъ, основываются отчасти на дознаніяхъ разсудка, главнымъ же образомъ на началахъ вѣры христіанской, которая замѣняла и замѣняетъ нашему простолюдину философію, — почему и могутъ быть названы нравственнымъ богословіемъ народа. Чтобы убѣдиться въ этомъ, проведемъ параллель между истинами практическаго богословія и принципами нравственности, завѣщанными въ пословицахъ. Духъ человѣка, стремящійся къ нравственному усовершенствованію, по ученію христіанскаго богословія, весь долженъ погрузиться въ волю Божію и быть едино съ Богомъ. Такое единеніе человѣка съ Богомъ есть почти синонимъ любви его къ Богу. Эта любовь, естественно, проявляется почтеніемъ человѣка къ Богу, которое, по двоякому свойству че-

---

(1) Незачѣмъ, кажется, и говорить, что между поцитованными авторомъ пословицами, не мало и такихъ, которыхъ употребленіе равно замѣтно какъ въ западной, такъ и въ сѣверо — восточной Россіи и что все различіе ихъ — въ жизни выраженія.

Ред.

ловѣческой природы, бываетъ внѣшнее и внутреннее, или духовное. Къ такому сугубому богопочтенію обязываютъ и южнорусскія пословицы: а) *живи зъ молитвою въ устахъ и зъ роботою въ рукахъ; молись, дѣвко, Богу, да и въ дорогу; шануй батька да Бога — буде тобѣ всюды дорога;* б) *плачься Богу, а слезы — вода; зъ дурного говѣнья не буде спасинья.*

Богопочтеніе внутреннее раскрывается различными видами, соотвѣтственными нашей любви къ Богу и познаніямъ о Немъ: это — благоговѣйный страхъ сыновній предъ Богомъ, совершенное повиновеніе Богу, безграничная преданность волѣ Его, твердое упованіе на Бога и совершенное успокоеніе въ Немъ, терпѣніе и благодареніе Бога. Все это мы находимъ въ южно-русскихъ нравоучительныхъ пословицахъ: а) страхъ предъ Богомъ — *де страхъ, тамъ и Богъ; Бога бойтеся и царя чтите;* (1) б) повиновеніе Богу — *не такъ живи, якъ хочетьця, а якъ Богъ велѣвъ; гордымъ Богъ противитьщя, а смиреннымъ дае благодать;* в) преданность волѣ Божіей — *нехай буде, що Богъ дасть; на все воля Божа;* г) упованіе на Бога — *Богъ даеть, и въ окно подаеть; за сиротою Богъ зъ калитою;* д) надежда на Бога — *одна надѣя на Бога;* е) терпѣніе — *за терпѣніе Богъ даеть спасеніе; терпи душа въ тѣлѣ; терпи казакъ — будешь ѣсти медъ;* и ж) благодареніе Бога — *спасы бо Богу за помогу; благодареніе Господу Богу.* — Подобнымъ же образомъ и всѣ виды наружнаго богопочтенія, проявляющагося внѣшнимъ богослуженіемъ, запечатлѣны пословицами: такъ а) обязанность человѣка въ отношеніи къ Богу, состоящая въ прославленіи Его имени — *хвалить Бога, всего есть по трошку;* б) исповѣданіе Бога — *кто за вѣру умирае, той соби царство заробляе;* в) призываніе Бога въ помощь — *Боже, поможи! помагайби, люди добри!* и г) молитва — *Богу*

---

(1) Авторъ нерѣдко подводитъ подъ одинъ уровень народныя пословицы и тексты изъ библіи. По нашему мнѣнію, это не совсѣмъ вѣрно.

Ред.

молитьця и зъ ближнимъ дълитьця, то добре дъло; не хвались, а Богу молись.

Обязанности человѣка въ отношеніи къ самому себѣ вытекаютъ изъ того, что каждый порознь человѣкъ есть только подчиненное средство къ осуществленію добра вмѣстѣ съ другими, — почему онъ долженъ и признавать себя такимъ и стараться образовать себя въ способнѣйшее орудіе для достиженія этой цѣли, по душѣ и тѣлу. Отсюда двѣ главныя обязанности человѣка къ самому себѣ: сохранять и совершенствовать себя, результатомъ которыхъ бываетъ возможное для насъ счастіе. Обязанность самосохраненія распадается на слѣдующія три частнѣйшія: человѣкъ долженъ сохранять: а) жизнь, потому что она есть средство для осуществленія добра, б) собственность, потому что она есть наша, такъ сказать, тѣлесная личность, расширенная во внѣшности и в) честь, которая есть не что иное, какъ духовная наша личность, распростертая въ кругѣ общественной жизни. Каждый изъ этихъ видовъ самосохраненія развѣтвляется еще въ частнѣйшія требованія нравственности. — Но такъ какъ жизнь со всѣми ея условіями, есть только средство къ осуществленію долга, то нужно сдѣлать ее способнѣйшимъ орудіемъ для этой цѣли черезъ развитіе силъ и способностей души. Въ этомъ состоитъ вторая главная обязанность человѣка въ отношеніи къ самому себѣ — обязанность совершенствовать себя. Она требуетъ, чтобы человѣкъ совершенствовалъ: а) тѣло, развивая въ немъ, такъ называемыя, физическія добродѣтели, б) душевныя способности — размышленіемъ и познаніемъ, и в) нравственность, направляя всѣ тѣлесныя и духовныя силы къ нравственному совершенству. — Всѣ эти тонкости нравоученія предлагаетъ намъ и южнорусская народная поэзія, въ своихъ пословицахъ. Такъ 1) обязанности самосохраненія изображаются слѣдующимъ образомъ: а) обязанность человѣка заботиться о сохраненіи жизни должна состоять въ попеченіи о здоровьѣ, воздержаніи, простотѣ и чистотѣ: *здоровье всему голова; не шукай смерти — сама прійде; смерть причины жде; смачного потрошку,*

щобъ животъ не болѣвъ; простота и чистота — найлучша лѣпота; живи просто, проживешь лѣтъ зо сто. б) Обязанность человѣка пріобрѣтать и сохранять собственность, или заботиться о предметахъ, обусловливающихъ его благосостояніе, южнорусскія пословицы изображаютъ такъ: аа) забота о богатствѣ, по требованію этихъ пословицъ, должна состоять въ честномъ трудѣ, добросовѣстномъ пріобрѣтеніи, въ разсчетливости и благоразумной бережливости: *шукай собѣ прибыли, другимъ не жичъ гибели; праведне собраніе и Богъ благословляе; хто товче, той хлѣбъ пече; гроши захованы подъ дубомъ, накрыты лубомъ; копѣйка любитъ щобъ щитатьця; хто не важить, той не мае; лихій спрять и доброго спокусытъ; не жалѣй ухналя, бо подкову згубишь* (1); бб) обязанность не пренебрегать общественною дѣятельностію и гражданскими преимуществами выражена такъ: *на службу не набивайся, а одъ службы не отрекайся;* но ужъ *якъ взявсь за гужъ — не кажи, що не дужъ; и робить, такъ робить, а не якъ мокре горить;* вв) наконецъ южнорусскія пословицы не упускаютъ изъ виду и обязанности, требующей отъ человѣка заботливости объ общественномъ мнѣніи: *якій Савва, така ему и слава; хто людей не слуха, той Бога не боитьця; нехай буде, якъ скажуть люде; запряжу я бугая — куда люди, туды и я.* в) Обязанность сохранять честь и развивающіяся изъ нея частнѣйшія обязанности — уважать въ себѣ свое нравственное достоинство и не унижать его человѣкоугодіемъ — выражены изреченіями: *честь лучче богатства; хлѣбъ, соль ѣжь, а правду рѣжь; своего ледачого не хвали, а чужого доброго не гудь.* 2) Обязанности самосовершенствованія изложены слѣдующимъ образомъ: а) обязанность, состоящая въ сообщеніи тѣлеснымъ органамъ нормальнаго отправленія и въ доставленіи черезъ то человѣку чувства удовольствія: *ѣжь не до жиру, абы буть живу; хто рано встае, тому Богъ*

---

(1) Пословица вовсе не славянская, а испанская. Ред.

дае; хто пье, той кривиться; ржа жалѣзо ѣсть, а печаль серце; якъ е горе на душѣ, то зо сну жахаешься; б) обязанность въ отношеніи къ душевнымъ способностямъ выражена изреченіями: *вѣкъ живи, вѣкъ учись; учись — на старость буде якъ находка; наука въ лѣсъ не иде; за дурною головою и ногамъ нема покою; що ти и гроши, якъ чортъ — ма ничого въ головѣ, золота можна прикупить, а розуму не вложить;* в) обязанность направлять волю къ добру, подвергая ея дѣйствія суду разума и совѣсти, выражена слѣдующей апоѳегмой: *хто воли своей не переможе, той и щастливымъ быть не може.*

Если человѣкъ долженъ совершенствовать себя для того, чтобы сдѣлать себя способнѣйшимъ орудіемъ добра, которое осуществляется совокупно съ нравственною дѣятельностію людей; то онъ долженъ имѣть отношенія къ людямъ, согласною дѣятельностію осуществляющихъ это добро. Отсюда — рядъ обязанностей человѣка по отношенію къ другимъ. Онѣ клонятся къ тому, чтобы каждый изъ насъ, по мѣрѣ силъ своихъ, словомъ и дѣломъ споспѣшествовалъ благосостоянію ближнихъ. А такъ какъ, по ученію христіанской нравственности, любовь человѣка къ другимъ должна быть равносильна любви его къ самому себѣ; то въ системахъ нравоученія принимаютъ, обыкновенно, и въ этомъ случаѣ тѣ же самыя категоріи обязанностей, какія мы видѣли при разсмотрѣніи обязанностей человѣка къ самому себѣ. Какъ и прежнія, южнорусскія пословицы и въ этомъ случаѣ представляютъ отвѣты на всѣ правила нравоученія. Не вдаваясь въ подробности, укажемъ на главнѣйшія изъ нихъ, изъ которыхъ какъ-бы развѣтвляются всѣ прочія, частныя обязанности: а) нравственный долгъ любить всѣхъ и особенно близкихъ къ намъ по какимъ либо отношеніямъ жизни, выраженъ народными изреченіями: *не копай ямы другому — самъ попереду впадешъ; зъ кѣмъ жить, того не треба гнѣвить; всѣмъ добро, никому не зло — то законне*

життье; (1) *но своя сорочка ближе къ тѣлу, своя сермяжка не важка; а потому уже коли свого не побачишь, тогда и чужому дай?* чтобы не вышло: *отдай нищимъ, а собѣ ни зъ чимъ;* б) требованіе христіанской нравственности — прощать врагамъ и даже любить ихъ запечатлѣно изреченіями: *чоловѣкъ якій бы ни бувъ, да все таки чоловѣкъ; ворога нагодуй, напой, да щей на дорогу дай.*

Ем. Бѣлобровъ.

(окончаніе впредь).

НАРВСКІЙ ПРИХОДЪ.

Заштатный городъ Нарва находится въ 28 верстахъ отъ уѣзднаго города Бѣльска грод. губ. Священникомъ нарвскаго прихода при Крестовоздвиженской церкви о. І.... Б.... Церковь въ этомъ городкѣ весьма древняя. Никто не знаетъ, кѣмъ и когда она построена. Въ документахъ, которые находились при ратушѣ нарвской (теперь они въ виленскомъ, центральномъ архивѣ) сказано, что еще въ 1600 году церковь эта была ветха и что въ то время никто не помнилъ и не зналъ кѣмъ и когда она построена. Въ тѣхъ же документахъ указывается на существованіе этой церкви еще раньше. При царѣ Іоаннѣ Грозномъ, настоятель этой церкви *попъ Оныско* билъ челомъ этому царю о надѣлѣ его—попа землею. Не одна только Крестовоздвиженская церковь была въ Нарвѣ въ былое время; здѣсь находились еще два монастыря: Троицкій и свято-Духовскій и четыре церкви: Николаевская, Покровская, Георгіевская и Михайловская. Еще и теперь указываютъ мѣста, гдѣ находились эти монастыри и церкви. По всей вѣроятности, выше-означенные монастыри и церкви

---

(1) Любимая поговорка, извѣстнаго малороссійскаго поэта начала 18 вѣка, козака Семена Климовскаго.

уничтожены были во время распространенія уніи въ здѣшней странѣ. Мысль эта покажется еще болѣе вѣроятною, если обратимъ вниманіе на слѣдующія обстоятельства.—Вѣра христіанская распространена была въ здѣшней околицѣ семью монахами, прибывшими въ Наревку (1), изъ Кіева, въ первыя времена христіанства въ Россіи, какъ сказано въ документахъ, которые находились при левковской церкви. Кіевскіе монахи построили здѣсь монастырь и пользовались довольно значительнымъ участкомъ земли. Къ монастырю принадлежало 300 десятинъ земли (по документамъ 15 уволокъ). Весьма естественно предположить, что поклонники Изиды, принимая христіанскую вѣру отъ кіевскихъ монаховъ, были преданы православію не менѣе его проповѣдниковъ. Существованіе въ небольшомъ городкѣ— Нарвѣ двухъ монастырей и пяти церквей доказываетъ эту мысль. Даже латинская пропаганда не могла сразу совратить съ православія нарвскихъ жителей, поэтому іезуиты рѣшились уничтожить все, что только напоминало православнымъ о существованіи въ Нарвѣ истинной вѣры. Такимъ образомъ уничтожены древле православные монастыри и церкви. Уцѣлѣла одна только церковь Крестовоздвиженская, но и она перестроена была на латинскій ладъ. Латинская пропаганда достигла своего, — унія смѣнила православіе. Уніятскіе священники, между которыми извѣстны: Іоаннъ Пржибытекъ, бывшій настоятелемъ этой церкви до 1704 г., Іоаннъ Малишевскій до 1813 г. и Аѳанасій Лопушинскій съ 1814 по 1845 г. ревностно поддерживали унію въ этомъ городкѣ. Польскій элементъ до того вкоренился между нарвскими прихожанами, что даже и по возсоединеніи уніятовъ, нѣкоторые изъ нихъ не ходили въ церковь къ богослуженію. Долго бился о. І. Б., преемникъ о. А. Лопушинскаго, пока вразумилъ своихъ прихожанъ. Первымъ долгомъ считалъ о. Б. познакомить прихожанъ съ истинами православной вѣры и съ сущностію православнаго богослуженія. Изложеніемъ и краткимъ объясненіемъ символа вѣры, главнѣйшихъ службъ церков-

(1) Наревка находится въ 18 верстахъ отъ Нарвы.

ныхъ, началъ о. Б. свое пастырское служеніе. Не упустилъ онъ изъ виду и таинствъ церковныхъ. Вотъ фактъ, который показываетъ взглядъ одной крестьянки нарвскаго прихода на таинство крещенія, совершаемое ксендзами. Однажды поспорили между собою двѣ женщины, одна изъ нихъ была православнаго исповѣданія, а другая римско-католическаго. Послѣдняя стала называть первую *схизматычкой*. Хорошо, отвѣчаетъ та, — „нехай собіе я схизматычка, а ты недокрещенка. Твой ксендзъ зробывъ надъ тобою то, что може зробиць всякая баба: всякая баба може крестить, и тебе ксендзъ только окрестивъ, а не помазавъ.“ Этотъ укоръ такъ подѣйствовалъ на римлянку, что она, а за ней и другія, стали просить своего ксендза о скорѣйшемъ совершеніи надъ ними таинства миропомазанія. Ксендзъ Божимъ принужденъ былъ, единственно по этому поводу, просить епископа прибыть въ Нарву и совершить, надъ кѣмъ слѣдовало, таинство миропомазанія. Епископъ, посѣщая сосѣдніе приходы, заѣхалъ въ Нарву, — хотя ему не слѣдовало дѣлать это уклоненіе отъ своею маршрута. Благодаря усердію о. Б. и частымъ спорамъ православныхъ съ римлянами, до 50 душъ послѣднихъ присоединились къ православію. — Вообще нужно сказать, что прихожане нарвскіе отличаются предъ другими прихожанами сколько ревностію въ вѣрѣ, столько и достаточнымъ знаніемъ сущности православной вѣры. Въ нарвскомъ приходѣ не только мущины, но и женщины въ состояніи пропѣть литургію и даже всенощную. Преосвященный Игнатій изумился, когда нарвскіе прихожане мущины и женщины — встрѣтили его стройнымъ пѣніемъ стихири: „днесь благодать святаго Духа насъ собра.“ Мальчики и дѣвочки, благодаря внушеніямъ своихъ родителей, охотно поступаютъ въ народное училище и усердно учатся. — Случайно удалось мнѣ говорить съ однимъ изъ питомцевъ нарвской школы.

— Ты ученикъ, спрашиваю я его?

— Ученикъ, отвѣчаетъ тотъ.

— Чему же ты обучаешься?

— Закону Божію, грамматикѣ; .... тутъ мальчикъ перечислилъ всѣ предметы, которымъ онъ обучается.

— Чтожъ это такое, спрашиваю я его, указывая на камень.

— Камень, отвѣтилъ онъ.

— По грамматикѣ, къ какому имени принадлежитъ камень?

— Къ имени существительному, бойко отвѣтилъ мальчикъ.

— Къ какому имени существительному?

— Къ нарицательному... а потому *што и это* камень, *и это* камень, и всѣ вотъ такіе *штуки* называются камнями.

— А гдѣ Богъ находится, спрашиваю я его.

— Вездѣ. —

— А въ тебѣ Богъ есть?

— Не знаю, отвѣтилъ мальчикъ немного смутясь, и *кали я* добрый, то и во мнѣ есть Богъ, *бо* въ злыхъ людяхъ, говорятъ, Бога *нема*.

Мальчикъ, отвѣчавшій мнѣ такимъ образомъ, былъ, какъ оказалось, изъ числа недавно поступившихъ въ училище.

Въ заключеніе можно сказать, что не мало найдется такихъ нарвскихъ прихожанъ..... Отъ чего же, спросите? Отъ того главнымъ образомъ, что они вполнѣ довѣряютъ своему священнику.

С.... — скій.

ПИСЬМО ВЪ РЕДАКЦІЮ ВѢСТНИКА ЗАПАДНОЙ РОССІИ.

Въ воскресенье, 20 Сентября, 1864 г. въ с. Прусахъ, Кіевской губер. (Васильковк. У.) торжественно совершено освященіе храма мѣстнымъ благочиннымъ, священникомъ В. Ѳ., съ 6 предстоящими. Село, въ коемъ совершился этотъ праздникъ, одно изъ малолюдныхъ. Расположено оно надъ р. Росью, среди лѣса, принадлежащаго, вмѣстѣ съ землею, графу Браницкому. Бѣдность и малолюдство прихода (1) были причиною того, что и св. храмъ въ

(1) Въ немъ, по послѣдней ревизіи, 233 д. муж. пола и 247 женскаго.

немъ доселѣ былъ малъ и бѣденъ. Скудости, впрочемъ, этого болѣе способствовало внѣшнее положеніе прихожанъ — чѣмъ малолюдность ихъ и несостоятельность. Крестьянъ въ прускомъ приходѣ столько же и теперь, сколько ихъ было и прежде. Но сами крестьяне стали уже не то, что прежде: они уже свободны и независимы; каждый изъ нихъ воленъ уже распорядиться своимъ трудомъ, состояніемъ и своимъ усердіемъ; рука каждаго изъ нихъ уже свободно и охотно приноситъ часть своихъ избытковъ на дѣло богоугодное, — на обновленіе или сооруженіе храма, особенно такаго, который крайне нуждается въ возобновленіи и перестройкѣ.

То, что казалось назадъ тому три года, труднымъ и даже невозможнымъ, сдѣлалось теперь и возможнымъ и легкимъ. Прежнее крѣпостное право налагало такую крѣпкую узду неволи, которая стѣсняла не только личность человѣка, но и самые предметы его уваженія и привязанности. Это испытала на себѣ и пруская церковь. Отношенія къ ней владѣльца были таковы, что мы не повѣрили бы ихъ дѣйствительности, еслибъ повѣсть о нихъ была передана лицемъ, менѣе авторитетнымъ. Вотъ одинъ изъ эпизодовъ этихъ отношеній, проливающій свѣтъ и на остальныя.

Престарѣлый (1) священникъ села Ольшаницы, самаго близкаго къ селу Прусъ, и другіе очевидцы, расказываютъ слѣдующій фактъ, имѣвшій сильное вліяніе на долгое — скудное состояніе обновленнаго нынѣ Прусянскаго храма.

Въ с. Ольшаницѣ жилъ въ началѣ нынѣшняго столѣтія панъ Г.... У него была любимая собака, съ коею онъ имѣлъ обыкновеніе ходить вездѣ и нерѣдко заходилъ съ нею и въ православныя церкви. Приходилъ онъ часто съ нею и въ церковь с. Прусъ. Собака эта имѣла привычку ложиться поперегъ открытыхъ царскихъ вратъ, какъ на мѣстѣ болѣе свободномъ при стеченіи народа. Отношеніе православнаго прусянскаго священника

---

(1) Священникъ А. Д. имѣетъ отъ роду 82 года.

къ пану было такого рода, что, когда нужно было проходить ему чрезъ царскія врата съ малымъ и великимъ входомъ, то онъ принужденъ былъ обращаться сперва съ униженнѣйшею просьбой къ хозяину собаки, чтобы онъ позволилъ ей уступить мѣсто для перенесенія св. Евангелія или св. Даровъ (1).

Владѣлецъ с. Прусъ давалъ за эту собаку пану Г.... это село. Г. въ добавокъ къ сему еще требовалъ отъ гр. Б... значительную часть прусянскаго лѣса. Такъ какъ Б. на это не согласился, то и сдѣлка не состоялась."

При такихъ отношеніяхъ панства къ православнымъ храмамъ, могли-ли они процвѣтать и блогоденствовать? За то, какъ не радоваться, что тотъ же св. храмъ, который былъ прежде такъ унижаемъ, оскверняемъ, жертвами тѣхъ же не многихъ прихожанъ, теперь перестроенъ и возобновленъ, сообразно величію и значенію древняго нашего православія.

В. А.

ПИСЬМО НАДВИСЛЯНСКАГО ПУСТЫНИКА КЪ ПАНАМЪ ПОЛЬСКИМЪ ЧИНОВНИКАМЪ.

(Переводъ съ польскаго.)

Вѣдь случается и пустыннику видѣть людей и бесѣдовать съ ними. Вотъ и я случайно очутился въ обществѣ, гдѣ, между прочимъ, толковали и о пустынникѣ, хотя никто не подозрѣвалъ, что этотъ таинственный человѣкъ сидитъ въ собравшемся кружкѣ.

Г. Яковъ доказывалъ, что пустынникъ — псевдонимъ и, что онъ —сама редакція *Дневника—Варшавскаго.* Г. Ѳедоръ, на-

---

(1) Поневолѣ скажешь: „свѣжо преданіе, а вѣрится съ трудомъ!"

противъ, утверждалъ, что знаетъ пустынника, что онъ — чиновникъ политическаго отдѣла. Г. Викторъ возражалъ, съ глубокомысленной улибкой: ошибаетесь, господа! — авторъ извѣстныхъ писемъ литераторъ и никогда не былъ чиновникомъ, затѣмъ г. Іосифъ увѣрялъ, что пустынникъ не есть одно лице, а цѣлое литературное общество, всякій членъ котораго развиваетъ данный ему для разработки предметъ, наконецъ панъ Лудовикъ, для прекращенія спора, изрекъ: вздоръ! — ктобы ни былъ вашъ пустынникъ, — вотъ ужъ проходитъ второй мѣсяцъ, какъ онъ ничего не пишетъ и не отвѣчаетъ намъ; видно исчерпалъ уже весь запасъ своего знанія, а затѣмъ миръ памяти его! Вы согласитесь, достопочтенный читатель, что, разгадывая личность и мѣстопребываніе таинственнаго автора, знаменитый ареопагъ производилъ оцѣнку его произведеній и тѣмъ далъ право отвѣчать на доводы и мнѣнія пановъ Якова, Ѳедора, Виктора, Іосифа и Лудовика.

Прежде всего скажу, что пустынникъ — не псевдонимъ, а человѣкъ вполнѣ индивидуальный, существо совершенно органическое; что онъ не чиновникъ, не участвуетъ въ литературныхъ корпораціяхъ и кружкахъ, что, постоянный въ своихъ политическихъ и логическихъ началахъ, онъ не колебался на томъ пути, по которому идетъ съ самыхъ юныхъ лѣтъ своей жизни. Въ своихъ замѣткахъ пустынникъ во все не ищетъ славы, а исполняетъ только долгъ члена общества, къ которому онъ принадлежитъ. Онъ возвѣщаетъ истину, подаетъ своимъ соотечественникамъ совѣты, основанные на собственномъ опытѣ, на исторіи міра, которая была исключительнымъ предметомъ трудолюбивыхъ изслѣдованій продолжительной его жизни, — не для того, чтобы пріобрѣтать энциклопедическую ученость, а для того, чтобы можно было узнать человѣка и людей.

Увѣряю васъ, г. Лудовикъ, что если пустынникъ и молчалъ нѣсколько недѣль, то молчаніе его происходило во все не отъ оскудѣнія силъ и исчерпанія предмета, а изъ желанія оставить читателямъ его необходимое время для свареніи данной имъ пищи. Къ этому можно было бы присоединить и то, что

письма пустынника, по роду и обширности, не похожи на обыденныя статьи, которыми, по неволѣ, наполняются столбцы газетъ; это разсужденія политическія; а потому, двадцать подобныхъ писемъ, въ продолженіи неполнаго года, написанныхъ одной и той же рукой и напечатанныхъ въ одномъ Дневникѣ, свидѣтельствуютъ и о значительности труда и богатствѣ матеріала. Не оскорбляетъ, однакожъ, меня мнѣніе пана Людовика; я охотно принимаю его, какъ вызовъ и берусь за перо.

Такъ какъ общество, въ которомъ я случайно очутился, состояло, исключительно, изъ чиновниковъ; такъ какъ изъ характера разговора я замѣтилъ, что эти господа составили ложное понятіе о своемъ положеніи и объ отношеніяхъ связывающихъ ихъ съ царскимъ правительствомъ, то, въ настоящемъ письмѣ, я вознамѣрился дать нормалное направленіе ихъ мыслямъ и сужденіямъ—и отъ иллюзій и заблужденій обратить къ истинѣ и здравомыслію. Если они не захотятъ понять меня, я скажу имъ: я сдѣлалъ, господа, все, что слѣдовало и теперь сожалѣю о васъ.

Не знаю, читали-ль вы то, что прежде высказалъ я объ этомъ предметѣ? Таковъ ужъ обычай въ Польшѣ: „больше писателей, нежели читателей,“ повторялъ мнѣ когда то учитель Залка—очень умный и достойный уваженія человѣкъ. А потому считаю нелишнимъ еще разъ систематически поговорить съ вами, гг. наши чиновники, въ томъ же смыслѣ и о томъ же предметѣ.

Съ тѣмъ поръ, какъ люди начали группироваться въ патріархальныя общества, выдѣлялись два начала: правители и управляемые. Послѣдній элементъ впослѣдствіи раздѣлился на двѣ новыя категоріи; преобладаніе сильныхъ и преобладаніе толпы,или, какъ говорятъ, аристократію и демократію. Первая—сильна познаніями, богатствомъ и нравственнымъ вліяніемъ на общество,—вторая беретъ въ немъ перевѣсъ числовымъ составомъ.

Слѣдствіемъ этого были различныя формы правленій, разныя названія ихъ, различныя и разнообразныя начала правъ,

или дарованныхъ, или выговоренныхъ. Хотя всѣ правительства имѣли одну цѣль-общее благо—и всѣ, идя прямымъ путемъ вѣрно и честно, могли ее достигнуть, но тутъ случилась бездорожъ, встрѣтились проселочныя тропинки съ ихъ оврагами, ухабами и лужами.

Между названными двумя жизненными элементами общества, всегда существовала борьба явная или тайная, матеріальная или нравственная. Вслѣдствіе того необходимость утвердила превосходство правительственной власти, которая опирается на нравственныя вмѣстѣ и матеріальныя силы, держитъ въ своихъ рукахъ вѣсы правосудія, поддерживаетъ равновѣсіе въ сословныхъ интересахъ общества.

Что же касается коренныхъ началъ, на которыя опираются формы правленій и ихъ дѣятельность, это вещь условная, такъ зависящая отъ мѣстности, климата, степени просвѣщенія, тортовли, промышленности, богатства земли и многихъ другихъ обстоятельствъ, что самыя вѣрныя, органическія начала и формы правленія для извѣстной провинціи, въ извѣстное время,—оказались бы негодными и даже вредными для другой области, въ иной мѣстности и въ иномъ вѣкѣ.

Однакожъ опытъ прошедшаго установилъ въ умѣ знаменитыхъ государственныхъ мужей убѣжденіе, что демократическій образъ правленія можетъ существовать исключительно въ малыхъ обществахъ; въ умѣренныхъ можетъ пригодится— аристократическій, а великія государства могутъ только и существовать при монархическомъ образѣ правленія, при пропорціональной и разумной равноправности интересовъ всѣхъ общественныхъ сословій страны.

Вслѣдъ за этимъ краткимъ опредѣленіемъ общественнаго правленія, перейдемъ къ нашей мѣстности, остановимся на ней, вникнемъ въ положеніе польскаго чиновника—для того, чтобъ указать какія обязанности лежатъ на немъ въ отношеніи къ престолу.

Монархъ всегда и вездѣ былъ отцемъ, правителемъ, путеводителемъ и законодателемъ народа. Говорю: законодателемъ,

потому что даже въ самыхъ прогрессивныхъ системахъ правленія, такъ называемый законодательный корпусъ, есть нечто иное, какъ только истолкователь потребностей и желаній народа, а законодатель — тотъ, кто утверждаетъ проэктъ и даетъ ему силу закона. Поэтому монархъ въ своей особѣ представляетъ народъ, правительство и совокупность власти. Онъ щитъ благополучія и безопасности страны.

Слѣдовательно, если всякій житель, какъ членъ общества, обязанъ религіей быть вѣрнымъ ему, и въ своихъ чувствованіяхъ долженъ питать безусловное повиновеніе и преданность, то тѣмъ болѣе эти обязанности лежатъ на чиновникѣ, который есть не только подданный своего монарха, но еще и присяжный слуга его; потому уголовные законы суровѣе наказываютъ домашняго за невѣрность и измѣну, нежели сторонняго преступника.

Не тайна, вѣдь, и для насъ и для всего міра, что большая часть нашихъ чиновниковъ, забывъ обязанности и интересы страны, тяжко опозорили себя въ послѣднемъ мятежѣ.

Пресса уже много разъ доказала, что для мятежа не было даже мнимаго предлога, — что на дѣлѣ онъ былъ ребяческой мечтой,—въ итогѣ—недостаткомъ простой логики, — а по слѣдствіямъ — несчастьемъ края. Потому въ настоящемъ письмѣ мнѣ остается только съ грустью сознаться, что въ такомъ множествѣ гражданъ такъ мало оказалось жизненнаго элемента, который управлялъ бы ихъ дѣйствіями, именно: доброй вѣры и раціональности.

Смѣшна мысль о самостоятельномъ существованіи нашемъ при теперешнемъ положеніи вещей! Но, чтобъ яснѣй обнаружить безразсудство вашей затѣи, предположимъ, что вы побѣдили; спрашиваю: что было бы дальше?

Выслушайте, господа, меня; собственно для вашей пользы, я скажу нѣсколько словъ.

Прежде всего легіоны, которые вы формировали, положимъ обратились бы въ небольшіе отряды или даже роты. Удержали ли бы-вы въ нихъ слѣдующее вамъ мѣсто? сомнитель-

но; потому что тѣ, которые прятались по лѣсамъ, затягивали петли, поражали нечаянно кинжалами или отравляли, сказали бы вамъ, что имѣютъ больше васъ правъ быть командирами и, безъ сомнѣнія, вы проиграли бы споръ.

За тѣмъ зашелъ бы столько же важный вопросъ — вопросъ финансовый. Въ самобытномъ государствѣ пришлось бы выставить сомобытную армію, организовать дипломатическій между народный корпусъ, а это стоило бы очень большихъ издержекъ. Можно предположить, что послѣ покрытія издержекъ на эти двѣ статьи бюджета ничего не осталось бы на жалованье вамъ, почтенные чиновники, и на удовлетвореніе разныхъ другихъ значительныхъ общихъ потребностей страны.

А что сказать объ эмеритурѣ, — этомъ даровомъ хлѣбѣ, который у насъ раздается такъ щедро? Остановимся на этомъ важномъ обстоятельствѣ. Можетъ, вѣдь, случится разстройство вашего здоровья, вы имѣете жену и дѣтей, а между вами не много людей состоятельныхъ, чтожъ было бы съ вами, безъ отеческой заботливости правительства, когда вы сдѣлались бы не способны трудиться? Что было бы съ вашими семействами по смерти вашей?!

Ваши эмеритуры — это пожизненныя „старостваʺ въ меньшихъ и большихъ размѣрахъ; а ни одно правительство, кромѣ царскаго, не обезпечиваетъ подобными средствами быта чиновниковъ и ихъ семействъ.

Я увѣренъ, что не одинъ изъ читателей, къ которымъ говорю, скажетъ: „правъ отчасти этотъ болтунъ — пустынникъ, но къ чему онъ стращаетъ насъ? вѣдь никто не можетъ доказать законнымъ образомъ, ни фактовъ заговора, ни кровавыхъ его дѣйствій, въ которыхъ бы мы принимали участіе.ʺ

Хотя — какъ извѣстно, были иногда и факты, разслѣдованные на горячихъ слѣдахъ, сознаюсь, однакожъ, что большинство заговорщиковъ дѣйствовало осторожно, тщательно держась того правила, чтобъ и волкъ былъ сытъ и коза цѣла. Въ томъ то и дѣло, что, въ разбирательствѣ фактовъ заговора чаще всего трудно найдти видимыя доказательства, но за то, противъ

васъ, господа, свидѣтельствуетъ чрезвычайное множество нравственныхъ доводовъ. А въ довѣренныхъ отношеніяхъ межъ слугой и господиномъ подобное доказательство объясняетъ все, потому что въ тяжбахъ этого рода и ничтожныя дѣйствія имѣютъ значеніе; а публичныя манифестаціи, самая характеристика тоалета, физіономія, это уже важныя обстоятельства, которыя вашъ даже адвокатъ (конечно въ другомъ случаѣ) призналъ бы, безъ сомнѣнія, за достаточный — corpus delicti, да и могъ бы опереться на мнѣніи нашего старика Копчинскаго, который учитъ, что речь бываетъ трехъ родовъ: устная, — на письмѣ *и посредствомъ знаковъ*.

Если бы вы добросовѣстно выполняли условія присяги вѣрно-подданической и присяги оффиціальной, которыя произнесъ каждый изъ васъ, то вѣрьте мнѣ, никогда не созрѣлъ бы заговоръ, не совершилась бы эмиграція, земля не обагрилась бы кровью, и страна не была бы опустошена.

Каждый сознавалъ и понималъ, что составленъ заговоръ, что поднято знамя бунта противъ правительства; скажите же мнѣ, господа, что вы разумѣете подъ именемъ правительства? Правительство означаетъ, во первыхъ могущество и силу царской особы; потомъ, принципы общественнаго устройства и порядка; наконецъ — дѣятельность исполнительной власти, или орудіе дѣйствій и воли монарха, — иначе: власть частную — въ тѣснѣйшей связи съ властью во всемъ ея составѣ.

А слѣдовательно, вы неосторожно возстали противъ собственныхъ интересовъ, противъ самихъ себя. Кажется — это ясно. — Вообще же скажу вамъ, господа, что въ грустномъ нашемъ дѣлѣ вы слишкомъ уклонились отъ пути, указаннаго вамъ обязанностями и разсудкомъ, а заблудившись, забыли о своемъ общественномъ положеніи, забыли о лежащихъ на васъ священныхъ обязанностяхъ, въ отношеніи къ семействамъ вашимъ. Потому что домашній слуга — теряя мѣсто, еще можетъ найдти себѣ другаго господина, въ сосѣднемъ домѣ или на другой улицѣ; но служитель общественный, теряя должность, если не обладаетъ богатствомъ, губитъ будущность и своего семейства.

Ломалъ я голову, бѣгалъ по тѣсной моей кельѣ, но, несмотря на мое искреннее желаніе, не могъ найдти ничего такого, что можно было бы привесть для вашего оправданія; а потому послушайте, господа, хотя словъ утѣшенія.

Ваши Зарейнскіе пріятели говорятъ: a tout peche miséricorde — то же самое мы выражаемъ въ словахъ: благость Божія превышаетъ грѣхи всего міра.

А такъ какъ всякій помазанникъ Божій есть посланникъ неба, а намъ, безъ сомнѣнія, избранникъ Провидѣнія, поэтому надѣйтесь на Его благость и великодушіе; — а для этого сознайте искренно свои преступленія и начните новую лучшую жизнь.

Царское правительство не требуетъ невозможнаго: оно требуетъ отъ васъ благородства, вѣрности и разума.

ИЗВЛЕЧЕНІЯ ИЗЪ ГАЗЕТЪ И ЖУРНАЛОВЪ.

Циркулярное предложеніе г. главнаго начальника сѣверо-западнаго края гг. начальникамъ виленской, ковенской, гродненской, минской, витебской и могилевской губерній,

от 19 октября 1864 года.

Политическіе безпорядки, происходившіе въ минувшемъ году въ здѣшнемъ краѣ, остановивъ на нѣкоторое время обычный, законный ходъ дѣлъ и административный порядокъ, вызвали быстрыя и рѣшительныя мѣры къ прекращенію безначалія, которое подъ революціоннымъ знаменемъ старалась распространить по краю мятежная польская партія.

Вслѣдствіе принятыхъ мѣръ мятежъ подавленъ въ самомъ его началѣ, раскрыта сѣть тайныхъ обществъ и злоумышленниковъ, и нынѣ еще строго и неусыпно преслѣдуется всякое преднамѣреніе со стороны оныхъ къ продолженію крамольныхъ дѣйствій.

Но между тѣмъ, политическія смуты минувшаго года не могли не оставить по себѣ слѣдовъ того временнаго разстройства въ ходѣ дѣлъ и нарушенія порядка и благоустройства, которыя неизбѣжны при ненормальномъ положеніи страны. Рядъ слѣдовавшихъ непосредственно одно за другимъ распоряженій, которыя нынѣ собраны и заключаются въ систематическомъ порядкѣ въ изданной инструкціи для военно-гражданскаго управленія и дополненіяхъ къ оной, свидѣтельствуетъ, что для прекращенія зла необходимо было измѣнить въ нѣкоторыхъ случаяхъ обыкновенный, указанный закономъ порядокъ; такъ самый законъ, находясь въ рукахъ исполнителей, состоявшихъ большею частію изъ лицъ причастныхъ къ мятежу, не могъ уже имѣть надлежащей силы, святости и неприкосновенности.

Нынѣ съ прекращеніемъ заботъ объ усмиреніи мятежа и искорененіи крамолы, предстоитъ дѣло упроченія на твердыхъ основаніяхъ законнаго порядка, и вмѣстѣ съ тѣмъ забота о благоустройствѣ края и внутренняго управленія въ ономъ.

Съ этою цѣлью, признавая необходимымъ, чтобы каждый изъ начальниковъ губерній, неограничиваясь свѣдѣніями, донесеніями и распоряженіями, заключающимися въ перепискѣ со всѣми подлежащими ему мѣстами и вѣдомствами въ губерніи, удостовѣрился осязательно, въ какомъ положеніи находятся всѣ части управленія, я предлагаю вашему превосходительству лично обозрѣть ввѣренную вамъ губернію и произвести подробную ревизію по оной всѣхъ, какъ судебныхъ, такъ и административныхъ мѣстъ и учрежденій, обращая при томъ строгое вниманіе на составъ въ оныхъ чиновниковъ, въ особенности по военно-гражданскому и полицейскому управленіямъ и на то, вполнѣ ли соотвѣтствуютъ ихъ дѣйствія распоряженіямъ правительства и главнаго мѣстнаго начальства, при чемъ, если замѣчены будутъ вами какіе либо безпорядки въ теченіи дѣлъ, уклоненіе отъ точнаго исполненія распоряженій, злоупотребленіе власти, а равно неблагонадежность должностныхъ лицъ, то вамъ слѣдуетъ принять немедленно на мѣстѣ

надлежащія мѣры къ прекращенію безпорядковъ и злоупотребленій и къ устраненію лицъ, допустившихъ оные.

При обзорѣ этомъ прошу ваше превосходительство обратить особенное вниманіе ваше :

1) На состояніе городскаго хозяйства, которое вообще, по нерадѣнію къ оному самихъ городскихъ обществъ и вкоренившемуся злоупотребленію лицъ, въ рукахъ которыхъ сосредоточивается завѣдываніе онымъ, запущено и находится въ самомъ неудовлетворительномъ положеніи.

2) На порядокъ, въ которомъ производится исполненіе податными сословіями, лежащихъ на нихъ повинностей, и на мѣры, предпринимаемыя къ правильному и неуклонному исполненію оныхъ; на порядокъ взиманія государственныхъ податей и другихъ общественныхъ сборовъ и на причины, по которымъ, накопляясь и увеличиваясь ежегодно, тяготѣютъ на обществахъ значительныя недоимки.

3) На бытъ какъ государственныхъ, такъ и временно-обязанныхъ крестьянъ-собственниковъ и на правильность дѣйствій, по отношенію къ первымъ, чиновъ вѣдомства государственныхъ имуществъ, а въ отношеніи послѣднихъ, мировыхъ посредниковъ.

4) На устройство вообще мировыхъ учрежденій, а также на дѣйствія повѣрочныхъ коммисій, какъ въ отношеніи обезпеченія быта крестьянскаго сословія, дарованными ему правительствомъ правами, такъ равно и землевладѣльцевъ слѣдующею имъ по закону собственностію.

5) На городскія и сельскія школы, равнымъ образомъ на то, соотвѣтствуютъ ли онѣ, при настоящемъ своемъ устройствѣ, и личномъ составѣ наставниковъ, предположенной правительствомъ цѣли; при чемъ особенному вниманію вашему поручаю наблюсти, чтобы народныя школы, тамъ гдѣ нѣтъ къ тому особыхъ препятствій, находились непремѣнно подъ ближайшимъ подчиненіемъ мѣстнаго православнаго духовенства; и чтобы отнюдь не было допускаемо обученіе въ школахъ польскому языку, а также существованія школъ, учрежденныхъ помѣщиками польскаго происхожденія, безъ особаго разрѣшенія начальства.

6) На состояніе православныхъ церквей и бытъ православнаго духовенства.

7) Такъ какъ римско-католическое духовенство было главнѣйшимъ подстрекателемъ мятежа и постоянно стремилось къ распространенію польской революціонной пропаганды, съ цѣлію уничтоженія русской народности въ здѣшнемъ краѣ, и въ сихъ видахъ оно, безъ установленнаго закономъ разрѣшенія начальства, строило самопроизвольно костелы, каплицы и филіи, внутри даже православныхъ приходовъ, я, обращая на это особое вниманіе вашего превосходительства, покорно прошу васъ, милостивый государь, принять зависящія отъ васъ мѣры, чтобы подобные случаи не могли повторяться и чтобы подобнаго рода сооруженія, безъ установленнаго закономъ разрѣшенія гражданскаго начальства, отнюдь не были допускаемы.

Независимо отъ всѣхъ приведенныхъ выше отдѣльныхъ указаній, я поручаю вамъ, милостивый государь, при объѣздѣ губерніи, обращать тщательное вниманіе вообще на весь ходъ внутренней администраціи на состояніе городскаго и сельскаго хозяйства и на всѣ части, касающіяся благосостоянія обывателей и, подвергнувъ всѣ эти предметы подробному осмотру,

исправить тѣ неудобства и вкравшіяся злоупотребленія, которыя, по оплошности, или злонамѣренности должностныхъ лицъ, допускаются на мѣстѣ и ускользали донынѣ отъ бдительности высшей власти; въ особенности же вниманіе ваше должно быть обращено на политическую сторону управленія, и приняты всѣ зависящія мѣры, какъ къ прекращенію и искорененію революціонной польской католической пропаганды, такъ равно къ поднятію и возвышенію достоинства и назначенія православнаго духовенства,—и къ утвержденію въ краѣ русской народности.

Я вполнѣ увѣренъ, что ваше превосходительство не оставите озаботиться, чтобы объѣздъ вашъ по губерніи имѣлъ во всѣхъ отношеніяхъ удовлетворительные на самомъ дѣлѣ разультаты, отъ которыхъ должно зависѣть направленіе, на будущее время всѣхъ частей ввѣреннаго вамъ управленія къ должному законному порядку и къ общему благосостоянію всѣхъ сословій.

Объѣздъ этотъ долженъ быть распредѣленъ постепенно; при чемъ, имѣя въ виду возможно-скорѣйшее достиженіе результатовъ онаго, а съ другой стороны, принимая во вниманіе подробность и многосложность означенной ревизіи, которая не должна ограничиваться только уѣздными городами, но касаться всѣхъ пунктовъ, какъ-то: становъ, волостей, приходовъ и проч., я поручаю вамъ, по усмотрѣнію вашему, ревизію тѣхъ мѣстъ, которыя вы не будете имѣть возможности и времени обозрѣть лично, возложить на вице-губернатора.

По окончаніи ревизіи въ каждомъ уѣздѣ, покорнѣйше прошу васъ доносить мнѣ со всею подробностію о результатахъ ревизіи по уѣзду, съ увѣдомленіемъ о тѣхъ распоряженіяхъ, какія будутъ сдѣланы вами вслѣдствіе оной; къ ревизіи же въ губернскомъ городѣ приступить безотлагательно.

Подписалъ: Генералъ отъ инфантеріи Муравьевъ.

РАЗДАЧА НАПЕРСТНЫХЪ КРЕСТОВЪ ОБРАЩЕННЫМЪ ВЪ ПРАВОСЛАВІЕ.

По случаю обращенія въ православіе минской губ., пинскаго уѣзда, жителей деревень Сошно, Селище, Кротово, Столчищи, Закутье, Новоселки, Скуратичи, Полкотичи и Королинъ, въ числѣ 450 чел. м. и 437 жен. и игуменскаго уѣзда 19 м. и 6 ж. пола душъ, а всего 915 человѣкъ, главный начальникъ края препроводилъ начальнику минской губерніи шестьсотъ мельхіоровыхъ наперсныхъ крестовъ и четыреста меньшихъ простыхъ, съ тѣмъ, чтобы по соглашенію съ архіепископомъ Михаиломъ, распорядиться о возложеніи ихъ на новообращенныхъ и обрядъ этотъ совершить какъ можно торжественнѣе. По надлежащемъ освященіи крестовъ и по совершеніи обычнаго молебствія, объявить новообращеннымъ, что эти кресты присланы имъ главнымъ начальникомъ края въ память радостнаго христіанскаго событія.

КОРРЕСПОНДЕНЦІЯ ИЗЪ МОЗЫРЯ.

Въ настоящее время, когда нашъ Сѣверо-Западный край совершенно возрождается и принимаетъ древле-русскій видъ, является слѣдующій во-

просъ: достаточно ли мы (вообще—русское общество) знаемъ духовную сторону бѣлорусса, его бытъ, его развитіе? Эти вопросы имѣютъ весьма важное значеніе въ томъ отношеніи, что отъ положительнаго или отрицательнаго отвѣта на оные зависитъ многое. Напр., зная степень развитія и областныя условія здѣшнихъ аборигеновъ, легче подойти къ нимъ, легче русскому милліонеру (какими должны быть всѣ наѣзжіе сюда люди) понимать этихъ аборигеновъ и боригеновъ и быть имъ полезными, чтобы стирать полонизмъ и возстановлять униженную панами и ксендзами православно-русскую народность. Видя лицемъ къ лицу, не въ оффиціальныхъ только столкновеніяхъ, здѣшняго мужичка, но въ его, такъ сказать, откровенно-домашнемъ быту, можно очень легко убѣдиться нашимъ „недовѣркамъ,“ что, подъ корой полонизма, у здѣшняго селянина бьетъ ключь живой воды—русской народности. Какъ же заглянуть въ душу здѣшняго мужичка? Панство съ ксендзовствомъ создали китайскую стѣну между мужикомъ и господиномъ, какого бы названія онъ не былъ. Разумное, какъ слышно, обхожденіе съ мужикомъ чиновника по крестьянскому дѣлу помогаетъ выдергивать камешки изъ этой стѣны. Дастъ Богъ, современемъ она, быть можетъ, пошатнется; но намъ, русскимъ людямъ, необходимо теперь, безотлагательно узнать больнаго, чтобъ лечить его, узнать всѣ симптомы его вѣковѣчной язвы.... Какъ тутъ быть? Кромѣ многихъ благодѣтельныхъ мѣръ, энергически приводимыхъ въ дѣйствіе и правительствомъ, полезно, необходимо даже, немедленно приступить къ собиранію народныхъ словесныхъ памятниковъ сѣверо-западнаго края. Они, будучи зеркаломъ, будучи фотографическимъ снимкомъ духовной стороны здѣшняго простонародья, очень облегчатъ достиженію нашей цѣли. Кому не извѣстно значеніе народной сказки, былины, легенды и пѣсни? Это тоже литература. Выраженіе Бюффона: „le style c'est l'homme“ вполнѣ здѣсь приложимо. Но эта истина не такъ давно принята за аксіому, даже въ ученомъ мірѣ, хотя уже въ концѣ XVIII вѣка начали у насъ на Руси собирать народные памятники. Въ обществѣ еще и теперь не рѣдкость встрѣтить такихъ субъектовъ которые смотрятъ на этотъ почтенный трудъ какъ на праздную забаву досужихъ людей.... Оставимь мертвымъ погребать мертвеца. Мы же видимъ въ этомъ занятіи совсѣмъ другое; мы даже охотно вѣримъ, что подобные мертвецы рано или поздно переведутся, сказавъ послѣднее свое слово.

Составленію сборника народныхъ словесныхъ памятниковъ сѣверо-западнаго края въ такой редакціи, чтобъ эти памятники были расположены по матеріямъ, очень много могли бы пособить дирекціи народныхъ училищъ виленскаго учебнаго округа, еслибъ онѣ, указавъ на цѣль подобнаго собиранія, предложили наставникамъ народныхъ училищъ подбирать обломки старины и сообщать время отъ времени въ дирекцію. Сельскіе священники Сѣверо-западнаго края, жизнь которыхъ проходитъ между вполнѣ имъ преданнымъ простонародіемъ, также безъ труда могли бы посодѣйствовать этому дѣлу. И наставники, а паче священники ближе всѣхъ къ народу: послѣдній не чуждается ихъ, видя, что они ему свой братъ. Какъ желательно было бы, чтобъ мое усердное слово перешло въ дѣло.

Григорій Кулжинскій.

3-го октября 1864 г.

Предложеніе митрополита Іосифа литовской консисторіи о подтвержденіи духовенству воспитывать своихъ дочерей во всемъ по русскому православному образованію.

Его Высокопреосвященство, Іосифъ, митрополитъ литовскій, далъ въ литовскую духовную консисторію, отъ 5 февраля 1865 г. за № 342, слѣдующее предложеніе:

«Нѣсколько уже разъ напоминаемо и внушаемо было духовенству литовской епархіи о печальномъ положеніи тѣхъ священническихъ семействъ, въ которыхъ священническія жены не могутъ дать дѣтямъ своимъ первоначальнаго русскаго православнаго воспитанія. Новые подобные случаи заставляютъ епархіальное начальство обратить на это и теперь вниманіе.

Благодареніе Господу, образованіе священническихъ дочерей въ Виленскомъ училищѣ дѣвицъ духовнаго званія принялось вполнѣ удовлетворительно во всѣхъ отношеніяхъ; и впослѣдствіи изъ нихъ выйдутъ достойныя и своему званію соотвѣтственныя священническія жены и матери. Но и до того времени слѣдуетъ озаботиться, чтобы поступающіе во священство не соединялись бракомъ съ дѣвицами, чуждыми русскому православному образованію.

По сему предлагаю консисторіи: 1) при рѣшеніи на будущее время о допущеніи къ рукоположенію кандидатовъ во священство и діаконство, имѣть въ виду письменное свидѣтельство благочиннаго и двухъ надежныхъ мѣстныхъ священниковъ, о знаніи женою того кандидата: читать исправно по славянски и по русски, говорить и писать по русски, а также знать важнѣйшія церковныя православныя молитвы и катихизисъ; 2) предписать благочиннымъ не допускать брака означенныхъ кандидатовъ во священство и діаконство, прежде удостовѣренія о знаніи невѣстами ихъ упомянутыхъ выше предметовъ и выдачи ими о таковомъ знаніи письменнаго свидѣтельства; 3) въ случаѣ сомнѣнія въ вѣр-

ности таковаго свидѣтельства, повѣрять оное посредствомъ другихъ благонадежныхъ духовныхъ; и если окажется, что жены кандидатовъ во священство не знаютъ означенныхъ предметовъ, то не допускать сихъ кандидатовъ къ рукоположенію; 4) внушить всему духовенству, чтобы оно заботилось по возможности о помѣщеніи дочерей своихъ въ виленское училище дѣвицъ духовнаго званія, — дабы епархіальное начальство могло впослѣдствіи не прибѣгать уже къ подобнымъ выше прописанной мѣрамъ и быть безъ нихъ увѣреннымъ въ надежности на будущее время священническихъ женъ и дочерей всей литовской православной паствы. Разумѣется, воспитанницы помянутаго дѣвичьяго училища въ означенныхъ выше свидѣтельствахъ не будутъ нуждаться.»

ВѢДОМОСТЬ

О ЛИЦАХЪ РАЗНАГО ЗВАНІЯ ПРИСОЕДИНИВШИХСЯ КЪ ПРАВОСЛАВІЮ ВЪ 1864 ГОДУ ПО ЛИТОВСКОЙ ЕПАРХІИ.

за 1864 годъ.	Римлянъ.		Лютеранъ.		Раскольниковъ.		Евреевъ.		Магометанъ.	
	Мужескаго.	Женскаго.	Мужескаго	Женскаго	Мужескаго.	Женскаго.	Мужескаго.	Женскаго.	Мужескаго.	Женскаго.
Губерній:										
Виленской . .	213	259	„	3	3	1	3	4	1	„
Гродненской .	545	588	1	2	1	„	2	11	„	„
Ковенской . .	3	12	„	„	„	„	2	1	„	„
Итого . .	761	859	1	5	4	1	7	16	1	„

О новостроющейся Березницкой церкви.

(*Слонимскаго уѣзда, приписной къ Building Ворониловицкой церкви*).

Это другая (*) въ нашемъ уголкѣ новая церковь. Стоитъ она при большой дорогѣ изъ м. Ружаны въ г. Пружаны въ урочищѣ, именумомъ Ныръ. На этомъ мѣстѣ съ незапамятныхъ временъ существовала маленькая деревянная церковь, которая чрезъ нѣсколько лѣтъ представляла печальный видъ полуразвалинъ. Казенные крестьяне дер. Березницы, отъ которой и церковь эта именуется Березницкою, и другихъ окрестныхъ селеній Ружанскаго общества, питая особенное благоговѣніе къ сей мѣстности, (**) издавна хотѣли построить здѣсь новую церковь, на что однакожъ неимѣя средствъ, оставались въ нерѣшительности до сихъ поръ. Подвигнутые благочестивымъ примѣромъ крестьянъ дер. Мижевичь, и пользуясь состояніемъ у нихъ на службѣ сельскаго писаря Филитовича, строителя Мижевицкой церкви, они наконецъ рѣшились, не смотря на свое ограниченное состояніе, приступить къ осуществленію своего намѣренія — построить новую церковь, изъявивъ при этомъ благое желаніе, чтобы церковь эта служила на память ихъ потомству объ *усмиреніи мятежа.* По составленному плану вышепомянутымъ Филитовичемъ, теперь церковь

(*) Корреспондентъ намѣкаетъ здѣсь на свое описаніе Мижевицкой церкви, помѣщенное въ 1-мъ № епарх. вѣд. *Ред.*

(**) Существуетъ въ народѣ устное преданіе, что бывшая старая церковь построена была тутъ по слѣдующему случаю: въ одно утро маленькіе пастушки изъ дер. Березницы, пасшіе скотъ на здѣсь же находящемся лугу,— узрѣли женщину необыкновенной красоты, сѣдящую на великомъ камнѣ, которая встала, перешла чрезъ этотъ камень, оставивъ слѣдъ отъ своей ноги на камнѣ, и умывшись въ сосѣднемъ источникѣ, скрылась неизвѣстно куда. Всѣ пришли къ заключенію, что видѣнная дѣтьми незнакомица была Царица Небесная, стали собираться къ сему мѣсту, и многіе испытывали цѣлительную силу воды сего источника. Камень же этотъ лежитъ въ лѣвомъ придѣлѣ новостроющейся церкви съ видимымъ изображеніемъ стопы человѣческой. *Сочинитель.*

эта уже возведена, въ далеко большемъ противу прежней размѣрѣ, выше окошекъ, прочной работы изъ тесанныхъ по обѣимъ сторонамъ бревенъ. Его Высокопревосходительство, главный начальникъ здѣшняго края, узнавъ объ этомъ ихъ благочестивомъ патріотическомъ предпріятіи, изволилъ ассигновать имъ въ помощь 1,000 руб. сер., изъ суммъ ему ввѣренныхъ.

Нельзя при этомъ пройти молчаніемъ особеннаго случая, бывшаго во время освященія фундамента для сей церкви — случая, который произвелъ великое впечатлѣніе на присутствующихъ. Послѣ совершенія литургіи въ приходской Ворониловицкой церкви тремя іереями, съ преднесомыми крестомъ, хоругвями и образомъ Божіей Матери, въ сопровожденіи многочисленнаго народа совершили крестный ходъ къ мѣсту освященія. День былъ, какъ почти во все лѣто, очень пасмурный, даже дождикъ началъ было покрапывать; — въ самую минуту, когда всѣ колѣнопреклоненно возсылали Господу Богу моленіе объ освященіи мѣста на церковь, вдругъ просіяло солнце, лучей котораго народъ не видѣлъ уже болѣе мѣсяца. Невольно слеза радости и умиленія оросила лица присутствующихъ. Тутъ всѣ почувствовали явно особенное благоволеніе Божіе, какъ бы въ даръ низпосланное за благое предначинаніе.

Свящ. *П. Рафаловичъ.*

1865 года, генваря
10 дня, м. Ружана.

Корреспонденція изъ Трокъ.

Въ воскресенье, 17-го октября, у насъ совершено было освященіе первой народной школы въ уѣздѣ. По окончаніи обѣдни здѣшнее общество въ сопровожденіи священника въ облаченіи, хоругвій, хора пѣвчихъ изъ мѣстныхъ чиновниковъ и собравшихся съ окрестныхъ мѣстъ кресгьянъ, до 300 человѣкъ, отправились въ зданіе училища. Просторное двухъ-этажное

зданіе, съ теремомъ, построенное во вкусѣ русской сельской избы съ гребнемъ, пестрыми полотенцами, конькомъ, цвѣтными наличниками и прочими украшеніями, могло бы украсить любую столичную окрестность. Училищê въ своей постройкѣ много обязано заботамъ бывшаго помощника военнаго начальника капитана Панютина. На большомъ дворѣ, гдѣ предполагается для учениковъ устроить садикъ, совершено было молебствіе. Здѣсь мы не можемъ не сказать объ одной нашей личной замѣткѣ, относительно того впечатлѣнія нашего православнаго служенія на крестьянъ римско-католиковъ, которое замѣтно отражалось на ихъ лицахъ и въ ихъ движеніяхъ. Съ необыкновеннымъ вниманіемъ, въ особенности нѣкоторые изъ близко стоявшихъ, вслушивались, иные вѣроятно и въ первый разъ, въ слова священника и хора пѣвчихъ. Знакомые звуки роднаго русскаго слова (собравшіеся крестьяне были бѣлоруссы), вмѣсто непонятныхъ для нихъ загадочныхъ латинскихъ формулъ, наводили его невольно на молитву, и мужикъ видимо крестился съ чувствомъ. Самая простота нашего служенія должна была подѣйствовать на нихъ благотворно. По окончаніи молебна, нашимъ военнымъ начальникомъ полковникомъ Толмачевымъ были угощены крестьяне. Тутъ же на самомъ дворѣ училища были разставлены столы съ водкою, пивомъ и разными закусками, не исключая и нашихъ родныхъ щей. Первый разумѣется тостъ былъ поднятъ имъ за здоровье освободителя милліоновъ ГОСУДАРЯ АЛЕКСАНДРА НИКОЛАЕВИЧА. Шапки полетѣли вверхъ и дружный крикъ „ура" долго не прекращался. При этомъ привѣтѣ г. Толмачевымъ между прочимъ было сказано, чтобы они не вѣрили тѣмъ враждебнымъ навѣтамъ, будто бы народныя школы основываются въ ущербъ ихъ вѣроисповѣданію. Дѣйствительно, тайная пропаганда въ этомъ духѣ продолжаетъ дѣйствовать и она-то единственно и поселяетъ нѣкоторыя колебанія въ умахъ крестьянъ, самихъ по себѣ расположенныхъ къ вводимымъ училищамъ. За тѣмъ слѣдовали тосты за главнаго начальника края, такъ много сдѣлавшаго для забитаго западно-русскаго народа, за процвѣтаніе народныхъ школъ, за мировыя учрежденія и пр. Крестьяне еще остались пировать, а все наше общество было приглашено на обѣдъ къ мировому посреднику Черневскому, къ уча-

етку котораго и принадлежитъ открытая школа. Тамъ повторились тѣже тосты и общее веселье продолжалось до поздняго вечера.

При открытіи школы, къ которой причислены двѣ волости крестьянъ-собственниковъ Скорбуцянская и Солькеникская и Между-рѣчская волость государственныхъ крестьянъ, оказалось на лицо 70 крестьянскихъ мальчиковъ. Нѣкоторые изъ нихъ уже знаютъ порядочно читать и могутъ, по этому, даже помогать сельскому учителю въ обученіи грамотѣ.

ЗАМѢТКА

о постройкѣ церквей Мостовлянской и Лашанской и о починкѣ Дерѣчинковской церкви Гродненскаго уѣзда.

Въ «Литовскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостяхъ» и другихъ, какъ духовныхъ, такъ и свѣтскихъ, журналахъ и газетахъ за истекшій 1863 годъ, были помѣщаемы не большія статьи о постройкѣ, починкѣ и освященіи нѣкоторыхъ церквей литовской епархіи. Въ этихъ статьяхъ большею частію, или представлены усилія правительства поддержать въ приличномъ видѣ храмы Божіи пожертвованіемъ значительныхъ суммъ, или изображены благочестивыя приношенія на тотъ-же предметъ частными лицами великорусскаго происхожденія. Сверхъ того, описанныя въ тѣхъ статьяхъ факты были представлены какъ-то отдѣльно, безъ всякаго почти отношенія къ жизни и дѣятельности мѣстнаго духовенства и принадлежащей ему паствы. Если можно было вывести изъ тѣхъ фактовъ какое нибудь общее заключеніе, то оно не очень выгодно говорило о религіозной нашей жизни и дѣятельности. При чтеніи тѣхъ статей невольно рождалось скорбное чувство, что православіе въ Литвѣ находится далеко не въ цвѣтущемъ состояніи, и мало выдвинулось изъ безсильнаго состоянія, требующаго во всемъ посторонней помощи. Между тѣмъ возведеніе храмовъ, даже не очень великолѣпныхъ, на собственныя средства прихожанъ, возбуждаетъ въ душѣ, какъ участвующихъ въ приношеніяхъ, такъ и посторонныхъ лицъ, го-

раздо болѣе пріятное и болѣе утѣшительное чувство, чѣмъ казенная постройка самыхъ величественныхъ церквей. Первое служитъ выраженіемъ религіознаго и матеріальнаго быта мѣстнаго народонаселенія, послѣдняя, свидѣтельствуя о бѣдности этого быта, служитъ только памятникомъ распорядительности и усердія къ вѣрѣ самого правительства. Въ постройкѣ церквей, на мѣстныя средства, выражается у насъ, не только внутренняя жизнь православія, но и внѣшняя борьба его съ иновѣріемъ и побѣдное торжество перваго надъ послѣднимъ. Будучи поставлено историческими обстоятельствами въ самое затруднительное положеніе, или, сказать вѣрнѣе, будучи отдано во многихъ случаяхъ на произволъ иновѣрцевъ — враговъ, православіе въ западныхъ губерніяхъ не упадало, не приходило въ отчаяніе, а сосредоточивая всѣ свои силы для неровной борьбы, при помощи Божіей, то не оставалось въ ней побѣжденнымъ, то шагъ за шагомъ приближалось къ рѣшительной побѣдѣ. Только въ послѣднее время—съ освобожденія крестьянъ отъ крѣпостной зависимости, до развитія польскаго мятежа, когда интересы православія и католичества, интересы русской и польской народности въ Литвѣ, стали въ видимой противоположности, въ открытой борьбѣ, возникшее изъ уніи православіе начало совершенно освобождаться отъ *патронатства*—опеки и покровительства — и матеріальнаго вліянія иновѣрцевъ — помѣщиковъ и чиновниковъ. До того времени нужно было строго держаться бюрократическихъ формальностей, которыя, правду сказать, были тоже крайне невыгодны для православія. Обыкновенный процессъ при постройкѣ и починкѣ церквей, особенно въ помѣщичьихъ имѣніяхъ, со времени присоединенія уніи къ православію до самаго развитія польскаго мятежа, производился слѣдующимъ образомъ: благочинный, получивъ донесеніе отъ мѣстнаго причта о необходимости починить, или вновь построить церковь, доносилъ объ этомъ епархіальному начальству, которое относилось въ губернское правленіе, а это послѣднее, отъ имени начальника губерніи, предлагало уѣздному предводителю дворянства озаботиться этимъ дѣломъ. Понятно, какова была эта забота поляка-католика, особенно при всемъ р. католическомъ чиновничествѣ отъ губернаторской

канцеляріи, строительной коммиссіи до становаго пристава. Составляя западную пропаганду, руководимую ксендзами, всѣ они съ фанатизмомъ заботились не о постройкѣ или починкѣ православной церкви, а о томъ, чтобы ея никогда не существовало.

Взглянемъ на постройку церквей гродненскаго уѣзда *Мостовлянской и Лашанской* и на починку *Деречинковской церкви:* въ этихъ работахъ есть много кое-чего, достойнаго вниманія. Излагаемыя свѣдѣнія заимствованы изъ дозволенной мнѣ для разсмотрѣнія переписки по этому дѣлу, принимавшаго въ тѣхъ постройкахъ дѣятельное участіе. Если имѣются и у другихъ лицъ, или присутственныхъ мѣстъ, болѣе подробныя по этому предмету свѣдѣнія (въ чемъ почти не льзя сомнѣваться); то, за выведеніе ихъ на свѣтъ Божій, кажется, не были бы не благодарны и настоящіе и будущіе ревнители православія и русской народности.

Въ первомъ году, послѣ присоединенія уніи къ православію, (1840 г.) мы находимъ уже переписку литовскаго епархіальнаго начальства съ гродненскимъ губернскимъ правленіемъ и мѣстною палатою государственныхъ имуществъ, о починкѣ Мостовлянской церкви на сумму 357 р. 15 к., которая и была отнесена на прихожанъ — казенныхъ и помѣщичьихъ крестьянъ. Послѣ разной оффиціальной переписки, заботу о починкѣ этой церкви принялъ на себя отъ предводителя дворянства одинъ изъ помѣщиковъ, который приставилъ къ той работѣ двухъ нѣмцовъ съ трубками, трудившихся столь усердно, что Мостовлянская церковь, 10 іюля 1841 года, въ 10 часовъ утра, пламенемъ была обращена въ пепелъ! Можно себѣ представить, при такомъ случаѣ горесть мостовлянскихъ прихожанъ и мѣстнаго причта, для большей скорби которыхъ тотъ же помѣщикъ, обязанный документами своихъ предмѣстниковъ къ содержанію въ приличномъ видѣ церкви и причетническихъ строеній и такъ усердно озаботившійся починкой этой церкви, вскорѣ послѣ сожженія ея, просилъ высокопреосвященнаго владыку о закрытіи мостовлянскаго прихода, причисленіи его къ Цѣцѣровской или Яловской церкви: литовское епархіальное начальство, конечно, отказало въ удовлетвореніи незаконнаго домогательства помѣщика и просило губернское правленіе распорядиться производствомъ формальна-

го слѣдствія, о сожженіи Мостовлянской церкви и составленіемъ плана и смѣты на постройку новой. Слѣдствіе объ этомъ происшествіи производилось долго, долго, пока одинъ изъ нѣмцевъ волею Божіею не умеръ, а другой отправился въ страну свою, или въ другой уѣздъ той же губерніи, гдѣ онъ могъ уже считаться въ неизвѣстной отлучкѣ. Постройкою новой церкви, по предложенію губернскаго правленія, долженъ былъ распорядиться опять тотъ-же предводитель дворянства. Планъ и смѣты, первоначальная и дополнительная, составлены гражданскимъ инженеромъ—католикомъ, несправлявшимся сколько могутъ пожертвовать на свою церковь прихожане. Впрочемъ тогда и на мысль никому не приходило церемониться съ собственностію крестьянъ. Положено было съ 680 душъ мостовлянскихъ прихожанъ собрать на постройку церкви 2,227 р. 62 к., болѣе чѣмъ по по 3 р. съ души и болѣе 13 р. съ дома. Сборъ денегъ производился по смѣтѣ, не смотря на то, что подрядъ былъ отданъ еврею за 999 р. и что палата государственныхъ имуществъ за казенныхъ крестьянъ, по расчету, составленному согласно съ первоначальною смѣтою, внесла въ гродненское губернское правленіе 769 р. $73^1/_3$ к. При сборѣ этихъ денегъ, взыскиваемыхъ полиціею, и вносимыхъ безъ квитанцій, а потому и безконтрольно, предводителю дворянства, сколько разъ приходилось православному народу переносить насмѣшливо-сострадательное напоминаніе разныхъ иновѣрныхъ личностей, о несчастіи этого народа принадлежать къ православію и за то платить послѣднюю свою копѣйку, тогда какъ народъ римско-католическаго исповѣданія молится Богу въ великолѣпныхъ костелахъ, построенныхъ помѣщиками! Людъ православный все это переносилъ терпѣливо, и ожидалъ новаго храма, за постройку котораго взялся еврей, пользующійся, конечно, не большимъ довѣріемъ, какъ и починившій прежнюю церковь помѣщикъ. Янкель Мовшовичь Данцигъ, подрядчикъ, положившій въ казенной палатѣ 167 р. залога, не думалъ возиться долго съ этой постройкой: фундаментъ, онъ же и цоколь, положилъ изъ полувыжженнаго кирпича на глинѣ, стѣны вывелъ изъ 4-хъ вершковыхъ брусковъ, въ которыхъ шипы оказались бы лишними, на балочкахъ помѣстилъ кое какую крышу, намостилъ нѣсколько досокъ безъ при-

бивки, вмѣсто пола,— вотъ и церковь готова! Карнизы, наличники, кони, и даже нѣкоторыя стекла въ окнахъ считались излишнимъ украшеніемъ, а потому ихъ и не существовало. Не смотря на все это, гражданскій инженеръ въ сентябрѣ мѣсяцѣ 1845 года, донесъ начальству о совершенномъ окончаніи этой церкви, готовой для сдачи въ духовное вѣдомство. Затѣмъ осматривавшіе постройку мостовлянской церкви, чиновники и мѣстный благочинный нашли, что цоколь началъ уже разваливаться, стѣны стали коробиться, отъ чего и вся церковь смиренно клонилась къ разрушенію, а потому и не была принята въ духовное вѣдомство. Не смотря на это, гродненское губернское правленіе нашло возможнымъ выдать подрядчику, сверхъ взятыхъ уже имъ 300 рублей, остальную сумму, за удержаніемъ нужнаго количества на исправленіе. На этомъ основаніи подрядчикъ получилъ еще 300 р. и свой залогъ, потомъ уже оказался не состоятельнымъ и отправился, подобно нѣмцу, спалившему старую церковь, въ неизвѣстную отлучку. Окончательное устройство этой церкви поручено было тому-же гражданскому инженеру, и тому же помѣщику, который съ нѣмцами починялъ сгорѣвшую церковь. Въ составленіи на это устройство новыхъ смѣтъ, раскладокъ и взысканій денегъ съ прихожанъ тянулось время до 1861 года, а конца дѣла не было: исчезла послѣдняя надежда на окончательное устройство церкви, обнаружившей рѣшительную наклонность къ разрушенію. Мостовлянскій приходъ оставался безъ церкви уже 20 лѣтъ. Болѣе 10 лѣтъ, страдавшій безъ церкви, священникъ Николай Шумовичъ, хотя и съ молодыхъ лѣтъ привыкъ къ кознямъ и притѣсненіямъ, но измученный постоянною борьбою съ враждующею польско - латинскою партіею, разоренный издержками при постоянныхъ разъѣздахъ, лишенный дохода при отправленіи обѣдень, и убитый горемъ при безуспѣшности своихъ трудовъ, почилъ отъ нихъ 1851 года. Молодой преемникъ его, непривычный къ столь тяжкой борьбѣ съ тогдашними обстоятельствами, не выдержавъ и четырехъ лѣтъ, принужденъ былъ перемѣститься въ другой приходъ, получивъ зародышъ чахотки, отъ которой чрезъ нѣсколько лѣтъ скончался. Не выдержалъ этой борьби и третій священникъ, принужденный тоже перейти на другое мѣсто. Но мы стали уже приближаться къ той

славной эпохѣ, когда крестьяне были освобождены отъ крѣпостной зависимости и въ нихъ быстро стало развиваться сознаніе права—имѣть свою собственность, и свободно распоряжаться ею. На мостовлянскій приходъ только что поступилъ новый молодой священникъ, четвертый съ 1840 года. Не ослабившій своихъ силъ тяжкими неудачами жизни, поддержанный родственными связами и содѣйствіемъ вліятельныхъ лицъ въ епархіальномъ управленіи, онъ, съ полною вѣрою въ будущее, со всею ревностію молодой души, принялся за возобновленіе храма Божія, безъ котораго жизнь приходскаго священника не есть жизнь, а постоянное мученіе. Онъ убѣдилъ прихожанъ просить начальство о выдачѣ имъ собранныхъ съ нихъ же денегъ, 551 руб. 5 коп., хранившихся въ гродненскомъ приказѣ общественнаго призрѣнія, и на тѣ деньги разобрать построенную Янкелями церковь, а изъ этого матеріала съ добавкою новаго, подложивъ прочный фундаментъ, возвести вновь всю постройку церкви и произвесть внутреннее ея устройство. Недостающее количество денегъ, необходимое для совершенія этихъ работъ, прихожане обѣщали сложить по новой раскладкѣ. Духовное и гражданское начальство нашли вполнѣ справедливою просьбу прихожанъ Мостовлянской церкви, въ выдачѣ имъ хранившихся въ приказѣ денегъ. Съ этимъ вмѣстѣ прекратилось полицейское и помѣщичье вліяніе на эту постройку, приносившее не пользу, а вредъ, не содѣйствовавшее, а препятствовавшее успѣшному ходу настоящаго дѣла, прекратилась почти и нумерная объ немъ переписка, составлявшая пустое упражненіе канцеляристовъ и приносившая почти такуюже пользу дѣлу, какъ и полицейское и помѣщичье на него вліяніе. Два акта, составленные при этомъ безъ всякихъ формальностей, обращаютъ на себя въ томъ дѣлѣ особенное вниманіе. Это обязательство—какъ 10 неграмотныхъ человѣкъ за весь приходъ, такъ и мѣстнаго священника, написанное въ нѣсколькихъ строкахъ,—вспомоществовать сооруженію этой церкви посильными приношеніями, если имъ будутъ выданы деньги, хранившіяся въ приказѣ. Эти посильныя приношенія, какъ увидимъ ниже, были весьма не маловажны. Еще проще и не формальнѣе былъ контрактъ, заключенный прихожанами, съ мастеромъ-плотникомъ Андреемъ Лотышемъ, на перестройку Мостов-

лянской церкви за 700 руб., а нигдѣ не явленный. Не смотря на все это, какъ прихожане, такъ и подрядчикъ, не принадлежавшіе къ благороднымъ сословіямъ, исполнили самымъ благороднымъ образомъ принятыя на себя обязательства. Честь и слава тебѣ, Андрей Лотышъ! Честь и слава вамъ, добрые люди! Хотя васъ и не прославляютъ въ газетахъ, какъ другихъ, часто, весьма мало этого стоющихъ, за то вы получите славу лучше человѣческой—похваленіе отъ Господа! Въ продолженіе одного года Мостовлянская церковь, на прочномъ фундаментѣ, была совершенно перестроена, покрыта гонтомъ, покрашеннымъ масляною краскою, купола и кресты—бѣлою жестью; установленъ въ 2 яруса, съ окраскою подъ лакъ и съ позолотою, гдѣ слѣдовало, иконостасъ; всѣ образа выписаны изъ Москвы и помѣщены въ соотвѣтственно-великолѣпныхъ рамахъ. Прочная постройка церкви и весьма приличное для сельскаго храма внутреннее устройство приводили въ радость и восторгъ прихожанъ, пожертвовавшихъ на этотъ предметъ, кромѣ хранившихся въ приказѣ, еще 647 р. 44 к. Освященіе этой церкви (8-го мая 1862 года) было торжествомъ не однихъ мостовлянскихъ прихожанъ, а всѣхъ, близкихъ и дальныхъ, исповѣдниковъ православія, многочисленнымъ своимъ собраніемъ заявившихъ привязанность къ своей св. вѣрѣ и русской народности, противъ проявлявшихся уже тогда польскихъ манифестацій, принимавшихъ религіозный характеръ. Прихожане сосѣдней Цѣцѣровской церкви, съ своимъ священникомъ, прибыли къ торжеству съ крестнымъ ходомъ, въ которомъ развѣвались священныя знамена хоругвей и несены были святыя иконы. Мѣстные прихожане встрѣчали и провожали ихъ такимъ же крестнымъ ходомъ. Торжественная встрѣча и проводы преосвященнѣйшаго Игнатія, освящавшаго церковь, при множествѣ зажженныхъ свѣчей, съ развѣвающимися хоругвями, колокольнымъ звономъ и умилительнымъ подхожденіемъ народа подъ архипастырское благословеніе, никогда не будутъ забыты въ этой мѣстности. Преосвященный до глубины души былъ тронутъ изъявленіемъ прихожанами безпритворной ихъ благодарности за содѣйствіе и участіе, которое было принимаемо его преосвященствомъ въ перестройкѣ и внутреннемъ устройствѣ этой церкви. Многочисленное собраніе духовенства (12 священниковъ, 3 діа-

кона и много церковно-служителей), прибывшихъ къ дню освященія, придавало этому достопамятному дню значеніе не только духовнаго торжества, но и полнаго христіанскаго согласія и единства, между православнымъ духовенствомъ и ввѣренною ему отъ Бога паствою. Братское угощеніе, самое радушное, но безъ излишества, сдѣланное мостовлянскими прихожанами на церковномъ погостѣ прихожанамъ сосѣднихъ церквей, живо напоминало существовавшія въ первыя вѣка христіанства „вечери любви," и свидѣтельствовало о русскомъ гостепріимствѣ и единодушіи здѣшняго православнаго народонаселенія. Въ настоящемъ году усердіемъ одного благочестиваго братчика въ С.-Петербургѣ, Мостовлянская церковь снабжена благолѣпною утварью и священными облаченіями, а мѣстные братчики и училище образами и книгами.

Постройка *Лашанской церкви* производилась почти при одинаковыхъ обстоятельствахъ, какъ и Мостовлянской; впрочемъ имѣла и свои отдѣльныя частности, заслуживающія особеннаго вниманія. Переписка о постройкѣ этой церкви начинается съ 1845 года и заключаетъ въ себѣ ту особенность, что предполагалось произвесть постройку изъ упраздненнаго въ 1832 году по францисканскаго деревяннаго костела, находившагося, въ 3-хъ верстахъ отъ Лаши, въ урочищѣ Свислочь. Постройка православной церкви изъ римскаго костела, хотя и давно упраздненнаго, возбуждала сильное противодѣйствіе въ могущественной польско-католической средѣ. Около 15 лѣтъ ведена была объ этомъ переписка; и смѣты и планы составлялись и передѣлывались медленно; еще медленнѣе дѣлалась предводителемъ дворянства раскладка между прихожанами денежныхъ расходовъ и разныхъ натуральныхъ повинностей; еще неаккуратнѣе и запутаннѣе производился сборъ денегъ, вносимыхъ прихожанами предводителю дворянства. Для большей сбивчивости дѣла постройка церкви соединена съ возведеніемъ строеній для причта. 3,631 р. 23 к. было исчислено на постройку церкви, и 2,281 р. 20 к. на причетническія строенія, что составитъ на 4,000 прихожанъ почти по 1 р. 47 к. съ души. По свѣдѣніямъ гродненскаго начальника губерніи до 1861 года было собрано съ прихожанъ на устройство этой церкви 985 р. 45 к., а на строенія священно-и-церковно-слу-

жителей съ помѣщичьихъ-крестьянъ 799 р. 80 к. и съ казенныхъ 189 р. 45 к. Часть этихъ денегъ хранилась въ гродненскомъ приказѣ общественнаго призрѣнія, а часть на рукахъ предводителя дворянства, который хотя и дѣлалъ на бумагѣ распоряженія о производствѣ этихъ работъ, но самъ-же онъ и старался, дабы онѣ не были исполняемы на дѣлѣ, какъ выразился объ этомъ въ письмѣ отъ 26-го марта 1862 года мученикъ за вѣру и отечество, бывшій тогда въ этомъ станѣ приставъ Осипъ Кургановичъ. Слишкомъ велико было противодѣйствіе помѣщиковъ при этихъ постройкахъ, когда въ томъ же письмѣ онъ выражался: постройка эта „не можетъ совершиться безъ моего старанія. Я рѣшаюсь на всѣ предстоящіе труды и негодованія, какія послѣдуютъ со стороны помѣщиковъ, которые не обращаютъ на это дѣло ни малѣйшаго вниманія, считаютъ всѣ распоряженія правительства противозаконными, а приводящихъ его священное дѣло въ исполненіе недоброжелательными, и даже низкими людьми. Зная обо всемъ этомъ достаточно, и убѣдясь въ томъ на дѣлѣ, предвижу, какія ожидаютъ меня послѣдствія; однакожъ, призвавъ въ помощь Господа Бога, рѣшаюсь на *все*, и принимаюсь за дѣло (постройку Лашанской церкви) съ такимъ усердіемъ, что въ теченіе одной недѣли желалъ бы все построить.“ Эта рѣшимость на *все* была сознательнымъ предчувствіемъ страшной его кончины, послѣдовавшей чрезъ три года. Предчувствіе это уяснялось постоянно, по мѣрѣ приближенія его участи. За нѣсколько дней до выѣзда въ м. Брянскъ, бѣльскаго уѣзда, и до своей мученической кончины, прощаясь съ знакомыми, женою и дѣтьми, покойный Осипъ Ѳеодосьевичъ былъ совершенно увѣренъ въ скорбной своей кончинѣ. „Меня повѣсятъ,“ говорилъ онъ: „Богъ приметъ мою душу, а правительство озаботится моимъ несчастнымъ семействомъ (1).“ Чтобы не удаляться отъ нашего предмета, приведемъ еще нѣсколько словъ изъ того же письма о дѣятельности,

(1) Считаемъ не лишнимъ замѣтить, что покойный Осипъ Кургановичъ не имѣлъ характера полицейскаго чиновника: онъ служилъ прежде казначеемъ въ гродненск. губернскомъ правленіи, послѣ коммисаромъ или экономомъ въ бѣлостокскомъ институтѣ для дѣвицъ и только по обстоятельствамъ, совершенно отъ него не зависѣвшимъ, получилъ должность становаго пристава. Ни его добродушіе, ни его чистосердечная откровенность, не давали

по постройкѣ православныхъ церквей, чиновниковъ католиковъ, занимавшихъ вліятельныя мѣста въ управленіи. „Не могу успѣть,“ писалъ Кургановичъ,“ безъ особой помощи В. П., которая легко можетъ быть исполнена по предстательству вашему у губернскаго начальства, отъ котораго зависитъ настояніе надъ тѣми, которые, считаясь, за свое бездѣйствіе, самыми лучшими чиновниками, ограничиваются только предписаніями становому (ему Кургановичу), не только не предпринимая съ своей стороны мѣръ къ исполненію ихъ, но даже секретно распуская разные толки о невозможности приводить въ исполненіе тѣже предписанія...“ Вотъ съ какими тайными, а иногда и явными противодѣйствіями помѣщиковъ и чиновниковъ нужно было бороться, подвергая опасности собственную жизнь при исполненіи самой священной обязанности, какова постройка храма Божія. Для вѣрности изображаемыхъ фактовъ, умалчивая о личностяхъ, мы должны сказать, что двое изъ помѣщиковъ-католиковъ желали содѣйствовать постройкѣ Лашанской церкви, но дѣйствія свои они принуждены были скрывать отъ глазъ своихъ собратій до тѣхъ поръ, пока это было возможно, а послѣ и они отстали отъ насъ. Болѣе чѣмъ чрезъ полтора года, послѣ своего перваго письма, Кургановичъ писалъ изъ того же стана въ самомъ взволнованномъ настроеніи духа: „я за исполненіе службы, приверженность къ отечеству и вѣрѣ, преданъ общему гоненію и даже предполагаемой пагубѣ.“ На этотъ разъ враги ревностнаго поборника постройки Лашанской церкви успѣли только въ томъ, что онъ былъ перемѣщенъ на другое мѣсто. Такое, можно сказать, нравственное насиліе надъ Кургановичемъ не привело въ отчаяніе ни лашанскаго духовенства, ни ввѣренныхъ ему прихожанъ: усердіе ихъ къ сооруженію храма Божія усиливалось по мѣрѣ увеличенія внѣшнихъ противодѣйствій. Народъ сильно началъ убѣждаться въ томъ, что онъ уже находится на той степени жизни, что долженъ самъ сознавать свои нужды и потребности и самъ объ нихъ заботиться.

ему права на полицейскую должность. Онъ никогда не скрывалъ своего образа мыслей, выражая ихъ въ приличной формѣ, безобидной для другихъ, и не двоедушничалъ предъ поляками, какъ это дѣлали другіе. Эти отличныя качества его души возбуждали злобу мятежниковъ, съ забвеніемъ всего священнаго, преслѣдовавшихъ все русско-православное.

Удачная постройка Мостовлянской церкви, совѣстно произведенная Андреемъ Яковлевымъ Лотышемъ, обратила на него вниманіе лашанскихъ прихожанъ. Лотышъ охотно согласился построить имъ двухъ-престольную церковь и новый домъ для одного священника, а для другаго перестроить старый съ добавленіемъ нужнаго матеріала и съ своими рабочими за *двѣ тысячи девятсотъ рублей*. Работа закипѣла почти безъ всякихъ средствъ. Денегъ оказалось въ наличности только 758 р. 55 к. съ процентами, которыя хранились въ приказѣ; находившихся же у предводителя дворян. 985 р. 45 к. не оказалось: эти деньги, по донесенію исправника, показывались будто бы только по ошибкѣ. За эту маленькую ошибку губернское правленіе сдѣлало исправнику строгое замѣчаніе, а формальное слѣдствіе о растратѣ этихъ денегъ, вѣроятно, отложено до страшнаго суда Божія. Если это и дѣйствительно была ошибка, то въ ней слѣдовало бы убѣдиться формальнымъ образомъ, не оставляя въ этомъ отношеніи и тѣни подозрѣнія на дворянствѣ и чиновничествѣ. Все это не могло не затруднять постройки, которая, не смотря на затрудненія, производилась самымъ успѣшнымъ образомъ. Съ 10 августа по 17 сентября 1862 года прихожане собрали отъ себя 1,248 р. 82 к.; остальное же количество денегъ и обѣщанные мастеру по два гарнца зерномъ съ каждаго дома яроваго и озимаго хлѣба собраны по частямъ. Чрезъ годъ церковь, 2 дома для обоихъ священниковъ и домикъ для дьячка и просфирни были готовы. Весьма приличные иконостасы съ образами, выписанными изъ Москвы, и все внутреннее устройство было приготовлено къ 8 и 9 мая 1863 года — днямъ освященія главной церкви и придѣла. Малъ и старъ, безъ различія пола, всѣ прихожане лашанской и сосѣднихъ церквей собрались на духовное торжество. Оно на долго будетъ отрадою въ душѣ крестьянъ, въ жизни которыхъ такъ рѣдко встрѣчаются радостные дни. Ихъ счастію и блаженству при торжественныхъ Богослуженіяхъ 8 и 9 мая, выражавшемуся во всей ихъ наружности, даже въ слезахъ радости, позавидовалъ бы иной искатель счастія, рѣдко встрѣчающійся съ нимъ, при всемъ земномъ богатствѣ и славѣ. Одного не доставало къ полному торжеству при освященіи: оно не могло быть совершено, по тогдашнимъ обстоятельствамъ края, архіерейскимъ освященіемъ. Не смотря на это, народъ былъ столько обрадованъ этой

постройкой, столько утѣшенъ исполненіемъ своихъ задушевныхъ желаній, что почти не расчитавшись съ мастеромъ Лотышемъ за постройку Лашанской церкви и домовъ,—свои люди сочтутся,— предприняли постройку каменной кладбищенской церкви при околицѣ *Глѣбовичахъ*, въ лашанскомъ же приходѣ. Когда поляки бунтовались противъ правительства, нашъ православный народъ манифестировалъ противъ дѣйствій ихъ по своему, заявляя свою преданность къ вѣрѣ и отечеству дѣлами благочестія. Переживъ плѣнъ вавилонскій, народъ нашъ, какъ во времена Нееміи, то выходилъ на стражу наблюдать за врагомъ, то строилъ стѣны не града, но храмовъ Божіихъ. И это дѣлалось не въ одномъ лашанскомъ благочиніи, но и въ весьма многихъ мѣстахъ нашихъ западныхъ губерній. Такимъ образомъ, по преимуществу, была построена Глѣбовицкая церковь. Рабочимъ днямъ при постройкѣ ея народъ не дѣлалъ счета: онъ трудился, сколько было нужно для успѣшнаго производства и окончанія этой работы. Денежный сборъ на постройку и внутреннее устройство этой церкви простирался до 1,500 руб. Усердіе Андрея Лотыша въ собраніи этихъ денегъ и въ приглашеніи крестьянъ къ пособію работами—выше всякой похвалы. За все это возблагодарятъ трудившихся и жертвователей предъ престоломъ Всевышняго души тѣхъ, которые своими тѣлами покоятся на Глѣбовицкомъ кладбищѣ. Каменная церковь, постройка которой задумана и такъ прочно и красиво исполнена самыми прихожанами, будетъ твердымъ памятникомъ приверженности ихъ къ православной вѣрѣ и русской народности и неопровержимымъ протестомъ противъ латинско-польскихъ мятежническихъ дѣйствій, совершившихся въ 1863 году.

Открытіе молодечнянской учительской семинаріи.

3-го октября послѣдовало открытіе Молодечнянской учительской семинаріи. Наканунѣ, въ 7 часовъ вечера, въ одной изъ классныхъ залъ семинаріи, законоучителемъ священникомъ Ивановскимъ совершено было служеніе всенощнаго бдѣнія, при которомъ находились всѣ наличные наставники семинаріи, воспитанники, и нѣсколько должностныхъ лицъ мѣстнаго крестъ-

янскаго общественнаго управленія. 8-го ноября, послѣ литургіи, въ приходской церкви, въ зданіи семинаріи отслужено было молебствіе съ водосвятіемъ. При содѣйствіи священника изъ м. Городка, о. Іуліана Василевскаго, нарочно прибывшаго къ этому торжеству, составленъ былъ изъ воспитанниковъ семинаріи хоръ, который весьма стройно пропѣлъ все молебственное богослуженіе. Всѣ присутствовавшіе и все зданіе окроплены святою водою. Послѣ молебствія, законоучитель священникъ Ивановскій, сказалъ приличную настоящему торжеству рѣчь, а діаконъ провозгласилъ многолѣтіе ГОСУДАРЮ ИМПЕРАТОРУ и всему Царствующему Дому. По окончаніи всего торжества, воспитанниками, подъ управленіемъ о. Іуліана Василевскаго, пропѣтъ былъ народный гимнъ: «Боже, Царя храни!» Кромѣ воспитанниковъ семинаріи и нормальнаго училища, присутствовали почти всѣ чиновники мѣстной администраціи и должностныя лица крестьянскаго управленія.

Воспитанниковъ семинаріи, въ настоящее время, находится казеннокоштныхъ 29, своекоштныхъ 5, учениковъ нормальнаго училища 26. Большая часть изъ нихъ подаетъ прекрасныя надежды на свѣтлую будущность новооткрытаго разсадника русскихъ и православныхъ людей. Классныя занятія начались 19 ноября. (*Вил. Вѣст.*)

Объ учрежденіи въ городѣ Поневѣжѣ дирекціи народныхъ училищъ. Государственный совѣтъ, въ департаментѣ государственной экономіи и въ общемъ собраніи, разсмотрѣвъ представленіе министра народнаго просвѣщенія объ учрежденіи въ городѣ Поневѣжѣ дирекціи народныхъ училищъ, *мнѣніемъ положилъ:* настоящее представленіе утвердить и вслѣдствіе того:

1) Учредить въ городѣ Поневѣжѣ для завѣдыванія приходскими и имѣющими быть основанными народными училищами въ ковенской губерніи, особую дирекцію народныхъ училищъ.

2) Внесенный министромъ народнаго просвѣщенія проэктъ временнаго штата для поневѣжской дирекціи народныхъ училищъ представить, при мнѣніи государственнаго совѣта, на Высочайшее ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА утвержденіе.

и 3) По воспослѣдованіи Высочайшаго утвержденія оана-

ченнаго проэкта штата, на покрытіе исчисленныхъ по оному расходовъ отпускать 5,660 руб., изъ суммъ государственнаго казначейства со дня открытія вышеозначенной дирекціи, съ тѣмъ, чтобы кредитъ сей заносимъ былъ въ § 10 ст. 1-ю въ графу расходовъ временныхъ, смѣты министерства народнаго просвѣщенія.

На подлинномъ мнѣніи государственнаго совѣта, въ 24-й день ноября 1864 года послѣдовала собственноручная ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА резолюція: „*Быть по сему*," и того же числа удостоенъ Высочайшаго утвержденія временный штатъ поневѣжской дирекціи народныхъ училищъ *).

(Сѣв. Поч. N. 1)

Объ ассигнованіи суммъ на постройку церквей въ сѣверо-западномъ краѣ Россіи.

Г. главный начальникъ сѣверо-западнаго края, во всеподданнѣйшей запискѣ, внесенной по Высочайшему повелѣнію на обсужденіе западнаго комитета, въ числѣ мѣръ къ устройству сѣверо-западнаго края, призналъ необходимымъ возобновленіе старыхъ и постройку новыхъ церквей въ губерніяхъ виленской и гродненской, съ ассигнованіемъ на этотъ предметъ изъ государственнаго казначейства 500 т. р., по тому примѣру, какъ отпущены были подобныя суммы по губерніямъ витебской, могилевской и минской.

Вслѣдствіе сего нынѣ г. министръ внутреннихъ дѣлъ увѣдомилъ его высокопревосходительство, что государственный совѣтъ въ департаментѣ государственной экономіи, Высочайше утвержденнымъ въ 12 день октября прошлаго года мнѣніемъ положилъ: начиная съ 1865 г. вносить въ финансовыя смѣты министерства внутреннихъ дѣлъ, въ теченіи пяти лѣтъ, ежегодно по 100 т. руб., на возобновленіе православныхъ церквей въ литовскихъ губерніяхъ; нынѣ же отпустить на сей предметъ до 30 т. руб. авансомъ и въ счетъ смѣты министерства внутреннихъ дѣлъ на 1865 годъ.

---

*) Штатъ напечатанъ въ № 119 «Собранія Узаконеній.»

Письмо мѣщанъ г. Бѣльска къ начальнику сѣверо-западнаго края.

[Мѣщане г. Бѣльска (гродненской губерніи) прислали къ г. главному начальнику сѣверо-западнаго края письмо, въ которомъ, поздравляя съ новымъ годомъ, приносятъ свою искреннюю благодарность за усмиреніе крамолы, востановленіе законнаго порядка и отеческую заботливость о нихъ рядомъ распоряженій, упрочившихъ ихъ благосостояніе и даровавшихъ имъ спокойную увѣренность въ пользованіи и неприкосновенности правъ личности и собственности. Причемъ присовокупляютъ, что они общественнымъ приговоромъ сдѣлали общую раскладку, и собранныя 180 р. препроводили съ преосвященному Игнатію, епископу гродненскому, съ просьбою благословить ихъ образомъ Св. Архистратига Михаила и помѣстить оный въ древле-православномъ соборѣ Святителя и Чудотворца Николая въ г. Бѣльскѣ; но съ тѣмъ, чтобы внизу образа на мѣдной доскѣ помѣщена была надпись: „признательные граждане г. Бѣльска молятъ о ниспосланіи всѣхъ благъ его высокопревосходительству Михаилу Николаевичу Муравьеву.“

ОТЧЕТЪ

о состояніи русскихъ двухклассныхъ въ г. Вильнѣ приходскихъ училищъ.

Съ 10 по 17 января 1865 года.

	Вѣроисповѣд.:			
	Правос.	Р. К.	Др. исп.	Итого.
1) Въ Остробрамскомъ училищѣ.	14	30	—	44
2) Райскомъ.	24	60	—	84
3) Зарѣчномъ	13	76	4	93
4) Замковомъ	8	41	6	55
5) Снипишскомъ	8	32	—	40
6) Антокольскомъ.	10	18	—	28
Всего въ шести христіанскихъ двухклассныхъ училищахъ состоитъ:	77	257	10	344

ОТЧЕТЪ

о состоянiи русскихъ одноклассныхъ и двухклассныхъ въ г Вильнѣ народныхъ школъ, въ коихъ исключительно обучаются еврейскiе мальчики.

По 16 января 1865 года являлось учениковъ:

	1-я смѣна.	2-я смѣна.	Итого.
I. Въ шк., что въ д. Малиновскаго (двухклассная)	62	78	140
II. Въ школѣ, что въ д. Глобуса (двухклассная).	49	59	108
III. Въ школѣ, что въ д. Талмудъ-Торы (двухкласная).	47	82	129
IV. Въ школѣ, на Антоколѣ (одноклассная, съ одною смѣною)	—	—	28
V. Въ школѣ, на Зарѣчьѣ (двухклассная съ одною смѣною.	—	—	44
Итого мальчиковъ въ еврейскихъ народныхъ школахъ. . . . . , ...	—	—	449
Дѣвочекъ еврейскихъ училось.	—	—	151
— христiанскихъ	—	—	22
Итого .	—	—	622
Слѣдовательно въ шести христiанскихъ и пяти еврейскихъ школахъ училось мальчиковъ 793, дѣвочекъ 173, всего, ...	—	—	966

О виленскихъ народныхъ училищахъ.

Кто, въ наше время, не сознаетъ потребности въ образованiи и какой общественный органъ не считаетъ себя обязаннымъ быть глашатаемъ этой настоятельной потребности? Оспаривать нынѣ пользу образованiя—тоже самое, что доказывать безполезность дневнаго свѣта. Подобно ему, оно проникаетъ во всѣ углы человѣческаго общества и лучезарнымъ своимъ блескомъ

разсѣваетъ мракъ невѣжества, предразсудковъ, суевѣрій, тяготѣвшихъ, въ продолженіи вѣковъ, надъ судьбами человѣчества, неуспѣвшаго и по нынѣ вполнѣ отъ него освободиться. Какъ правительство, такъ и общество—говоритъ одинъ изъ нашихъ первыхъ публицистовъ—убѣдились, что въ образованіи одномъ, въ его повсемѣстномъ распространеніи, можно найти вѣрное средство къ освобожденію человѣчества отъ соціальныхъ недостатковъ, къ устраненію препятствій, стоящихъ на пути прогресса, къ усовершенствованію всѣхъ учрежденій, безъ потрясеній, одинаково вредныхъ для настоящаго и гибельныхъ для будущаго благосостоянія общества. Сознавая высокое вліяніе образованія на будущія судьбы человѣчества, общественное мнѣніе неустанно слѣдитъ за ходомъ его, постоянно преслѣдуетъ его недостатки и указываетъ на нихъ. Неоднократный опытъ давно уже доказалъ, что прочныя учрежденія могутъ существовать только на этомъ незыблемомъ основаніи, и что будущее принадлежитъ цивилизаціи.

Но, говоря объ образованіи, не должно забыватъ о неразлучномъ спутникѣ его—*воспитаніи*. Эти два сильные двигателя нашей самостоятельной дѣятельности должны всегда идти рука объ руку, дабы поддерживатъ въ насъ то равновѣсіе умственныхъ и нравственныхъ силъ, столъ необходимое для нормальнаго направленія всѣхъ нашихъ дѣйствій. Одно безъ другого, или безсильно для пользы общества, или положительно вредно ему. Человѣкъ благовоспитанный, но безъ образованія—это, конечно, безвредный, но и безполезный членъ общества. Онъ не въ состояніи осмыслить благонамѣренныхъ помышленій, внушаемыхъ ему нравственнымъ воспитаніемъ. Но, человѣкъ образованный, получившій недостаточное, или ложно направляемое, воспитаніе, представляетъ самъ собою явленіе совершенно противоположное. Не управляясь тѣми началами, которыя мы выносимъ изъ нравственной атмосферы родительскаго дома, онъ постепенно привыкаетъ повиноваться однимъ внушеніямъ ума, созрѣвшаго ученіемъ и нашептывающаго ему мысли, превращаемыя имъ въ дѣйствія, невсегда согласныя съ правилами чести

и не всегда безъ вреда для общества. Не говорите ему о благородствѣ души, о святости клятвы, объ обязанностяхъ вѣрноподданнаго, или любви къ ближнему; онъ, хотя и сознаетъ обязательную ихъ силу, готовъ, однако, ежеминутно обойти ихъ, для достиженія своихъ эгоистическихъ цѣлей. Но, карательный перстъ Немезиды, рано или поздно, настигаетъ его, и мы видимъ нерѣдко подобныя жертвы превратнаго воспитанія, занимающія печальныя страницы въ лѣтописяхъ преступленій.

При неусыпной заботливости нашего правительства объ увеличеніи средствъ къ образованію, при постоянно возрастающемъ числѣ учебныхъ заведеній и при томъ убѣжденіи, всѣми раздѣляемомъ, что въ основу образованія юношества должны быть положены нравственныя начала сознательнаго воспитанія, нельзя довольно внушать отцамъ и матерямъ семействъ, вообще, и здѣшняго края въ особенности, необходимость содѣйствовать благимъ намѣреніямъ правительства, постоянной заботливостію объ отстраненіи своихъ дѣтей отъ всякаго пагубнаго направленія Пусть родители проникаются той мыслію, что въ рукахъ ихъ находятся судьбы будущихъ поколѣній, которыя будутъ требовать отъ нихъ отчета въ дѣлѣ воспитанія своихъ дѣтей.

Эти мысли невольно приходятъ намъ каждый разъ, когда вниманіе наше останавливается на существующихъ теперь въ Вильнѣ народныхъ училищахъ, значеніе коихъ пріобрѣтаетъ съ каждымъ днемъ болѣе важности, болѣе чѣмъ гдѣ либо въ другомъ мѣстѣ нашего обширнаго отечества. Въ нихъ яснѣе всего отражается высокая мыслъ возвратить сѣверо-западному краю его исконную русскую народность, которую такъ усердно старалась потушить латино-польская пропаганда.

Эти народныя училища, столь недавно еще открытыя въ здѣшнемъ городѣ, составляютъ отрадное явленіе для каждаго русскаго; на ихъ благотворныхъ послѣдствіяхъ основано благоденствіе грядущихъ поколѣній; въ нихъ хранятся задатки того родственнаго союза, коему назначено скрѣпить на всегда неразрывную связь здѣшняго края съ остальными частями нашего обширнаго отечества. И потому, всѣ мы, русскіе, всѣ, въ комъ

бьется истинно русское сердце, должны съ сочувственнымъ вниманіемъ слѣдить за ходомъ и развитіемъ народныхъ училищъ, и всѣми зависящими отъ насъ средствами способствовать къ процвѣтанію ихъ.

Самое открытіе и устройство этихъ народныхъ училищъ сопровождались тѣми утѣшительными признаками всякаго благого начинанія, которое вызывается горячею любовью къ отечеству и святымъ чувствомъ долга. Чтобы показать, какое пламенное усердіе руководило этимъ дѣломъ и какія послѣдствія произошли уже отъ недавняго существованія этихъ училищъ, достаточно вспомнить, что въ октябрѣ 1863 года, число и состояніе училищъ въ Вильнѣ были слѣдующія: 3 приходскія училища для христіанъ, съ учителями католиками, и еврейское двухкласное училище. Въ этихъ 4-хъ училищахъ было учащихся: въ 3-хъ христіанскихъ 52, въ 1-мъ еврейскомъ 24, всего 76 учениковъ,—нынѣ же, существуютъ въ г. Вильнѣ 6 народнихъ *двухклассныхъ* училищъ для христіанъ, въ коихъ учащихся: православнаго исповѣданія 70, римско-католическаго 212, другихъ христіанскихъ исповѣданій 7, а всего 289. Въ еврейскихъ же народныхъ школахъ, въ 2-хъ съ тремя, и въ 3-хъ съ двумя смѣнами въ каждомъ, 530 мальчиковъ и 148 дѣвочекъ, а всего, вообще, по 6 декабря прошлаго 1864 года, было въ Вильнѣ учащихся въ народныхъ школахъ 819 мальчиковъ и 148 дѣвочекъ, или всего 967 человѣкъ. Въ прежнее время, существованіе четырехъ школъ обходилось министерству парод. просв. всего 2785 р.; слѣдовательно образованіе одного мальчика въ годъ стоило 36 р. 65 к. Въ 1864 г, на содержаніе христіанскихъ школъ было ассигновано 3452 р.; на содержаніе Еврейскихъ школъ 5297 р.; 69 коп., и на содержаніе школы для Еврейскихъ дѣвочекъ 105, а всего 8854 р.; 69 к.—По этому разсчету выходитъ содержаніе одного учащагося лица въ годъ 9 рублей и около 2 коп.

Эти цифры говорятъ краснорѣчивѣе всякихъ фразъ, и надобно еще присовокупить, что къ веснѣ, когда не будетъ такихъ

сильныхъ морозовъ, внушающихъ опасенія нѣкоторымъ родителямъ, число учащихся неминуемо увеличится.

Но однимъ увеличеніемъ числа школъ дѣло не было покончено; крайне неудовлетворительное состояніе прежде существовавшихъ училищъ требовало самыхъ коренныхъ преобразованій, которыя, вслѣдствіе просвѣщенной инищіативы г. главнаго начальника края, и были совершены, сообразно съ нынѣшними потребностями. Прежніе учителя хритіанскихъ школъ замѣнены вездѣ православными , въ еврейскихъ же, окончившими курсъ въ педагогическихъ классахъ раввинскаго училища. Въ послѣднихъ, весьма основательно исключены предметы еврейскіе, и вмѣсто ихъ назначены: русскій языкъ, ариѳметика, начала исторіи и географіи. Нельзя не отдать полной справедливости, заботливости дирекціи народныхъ училищъ, объ обеспеченіи каждаго училища необходимыми матеріальными средствами, какъ то: глобусами, географическими картами, книгами и таблицами, съ изображеніями предметовъ изъ русской исторіи, которыя, заинтересовывая наглядное вниманіе учащихся, способствуютъ ознакомленію ихъ съ главными эпохами исторіи Россіи. Благодаря этимъ стараніямъ дирекціи, наши народныя училища, въ нынѣшнемъ ихъ устройствѣ, могутъ считаться, по истинѣ, образцовыми. Издатель исторической таблицы сѣверо-западнаго края подарилъ въ каждое училище по одному экземпляру этой таблицы, изъ которой каждый изъ учащихся получитъ твердое убѣжденіе, что край, въ которомъ онъ живетъ, всегда былъ и будетъ русскимъ..... Прежніе законоучители—малограмотные діаконы и причетники—замѣнены во всѣхъ училищахъ священниками, большею частію, прибывшими изъ внутреннихъ губерній имперіи; въ двухъ—законъ Божій преподается магистромъ Московской духовной академіи. Законоучители обращаютъ особенное вниманіе на знаніе молитвъ тѣми изъ немалаго числа православныхъ дѣтей—матерей-католичекъ, которыя прежде молились по польски, изъ польскихъ же молитвенниковъ. Теперь всѣмъ имъ розданы молитвословы, всѣ знаютъ наизусть молитвы и десять заповѣдей. Въ нѣкоторыхъ изъ училищъ обучаютъ мальчиковъ церковному

пѣнію, и весьма желательно было-бы, чтобы оно введено было во всѣхъ, безъ исключенія, христіанскихъ школахъ. Ученики Антокольскаго училища поютъ въ домовой церкви военнаго госпиталя, а замковаго училища—поютъ обѣдню, довольно стройно, въ церкви Благовѣщенія. Можно надѣяться, что для вновь строющихся въ Вильнѣ храмовъ, возможно будетъ, изъ мальчиковъ народныхъ училищъ, образовать прекрасные хоры, стройное пѣніе которыхъ будетъ привлекать многочисленныхъ богомольцевъ.

Говоря о преподаваніи въ народныхъ училищахъ закона Божія,—этого главнаго элемента народнаго образованія,—нельзя довольно настаивать на необходимости тѣсной связи религіознаго и свѣтскаго обученія; необходимо, чтобы каждое изъ нихъ, не заключаясь въ сферѣ своей дѣятельности, пользовалось постояннымъ содѣйствіемъ другаго, дабы этимъ совокупнымъ вліяніемъ пополнять пробѣлы недостаточнаго или превратнаго домашняго воспитанія учащихся. Вотъ что говоритъ объ этомъ предметѣ знаменитый историкъ-моралистъ Гизо, *кальвинистъ*, авторъ *устава для примарныхъ школъ* во Франціи, слова, которыя *вездѣ*, и въ особенности *здѣсь*, имѣютъ глубокое значеніе. „Если государство и церковь, говоритъ онъ, должны одинаково „участвовать въ распространеніи образованія на прочныхъ „основаніяхъ, то это образованіе тогда только будетъ вполнѣ „правильно и общественно полезно, если оно глубоко религіоз„но. Подъ этимъ я разумѣю не только то, чтобы религіозному „обученію назначено было всегда первое мѣсто въ дѣлѣ образо„ванія, со строгимъ соблюденіемъ исполненія религіозныхъ обря„довъ: религіозное воспитаніе народовъ не должно ограничивать„ся одними этими условіями. Необходимо, чтобы народное вос„питаніе, вообще, передавалось и получалось среди религіозной „атмосферы, и чтобы впечатлѣнія религіозныя истекали отo„всюду. Религія не есть одинъ обрядъ, или предметъ для из„ученія, которому можно назначать мѣсто и время; это—вѣро„ваніе, законъ, который долженъ быть сознаваемъ *вездѣ и* „*всегда*, и который, только при этомъ условіи, можетъ имѣть

„на нашу жизнь все спасительное дѣйствіе. По этому, въ народ-„ныхъ школахъ, вліяніе религіозное должно быть постоянно „присуще. Священникъ и наставникъ не должны дѣйствовать „отдѣльно;—если дѣятельность перваго заключена въ предѣлахъ „его сферы, если послѣдній считаетъ себя не вѣрнымъ его спо-„движникомъ, а независимымъ дѣятелемъ—тогда нравственное „значеніе школы потеряно, и она не далека отъ того, чтобы „сдѣлаться—опасностью.“ (*). Эти слова знаменитаго кальвинскаго моралиста заслуживаютъ полнаго вниманія. Нужно-ли прибавить, что подъ религіозной атмосферой Гизо разумѣетъ, не ту удушливую клерикальную атмосферу—наслѣдіе средневѣковыхъ костровъ,—а ту благоухающую атмосферу чистаго евангельскаго ученія божественнаго Спасителя, вселяющаго въ насъ семена добра, сознаніе нашихъ обязанностей.

Возвращаясь къ народнымъ училищамъ, нельзя нерадоваться быстрымъ успѣхамъ учащихся, сравнительно съ недавностію учрежденія этихъ школъ. Всѣхъ православнымъ мальчиковъ обучаютъ славянской азбукѣ, и нѣкоторые уже бойко читаютъ по славянскому тексту. Изустному преподаванію свѣтскихъ предметовъ мальчики слѣдуютъ съ напряженнымъ вниманіемъ, свидѣтельствующимъ о любознательности ихъ. Бѣднѣйшіе изъ обучающихся въ народныхъ училищахъ получаютъ, отъ г. главнаго начальника края, денежное пособіе, на необходимую обмундировку. Въ день Богоявленія Господня 6-го и 17 января, 120 мальчиковъ, избранныхъ по указанію наставниковъ, были вечеромъ въ театрѣ. Понятно, что подобныя развлеченія, столь рѣдко доступныя для бѣдныхъ мальчиковъ, доставляемыя прилежнѣйшимъ ученикамъ, дѣйствуютъ на нихъ, въ высшей степени, поощрительно.

Сколько намъ извѣстно, назначены въ народныя училища молодые наставники, окончившіе недавно курсъ въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ. Откровенно признаемся, что имъ предстоитъ довольно трудная задача. Не говоря уже о чисто педагогической

(*) Guizot, Mémoires, t. III, p. 69.

части ихъ назначенія, которая, сама по себѣ, не безъ трудностей для только что вступившихъ на это поприще, имъ, сверхъ того, предстоитъ необходимость бороться съ враждебнымъ вліяніемъ, дѣйствующимъ извнѣ, съ явнымъ намѣреніемъ подкапывать подъ ними почву. Кто хотя нѣсколько знакомъ съ педагогическимъ дѣломъ, тому извѣстно, что преподаватель болѣе или менѣе многочисленнаго класса, состоящаго обыкновенно изъ разнохарактерныхъ юныхъ личностей, большею частію, мало или вовсе не сочувствующихъ ученію, долженъ употреблять не мало твердости характера и такта чтобы согласовать разнородныя свойства учащихся въ одномъ, общемъ направленіи, и внушать уваженіе, какъ къ себѣ самому, такъ и къ преподаваемому имъ предмету. Въ городахъ великороссійскихъ губерній наставникъ постоянно находитъ нравственную поддержку со стороны родителей учащихся. Но здѣсь? Здѣсь, вмѣсто поддержки, онъ нерѣдко встрѣчаетъ противодѣйствіе, которое тѣмъ сильнѣе, что оно проявляетъ себя, такъ сказать, неосязаемымъ, неуловимымъ, отрицательнымъ антогонизмомъ. При такихъ условіяхъ, задача молодыхъ наставниковъ становится вдвое труднѣе; но патріотическое воодушевленіе и теплота чувствъ, свойственная молодымъ лѣтамъ, могутъ замѣнять въ молодомъ наставникѣ опытность старшаго. Задача наставниковъ, какъ и всякаго другаго общественнаго дѣятеля, не должна состоять въ томъ, чтобы предлежащее всѣмъ дѣло возстановленія здѣсь русской народности, такъ сказать, взять съ боя, сразу; въ дѣлѣ такой великой важности, всякое излишнее увлеченіе можетъ дѣлать успѣхъ сомнительнымъ или непрочнымъ; онъ вѣрнѣе дается тѣмъ, которые, при сознательномъ пониманіи своихъ обязанностей и обдуманномъ трудѣ, систематическимъ образомъ дѣйствій постепенно подвигаются къ желаемой цѣли, употребляя въ помощь всесокрушающую силу времени.

Мы отнюдь не хотимъ навязывать нашихъ мнѣній, но, желательно было-бы, чтобы дирекція народ. училищъ позаботилась о перемѣщеніи молодыхъ наставниковъ въ уѣздныя училища, гдѣ указанныя нами трудности не такъ велики, уже потому, что

мальчики деревенскіе и уѣзднаго города неотличаются той бойкостью, которая болѣе замѣтна въ малолѣтнихъ жителяхъ губернскихъ городовъ; въ народныя же училища г. Вильны, какъ средоточія официальной и общественной дѣятельности сѣверо-западнаго края, слѣдовало-бы приглашать опытныхъ русскихъ наставниковъ, привыкшихъ дѣйствовать съ меньшимъ увлеченіемъ, но съ большею осмотрительностію и болѣе способныхъ успѣшно бороться съ мѣстными условіями края.

Конечно, теперь условія эти измѣнились: но не слѣдуетъ допускать, чтобы отъ прежнихъ бурныхъ порывовъ они перешли въ безмолвный отрицательный антагонизмъ, который бы могъ тормозить ходъ новато порядка вещей, относительно народныхъ училищъ. Скажемъ откровенно, что причину этого должно относить единственно къ вліянію женщинъ, руководимыхъ своими духовными отцами.

Въ прежнее время намъ случалось быть свидѣтелями, какъ въ одномъ изъ народн. училищъ, ксендзъ, говорившій съ нами весьма порядочно по русски, вслѣдъ за тѣмъ, обращаясь къ мальчикамъ съ вопросами, вовсе не относившимися къ преподаваемому имъ предмету, счелъ какъ-бы непремѣнно нужнымъ говорить съ ними по польски. Кажется, въ настоящее время католическое духовенство уже начинаетъ понимать, что не въ языкѣ заключается основаніе вѣры; довольно вспомнить, что во всѣхъ просвѣщеннѣйшихъ европейскихъ государствахъ евреи, лютеране, протестанты, кальвинисты, и даже сами католики молятся на языкѣ страны, въ которой обитаютъ? Этому самому вліянію слѣдуетъ приписать, сколько намъ извѣстно, малый успѣхъ бывшихъ здѣсь воскресныхъ классовъ. И въ самомъ дѣлѣ, какъ требовать отъ мальчика регулярнаго посѣщенія класса по воскреснымъ днямъ, когда по возвращеніи домой изъ класса, онъ лишался обѣда, въ видѣ наказанія? Для 10-ти или 12-ти лѣтняго мальчика это слишкомъ большая жертва.

Возвращаемся опять къ народнымъ училищамъ, чтобы указать на одинъ утѣшительный фактъ, къ нимъ относящійся. Жены наставниковъ, желая содѣйствовать успѣху этихъ школъ, вызва-

лись обучать, безвозмездно, дѣвушекъ, посѣщающихъ вновь открытые послѣ обѣденные классы, кромѣ русскаго языка, еще два раза въ недѣлю женскому рукодѣлью. Нельзя не поблагодарить ихъ за это безкорыстное желаніе быть полезными общему дѣлу. Желательно, чтобы этотъ примѣръ не совсѣмъ былъ потерянъ для дамъ нашего здѣшняго общества, которымъ мы посовѣтовали-бы прочесть статью: „О русскихъ женщинахъ въ сѣверо-западномъ краѣ,“ помѣщенную въ „Днѣ.“ Она заставитъ ихъ невольно призадуматься. Начальство, съ своей стороны, сдѣлало все, что физически возможно для правильнаго и цѣлесообразнаго устройства народн. училищъ. Теперь обществу надлежитъ заявлять свое сочувствіе дѣлу народнаго русскаго образованія здѣшняго юношества, не матеріальными пособіями, въ которыхъ эти школы, слава Богу, ненуждаются, а той нравственной поддержкой, которая во всякомъ начинаніи даетъ новыя силы для борьбы съ трудностями. Посѣщайте наши народныя училища, взгляните на этихъ мальчугановъ, въ особенности низшихъ классовъ, жадно ожидающихъ вопросовъ и готовыхъ прослезиться отъ дѣтскаго негодованія, если вы ихъ обойдете вашимъ вниманіемъ и не заставите ихъ читать или писать.

Чрезъ годъ долженъ наступить первый выпускъ учениковъ изъ народн. училищъ. Тутъ невольно раждается вопросъ: какая участь ожидаетъ ихъ послѣ окончанія ученія? Большая часть православныхъ мальчиковъ, человѣкъ до 80, дѣти беднѣйшихъ родителей. Между ними есть многіе съ отличными способностями. Надобно бы серіозно подумать, чтобы имъ предоставить средства дальнѣйшаго образованія, и многіе изъ нихъ были-бы отличными учителями для сельскихъ народныхъ училищъ, или хорошими сельскими писарями. Надобно надѣяться, что, во всякомъ случаѣ, начальство не оставитъ ихъ своимъ покровительственнымъ вниманіемъ. (*Окончаніе впредь*).

Г... З...

Судьбы мосарской Свято-Николаевской церкви, ея прихода и угодій.

(*Виленской губерніи Дисненскаго уѣзда*).

Въ небольшомъ мѣстечкѣ Мосарѣ, населенномъ одними крестьянами, принадлежащемъ графамъ Бржостовскимъ, на разстояніи одной версты отъ самой мызы Мосаръ, находилась деревянная церковь во имя св. Николая, съ чудотворною его иконою, усердно чествуемою всѣми христіанами околотка, безъ различія исповѣданій. Время постройки этой церкви неизвѣстно; извѣстно только, что она имѣла свои угодія въ особомъ хуторѣ, Николаевѣ, состоящія изъ трехъ уволокъ и нѣкоторыхъ къ нимъ прибавленій, называемыхъ урочищемъ, и при церкви въ мѣстечкѣ изъ трехъ морговъ (всего 62 десят.) Причтъ пользовался еще отъ прихожанъ ругою и отъ двора Бржостовскихъ аннуатою (20 грошами отъ всего имѣнія Мосаря, изъ чего состоялась сумма въ 1,050 злотыхъ польскихъ) въ 157 р. и 50 коп. сер. Послѣдними, ругою и аннуатою, вознаграждались не всегда опредѣленные доходы отъ прихожанъ; причемъ возлагалась еще обязанность на приходскаго священника имѣть у себя викарія для исполненія духовныхъ требъ многолюднаго мосарскаго прихода, состоявшаго въ 1776 году изъ 2,609 душъ обоего пола. Кромѣ этихъ матеріальныхъ выгодъ, добрые, богобоязненные ктиторы, въ заботливости своей о церкви и ея служителяхъ, неоднократно новыми документами упрочивали сіи выгоды за пастырями и особыми своими милостями обеспечивали ихъ бытъ. Изъ записей извѣстны такіе ктиторы Мосарской церкви только съ 1776 года, а именно: полковникъ гусарскаго полка В. К. Л. Робертъ и Анна (супруги) Бржостовскіе. Стараніемъ ихъ, всѣ документы объ угодіяхъ мосарской церкви въ 1785 году были явлены въ городѣ Ошмяны въ Поставскомъ управленіи, и записаны въ актовую книгу. Въ 1790 году октября 30 дня, на требованіе гражданской и распорядительной коммисіи, акты эти были внесены въ общее собраніе актовъ; но по причинѣ отечественныхъ смутъ, во время введ-

ской войны, завоеванія литвы и французской революціи, они частію затерялись, частію уничтожены. Къ послѣдующему времени осталось только 15 штукъ сихъ документовъ.

Въ 1777 году мѣстный священникъ Мосарской церкви о Іоанъ Шостакъ, неизвѣстно по какой причинѣ, началъ разорять строенія причта, за что онъ мѣстнымъ бдюстителемъ, быть можетъ и самимъ Робертомъ Бржостовскимъ, былъ представленъ митрополиту Уніятскихъ церквей Фелиціану-Филиппу Володковичу, и позванъ симъ послѣднимъ въ томъ же 1777 году января 5-го дня на судъ въ Кунечово, мѣстопребываніе митрополита. Робертомъ Бржостовскимъ окончился рядъ благотворителей, заботившихся о Мосарской церкви и причтѣ. Въ 1787 году Роберту Бржостовскому наслѣдовалъ молодой сынъ его Августъ, и дѣла церкви и причта приняли иной оборотъ.

Что побудило молодаго ктитора Августа Бржостовскаго дѣйствовать противно тому, какъ дѣйствовалъ священной, для мосарской церкви, памяти отецъ его и другіе предки, рѣшить положительно невозможно; но ограничимся преданіемъ, какое и по нынѣ существуетъ.

Наслѣдовавъ по отцѣ своемъ богатое наслѣдіе, молодой-ктиторъ графъ отправился за границу, по свѣжимъ слѣдамъ своимъ, отъ куда прибылъ незадолго предъ кончиною отца своего: особенно пребывалъ въ Парижѣ и Римѣ. По всюду встрѣчая одно латинское духовенство, онъ проникнувшись духомъ послѣдняго, не могъ смотрѣть на унію и ея духовенство, какъ на что-то странное.

Въ 1789 году молодой графъ-ктиторъ открылъ свои зловредныя дѣйствія противъ мосарской Уніятской церкви. Началъ было стѣснять причтъ: хотѣлъ ввести въ причтъ экзекуцію или военный постой, за получаемую отъ его имѣнія аннуату, такой, который по тогдашнему праву должны были содержать имѣнія. Священникъ Іоаннъ Шостакъ успѣлъ отвратить сіе отъ причта и 1790 года іюля 5 дня выдано ему отъ Поставскаго управленія свидѣтельство въ томъ, что экзекуція должна быть въ томъ мѣстѣ, откуда аннуата получается. Неудача обратила дѣйствіе ктитора въ другую сторону. Онъ понялъ, что церковь удобно

можно упразднить, когда небудетъ при ней прихожанъ. Въ короткое время—въ одинъ годъ, подъ сильнымъ гнетомъ, онъ принудилъ всѣхъ крестьянъ своего имѣнія принять латинскую вѣру, и съ 1791 года Мосарская церковь осталась безъ прихожанъ. Переходъ былъ столь скорый, что сами приходскіе священники Мосарской церкви спрашивали самихъ себя, есть ли еще при осиротѣлой ихъ церкви пасомые?—Для новыхъ прихожанъ скоро совершилась и постройка новаго каменнаго костела. Въ 1799 году онъ возвышался красотою своею надъ убогою, ветхою, покрытою соломою, сиротствующею деревянною церковкою!...

Сердце простолюдина, толкнутое насильно къ новому, для него чуждому и непонятному, невольно обращалось въ своей ветхой святынѣ. Новый, гордый красотою своею костелъ частенько оставался пустымъ, а его новые прихожане, исповѣдывавшіе и новую для нихъ вѣру, шли на молитву въ ветхую церковь, къ святителю Николаю, образъ котораго не разъ доставлялъ имъ утѣшеніе въ ихъ скорби. Но—сіе не по сердцу было для ктитора новоустроеннаго костела и для ксендзовъ, овладѣвшихъ достояніемъ православія. По приказанію ктитора, отпиливаются стѣны церкви отъ олтарной части храма, остается только одна солея и ризница. Во фронтовой стѣнѣ образовалось большое отверстіе, которое зашито досками, въ которыхъ устроена небольшая дверь для входа. Это было въ 1803 году. Чувствуешь, кажется, что было въ то время на душѣ тогдашняго приходскаго священника Іоанна Шостака, прослужившаго при ней до того дня 27 лѣтъ!... Не стѣны церкви, но сердце служителя алтаря было распиливаемо на двое, видя поруганіе дома Божія. Ему казалось, что исполнители казни надъ Предвѣчнымъ Праведникомъ у подножія креста Его, по жребію, раздѣляютъ не швенный хитонъ Его... Не безъ мольбы быть можетъ оставались и прежніе ея прихожане, съ матернимъ млекомъ всосавшіе уваженіе къ сей ветхой святынѣ; но они должны были покориться судьбѣ,—голосу повелѣвающаго ктитора.

Послѣ этого о. Іоанну нечего было оставаться жить при Мосарской церкви. Завѣдывая и Верхнянскою церковію съ ея уго-

діями и приходомъ, онъ переселился туда поближе къ прихожанамъ; Мосарскую же церковь зачислилъ приписною, угодія ея отдалъ въ арендное содержаніе; строеніями причта и усадьбою распорядился ктиторъ, отдавъ ихъ подъ крестьянское жилище.

Теперь кажется графъ-ктиторъ долженъ былъ успокоиться, такъ какъ препятствія къ процвѣтанію латинства въ Мосарѣ были устранены. Но не тутъ-то было; препятствія, правда, устранены, но остаются еще цѣлы слѣды древняго наслѣдія православныхъ, а именно угодія Мосарской церкви въ фольваркѣ Николаевѣ, въ удобномъ мѣстоположеніи, со всѣми службами, построенными о. Іоанномъ Шостакомъ. Что же сдѣлать съ послѣдними? Вотъ что еще безпокоило молодаго ктитора. Онъ задумалъ крѣпкую думу, и, не много погодя, привелъ ее въ исполненіе, благо представился удобный случай. Немного времени—и обстоятельства устроятся въ пользу сего ктитора.

Въ 1812 году о. І. Шостакъ, побитый французами въ своемъ домѣ,—былъ боленъ. Онъ приглашаетъ къ себѣ своего сына о. Петра Шостака, священствовавшаго въ мѣстечкѣ Крупкѣ, Могилевской губерніи. О. Петръ незамедлилъ явиться. О. Іоаннъ умираетъ, завѣщевая сыну остаться на его мѣстѣ въ Верхнемъ. Первымъ дѣломъ о. Петра было, приложить стараніе объ увольненіи его изъ епархіи Полоцкои и принятіи въ Виленскую. Пока время длится въ перепискѣ по начальству, о. Петръ живетъ въ Верхнянскомъ приходѣ и пользуется угодіями, какъ Верхнянской, такъ и Мосарской церкви. Графъ—ктиторъ Мосарской церкви 13 февраля 1813 года, приглашаетъ о. Петра къ себѣ въ Мосарь.

Отуманивъ своего гостя своимъ вѣжливымъ пріемомъ, расхваливъ заслуги покойнаго отца его въ продолженіи тридцати семи лѣтняго пребыванія при Мосарской церкви, и прикрывъ замыслы свои личиною притворства, графъ увѣряетъ о. Петра, что на заслуги покойнаго отца его, какъ ктиторъ, обращалъ особое вниманіе и что въ слѣдствіе сихъ заслугъ, отецъ его пользовался особыми милостями его графа, какъ покровителя мѣстныхъ Мосарскихъ уніятскихъ настоятелей. Изъ уваженія же къ па-

мяти о. Іоанна, графъ-ктиторъ намѣренъ оказать милости свои и изливать свои щедроты на сына о. Іоанна,—о. Петра, при чемъ графъ объясняетъ послѣднему, что все, чѣмъ пользовался покойный его отецъ, было дано ему только пожизненно; посему отъ всѣхъ такихъ условій онъ неустраняетъ и его, а дозволяетъ пользоваться въ продолженіи одного только года, въ томъ даетъ свое увѣреніе — документъ, такого же содержанія. Ущедривъ такими милостями, графъ требуетъ отъ о. Петра обратнаго документа для себя, въ которомъ бы о. Петръ пояснилъ, что, соглашаясь на его предложеніе, вѣритъ его словамъ и благодаритъ за милости. Такой документъ былъ уже приготовленъ графомъ-ктиторомъ и поднесенъ о. Петру къ подписи. Отецъ Петръ повѣрилъ льстивымъ рѣчамъ сего ласкателя и удовлетворяетъ его требованію. Что о. Петръ повѣрилъ ему, въ томъ нѣтъ ничего удивительнаго. Малолѣтнимъ выѣхавъ изъ родительскаго дома, онъ положительно незналъ, на какихъ данныхъ покойный отецъ его пользовался угодіями Мосарской церкви,—ругою и аннуатою. Прибывъ теперь въ домъ отца во время его болѣзни, неслышалъ ни одного слова о документахъ, касающихся угодій Мосарской церкви.

Послѣ такой сдѣлки о. Петра съ графомъ-ктиторомъ, пріѣзжаетъ къ первому родной его дядя, о. Василій Климонтовичъ, священникъ Заврутской церкви, Вилейскаго уѣзда. Онъ привезъ съ собою бумаги, врученныя ему покойнымъ о. Іоанномъ, въ которыхъ, между прочимъ, найдены и документы, доказывающіе, что угодія Мосарской церкви наданы отвѣчно и на вѣчныя времена. Теперь явно обнаружилось, къ чему клонился вѣжливый пріемъ и ласкательство графа-ктитора. О. Петру надобно было стать въ оборонительное положеніе противъ закинутыхъ сѣтей.

Въ 1814 году является и открываетъ свои дѣйствія въ имѣніи Мосарѣ, погранично-дѣлительный, таксаторско-ексдивизорскій судъ, который рѣшаетъ споры между смѣжными владѣльцами, уничтожаетъ у нихъ чрезполосность и надѣляетъ ихъ кредиторовъ поземельными участками изъ имѣній, соразмѣрно занятой суммы.

Въ семъ же 1814 году апрѣля 5 дня, о. Петръ утверждается начальствомъ на Верхнянскій и Мосарскій приходъ.

Получивъ негласное свѣдѣніе, что эксдивизорскій судъ подчиняетъ своему вѣдѣнію угодія Мосарской церкви, за долги графа-ктитора, о. Петръ входитъ въ оный судъ съ прошеніемъ и приложеніемъ документа, которымъ наданы угодія Мосарской церкви. Эксдивизорскій судъ, выговариваясь важнѣйшими занятіями, прошенія о. Петра непринялъ и на документъ не обратилъ вниманія. Таковыя бумаги о. Петръ переслалъ и. д. Дисненскаго благочиннаго и духовному депутату, о. Антонію Корниловичу, свящ. Глубокской церкви—5 января 1815 года. О. Антоній сію переписку препровождаетъ въ таксаторско-ексдивизорскій судъ, январи 9 дня 1815 года, которую о. Петръ подаетъ лично. Судъ принялъ ихъ; но росписки въ полученіи не выдалъ, а только предъ многочисленнымъ собраніемъ, предсѣдатель суда иронически сказалъ, чтобы о. Петръ увѣдомилъ свое начальство, дабы оно имѣло неусыпное наблюденіе надъ угодіями Мосарской церкви,—о чемъ донесено и. д. Дисн. благочиннаго 15 января 1815 года. Ходатайства и ясные доводы не принесли желаннаго успѣха; судъ дѣйствовалъ по волѣ и желанію графа,—его слово было для нихъ закономъ, а не Высочайшие именные указы, коими присутственнымъ мѣстамъ повелѣно было охранять въ цѣлости церковныя угодія, какъ собственность казны. Рѣшеніемъ эксдивизорскаго суда, 18 мая 1816 года состоявшимся, поземельныя угодія Мосарской церкви, а съ ними вмѣстѣ руга и аннуата положительно уничтожены, т. е. отняты отъ церкви и даны кредиторамъ за долги, со всѣми собственными строеніями о. Петра Шостака. Сіе учинено будто бы, на томъ основаніи, что въ 1791 году приходъ Мосарской церкви перешелъ въ Римскій обрядъ, для нихъ построенъ новый костелъ и угодія къ нему наданы на новомъ мѣстѣ. Остались только собственные посѣвы о. Петра на отнятыхъ поляхъ угодій, въ фольваркѣ Николаевѣ. Этой собственности, какъ насущнаго хлѣба, никто не былъ въ правѣ лишить о. Петра. Въ одинъ воскресный день предъ св. литургіею, графъ-ктиторъ, въ 367

душъ работниковъ, жнетъ, собираетъ и свозитъ всѣ посѣвы бѣднаго униятскаго священника къ себѣ на мызу, конечно и въ свою пользу. Кому и какой протестъ должно занести противъ незаконнаго притѣсненія графомъ-ктиторомъ бѣднаго священника?... Какой судъ готовъ былъ защитить бѣднаго священника, до крайности обиженнаго, противъ такихъ дѣлъ магната?

Уповая на помощь св. Николая, о. Петръ доноситъ о всемъ случившемся — о рѣшеніи таксаторско-эксдивизорскаго суда, уѣздному Дисненскому благочинному, о. Іоанну Павловскому, 1 августа 1815 года. Сей послѣдній, отъ 5 августа того же года, входилъ съ прошеніемъ въ Дисненскій нижній земскій судъ, какъ имѣющему вѣсы справедливости, въ которомъ, прописавъ обстоятельно Мосарское происшествіе, проситъ сей судъ, дабы, учредивъ временное отдѣленіе и прибывъ въ Мосарь, возвратилъ въ совершенное духовное владѣніе отнятыя отъ причта угодія Мосарской церкви, заграбленныя собственныя священническія строенія и полевые посѣвы, а также дабы оградилъ священника впредь отъ насильственныхъ мѣръ графа-ктитора. Судъ поспѣшилъ на помощь, какъ нельзя скорѣе. Того же 5 августа, даетъ свою резолюцію за подписомъ засѣдателя Есьмана и секретаря Корзуна: »такъ какъ прошеніе писано не на гербовой, а на простой бумагѣ, притомъ дѣло изъясненное въ семъ прошеніи до сего суда непринадлежитъ, а потому и возвращается въ надписью.« Недовольный рѣшеніемъ Дисненскаго ниж. земск. суда, о. Павловскій въ томъ же году обращается съ прошеніемъ на Высочайшее имя во 2-й департаментъ Минскаго губернскаго правленія, прося защиты закона противъ несправедливаго рѣшенія таксаторско-эксдивизорскаго суда, составленнаго вопреки Высочайшихъ повелѣній и противузаконныхъ поступковъ графа-ктитора. Послѣ сего, чрезъ пятнадцати-лѣтній періодъ времени, неизвѣстно какой имѣло ходъ начатое дѣло къ возвращенію церковной собственности;—казалось, что предано забвенію.

Но не забылъ графъ-ктиторъ, что есть еще документы, доказывающіе существованіе угодій Мосарской церкви. Это свѣтъ во очію, по которому, можно обнаружить то, о уничтоженіи че-

го приложено имъ столько угодій и незаконныхъ дѣйствій. Эти документы востребованы приставомъ Кліотомъ, будьтобы для пересылки во второй департаментъ Минскаго губернскаго правленія. Въ полученіи ихъ приставомъ дана росписка—на спискѣ, въ которомъ сіи документы обозначены числомъ 15 штукъ. Графомъ-ктиторомъ востребованы отъ Кліота и уничтожены.

Въ 1829 году, по смерти о. Петра Шостака, опредѣленъ былъ на мѣсто его о. Іоаннъ Шостакъ, братъ о. Петра. Онъ обновилъ дѣло о Мосарской церкви, преданное забвенію. Въ 1830 году онъ вошелъ съ двумя рапортами въ Бѣлорусскую греко-уніятскую консисторію. Въ 1 проситъ возвращенія насильно отнятыхъ угодій, прилагая при семъ и списокъ документовъ, вытребованныхъ приставомъ Кліотомъ; во 2 прописываетъ, что графъ-ктиторъ, уничтоживъ угодія Мосарской церкви, запечаталъ самую церковь и не дозволяетъ отправлять богослуженія:—проситъ принять рѣшительныя мѣры къ прекращенію незаконныхъ дѣйствій графа-ктитора. Консисторія въ 1830 году, 11 августа, предписавъ указомъ уѣздному благочинному о. Павловскому забрать точныя справки о семъ дѣлѣ, и обовсемъ томъ, что только можетъ служить къ яснѣйшимъ доказательствамъ существованія угодій Мосарской церкви и ея прихожанъ, пояснить подробно. Забрать такія справки, о. Павловскій поручаетъ священнику Осиногородской церкви, о. Іустину Жиркевичу. О. Іустинъ, прибывъ въ Мосарскую церковь, повѣрилъ ея имущество и въ какомъ состояніи найдена имъ церковь и утварь, кто имѣетъ надъ ними надзоръ; объ обстоятельствахъ же случившихся съ угодіями Мосарской церкви истребовалъ отъ о. Іоанна свѣдѣній и 6 февраля 1832 года донесъ благочинному Павловскому, присовокупивъ, что никакихъ яснѣйшихъ доказательствъ ненайдено, кромѣ отвѣта о. Іоанна Шостака и бумагъ, присланныхъ ему въ руководство отъ о. благочиннаго. Послѣ сего дѣло опять положено въ длинный ящикъ забвенія.

Это была послѣдняя попытка уніятскаго духовенства возвратить, насиліемъ отторгнутое достояніе древняго православія, 2,609 душъ пасомыхъ, угодія и возобновить ветхій разорванный

на двое храмъ Божій. Въ томъ состояніи, въ какое онъ приведенъ попечительнымъ графомъ-ктиторомъ, онъ существовалъ до 1851 года, какъ памятникъ единодушія уніи съ латинствомъ и какъ памятникъ могущества польскаго вельможи. За десять лѣтъ впередъ настало счастливое время для духовенства западнаго края—уніи: въ 1839 году опять процвѣло православіе на древнемъ своемъ корнѣ—западно-русскомъ народѣ; но столь драгоцѣнный памятникъ не приведенъ въ лучшее состояніе. Въ 1851 году хитрою выдумкою онъ обрушенъ. Ни въ комъ изъ соприкосновенныхъ съ симъ памятникомъ ревнителей отеческой вѣры непробудилось чувство истиннаго патріотизма.

Невозможно пройти молчаніемъ утѣшительнаго по своему началу для каждаго православнаго, но прискорбнаго для него по своему окончанію слѣдующаго обстоятельства: Въ 1847 году были затѣи открыть слѣды православія древняго его наслѣдія въ Мосарѣ. Посланы были для сего духовные сановники изъ особъ древне православныхъ. Шумный блескомъ и хитрый Мосарскій дворъ, прямодушныхъ командированныхъ сановниковъ обманулъ, прельстилъ, иронически оказывая имъ уваженіе. Призванный на допросы народъ Мосарской волости въ дворъ, и между ними убѣленные сѣдинами старожилы, помнящіе хорошо все бывшее въ Мосарѣ,—пока сановники принялись за дѣло, допрашиваніе, оффиціалистами Мосарскаго двора, экономами и провентовыми писарями передопрошены прежде, и простодушныхъ старцевъ, открывшихъ предъ ними то, что до смерти залегло въ ихъ памяти, а теперь отозвалось въ воспоминаніе лучшихъ прежнихъ для нихъ временъ, сказавъ имъ »вы тутъ непотребны« отправили подъ родныя ихъ кровли.

Такія насилія привелось испытать древнему православію и русской народности въ древне-православномъ Мосарѣ!... Такъ неусыпно выжидали римляне случая подписывать въ немъ смертный приговоръ уніи—слѣдамъ православія,— такъ неутомимо съ такимъ напряженіемъ силъ работали они къ показанію своего могущества, къ посрамленію православія...

Свящ. К. Уссаковскій.

Извѣстія о постройкѣ закладкѣ и освященіи церквей.

8-го іюня сего 1864 г. въ м. Словенскѣ (ошмянскаго уѣзда) освящена церковь во имя Святителя и Чудотворца Николая, мѣстнымъ благочиннымъ священникомъ Адамовичемъ, въ сослуженіи мѣстнаго священника Филарета Орловскаго и четырехъ сосѣднихъ священниковъ, при огромномъ стеченіи народа, и бывшихъ при томъ многихъ военныхъ и гражданскихъ чиновниковъ. Ново-освященная церковь устроена изъ бывшей кладбищенской, послѣ сгорѣнія приходской церкви въ м. Словенскѣ, о чемъ въ свое время было извѣщаемо въ епарх. вѣдомостяхъ. Нѣтъ сомнѣнія, что осиротѣвшіе прихожане обратили все свое вниманіе на то, какъ-бы возвратить имъ взятую пожаромъ святыню, и вотъ взоръ ихъ съ надеждою упалъ на ветхую кладбищенскую церковь, чтобы изъ нея устроить святилище для принесенія грѣшныхъ своихъ молитвъ Всевышнему. Но какой убогій видъ и состояніе представляла эта церковь! Вотъ какъ изобразилъ это мѣстный о. Iерей въ словѣ, сказанномъ имъ при освященіи сей церкви. . . . .

„Безконечно милосердый Господь благоволилъ снова явить милость къ намъ грѣшнымъ, даровавъ намъ людей благочестивыхъ, усердными жертвами которыхъ сей домъ Божій обновленъ и распространенъ въ размѣрахъ. Тяжело вспомнить то время, когда напущеніемъ Божіимъ послѣ пожара нашей церкви мы остались безпріютными сиротами—безъ храма Господня. Этотъ храмъ, теперь совершенно перестроенный, въ то время не представлялъ почти никакой возможности къ совершенію въ немъ божественной службы. Въ немъ не было ни утвари, ни облаченій церковныхъ, не было ни одного священнаго сосуда, ни одной иконы. Иконастасъ былъ сколоченъ изъ нѣсколькихъ не обтесанныхъ бревенъ, обтянутыхъ набивнымъ холстомъ. Царскія двери были сдѣланы изъ личины. Видъ самыхъ стѣнъ, поросшихъ мхомъ и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ совершенно почти сгнившихъ, наводилъ раздирающую скорбь на насъ, мо-

лившихся въ первое, послѣ несчастья, воскресенье въ этой полуразвалившейся хаткѣ, когда то бывшей церковью"... Возобновленный перестройкой почти заново храмъ вышелъ не большой, не богатый; но видъ его, счастливое мѣстоположеніе, красивый куполъ, увѣнчанный крестомъ, невольно привлекаютъ къ себѣ вниманіе путешественника. Особенно отрадно то обстоятельство, что въ немъ нѣтъ ничего стараго римско-уніатскаго. За благотворителей, своими жертвами принявшихъ участіе въ обновленіи и совершенной перестройкѣ означеннаго храма, при каждой безкровной Жертвѣ приносятся не опустительныя молитвы предъ престоломъ Всевышняго. Имена этихъ благотворителей записаны въ церковный синодикъ. Тѣмъ не менѣе обновленная церковь и благодарное сердце причта ея побуждаются объявить объ этихъ жертвователяхъ на св. дѣло публично. Вотъ нѣкоторые изъ этихъ приснопамятныхъ для церкви лицъ.

Старшій фельдшеръ Вишневской больницы Іосифъ Петрико, Дворянинъ Іосифъ Заборовскій, нижніе чины донскаго пѣхотнаго полка 8-й роты, воен. начальникъ 2 участка 4 стана Косьма Степановичъ Судзиловскій, ошмянскій исправникъ Михаилъ Александровичъ Серебряковъ, предсѣдатель повѣрочной коммиссіи Александръ Викторовичъ Рачинскій, мировой посредникъ Иванъ Чистосердовъ, нижніе чины донскаго пѣхотнаго полка, 2-й стрѣлковой роты, Игуменъ Борунскаго монастыря Палладій, членъ повѣрочной коммиссіи Евдокиновъ, управляющій вишневскою чугунною фабрикою Аполлонъ Фидлеръ, кретьянинъ Станиславъ Вейкуця, Алексей Мазало, Павелъ Жарскій и множество другихъ; священникъ Морозъ, наставникъ Пигулевскій, писарь Горбацевичъ, подполковникъ Веймаръ, штабсъ-капитанъ Бѣсядольскій, штабсъ-капитанъ Даниловъ, лѣсничій Лисовскій, священникъ Трацевскій, поручикъ Скорняковъ, экономъ Тышко, священникъ Адамовичъ, приставъ 4 стана Соколинскій, ея превосходительство Татіана Борисовна Потемкина, приславшая разновременно 183 рубля.

Всего пожертвовано 514 руб. 90 коп.; а употреблено на пе-

рестройку церкви 715 р. 55 коп.; не доставшіе для покрытія расходовъ 197 рубл. 65 коп. принесены въ жертву для своей церкви мѣстнымъ ея священникомъ Филаретомъ Орловскимъ.

Высокопреосвященнѣйшій архипастырь, митрополитъ Іосифъ мѣстному священнику Филарету Орловскому, прихожанамъ и другимъ лицамъ за усердіе и сдѣланныя пожертвованія на устройство словенской кладбищенской церкви преподалъ святительское благословеніе и выразилъ свою признательность; а священника Орловскаго, какъ главнаго виновника устройства означенной церкви, положено имѣть въ виду при представленіи духовныхъ сановниковъ къ наградамъ.

— Новопостроенная на Осцюковскомъ кладбищѣ при мызѣ Осцюковѣ (Вил. губ. Вилейскаго уѣзда въ приходѣ Ильскомъ) иждивеніемъ крестьянина Петра Бохана, освящена нынѣ въ праздникъ пятидесятницы. Благочестивый крестьянинъ Петръ Боханъ употребилъ на эту постройку, изъ усердіи къ св. церкви, 215 рубл. 25 коп. серебромъ. Его Высокопреосвященство, предварительно благословивъ ревность Бохана къ славѣ православной церкви, нынѣ преподалъ свое архипастырское благословеніе и изъявилъ признательность епархіальнаго начальства.

— Священникъ Мильконовицкой церкви Левъ Баландовичъ (Гродн. губ. Слоним. уѣзда) доноситъ, что прихожане, находя иконостасъ своей приходской церкви (въ прошломъ г. перестроенной и освященной, см. № 16 Лит. Еп. вѣд. 1864 г.) довольно бѣднымъ, вызвались устроить другой, болѣе приличный для храма Божія по настоящему времени и ихъ состоянію, иконостасъ, для чего еще въ іюлѣ сего года представили 300 рубл обязуясь и впредь приносить жертвы на это святое, любезное ихъ сердцу, дѣло.—Высокопреосвященнѣйшій митрополитъ благословилъ желаемое благочестивыми мильконовицкими прихожанами, доброе и спасительное ихъ дѣланіе.

— Настоятель Жировицкаго монастыря доноситъ, что въ кладбищенской, принадлежащей монастырю, Георгіевской церкви устроенъ, усердіемъ особенно братства этой церкви, новый, весьма красивый и внушающій благоговѣніе и молитвенный

дукъ, иконостасъ, который въ апрѣлѣ и освященъ имъ—настоятелемъ съ братіею, при чемъ присутствовало множество богомольцевъ, какъ изъ мѣстечка Жировичъ, для котораго эта св. церковь служитъ приходскою, такъ и изъ окрестныхъ мѣстъ любящихъ молитвенно посѣщать св. Жировицкую обитель Богоматери.

— Приписная къ малоельнянской городыская церковь вновь благоприлично устроена, каковое исправленіе стоило мѣстному священнику и прихожанамъ не менѣе 205 р. 50 коп. серебромъ. Его высокопреосвященство, митрополитъ Литовскій и Виленскій Іосифъ, утвердилъ: за усердіе къ храму Божію изъявить священнику и прихожанамъ малоельнянской церкви признательность епархіальнаго начальства.

— Въ маѣ сего года, лидскимъ благочиннымъ протоіереемъ Сампсономъ Бреннымъ, съ сослуженіи священниковъ окрестныхъ церквей лебедской, голдовской, радзивонишкой и бобровской, освящена въ селѣ Жижмѣ, сооруженная отъ казны, церковь во имя Покрова пресвятыя Богородицы. При этомъ священникъ голдовской церкви произнесъ поучительное слово. На это торжество, по причинѣ необыкновенности онаго и по случаю хорошей погоды, собралось множество народа не только православнаго, но и латинянъ и даже лютеранъ изъ окрестныхъ м. липнишекъ и изъ ошмянскаго уѣзда. Торжественности и трогательности этого событія не мало содѣйствовало стройное пѣніе 6 крестьянскихъ мальчиковъ изъ голдовскаго народнаго училища, весьма успѣшно обученныхъ пѣнію подъ руководствомъ голдовскаго дьячка Омеляновича. На семъ торжествѣ присутствовали гг. лидскій военный начальникъ гвардіи полковникъ Алхазовъ, мѣстный исправникъ, приставъ и другіе чиновники. Торжество совершилось, для пользы православной церкви, впечатлительно на богомольцевъ: слава тебѣ, Господи, слава тебѣ!

(Лит. Епарх. Вѣд. № 17.)

Въ «Лит. Епар. Вѣд. читаемъ.» 1) Г. главный начальникъ края, отъ 26 минувшаго августа, сообщилъ его высокопреосвященству, что, препроводивъ вмѣстѣ съ симъ къ начальнику

гродненской губерніи составленные по приказанію его высокопревосходительства архитекторомъ академикомъ Чагинымъ планъ и смѣту, по образцу Вилейской церкви, для постройки православнаго храма въ м. Высоко-Литовскѣ, брестскаго уѣзда, и предложивъ ему, въ счетъ исчисленной для сего суммы 12000 р. с., отпустить изъ штрафныхъ суммъ ввѣренной ему губерніи въ распоряженіе Брестскаго комитета по постройкѣ православныхъ церквей *шесть тысячъ руб. сер.*, поручилъ ему пригласить прихожанъ, какъ къ дополненію потребной на постройку суммы, такъ и содѣйствію работою и заготовленіемъ матеріаловъ. При этомъ его высокопревосходительство выразилъ увѣренность, что при тепломъ сочувствіи мѣстныхъ гражданскихъ и духовныхъ властей, сами прихожане съ удовольствіемъ примутъ участіе въ сказанномъ сооруженіи храма.

2) Преосвященнѣйшій Игнатій, епископъ Брестскій, викарій Литовской епархіи, отъ 29 минувшаго августа, донесъ его высокопреосвященству, что, согласно архипастырской его высокопреосвященства резолюціи отъ 18 прошлаго апрѣля, его преосвященство просилъ г. главнаго начальника края объ оказаніи денежнаго пособія къ постройкѣ въ м. Семятычахъ каменной церкви, и въ селѣ Наройкахъ деревянной, при чемъ представлены были имъ составленные и утвержденные Гродненскою строительною коммисіею планы и смѣты на сооруженіе сказанныхъ церквей, съ поясненіемъ, что на семятыцкую церковь имѣется въ виду, жертвуемыхъ прихожанами и изъ другихъ источниковъ, всего 3,241 руб. 24 коп. кромѣ обѣщаннаго мѣстными помѣщиками кирпича и доставки рабочихъ прихожанами. На Наройскую же церковь, кромѣ отпуска казеннаго лѣса и пособія въ рабочихъ, имѣется въ виду складки отъ прихожанъ и денежныхъ посторонныхъ пожертвованій, всего 643 руб. 68½ коп. сер. Въ удовлетвореніе сего ходатайства, его высокопревосходительство отъ 22 Августа за № 2,610 изволилъ увѣдомить его преосвященство, что утвержденные имъ новые планы, составленные архитекторомъ академикомъ Пагинымъ, съ примѣрными къ онымъ смѣтами на сооруженіе православныхъ церквей, въ мѣ-

стечкѣ Семятычахъ каменной, и въ селѣ Наройкахъ деревянной препровождены къ начальнику Гродненской губерніи, съ предложеніемъ ему, передавъ таковые въ вѣдѣніе Бѣльскаго временнаго строительнаго комитета, поручить оному безотлагательно приступить къ производству самыхъ работъ, отпустивъ въ распоряженіе сказаннаго комитета изъ штрафныхъ суммъ, на покрытіе расходовъ по сооруженію храмовъ, Семятицкаго 3,000 рублей, а Наройскаго 1500 рублей сереб.

и 3) Его высокопреосвященство, митрополитъ Литовскій и Виленскій, Іосифъ, отъ 15 сего декабря за № 3217-мъ, предложилъ консисторіи объявить, чрезъ епархіальныя вѣдомости, духовенству Литовской епархіи, что всѣ деньги изъ 42 тысячъ рублей, Всемилостивѣйше назначенныхъ на нынѣшній годъ на пособіе духовенству Литовской епархіи, распредѣлены уже окончательно между симъ духовенствомъ; о чемъ симъ и объявляется, дабы предотвратить напрасную уже подачу просьбъ о пособіяхъ.

17 декабря въ г. Пинскѣ происходило открытіе одноклассннаго народнаго училища, въ присутствіи военнаго начальника Пинскаго уѣзда, директора училищъ, полиціймейстера и многихъ другихъ почетнѣйшихъ лицъ г. Пинска. Послѣ молебствія, совершеннаго законоучителемъ, благочиннымъ Шеметилло, провозглашено было многолѣтіе ГОСУДАРЮ ИМПЕРАТОРУ и всему Августѣйшему Дому. Записалось въ училище 57 мальчиковъ.

1-го минувшаго октября освящена въ м. Бѣницѣ (Ошмян. уѣзда) церковь во имя Покрова Пресв. Богородицы, благочиннымъ священникомъ Петровскимъ въ соборномъ сослуженіи окрестныхъ священниковъ. Церковь эта построена изъ булыжнаго камня и извести помѣщикомъ Швыйковскимъ, обязаннымъ къ тому еще въ прежніе годы.

27-го минувшаго сентября освящена Брашевицкая церковь (Кобрин. уѣзда) благочиннымъ, священникомъ Кадлубовскимъ, соборнѣ. Донося объ этомъ, о. Кадлубовскій присовокупляетъ, что иконостасъ въ этой церкви отдѣланъ отлично и вызолоченъ прекрасно,—что доказываетъ особенную заботливость священника Алексѣя Огіевича въ семъ благомъ дѣлѣ.

Объ освященіи церкви въ г. Волковыскѣ.

8-го ноября 1864 года было въ городѣ Волковыскѣ днемъ великой радости для всего общества православныхъ; ибо это былъ день освященія новосозданнаго храма, день торжества и прославленія святой нашей православной вѣры, послѣ многихъ дней ея униженія въ этомъ городѣ. Для уясненія нашей радости, позволяемъ себѣ сказать нѣсколько словъ о прошедшемъ и настоящемъ г. Волковыска и описать самое торжество освященія храма Божія.

Волковыскъ, расположенный въ западной части сѣверной половины Гродненской губерніи, принадлежитъ къ числу древнѣйшихъ нашихъ городовъ. Время основанія его съ достовѣрностію можно отнести къ XII ст., такъ какъ въ XIII столѣтіи историческія памятники упоминаютъ о немъ, какъ о замѣчательномъ уже городѣ, за который дѣятельно препирались владѣвшіе имъ русскіе князья съ литовскими. Не подлежитъ также сомнѣнію, что онъ искони былъ русскимъ городомъ, что подтверждаетъ и самое названіе его, и до XIV столѣтія, съ малыми исключеніями, постоянно принадлежалъ русскимъ князьямъ, построившимъ тутъ укрѣпленный замокъ, котораго огромныя земляныя пасыпи и по настоящее время отлично сохранившіяся, возвышаются надъ городомъ. Иногда Волковыскъ даже былъ мѣстопребываніемъ русскихъ князей, владѣвшихъ здѣсь въ качествѣ намѣстниковъ Великихъ Князей Кіевскихъ, и только въ началѣ XIV столѣтія подчиненъ окончательно литовскимъ князьямъ. О значительности города въ древнѣйшія времена свидѣтельствуетъ и то обстоятельство, что въ 1386 году въ Волковыскомъ замкѣ Ягелло принималъ польскихъ пословъ, вторично предлагавшихъ ему польскій престолъ и руку наслѣдницы польской короны. Здѣсь-то Ягелло окончательно согласился на роковой союзъ и легкомысленно рѣшилъ судьбу литовско-русскаго государства. Но, если правду сказать, это историческое событіе не много славы прибавляетъ Волковыску, а напротивъ того очень быть можетъ, что въ наказаніе Ягеллы противъ своего отечества, и самый городъ

гдѣ оно совершилось, умалился своимъ значеніемъ предъ современными ему городами, и въ настоящее время принадлежитъ къ числу самыхъ бѣднѣйшихъ городовъ Гродненской губерніи, безъ видимой надежды на лучшую будущность.

Нѣтъ сомнѣнія, что Волковыскъ, какъ держава Русскихъ князей Рюрикова дома, очень рано былъ озаренъ свѣтомъ православной вѣры. Не осталось никакихъ памятниковъ объ основаніи первой здѣсь православной церкви; только между жителями сохранилось и донынѣ преданіе о существованіи въ городѣ трехъ нашихъ церквей, и старожилы еще и теперь указываютъ мѣста нѣкоторыхъ изъ нихъ. Основаніе же перваго римско-католическаго костела относятъ едва къ началу XV столѣтія, и приписываютъ Витольду, быть можетъ, для польскихъ колонистовъ, въ слѣдствіе настояній Ягеллы, обязавшагося, какъ извѣстно, ввести латинство во всемъ литовско-русскомъ княжествѣ. По всей вѣроятности, въ XVII столѣтіи появились и поселились здѣсь и іезуиты, для подземныхъ своихъ работъ на пользу папства и интересовъ Польши. Замѣчательно, что между жителями не сохранилось даже и преданія о іезуитахъ; а извѣстны они только по письменнымъ документамъ,—не отъ того ли, что *товарищество Іисусово* имѣло въ виду не славу Божію, а руководствовалось мірскими расчетами и созидало дѣло не Божіе, но человѣческое,—а потому истребилась и память ихъ отъ лица земли?!— Непрошенные гости, за оказанное имъ гостепріимство, скоро воздали здѣсь, какъ и вездѣ, тѣмъ, что довели всѣхъ до измѣны вѣрѣ отеческой. Какъ безцеремонно въ этомъ отношеніи дѣйствовало католическое духовенство, видно изъ того, что самый усадебный плацъ прежде бывшей церкви, какъ свидѣтельствуетъ о томъ визитный актъ оной 1795 года, принадлежитъ въ настоящее время латинскому ксендзу. Этимъ путемъ, къ концу XVIII столѣтія уже небыло въ Волковыскѣ ни одного православнаго и ни одной нашей церкви. По всей вѣроятности городъ лишенъ былъ бы и по настоящее время православнаго храма, еслибы не пришло тутъ въ помощь благочестіе русскаго воинства. Оно то, во время своего здѣсь постоя, поусердствовало изъ какого-то

стараго сарая временно устроить для себя полковую церковь, а потомъ и оставило оную городу въ память о себѣ. И вотъ эта-то церковь, унылая, низкая, покачнувшаяся, стоявшая на подпорахъ, заботливостію настоятелей своихъ, прилично внутри устроенная и всегда старательно поддерживаемая, была въ продолженіе очень долгаго времени единственнымъ православнымъ храмомъ. Объ устроеніи новаго храма мѣстными средствами, нельзя было даже и думать, такъ какъ Волковыскій приходъ до сего времени составлялся исключительно изъ инвалидной команды и нѣсколькихъ прежнихъ чиновниковъ, хотя православныхъ, но мало любопытствовавшихъ на счетъ состоянія своего православнаго молитвеннаго зданія. Но вотъ въ 1850 году, святѣйшій правительствующій сvнодъ, ревнуя о славѣ и чести православной церкви, ассигновалъ изъ своихъ средствъ 12,000 руб. сер. на построеніе въ Волковыскѣ приличнаго православнаго храма и тогда же составлены были планъ и смѣта оному. Казалось, конецъ бы горю; но не тутъ то было. Построеніе у насъ православныхъ храмовъ въ прежнее время, особенно въ городахъ, было дѣломъ очень труднымъ, а если иногда и удавалось, то почти съ бою. Вліятельные и достаточные люди католики считали *грѣхомъ* для себя, даже за деньги, *строить* православныя святыни,—и по-этому долго всѣ старанія мѣстныхъ пастырей отыскать строителя оставались безуспѣшными. Правда, находились нѣкоторые охотники; но въ тоже время тотчасъ подоспѣвали къ нимъ и совѣтники, категорически доказывавшіе имъ всю неестественность и вредъ ихъ предпріятія, и охотники по добру по здорову пятились взадъ.

Только въ прошедшемъ году взялся за это дѣло православный человѣкъ, извѣстный строитель православныхъ храмовъ въ нашемъ краѣ, купецъ Өеодосій Сидоровскій. Въ самый разгаръ мятежа началось и быстро подвигалось строеніе храма Божія, и къ 8-му ноября истекшаго года онъ готовъ былъ къ освященію. Храмъ построенъ на самомъ лучшемъ мѣстѣ, въ самой срединѣ города, на обширной и красивой площади. Нѣкоторые изъ жителей увѣряютъ, что это мѣсто предназначено было подъ

православную церковь еще въ 1831 или 32 году, бывшимъ тогда начальникомъ гродненской губерніи, нынѣшнимъ господиномъ главнымъ начальникомъ края Михаиломъ Николаевичемъ Муравьевымъ. Храмъ деревянный построенъ въ чисто православномъ вкусѣ; крестообразной формы съ двумя куполами въ видѣ высокихъ и острыхъ осьмигранниковъ. Особенно красивъ средній куполъ; — смѣло и стройно возвышается къ небу его вѣнчанная лучезарнымъ крестомъ глава, какъ благоговѣйная мысль христіанина возносящаяся къ Богу, а сверху чрезъ множество оконъ купола, какъ отъ Отца свѣтовъ, огромная масса свѣта разливается по всему храму и обильно освѣщаетъ оный. Прекрасно представляется взорамъ новосозданный храмъ издали: своими куполами, украшенными блестящими главами и золоченными крестами, господствуетъ онъ надъ всѣмъ городомъ, привѣтливо манитъ путника и радуетъ сердце православное. Всѣ работы хороши, особенно же хороша живопись на всѣхъ иконахъ и красива отдѣлка иконостаса.

Ко дню освященія новосозданнаго храма, благоволилъ 7-го числа прибыть въ Волковыскъ его преосвященство, преосвященнѣйшій Игнатій, епископъ брестскій для личнаго священнодѣйствія. Въ 5 часовъ вечера, храмъ былъ освѣщенъ полнымъ освѣщеніемъ, вся церковь залита была свѣтомъ, самое зданіе и куполъ горѣли огнемъ и прекрасно рисовались среди окружавшаго мрака, а разноцвѣтные фонари, развѣшенные на елкахъ, поставленныхъ кругомъ церкви, своимъ тихимъ свѣтомъ, довершали прелесть и очарованіе картины. По прибытіи архипастыря началась торжественная всенощная служба, при стройномъ пѣніи прибывшаго изъ Вильны пѣвческаго хора на правомъ клиросѣ, и хора крестьянскихъ мальчиковъ Самуйловичскаго и Зарудавьевскаго училища на лѣвомъ. Во время литіи и полiэлея, самъ преосвященный выходилъ на средину храма для священнослуженія съ 6-тью священниками. Трудно описать чувства предстоявшихъ во храмѣ въ эти радостныя минуты. «Батюшка,»—говорилъ мнѣ одинъ мой знакомый богомолецъ,—«какой великой радости сподобилъ насъ Господь Богъ; точно какое тяжелое бремя отлегло отъ сердца; словно

теперь у насъ свѣтлый праздникъ Господень!» И не одинъ вздохъ сердечной молитвы, вырвался изъ груди предстоявшихъ, не одна слеза умиленія пролита была предъ Небеснымъ Отцемъ, не одно сердце полно было живѣйшею благодарностію Богу — Благодателю нашему, *вознесшему родъ православныхъ и ниспославшему намъ милости и щедроты Своя.*

Торжество слѣдующаго дня, началось въ 7-мь часовъ утра, раннею соборною литургіею въ старой церкви, и по окончаніи оной, при пѣніи канона св. Архистратигу Михаилу, совершенъ былъ крестный ходъ въ новосозданный храмъ, при соучастіи 9 священниковъ, съ предносеніемъ животворящаго Креста, святыхъ иконъ, церковныхъ хоругвей и воинскаго знамени квартирующаго въ городѣ полка. Величественно и знаменательно было это шествіе: невольно приходило на мысль, что много уже прошло столѣтій съ того времени, какъ Волковыскъ видѣлъ подобныя настоящему торжеству и сонмъ священнослужителей торжествующей теперь православной церкви, вознося молебныя пѣнія къ св. Архистратигу, вручалъ и свою вѣру святую и городъ и себя заступничеству честныхъ небесныхъ силъ безплотныхъ, моля да сохранятъ всѣхъ отъ прошедшихъ бѣдствій. Вслѣдъ за вступленіемъ хода въ церковь, совершено соборное освященіе воды. Между тѣмъ къ торжеству освященія храма собрались, въ числѣ 16-ти, прибывшіе изъ уѣзда священники, для участія въ Богослуженіи и принесенія Богу общей молитвы о новосозданномъ храмѣ. Собрались всѣ православные чиновники, изъ которыхъ многіе съ самаго ранняго утра постоянно присутствовали при Богослуженіи. Даже много римскихъ католиковъ пришло посмотрѣть на наше торжество. Собралось также множество нашихъ тружениковъ — крестьянъ, между коими встрѣчались прибывшіе по усердію за 35 и 40 верстъ видѣть великое церковное торжество.

По прибытіи преосвященнаго во храмъ, начался обрядъ архіерейскаго освященія храма. Умилительность и особенность обряда, благоговѣйное служеніе, блестящія облаченія всѣхъ участвовавшихъ въ священнодѣйствіи и стройное пѣніе пѣвчихъ, не-

вольно располагали сердца къ усердной молитвѣ; всѣ съ благоговѣніемъ слѣдили за священными дѣйствіями освященія престола, жертвенника и помазанія святымъ муромъ церковнаго зданія. Особенно величественна была минута, когда маститый архипастырь нашъ, подъявъ на свою главу св. антиминсъ и святые мощи, осѣняемый рипидами и предшествуемый 12-тью священниками и діаконами со свѣщами и кадильницами, выходилъ изъ храма. Все благоговѣйно преклонилось предъ великою святынею, войска, стоявшія въ рядахъ противъ дверей церковныхъ, отдали честь, и при колокольномъ звонѣ, при совокупномъ пѣніи всего сонма священнослужителей и пѣвчихъ, совершенъ былъ вокругъ церкви крестный ходъ, *невиданный еще никогда въ нашемъ городѣ и уѣздѣ.* По окончаніи освященія храма, совершена была его преосвященствомъ, въ сослуженіи 6-ти священниковъ, Божественная литургія, а послѣ оной при сослуженіи 12-ти священниковъ отслуженъ былъ молебенъ св. Архистратигу Михаилу и св. первоверховнымъ апостоламъ Петру и Павлу, во имя коихъ освященъ новосозданный храмъ, съ возглашеніемъ многолѣтія Царскому Дому, св. правительствующему сvноду, господину высокопреосвященнѣйшему Іосифу, митрополиту Литовскому и Виленскому и господину преосвященнѣйшему Игнатію, епископу Брестскому, г. главному начальнику края, военоначальникамъ, градоначальникамъ, всему христолюбивому воинству, создателямъ и благотворителямъ новосозданнаго храма и всѣмъ православнымъ христіанамъ.

По окончаніи Богослуженія, все духовенство и присутствовавшіе чиновники были приглашены мѣстнымъ отцемъ благочиннымъ къ обѣденному столу, и составился у насъ чисто семейный, чисто русскій и православный праздникъ, на которомъ присутствовали почти всѣ труженики въ великомъ дѣлѣ обновленія нашей родины. Радовалась душа при видѣ полнаго единодушія и братства всего общества. Пріятно было слышать чинные разговоры о судьбахъ нашего края, о добрыхъ дѣятеляхъ, трудившихся и трудящихся на пользу его, о красотѣ и благолѣпіи храмовъ Божіихъ въ великой Россіи, и о церквахъ, имѣющихъ у

насъ созидаться и обновляться. Не забыли мы при этомъ и великихъ благодѣтелей своихъ — Всемилостивѣйшаго ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА, добраго нашего архипастыря-митрополита, главнаго начальника края, и отъ души поблагодарили велико-русскихъ чиновниковъ за добрые ихъ труды родинѣ нашей и участіе къ намъ. Наконецъ, по благословенію его преосвященства и по единодушному желанію всего общества, была отправлена въ Вильну поздравительная телеграмма къ дорогому имяниннику и общему благодѣтелю нашему Михаилу Николаевичу Муравьеву, съ искренними благожеланіями ему здравія и всякаго благополучія.

Тѣмъ и окончился нашъ праздникъ, о которомъ, безъ сомнѣнія, всѣ присутствовавшіе на долго сохранятъ самыя добрыя воспоминанія.

Къ сему пріятнымъ долгомъ считаемъ заявить публичную благодарность всѣмъ лицамъ, по любви къ благолѣпію святыни Божіей, обогатившимъ новосозданный храмъ значительными пожертвованіями. По усердію мѣстнаго настоятеля, указавшаго нужды церковныя, ко дню освященія пожертвованы: большое прекрасное паникадило, двѣ красивыя священническія ризы съ цѣлымъ приборомъ, приличныя облаченія на престолъ, жертвенникъ, аналогій и тетраподъ, воздухи, завѣса къ царскимъ дверямъ, предпрестольный коверъ, а также пожертвована сумма въ 3000 руб. сер. на приличный колоколъ, къ сожалѣнію, неподоспѣвшій къ освященію. Въ семъ отношеніи Волковыскому храму надолго будутъ памятны имена благочестивыхъ жертвователей, г. чиновника акцизнаго управленія Финенко, г. Козацкаго Есаула Щепкина, г. мироваго посредника Щербова, г. чиновника особыхъ порученій Попова, г. Гродненскаго полиціймейстера Змѣева, г. смотрителя Волковыской городской больницы Кузьмицкаго, г-жи Портенъ и другихъ лицъ, съ усердіемъ послужившихъ святому дому Божію.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, отъ лица Волковыскаго причта и всего вообще духовенства, приносимъ чувствительнѣйшую благодарность всѣмъ гг. чиновникамъ и въ особенности г. Волковыскому уѣздному исправнику Киселевскому, за то почтительное вниманіе, ко-

торымъ они старались окружать нашего архипастыря, преосвящ. Игнатія, и за содѣйствіе особенно г. Киселевскаго во всемъ, относившемся къ нашему торжеству.

Подай, Господи, здравіе и спасеніе всѣмъ, добрѣ потрудившимся въ созданіи и освященіи святаго дому Божія!

Зельзянской церкви свящ. *А. Куцевичъ.*

(Лит. Еп. Вѣд.)

— Въ Литовскимъ Еп. Вѣдомостяхъ читаемъ.

Казенные крестьяне, принадлежащіе къ Ворониловицкому приходу (гродн. губ.), по своей ревности къ св. вѣрѣ и усердію къ храму Божію, еще въ 1861 г. желали возстановить приписную Березницкую церковь. Но разрѣшеніе епархіальнаго начальства на сіе благое дѣло тогда не послѣдовало потому, что гродненская палата государственныхъ имуществъ доселѣ не доставила въ консисторію затребованныхъ тогда же послѣднею— смѣты, плана и фасада на постройку сей церкви, а такъ же свѣдѣній, имѣютъ ли крестьяне на то средства,—даже не увѣдомила консисторію, на ея просьбу, о распоряженіи своемъ по сему дѣлу. Нынѣ же означенные крестьяне, въ поданномъ ими прошеніи, удостовѣрили, что они будутъ имѣтъ средства на постройку Березницкой церкви, по сдѣланному предположенію, въ 4 тысячи руб. сер., пожертвованныя, между прочимъ, и въ память усмиренія мятежа, то епархіальное начальство разрѣшило означеннымъ крестьянамъ постройку приписной къ ихъ приходу, Березницкой церкви.

Въ Лит. Еп. Вѣд. напечатано: Волковыскій Благочинный доноситъ консисторіи, что вмѣсто разрѣшенной консисторіею починки приходской Кузмичской церкви, по соображеніямъ комитета, учрежденнаго въ г. Волковыскѣ на постройку церквей и причетническихъ строеній въ уѣздѣ, оказалось нужнымъ и сдѣлано по этому предположеніе построить приходскую въ с. Кузмичахъ новую церковь; по сей причинѣ починка церкви пріостановлена, деньги же, собранныя на сей предметъ, хранятся въ церковной кружкѣ.

— Иконостасъ изъ упраздненной приписной Георгіевской церкви въ Вилейкѣ перенесенъ въ новоустроенную здѣсь же кладбищенскую церковь, и за тѣмъ 1-го сего декабря эта церковь освящена по чиноположенію церковному.

— Въ Ожунской церкви досчатый полъ, устроенный въ 1858 году, по причинѣ сырости, подвергся гнилости и порчѣ, а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ поломался. Мѣстный священникъ Романъ Дыманъ и прихожане, радѣя о благолѣпіи своего храма, минувшимъ лѣтомъ и осенью пріобрѣли на свой счетъ доски, настлали новый полъ въ церкви, кромѣ солеи и алтаря, гдѣ полы были цѣлы, и сверхъ того устроили вокругъ церкви новую деревянную ограду, дотолѣ совершенно разрушенную. Затѣмъ, построенные полы и ограда были окроплены св. водой по отправленіи водосвятнаго молебна.

— Основаніе Чемерской деревянной церкви (въ казен. имѣніи Чемерахъ), торжественно освящено 26 минувшаго іюля, при стеченіи многочисленнаго народа.

— Шельвяцкая каплица освящена въ церковь во имя св. Апостола и Евангелиста Іоанна, 26 минувшаго сентября.

— 1-го минувшаго октября освящена Бусяжская во имя успенія Божіей Матери церковь, по чиноположенію церковному.

— 8-го минувшаго сентября, въ праздникъ рождества Пресв. Богородицы и въ день рожденія Его Императорскаго Высочества Государя Наслѣдника Цесаревича, при многочисленномъ стеченіи народа произведена закладка новой церкви въ м. Кринкахъ.

— Кобринскій Благочинный доноситъ слѣдующее: Хотя распоряженіе о постройкѣ въ г. Кобринѣ каменнаго собора въ честь св. благовѣрнаго великаго князя Александра Невскаго, на пожертвованныя деньги крестьянами Кобринскаго уѣзда, въ память освобожденія ихъ отъ крѣпостной зависимости, равно и отпущенныя, въ пособіе, г. главнымъ начальникомъ края, послѣдовало еще въ началѣ весны минувшаго года; но работы по постройкѣ означенной церкви, по разнымъ обстоятельствамъ, независящимъ отъ мѣстнаго духовенства, начались съ 15-го октября. Въ сей день, послѣ Божественной Литургіи въ соборной церкви,

при бытности чиновниковъ военныхъ и гражданскихъ, отъ разныхъ частей квартирующихъ войскъ, при собраніи должностныхъ лицъ волостныхъ управленій Кобринскаго уѣзда и многочисленнаго народа, торжественно совершена закладка означеннаго храма по церковному чиноположенію на площади Подзамчье, гдѣ съ давнихъ временъ предполагалось строить храмъ, какъ въ самомъ центральномъ и болѣе удобномъ мѣстѣ въ городѣ, что къ прискорбію въ настоящей постройкѣ не такъ легко и скоро было сознано нѣкоторыми, отъ чего и самая закладка замедлилась.

— Ковенскій благочинный донесъ, что »1-го минувшаго ноября, ковенскаго Градскаго Собора священникомъ Софроніемъ Зосимовичемъ совершено освященіе закладки каменной, во имя св. благовѣрнаго великаго князя Александра Невскаго, церкви въ Александровской слободѣ ковенскаго уѣзда.« Эта слобода образована изъ русскихъ крестьянъ, въ минувшее мятежное время твердо устоявшихъ въ исполненіи долга св. вѣрѣ и отечеству, изъ коихъ нѣкоторые пострадали отъ изувѣрства крамольниковъ. Читателямъ нашимъ извѣстно о побужденіяхъ—образовать здѣсь селеніе и устроить церковь, а также объ источникахъ для приведенія этого спасительнаго дѣла въ вожделѣнное исполненіе. По слухамъ, при этой закладкѣ были многія власти мѣстныя и губернскія, дабы соучастіемъ въ оной почтить и память Ангела Благочестивѣйшаго монарха нашего, и благотворную мысль, положившую создать здѣсь православный храмъ Божій, какъ отрадное средоточіе дотолѣ разбросанныхъ чадъ св. нашей церкви.

Открытіе русскихъ гимназій въ Варшавѣ.

Въ январѣ мѣсяцѣ нынѣшняго 1865 года, по словамъ »Варшавскаго Дневника,« будетъ открыта въ Варшавѣ русская гимназія, женская прогимназія и начальное училище, для дѣтей обоего пола. Гимназія будетъ открыта въ составѣ 4-хъ классовъ низшихъ. Желающіе помѣстить въ оныя заведенія дѣтей

своихъ, благоволятъ подать прошеніе (на простой бумагѣ) на имя директора, приложивъ при прошеніи метрическое свидѣтельство о званіи или копію съ формулярнаго списка и плату за право обученія, считая въ годъ по 12 р. с. О днѣ открытія будетъ объявлено. Желающихъ помѣстить дѣтей своихъ въ гимназическій пансіонъ, просятъ заявлять о томъ въ канцелярію гимназіи, ежедневно отъ 10 утра до 3 часовъ по полудни; канцелярія гимназіи помѣщается до 6 января на Мазовецкой, домъ Красинскихъ, квартира № 1, а съ 7-го января будетъ помѣщаться на Краковскомъ предмѣстьѣ въ домѣ, гдѣ прежде помѣщалась медико-хирургическая академія. (Бирж. В. № 9).

Передача Пермскому полку иконы св. Александра Невскаго.

10 января, въ большой Дворцовой залѣ, происходило торжество перечачи Пермскому полку иконы св. Благовѣрнаго князя Александра Невскаго, обѣщанной оному шефомъ полка г. главнымъ начальникомъ сѣверо-западнаго края на бывшемъ 30 августа прошлаго года полковомъ праздникѣ.

По выслушаніи Божественной литургіи въ дворцовой церкви, г. главный начальникъ края прибылъ въ большую залу дворца, гдѣ ожидали его полковой командиръ, всѣ офицеры и 120 нижнихъ воинскихъ чиновъ съ фельдфебелями и унтеръ-офицерами Пермскаго пѣхотнаго имени его полка, построенные четырехъугольникомъ вокругъ аналоя, на которомъ лежалъ въ богатомъ серебряномъ вызолоченномъ окладѣ, изящной С.-Петербургской работы образъ св. Благовѣрнаго В. К. Александра Невскаго.

Поздоровавшись съ солдатами, его высокопревосходительство сказалъ: «Ребята! Высоко цѣня Монаршую милость, которою ЕГО ВЕЛИЧЕСТВО соизволилъ удостоить меня, назначеніемъ шефомъ вашего полка, я вручаю вамъ настоящую икону; вполнѣ

увѣренъ, что вашъ полкъ всегда и вездѣ будетъ служить примѣромъ военной дисциплины и святаго исполненія вѣрноподданнической присяги; своею преданностію нашему ВЕЛИКОМУ ГОСУДАРЮ докажите, что вы истинные сыны Россіи. Потомъ, обратясь къ полковому командиру, полковнику Жеребцову, и вручая ему св. икону, присовокупилъ солдатамъ: Вотъ вашъ новый полковой командиръ; вполнѣ надѣюсь, что онъ поведетъ ввѣренный ему полкъ путемъ чести и исполнитъ лежащія на немъ священныя обязанности къ Августѣйшему нашему ГОСУДАРЮ.

Въ отвѣтъ на эти милостивыя слова, начальникъ 26 пѣхотной дивизіи, генералъ-маіоръ Ковалевскій, сказалъ: «Это благословеніе св. иконою еще болѣе упрочиваетъ ту связь, которая существовала до сихъ поръ между Пермскимъ полкомъ и его шефомъ. Гг. офицеры и солдаты! Молясь передъ иконою, вы каждый разъ будете вспоминать вашего шефа, которому можете доказать свою благодарность только вѣрною и честною службою ГОСУДАРЮ и Россіи.»

Затѣмъ полковымъ священникомъ совершено было передъ св. иконою молебствіе съ провозглашеніемъ многолѣтія ГОСУДАРЮ ИМПЕРАТОРУ и всему Августѣйшему Дому, а потомъ христолюбивому воинству и Пермскому генерала отъ инфантеріи Муравьева полку. Причемъ полковымъ священникомъ произнесено было приличное краткое слово.

Послѣ сего всѣ присутствующіе и нижніе чины перешли въ другой залъ, гдѣ были накрыты столы. Сюда же перенесли икону и полковникъ Жеребцовъ передавая ее солдатамъ, сказалъ: «Поздравляю васъ, ребята, съ этимъ святымъ подаркомъ и благословеніемъ нашего шефа! Станемъ молиться передъ этой иконой и всегда вспоминать слова нашего шефа и требованія вѣрной и честной службы ГОСУДАРЮ и Россіи. Ребята, шефу нашему, «ура!» Вслѣдъ за симъ всѣ нижніе чины были угощаемы обѣденнымъ столомъ, въ тоже время офицеры полка и всѣ присутствующіе завтракали въ сосѣдней залѣ.

Во время стола г. главный начальникъ края провозгласилъ тостъ за здравіе ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА, сопровождаемый продолжительными и задушевными ура!—потомъ за благоденствіе Пермскаго полка! — Тогда полковой командиръ сказалъ: «Отъ имени полка имѣю счастіе принести душевную благодарность его высокопревосходительству, шефу нашему, за его незабвенное для насъ благословеніе св. иконою.»—Къ этому генералъ Ковалевскій прибавилъ: «Здоровье шефа Пермскаго пѣхотнаго полка, ура!»

Дружная, одушевленная бесѣда долго продолжалась. Солдаты были оживлены, свободно и весело разговаривали. Нельзя было незамѣтить, какъ радостенъ былъ для нихъ этотъ праздникъ. Послѣ обѣда икона торжественно была перенесена въ сопровожденіи всѣхъ присутствующихъ изъ Дворца въ полковыя казармы, гдѣ была встрѣчена всѣмъ полкомъ и внесена въ устроенную въ казармахъ церковь.

Въ этотъ же день г. начальникъ дивизіи, полковой и баталіонные командиры были приглашены его высокопревосходительствомъ къ обѣду. (Вил. Вѣст).

Предписаніе г. начальника сѣверо-западнаго края о изученіи евреями русскаго языка.

Г. главный начальникъ края, принимая во вниманіе, что здѣшніе евреи, не взирая на всѣ благодѣтельныя мѣры правительства, предпринятыя для преподанія имъ средствъ къ изученію Русскаго языка, не стараются пріобрѣтать столь необходимыя знанія онаго, и, имѣя съ своей стороны въ виду, что въ дѣйствіяхъ своихъ они не показываютъ усердія къ изученію того, что могло бы сблизить ихъ съ русскими началами, отъ 12 сего января за № 138, предписать изволилъ:

1) Строго наблюсти, чтобы всѣ еврейскіе мальчики, какъ было уже предписано въ прошломъ году, непремѣнно обучались въ устроенныхъ для того школахъ, сдѣлавъ это обязательнымъ

для всѣхъ, и съ тѣхъ, которые и за тѣмъ не будутъ посылать дѣтей учиться, взимать установленный штрафъ.

2) Возложить на депутатовъ еврейскаго общества и раввиновъ, чтобы они наблюдали за исполненіемъ родителями обязанностей обучать своихъ дѣтей Русскому языку, съ предвареніемъ таковыхъ, что за дальнѣйшее небреженіе по настоящему предмету отцы и матери семействъ будутъ подвергаться штрафу.

3) Дабы окончательно прекратить всякій неумѣстный польскій говоръ среди еврейскаго населенія, вовсе не польскаго происхожденія, и обязаннаго чувствовать всѣ милости, оказываемыя ему правительствомъ и выражать таковыя чувства не пустыми только словами, а самымъ дѣломъ, поручить еврейскимъ депутатамъ и раввинамъ имѣть неослабное наблюденіе за настоящимъ распоряженіемъ, съ предвареніемъ таковыхъ, что за малѣйшее послабленіе съ ихъ стороны, они также будутъ подвергаться штрафу.

О чемъ объявляется, для точнаго исполненія.

Объ открытіи народн. училищъ въ Ковенской губерніи.

Съ послѣднихъ чиселъ ноября по 3-е декабря открыто въ Ковенской губерніи 6 народныхъ училищъ и кромѣ того получены извѣстія объ изготовленія помѣщеній для училищъ еще въ 15 мѣстечкахъ въ губерніи. Всѣ эти училища учреждены *на полномъ содержаніи отъ крестьянъ*, согласно составленнымъ имъ приговорамъ. Изъ нихъ первое открыто въ 1-мъ мировомъ участкѣ ковенскаго уѣзда, вилькійской волости въ м. Вилькахъ, другое 29 ноября открыто ковенскаго уѣзда въ м. Короковѣ, втораго мир. уч. Въ этомъ участкѣ, во всѣхъ мѣстечкахъ изготовлены уже при домахъ волостныхъ правленій частныя помѣщенія со всею необходимою мебелью, даже съ учительскими каѳедрами. На слѣдующій день открыто было 3-е училище,

3-го мир. уч. въ м. Датновѣ. Не смотря на то, что въ этомъ мѣстечкѣ находится уже издавна приходское училище, содержимое на казенный счетъ, мѣстное начальство нашло нужнымъ открыть тамъ еще и народ. училище, въ тѣхъ видахъ, что здѣсь *все населеніе говоритъ по русски.* 30 того же мѣсяца открыто 4-е училище въ м. Жеймахъ (2-го мир. уч.), названное, согласно волостному приговору, *Михайловскимъ*, въ честь г. главнаго начальника края. На содержаніе училища опредѣлено крестьянами 250 руб. въ годъ. 5 народное училище открыто 1 декабря въ дер. Лушнѣ. 6 нар. уч. открыто было 2-го дек. въ дер. Невѣровичахъ новодворской волости.

Свѣдѣнія эти весьма утѣшительны, тѣмъ болѣе, что народъ всюду относится сочувственно къ благому для него нововведенію, проникнулся сознаніемъ необходимости и пользы русской грамоты и своимъ живымъ участіемъ облегчаетъ трудъ начальства по открытію школъ.

Кіевское св. Владимірское братство.

(*Ноябрское собраніе*). — Ноября 15-го, въ общемъ собраніи членовъ св. Владимірскаго братства было избраніе новаго члена совѣта, вмѣсто выбывшаго г. Михневича: почти единогласно былъ избранъ членомъ совѣта попечитель кіевскаго учебнаго округа князь Ширинскій-Шихматовъ. За симъ подвергнуто было обсужденію: а) письменное предложеніе членамъ братства, графа Остенъ-Сакена, давать дипломы членамъ братства; б) предложеніе члена братства, инспектора военнаго училища г. Курдюмова выдавать каждому члену братства скрѣпленную книжку для сбора пожертвованій; в) разсматриваемъ былъ, представленный художникомъ Греве, рисунокъ кіота для братскаго образа св. Равноапостольскаго Владиміра. Обсужденіе означенныхъ предметовъ привело собраніе къ общему обсужденію мѣръ, которыя могли бы способствовать расширенію и увеличенію матеріальныхъ средствъ братства. Вслѣдствіе чего, однимъ изъ членовъ братства г. ди-

ректоромъ 1-й кіевской гимназіи Андріяшевымъ, заявлена была, и принята собраніемъ, мысль образовать особую коммисію, которая взяла бы на себя трудъ составленія проэкта объ изысканіи постоянныхъ средствъ братства; членами коммисіи, по предложенію председателя совета, изъявили согласіе быть казначей братства Г. Ѳ. Бредихинъ, предводитель дворянства, г. Бутовичъ, цензоръ г. Новицкій, директоръ 1-й гимназіи г. Андріяшевъ и протоіерей софійскаго собора Каменскій. Этой коммисіи поручено разсмотреть предложеніе графа Остенъ-Сакена и г. Курдюмова, а также и рисунокъ кіота, представленный г. Греве. Докладъ коммиссіи иметъ быть представленъ въ следующее собраніе совету братства. Съ 11-го ноября, по предложенію совета братства, приняли званіе почетныхъ членовъ братства: 1. г. виленскій, ковенскій и минскій генералъ-губернаторъ, генералъ отъ инфантеріи, М. Н. Муравьевъ, со внесеніемъ въ кассу братства 100 р. 2. Архіепископъ харьковскій Макарій 100 р. 3. Архіепископъ кишиневскій Антоній 25 р. 4. Архіепископъ рязанскій Иринархъ 25 р. 5. Епископъ подольскій Леонтій 10 р. Вписались въ число членовъ братства: изъ Владиміра А. С. 15 р.; И. О. Данильченко 5 р.; А. О. Дзбановскій (изъ Одессы) 5 р.; Іеромонахъ Самдинъ 5 р. Пропущены въ прежнемъ списке сестры Ланскія, внесшія чрезъ А. Н. Муравьева 10 р. (Прав. Об).

Учрежденіе православнаго братства въ Ковно.

— Въ *Вилен. Вѣстн.* пишутъ, что еще за два года до сего преосвященный Александръ, епископъ ковенскій, въ постоянной заботливости о благосостояніи своей паствы, составилъ „проэктъ попечительнаго совета о православныхъ бедныхъ“ и пригласилъ немногочисленное общество русскихъ чиновниковъ въ городе Ковно помогать нуждающимся, устроять участь неимущихъ сиротъ, престарелыхъ и неизлечимыхъ больныхъ изъ единоверцевъ. Но благая мысль архипастыря осталась безъ исполненія, по причине всемъ известныхъ печальныхъ событій въ томъ крае и по крайней малочисленности православныхъ во всей ковенской губерніи. Теперь поворотъ къ лучшему совершился: крайуспо-

ковенъ; изъ срединной Россіи вызваны новые дѣятели, положено начало обычному развитію гражданскихъ отношеній, дано движеніе общественной жизни, возбуждена работа соединенныхъ силъ общества, призвана и мысль общественная къ служенію началу просвѣтительному.

Общественнымъ возбужденіемъ дѣятельно воспользовался преосвященный Александръ, чтобы осуществить завѣтную мысль свою. Съ мѣсяцъ тому назадъ, онъ посѣтилъ городъ по дѣламъ комитета о построеніи новыхъ православныхъ церквей, въ ковенской губерніи. По окончаніи засѣданія въ домѣ г. ковенскаго губернатора, онъ предложилъ присутствовавшимъ составить изъ себя православное братство, чтобы соединить въ немъ всѣхъ усердствующихъ народному и христіанскому дѣлу по цѣлой ковенской губерніи. Нечего и говорить о томъ, съ какою радостію и благодарностію было принято это предложеніе. Скоро составился проэктъ „православнаго свято-никольскаго ковенскаго братства.“

30-го прошлаго ноября начальникъ губерніи, въ качествѣ братчика-учредителя, представилъ его, за подписью всѣхъ братчиковъ-учредителей, на благоусмотрѣніе и утвержденіе высокопреосвященнѣйшаго Іосифа, митрополита литовскаго и виленскаго; 2-го декабря его высокопреосвященство изволилъ надписать на подлинномъ проэктѣ: „Утверждаю. Да благословитъ Господь это братство на доброе дѣло!“ При отношеніи на имя г. губернатора, высокопреосвященный митрополитъ передалъ утвержденный проэктъ братству чрезъ преосвященнаго Александра, который 3-го числа прибылъ въ Ковно. Преосвященнаго встрѣтили на станціи желѣзной дороги не только какъ всегда желаннымъ гостемъ цѣлаго города, но и пастыремъ-вѣстникомъ радостнаго событія. Открытіе братства было назначено на 6 декабря. Какъ нельзя болѣе кстати ковенскій соборъ утромъ того дня получилъ отъ неизвѣстныхъ благотворителей изъ Москвы двѣ хоругви, прекрасное парчевое священническое и діаконское облаченіе и нѣсколько паръ епитрахилей, воздуховъ и поручей. Къ 10 часамъ собрались въ зимній ковенскій соборъ, во имя св. Николая, всѣ военные и гражданскіе чины города, съ семействами, и столько богомольцевъ, что соборъ едва вмѣщалъ ихъ. По окон-

чаніи литургіи, преосвященный Александръ, идя на молебенъ, остановился на амвонѣ и въ теплой рѣчи разъяснилъ, что есть братство въ смыслѣ евангельскомъ, чѣмъ были древнія православныя братства въ здѣшнемъ краѣ и какимъ духомъ должно жить новое, ковенское, чтобы достигнуть своей цѣли. Въ этой рѣчи мысль устава выяснена въ полнотѣ; цѣли и надежды братства указаны осязательнѣе и достижимѣе: „Не многочисленность братіи, но вѣра въ правду подвига, молитва о вышней на него помощи и благочестивое усердіе каждаго изъ братій да послужатъ надежнымъ ручательствомъ за успѣхъ,“ сказалъ преосвященный.

Послѣ богослуженія, все общество собралось въ квартирѣ преосвященнаго и на первомъ же засѣданіи единогласно просило своего архипастыря: во 1-хъ принять званіе предсѣдателя братства, на что онъ и соизволилъ, пригласивъ въ тоже время начальника губерніи заступать его мѣсто во всѣхъ засѣданіяхъ, которыя имѣютъ быть во время пребыванія его въ Вильнѣ; во 2-хъ, ходатайствовать, чтобы высокопреосвященный Іосифъ, митрополитъ литовскій и ковенскій, принялъ на себя званіе почетнаго предсѣдателя братства; въ 3-хъ, испросить братству архипастырское благословеніе всѣхъ митрополитовъ россійскихъ, а бывшихъ доселѣ ковенскихъ архипастырей пригласить въ почетные члены братства; въ 4-хъ, депешей просить господина главнаго начальника края принять званіе почетнаго попечителя братства, на что его высокопревосходительство изволилъ изъявить согласіе нижеслѣдующей телеграммой на имя преосвященнаго Александра: „Съ особеннымъ удовольствіемъ принимаю званіе почетнаго попечителя православнаго свято-никольскаго братства и душевно благодарю ваше преосвященство и членовъ братства за вниманіе. *Генералъ Муравьевъ*.

Послѣдовало избраніе казначея и дѣлопроизводителя братства и наконецъ подписка въ братчики. Не смотря на то, что не всѣ присутствующіе успѣли внести имена свои, цифра ежегодныхъ взносовъ достигла 500 руб. серебромъ. Скромное, но знаменательное для города Ковно торжество заключилось завтракомъ у того же благодушнаго архипастыря.

Уже по окончаніи скромнаго торжества получена была, на имя

окружнаго инспектора и директора ковенской гимназіи, депеша отъ попечителя виленскаго учебнаго округа, И. П. Корнилова:

„Да здравствуетъ новое братство, да служитъ вѣрой и правдой великому русскому дѣлу! Сокрушаюсь, что не могу присутствовать на торжествѣ. Прошу записать меня братчикомъ.“

Вообще братчикамъ нельзя не поблагодарить учебный округъ за то, что всѣ учрежденія министерства народнаго просвѣщенія въ г. Вильнѣ имѣли своихъ представителей на праздникѣ открытія братства.

Уніатскія церковныя братства.

Во время уніи, во всѣхъ почти приходскихъ церквахъ у насъ существовали братства. Нѣтъ сомнѣнія, что обычай этотъ былъ повсемѣстный въ здѣшнемъ краѣ и велъ свое начало еще съ того времени, когда православное населеніе края принуждено было изыскавать всѣ возможныя мѣры противъ происковъ и насилій іезуитовъ, рѣшившихся окатоличить здѣшній край и съ этою цѣлью въ XVI столѣтіи появившихся въ Литвѣ и Бѣлоруссіи. Іезуиты повели свое дѣло слишкомъ усердно и энергически. Православная церковь была унижена, послѣдователи ея были оскорблены и переносили самыя несправедливыя и злыя преслѣдованія, вѣрѣ ихъ грозила ежечасная и самая серьезная опасность. Въ это именно время, въ числѣ иныхъ мѣръ, явилась идея церковныхъ братствъ, имѣвшихъ цѣлію противиться наглому преобладанію католичества. Главная обязанность такихъ братствъ состояла въ обученіи дѣтей правиламъ вѣры, въ изданіи православныхъ церковныхъ книгъ, въ огражденіи чистоты православія и въ защитѣ его противъ ухищреній и нападеній его враговъ.

Очевидно, что братства преслѣдовали цѣль ясную и опредѣленную и были вызваны обстоятельствами времени и тѣми печальными условіями, въ которыя была поставлена православная церковь.

Братства эти были явленіемъ естественнымъ и законнымъ, и потому очень быстро польза и необходимость повсемѣстнаго ихъ учрежденія были вполнѣ поняты. Тѣмъ не менѣе, какъ извѣстно, іезуиты, если не вполнѣ, то отчасти сдѣлали то, къ чему

тогъ ревностно стремились благодаря ихъ усердію и вскорѣ явилась *унія*, долженствовавшая быть тѣмъ во переходнымъ, ведущимъ уже прямо къ католичеству.

Казалось бы, что послѣ введенія уніи, церковныя братства должны были утратить свое значеніе и даже всякій смыслъ, ибо главная цѣль ихъ существованія, то есть защита православія, не была достигнута. Съ другой стороны, іезуиты и католическое духовенство должны были враждебно относиться къ подобному церковному обычаю, напоминавшему имъ упорную защиту со стороны тѣхъ, которые долгое и всячески старались противодѣйствовать насильственному ихъ преобладанію. Тѣмъ не менѣе, обычай этотъ сохранялся въ уніатскихъ церквахъ до послѣдняго времени. Какая же цѣль была его существованія? Въ чемъ состояла обязанность братчиковъ? Мы сами помнимъ еще, какъ во время церковныхъ службъ братчики становились среди церкви въ два ряда, держа въ рукахъ зажженныя большія восковыя свѣчи. Однако вопросъ о значеніи этого обряда, вообще о значеніи и цѣли уніатскихъ братствъ, всегда оставался для насъ довольно темнымъ, ибо кромѣ стоянія посреди церкви братчиковъ со свѣчами, мы не помнимъ, чтобы они исполняли какія либо иныя церковныя обязанности. Нельзя было по этому сомнѣваться, что обычай этотъ соблюдался и былъ терпимъ католическимъ духовенствомъ въ уніатскихъ церквахъ потому только, что сами братчики не придавали ему больше того значенія, которое онъ имѣлъ въ прежнія времена. Точно, уніатскія братства представляли собою не болѣе, какъ родъ благочестивыхъ обществъ, члены которыхъ принимали на себя какія-либо обязанности относительно своей приходской церкви. Направленіе братствъ было чисто религіозное, въ томъ духѣ, какой считало нужнымъ придать ему уніатское духовенство, покорное вліянію католическихъ ксендзовъ. Нельзя не сознаться, что іезуиты и въ этомъ, какъ въ иныхъ случаяхъ, дѣйствовали необыкновенно ловко и умно. Они оставили повидимому въ сторонѣ вопросъ о братствахъ, не вооружились противъ этого обычая, слишкомъ глубоко укоренившагося въ православныхъ приходахъ Литвы и Бѣлоруссіи, но въ то же время успѣли придать ему другое значеніе и обратить его въ свою пользу. Братства, мало по малу,

ніе церковныхъ корпорацій, имѣвшихъ цѣлью хранить чистоту православной вѣры, превратилась въ простыя благочестивыя общества, налагавшія на себя нѣкоторыя религіозныя обязанности, сближавшія ихъ положительно съ католическими братствами *рожанцовыми*, *шкаплерными* и т. п.

У насъ имѣется подъ рукою полная инструкція, данная 9 марта 1828 г. уніатскимъ митрополитомъ *Булгакомъ*, братству Езіорской церкви. Приводимъ здѣсь вполнѣ этотъ любопытный документъ, въ вѣрномъ переводѣ.

„Игнатій—Іосафатъ Булгакъ, митрополитъ греко-уніатскихъ церквей въ Россіи, епархіальный епископъ Брестскій, предсѣдатель 2 департамента римско-католической духовной коллегіи и разныхъ орденовъ кавалеръ.

Препочтенному прелату и декану Гродненскому NN. во Христѣ намъ любезному. Дѣлаемъ извѣстнымъ, что снисходя къ просьбѣ, предъявленной намъ отъ имени священника Стефана Германовича и прихожанъ церкви Іезіорской, что въ Гродненской губерніи и уѣздѣ, разрѣшаемъ учредить при церкви этой братство, подъ именемъ братства св. Апостоловъ Петра и Павла, и предписываемъ для неуклоннаго исполненія слѣдующія правила:

1) Желающій записаться въ братство, обязанъ твердо знать молитвы, катихизисъ, десять заповѣдей, акты вѣры, надежды, любви, покаянія и все то, что всякій христіанско-католическій человѣкъ, ищущій спасенія и избѣгающій смертельнаго грѣха, знать обязанъ; кромѣ того, записавшійся въ братство долженъ отличаться примѣрною жизнію, трезвымъ поведеніемъ, избѣгать сообщества съ людьми, утратившими честь и добродѣтель, чаще посѣщать церковь, словомъ—избѣгать злаго и творить благое, по слову Божію: „да видящій добрыя наши дѣла, прославитъ небеснаго отца.“

2) Только украшенные такими качествами могутъ быть приняты и составлять братство. Если братство уже составилось, то желающій въ него записаться обязалъ обратиться къ мѣстному священнику съ двумя или тремя свидѣтелями, объявивъ прежде свое желаніи записаться въ братство старшему братчику и иныхъ старшимъ въ братствѣ лицамъ, и если въ братство будетъ при-

нять, то въ тотъ же день долженъ быть у исповѣди и св. причастія и внести въ церковную кружку одинъ злотъ или болѣе, смотря по состоянію.

3) Принятый въ братство долженъ произнести въ церкви обѣтъ, что по мѣрѣ силъ служить будетъ Богу и Пресвятой Богородицѣ, помогать ближнему въ нуждѣ и во всемъ слушаться священника и старшихъ братчиковъ.

4) Во всѣ праздники обязуется быть у исповѣди и причастія. Въ случаѣ неисполненія этой обязанности, получастъ наставленія и внушенія отъ старшаго братчика, которыя и повторяются до тѣхъ поръ, пока записанный въ братство частымъ неисполненіемъ этой обязанности обнаружитъ явную лѣность и нерадѣніе и тогда онъ вовсе исключается изъ братства.

5) Равнымъ образомъ, если бы записанный въ братство дурною жизнію производилъ соблазнъ и не обнаружилъ бы исправленія послѣ неоднократныхъ наставленій, исключается изъ списка братчиковъ, по слову Божію: „если рука твоя соблазняетъ, изми ее.“

6) Братчики должны блюсти взаимную любовь между собою, по слову Христа: „завѣщаваю вамъ любить другъ друга, какъ я возлюбилъ васъ.“ Если же, по слабости человѣческой, между братчиками произойдетъ ссора или, Боже избави, драка,—въ такомъ случаѣ виновные подвергаются наказанію, жертвуя по мѣрѣ вины въ пользу церкви денежную пеню или извѣстное количество воску.

7) По праздникамъ и воскреснымъ днямъ, во время службы, братчики обязаны стоять установленнымъ порядкомъ со свѣчами передъ алтаремъ, дважды въ годъ приготовлять свѣчи, наблюдать также въ церкви всегдашній порядокъ и чистоту и соблюдать все изложенное въ 4 и 6 пунктахъ.

8) Въ случаѣ болѣзни кого-либо изъ братчиковъ, избранные братчики обязаны посѣтить больнаго и пригласить священника для напутствованія святыми таинствами, читать у кровати больнаго правила вѣры, утѣшать его благочестивыми рѣчами и не отступать отъ него до самой смерти. Если умершій братчикъ бѣденъ, братство на свой счетъ приготовляетъ

ему гробъ, дѣлають похороны, сопровождая со свѣчами покойнаго до могилы.

9) Дважды въ годъ братчики обязаны имѣть общія собранія, въ присутствіи мѣстнаго священника, для разсужденій объ украшеніи церкви, о нуждахъ и помощи ближнимъ, объ исправленіи пороковъ, при чемъ каждый братчикъ свободно подаетъ свой совѣтъ, впрочемъ съ соблюденіемъ тишины, безъ шума и крика. Если почему либо братчикъ не можетъ присутствовать въ собраніи, то о причинѣ извѣщаетъ священника, но если бы причина заключалась въ пьянствѣ или въ чемъ нибудь подобномъ, то виновный подвергается наказанію, указанному въ 6 пунктѣ.

10) На одномъ изъ такихъ собраній братство ежегодно избираетъ *старшаго брата*, *подскарбія* и *цензора*. Они могутъ быть выбраны вторично, если окажутся того достойными, въ противномъ случаѣ по истеченіи года выбираются другіе.

11) Обязанности должностныхъ лицъ братства слѣдующія: старшій братъ, человѣкъ жизни безупречной, нрава добраго и похвальнаго, благочестивый, трезвый и справедливый, служитъ примѣромъ для прочихъ. Подскарбій, человѣкъ безкорыстный, радѣющій о благѣ братства, охраняетъ церковное имущество, содержа его въ надлежащемъ порядкѣ. Цензоръ, служа примѣромъ доброй жизни, блюдетъ чистоту нравовъ между членами братства.

12) По праздникамъ и воскреснымъ днямъ избранный братчикъ собираетъ въ церкви милостыню на свѣчи и иныя церковныя нужды.

13) Для выбора должностныхъ лицъ братства и для отчета объ употребленіи церковныхъ суммъ, всего приличнѣе собираться въ третій день Рождества Христова, въ присутствіи приходскаго священника.

14) Въ случаѣ надобности, сами братчики обязаны жертвовать на свѣчи, вручая деньги должностнымъ лицамъ, которыя обязаны приходъ и расходъ вписывать въ книгу.

15) Имѣются три книги: въ одну вписываются имена братчиковъ, въ другую приходъ и расходъ, въ третью вносятся

похвальныя поступки братчиковъ, а также взысканія за проступки.

16) Ежедневно каждый братчикъ обязанъ прочитать трижды *Отче нашъ*, трижды *Богородице Дѣво радуйся* и одинъ разъ *Вѣрую* (а больше не позволяется?), прося Бога, чтобы Онъ простилъ грѣхи, ниспослалъ общее благоденствіе и даровалъ вѣчное спасеніе.

17) Братчики заключаютъ съ священникомъ непремѣнное условіе, чтобъ въ каждое *первое* воскресеніе (первое воскресеніе мѣсяца) совершаемъ былъ молебенъ или акафистъ Пресвятой Дѣвѣ, прося ея ходатайства объ избавленіи отъ всякихъ бѣдъ и заразительныхъ болѣзней; братчики обязаны за *эту услугу* (?) вознаградить священника.

18) Во время церковныхъ процессій, братчики обязаны присутствовать со свѣчами, подъ угрозою взысканія изложеннаго въ 6 пунктѣ."

Затѣмъ предписывается „препочтенному вашъ—мосць—пану прелату лично отправиться въ м. Езіоры, созвать прихожанъ мѣстной церкви и прочесть имъ внушительно всю инструкцію, или, какъ сказано въ подлинникѣ: „весь сей инструментъ" для умиленія ихъ сердецъ и спасенія душъ отъ жупела огненнаго.

Вотъ какой смыслъ и значеніе умѣло придать древнему православному церковному обычаю католическое духовенство. Оно совершенно измѣнило его характеръ. Въ рукахъ его, наши церковныя братства, эти хранители и поборники православія, превратились въ обычай, не имѣвшій повидимому иной цѣли, кромѣ нарочитаго упражненія въ благочестіи, но въ то же время представлявшій возможность, подъ видомъ того же благочестія и вѣчнаго спасенія, направлять дѣйствія братствъ по усмотрѣнію. Этимъ только можно объяснить тотъ фактъ, что древній православный обычай сохраненъ былъ въ уніатскихъ приходахъ до послѣдняго времени.

Нѣтъ надобности и говорить, что нынѣшнія церковныя братства должны возвратить себѣ свой древній характеръ и по прежнему обязаны преслѣдовать и служить у насъ одной цѣли: православію и русской народности. (Гродн. Губ. Вѣд.)

28-е октября 1864 года въ м. Воложинѣ (Ошм. уѣзда).

О. Благочинный Антоній Адамовичъ, приходскій священникъ Воложинской церкви, пишетъ въ редакцію „Лит. Епарх. Вѣд." слѣдующее: 28 октября у насъ въ м. Воложинѣ храмовой праздникъ. Наша церковь посвящена имени св. великомученицы Параскевы. При церкви есть братство, основанное около 1863 года. Члены братства еще задолго предъ симъ начали дѣлать разныя приготовленія къ нынѣшнему празднику. Прежде всего они обратили свое вниманіе на то, что въ церкви нашей большой недостатокъ въ святыхъ иконахъ,—и поспѣшили восполнить этотъ недостатокъ. Для этого собрали они слишкомъ двѣсти рублей серебромъ. На эти деньги церковный староста, всѣми здѣсь уважаемый крестьянинъ Амвросій Мѣдинскій, выписалъ изъ Москвы чрезъ Виленскаго купца Мухина нужнѣйшія иконы и другія вещи.

И вотъ, наступилъ давно желанный день 28 октября. Купленныя иконы, обдѣланныя въ золоченныя рамы, и хоругви, утвержденныя на высокихъ древкахъ, освящены и поставлены на своихъ мѣстахъ. Къ богослуженію этого дня прибыло нѣсколько священниковъ изъ сосѣднихъ приходовъ. Божественная литургія и молебствіе св. великомученицѣ Параскевѣ отслужены соборнѣ пятью священниками съ діакономъ. Хоръ пѣвчихъ, составленный изъ учениковъ Воложинскаго народнаго училища, весьма удовлетворительно исполнилъ свое дѣло. Въ концѣ литургіи сказано мною приличное празднику слово къ народу, а послѣ молебна и стройно пропѣтаго пѣвчими многолѣтія возлюбленнѣйшему Государю Императору АЛЕКСАНДРУ НИКОЛАЕВИЧУ, всему Царствующему Дому, святѣйшему правительствующему суноду и члену св. сунода, нашему высокопреосвященнѣйшему владыкѣ митрополиту Іосифу со всею его паствою, и также умиротворителю Литовско-Бѣлорусскаго края, Михаилу Николаевичу Муравьеву и всему христолюбивому Россійскому воинству, братству и благотворителямъ храма святой Параскевы,—все духовенство въ новыхъ свѣтлыхъ ризахъ, братство со святыми иконами и хоругвями и весь народъ, поя всѣ, какъ бы

единыими устами: „спаси Господи люди твоя...,“ отправились съ крестнымъ ходомъ въ новоустроенное Воложинское народное училище, для освященія его. По освященіи училища, священникомъ Іоанномъ Берманомъ тутъ же произнесена была дѣльная рѣчь къ крестьянамъ, о пользѣ для нихъ грамотности. Послѣ того, вся священная процессія, тѣмъ же порядкомъ возвратилась въ церковь. Все это произвело самое отрадное и радостное впечатлѣніе на нашихъ прихожанъ. Они въ первый разъ видѣли столь торжественное богослуженіе нашей православной церкви,— и потому до позднаго вечера немогли довольно наговориться объ немъ, а многіе изъ женщинъ плакали отъ умиленія.

—„Чего ты плачешь, моя бабусенька?“—сказалъ одинъ старикъ по выходѣ изъ церкви своей женѣ.—„Ой, какъ же мнѣ не плакать!“—сказала она—„коли слезы сами льются... Думай ты... Какъ хорошо теперь въ нашей старенькой церкви!... А въ небѣ еще лучше будетъ... Ну, сохрани Богъ, насъ туда не пустятъ за грѣхи наши?... Ой, бѣдные мы тогда будемъ, бѣдные!“

—„И то правда!...“—сказалъ старикъ, обтерши тихо рукавомъ съ лица выкатившуюся изъ глазъ слезу.

—„Насъ, бывало“—продолжалъ онъ,—„и въ церковь нашу въ сегоднишній день не пускали... Сердце болитъ, какъ вспомнишь,—что было съ нами шесть—семь лѣтъ тому назадъ. Экономъ еще вчера съ вечера на сегоднешній день закажетъ тебѣ столько работъ, что не придумаешь бывало, какъ ему все это сдѣлать... А оплошай только... Шкуру съ тебя живаго сдеретъ.“

—„Видишь, милый мой,“—прервала старушка,—„какъ надо намъ горячо Бога молить за нашего батюшку—Царя! по Его великой милости мы теперь свѣтъ Божій видимъ!

—„Ай, правду говоришь ты!“ сказалъ старикъ и набожно добавилъ: „Ниспосли, Господи, благодѣтелю нашему, Государю Императору АЛЕКСАНДРУ НИКОЛАЕВИЧУ столько утѣшеній, сколько отеръ онъ нашихъ слезъ своимъ милостивымъ манифестомъ, освободивъ насъ изъ подъ панскаго ярма!“

„И наслѣдникъ—то, Великій Князь Цесаревичъ НИКОЛАЙ АЛЕКСАНДРОВИЧЪ—весь добрый въ Батюшку—Царя!“ сказалъ молодой парень, тутъ же стоявшій, „даромъ говорятъ: яблоко падаетъ недалеко отъ яблони... И Онъ, ясное солнышко, любитъ насъ по Божьему... Помните ли, какъ въ день св. Спаса намъ

отецъ духовный принесъ въ церковь маленькій, вызолоченный образокъ св. Александра Невскаго, и какъ, послѣ молебствія, возложилъ тотъ образокъ на церковнаго старосту?... какъ радъ былъ староста! И мы всѣ тогда были рады!.. Тотъ образокъ былъ присланъ въ нашъ приходъ Наслѣдникомъ Цесаревичемъ въ память нынѣшняго Царствованія!"

„А Государыня матушка наша Царица прислала въ нашъ приходъ серебряный крестикъ!" — добавила старушка. — „Тотъ крестикъ, что, помните, возложенъ на Нахаеваго сынишку, крещеннаго въ церкви въ одно воскресенье прошлой весной!"

— „Подай, Господи, многія лѣта всему нашему Царствующему Дому!" сказалъ старикъ.

— „Дѣдушка, а дѣдушка! прервала маленькая дѣвочка, слушавшая внимательно разговоръ ихъ. — „Коли мы всегда будемъ за Царя въ нашей церкви Богу молиться, — добрый Царь нашъ и милостивая Царица никогда не умрутъ?... Вотъ ты, дѣдушка, тяжко болѣлъ .. Матушка съ бабушкой пошли въ церковь, попросили отслужить молебенъ — и ты выздоровѣлъ!" — „А что вамъ кажется?" — подхватилъ молодой парень, — „Вѣдь дѣвчонка правду говоритъ. Тебя и доктора отказались было тогда лечить... Такъ слабъ ты былъ ... мы только и ждали, что вотъ — вотъ ты умрешь. А Богъ поднялъ тебя съ смертельной постели... Ужъ, какъ жаль, что церковь наша совсѣмъ ужъ обветшала!" — добавилъ онъ, озираясь на церковь.

Изъявленія крестьянами вѣрноподданической благодарности и преданности.

Крестьяне Іодской волости еще въ 1863 году выражали желаніе собрать отъ себя деньги и на оныя купить образъ Св. Александра Невскаго въ память освобожденія ихъ отъ крѣпостной зависимости. Но волостной старшина Ѳома Дземидовичъ, *Р.-католическаго исповѣданія*, противодѣйствовалъ осуществленію этаго желанія крестьянъ, и даже относительно означеннаго сбора денегъ осмѣлился выразится такъ: „какъ на канцелярскія повинности, такъ у васъ денегъ нѣтъ, а какъ на пустое

такъ-есть; лучше бы вы эти деньги занесли въ корчму и пропили." (*) Однакожъ, не смотря на такое противодѣйствіе старшины, крестьяне собрали на образъ 52 р. и поручили написать таковый иконописцу, что и было исполнено имъ удовлетворительно. Написанный образъ крестьянами торжественно былъ внесенъ сначала въ волостное правленіе, для храненія, а 1-го мая 1864 года, съ крестнымъ ходомъ, по предварительномъ освященіи, принесенъ въ церковь, при многочисленномъ стеченіи православнаго народа, въ чемъ приняли сверхъ того участіе и нѣкоторые, такъ называемые, старообрядцы и католики; послѣ этого отслужена была мѣстнымъ священникомъ литургія съ молебнымъ колѣнопреклоненнымъ пѣніемъ, въ концѣ котораго провозглашено было многолѣтіе Государю Императору и Всему Царствующему Дому. Въ заключеніе все общество приговоромъ постановило ежегодно праздновать 1 мая такимъ же образомъ, въ память освобожденія отъ крѣпостной зависимости, а о настоящемъ торжествѣ просило благочиннаго сдѣлать извѣстнымъ начальству и публикѣ, дабы знали, что и іодской волости крестьяне соревнуютъ другимъ, о которыхъ не разъ печаталось, въ преданности церкви, престолу и отечеству. Епархіальное начальство разрѣшило установить ежегодное торжество 1 мая, согласно просьбѣ крестьянъ.

Священникъ мѣстечка Миколаева (Ошмян. уѣзда) Николай Протасевичъ доноситъ слѣдующее:

Миколаевская церковь, предназначенная въ 1856 году, по распоряженіямъ епархіальнаго начальства, къ капитальной починкѣ, хотя приведена въ прочный видъ по наружности, но по внутреннему ея устройству, далеко уступала тѣмъ украшеніямъ, какія случалось замѣчать и видѣть въ другихъ сельскихъ православныхъ храмахъ. Прихожане, вполнѣ сознавая важность дарованной имъ свободы и заявляя, выраженія искреннихъ чувствъ благодарности, и глубоко трогательной преданности къ Царю—освободителю, принесеніемъ теплыхъ молитвъ,—о здравіи и долгоденствіи, къ подателю Всяческихъ,—еще въ 1863 году положили въ сердцѣ своемъ обѣтъ, сверхъ ежегоднаго празднова-

нія и моленія за Царя 1 дня маія на будущее время. пріобрѣсти въ свою церковь нѣсколько церковныхъ вещей, которыя бы всегда напоминали, какъ о священномъ залогѣ даннаго ими призванія къ долгу вѣрноподданныхъ и неукоснительному выполненію онаго, такъ и объ особенномъ благоговѣніи къ святой церкви, потому первыхъ числъ мѣсяца апрѣля 1864 года, добрые прихожане, за складочныя деньги, на сумму 220 рублей серебромъ, купили въ свою церковь, довольно богатую и красивую бархатную плащаницу, стоимостію въ 65 рублей сер., трехъ-ярусное паникадило въ 65 руб. сереб., пару шелковыхъ хоругвій въ 35 руб. сер., и свѣтлую богатую ризу съ полнымъ іерейскимъ облаченіемъ въ 55 руб. сер. Кромѣ общей сей складчины, Яковъ Ѳоминъ Шиторля пожертвовалъ отъ себя занавѣсъ къ Царскимъ вратамъ изъ красной шелковой матеріи стоимостію въ 7 руб. и 50 коп. сер. и одинъ преднамѣстный подсвѣчникъ въ 12 руб сереб. Крестьяне: Левъ Михаиловъ Папроцкій, Иванъ Василіевъ Шиторля, и Викентій Василіевъ Хома, другой такой же величины и размѣра, тоже въ 12 руб. сереб. Три большія лампады къ иконамъ пожертвовали слѣдующіе крестьяне: одну лампаду— Иванъ Василіевъ Чекавый въ 5 руб. сереб., другую—Константинъ Михаиловъ Нагатъ тоже въ 5 руб. сереб., а третью—Михаилъ Александровъ Поболь въ 7 руб. сереб. Этими добровольно охотными приношеніями до того разукрасилась Миколаевская церковь, что можетъ стать въ числѣ первыхъ но Воложинскому Благочинію.

Священникъ *Николай Протасевичъ*

Свенцянскаго уѣзда Ганутской церкви священникъ Іуліанъ Балинкій донесъ, что крестьяне Ганутской волости, прихожане Ганутской церкви, согласно своему обѣщанію, купили и пожертвовали въ церковь колоколъ вѣсомъ четыре пуда тридцать два фунта, стоимостію въ 98 руб. 78 коп. съ подписью: *„въ память освобожденія отъ крѣпостнаго права, 19 февраля 1861 года.“* Колоколъ этотъ въ недѣлю Ваій прошлаго 1864 года окропленъ св. водой, а на другой день укрѣпленъ на колокольнѣ.

Священникъ Берковской церкви (Вилейскаго уѣзда), Іаковъ Прокоповичъ объявилъ, что въ 1-й день мѣсяца мая 1864 года, по просьбѣ прихожанъ ввѣренной ему церкви, отслужена была литургія съ молебномъ при большомъ стеченіи народа о здравіи Августѣйшаго Монарха за освобожденіе ихъ отъ крѣпостной зависимости; при томъ крестьяне въ память таковаго освобожденія собственными средствами пріобрѣли въ церковь двѣ хоругви, цѣною въ 8 руб. серебромъ каждая.

Дисненскій благочинный протоіерей Θеодоръ Соловьевичъ донесъ въ Консисторію, что Дисненскаго уѣзда 1-го участка старшины волостныхъ правленій, движимые чувствомъ благодарности къ умиротворителю края, въ 8 день минувшаго ноября пришли къ нему—протоіерею предъ литургіей съ просьбою отслужить молебенъ о здравіи Его Величества Государя Императора и всего Царствующаго Дома, а также Его Высокопревосходительства Главнаго Начальника нашего края, и на сей предметъ пожертвовали пять рублей серебромъ, каковыя деньги и обращены въ церковную сумму, на благолѣпіе храма Божія. Нарочно прибывъ въ Дисну, въ самую распутицу, верстъ за 70 и 80, чтобы принесть теплыя вѣрноподданническія и за освободителя края отъ крамолы молитвы, они во время литургіи и молебна молились со слезами, стоя на колѣнахъ.

Друйской благочинный священникъ Бирюковичъ рапортуетъ о слѣдующихъ фактахъ:

—„По предложенію Мироваго посредника 1-го участка Дисненскаго уѣзда г. Вассенько временно-обязанные крестьяне Друйскаго общества, первыхъ числъ прошедшаго іюля мѣсяца, сложили *триста* руб. сер. на выписку двухъ иконъ св. благ. князя Александра Невскаго въ церкви—Друйскую Благовѣщенскую и Друйскую преображенскую, въ память дарованной имъ независимости отъ крѣпостнаго права Августѣйшимъ Монархомъ. съ пріобрѣтеніемъ, ежели возможно, изъ означенныхъ 300 руб. сер.“—двухъ лампадъ къ этимъ иконамъ. Въ томъ же іюлѣ

мѣсяцѣ, по предложенію того же посредника поступили слѣдующія денежныя складки. Временно-обязанные крестьяне Міорскаго общества дали на выписку иконы св. благ. кн. Александра Невскаго въ Перебродскую церковь 80 руб. сер.; Икачненскаго общества на сей же предметъ 70 руб. сер.; Узміонскаго общества 59-ть руб. сер.; Григоровицкаго общества временнообязанные крестьяне обѣщали сложить 82 руб. сер., на выписку тоже иконы св. Алаксандра Невскаго.

Первыхъ челъ августа тогоже 1864 года прихожане Ново-Погоетской церкви сложили 111 руб. и 90 к. на выписку трехъ иконъ—св. благовѣрнаго князя Александра Невскаго, въ память освобожденія ихъ отъ крѣпостной зависимости — Августѣйшимъ монархомъ, икону святителя и чудотворца Николая, во имя котораго Ново Погостская церковь,—въ память надежды отечества, Наслѣдника Цесаревича, и икону св. Архистратига Михаила—въ память усмирителя мятежниковъ главнаго Начальника здѣшняго края Михаила Николаевича.“

„Священникъ Дуниловицкой церкви (Дисней. уѣзда.) Романъ Дымакъ донесъ, что 30 истекшаго августа крестьяне Лучайской волости, побуждаемые чувствомъ благодарности къ Царю Освободителю, съ самаго утра собрались въ приходскую церковь, чтобы вознести теплыя молитвы Господу Богу о здравіи и долгоденствіи Царя—освободителя. Послѣ литургіи, на которой произнесено было имъ поученіе о святости Царской власти и необходимости чтить и повиноваться Царямъ и молиться о здравіи и благоденствіи Ихъ, отслужено было молебствіе съ провозглашеніемъ многолѣтія Государю Императору, Госурынѣ Императрицѣ, Наслѣднику Цесаревичу и Всему царствующему Дому, Его Высокопревосходительству господину Начальнику края, всероссійскому воинству и всѣмъ православнымъ христіанамъ. По выходѣ изъ церкви, крестьяне, по предложенію старшины, собрали 4 р. 15 коп., чтобы на эти деньги пріобрѣсть что либо для церкви, въ память и благодарность къ царю благосердому.

Священникъ Норжицкой церкви Николай Шпаковскій да-

велъ до свѣдѣнія, что временно-обязанные крестьяне Норжицкой волости, безъ различія вѣроисповѣданія, въ памятъ освобожденія ихъ Государемъ Императоромъ отъ крѣпостной зависимости, добровольно пожертвовали съ каждаго дома по 1 руб. сер., а всего 91 руб. сер. на покупку колокола, вѣсомъ въ 10 пудовъ, въ Норжицкую церковъ, а другіе благотворители 35 руб. сереб. итого *сто двадцать шесть руб. сер.* (126) и что имъ совершено было Господу Богу богослуженіе и благодарственный молебенъ о здравіи и долгоденствіи Государя Императора, и Всего Царствующаго Дома, Архипастыря, Господина Начальника края, и всѣхъ благотворителей, по сему радостнѣйшему случаю.

Въ »Лит. Е. Вѣд.« напечатано между прочимъ, письмо къ г. главному начальнику края, трогательно изображающее братское единеніе москвичей съ братіями нашего края и сострадательное сочувствіе къ послѣднимъ.

Письмо это за падписью священника Московской, на Бережкахъ, церкви Якова Головина и церковнаго старосты мѣщанина Петра Морозова, кои прислали 60 рублей серебромъ и 2 ящика съ иконами, книгами религіознаго содержанія и нѣкоторыми богослужебными принадлежностями, пожертвованными прихожанами означенной церкви и нѣкоторыми москвичами и москвитянками для православныхъ церквей здѣшняго края.

»Много горькихъ—пишутъ они,—послѣдствій отъ польскаго угнетенія въ западно-Русскомъ краѣ, теперь, къ счастію ввѣренномъ отъ ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА управленію вашего высокопревосходительства. Между прочимъ оказалось, что жители этого обширнаго края, родные намъ не только по крови и костямъ, но и по вѣрѣ православной, часто лишены семейной святыни; т. е. они въ своихъ домахъ не имѣютъ православныхъ иконъ, передъ которыми, по благочестивому обычаю предковъ, каждый изъ насъ возсылаетъ къ Богу свои молитвы и въ горѣ, и въ радости. А мѣстами,—слышимъ,—ихъ мало и въ сельскихъ храмахъ. Глубоко сожалѣя объ этомъ важномъ лишеніи нашихъ братьевъ и о скудности средствъ у нихъ, прихожане Мо-

сковской Благовѣщенской, что на Бережкахъ, церкви и нѣкоторые другіе благочестивые москвичи и москвитянки пожелали, на восполненіе сего лишенія, принести и свою не большую, но полную любви и усердія, долю. Они собрали слишкомъ 120 иконъ съ тѣмъ, чтобы послать ихъ бѣднѣйшимъ западно-русскимъ православнымъ христіанамъ, какъ братскій святой подарокъ отъ души. Здѣсь есть иконы, хотя и не много, высокой работы, и въ серебрянныхъ ризахъ, но, не скрываемъ, есть и не довольно искусно написанныя. Усердно просимъ не взыскать по русской пословицѣ чѣмъ богаты, тѣмъ и рады,—что сами имѣемъ, то и даримъ. Сердечно желаемъ, чтобы этотъ подарокъ цѣнился не по его цѣнности, которая не велика, а по тѣмъ чувствамъ любви и расположенія, съ которыми дарится, по другой пословицѣ: недорогъ подарокъ.... И онъ точно—подарокъ любви.

»Мы нижеподписавшіеся, какъ представители прихода, свидѣтельствуемъ предъ близкими нашему сердцу западно-руссами, что убѣжденій совсѣмъ не было нужно, чтобы расположить нашихъ прихожанъ къ сему пожертвованію. Говоримъ нелажно;—довольно было сказать, что у бывшихъ страдальцевъ польскаго ига нѣтъ св. иконъ; и иконы приносились съ радостію и усердіемъ истинно трогательными, не только людьми достаточными, но и бѣдняками. Сопровождаемъ родную свою святыню съ искреннимъ, горячимъ желаніемъ, да послужитъ она и возлюбленнымъ нашимъ братьямъ, какъ служила намъ, благодатнымъ утѣшеніемъ въ скорби, прибѣжищемъ въ бѣдахъ и помощію въ борьбѣ съ нуждами и врагами, которыхъ у нихъ такъ много!

Вмѣстѣ съ иконами посылаются нѣсколько десятковъ книгъ и книжекъ религіознаго содержанія и нѣкоторыя богослужебныя принадлежности. Кромѣ того въ это письмо вложено 60 руб. сер. Деньги и нѣкоторыя изъ иконъ, книгъ и вещей богослужебныхъ, по желанію жертвователей, имѣютъ опредѣленное назначеніе, какъ указано въ реестрѣ. Прочее за тѣмъ все предоставляемъ въ полное распоряженіе вашего высокопревосходительства. Кому и куда найдете необходимымъ, туда и благоволите раздать.

Г. главный начальникъ края, препроводивъ означенныя деньги, иконы, книги и богослужебныя принадлежности—къ высокопреосвященному Іосифу, митрополиту Лит. и Вил., для употребленія согласно желанію жертвователей, его высокопревосходительство письмомъ на имя священника Головина просилъ передать искреннюю его благодарность всѣмъ, принявшимъ участіе въ этомъ пожертвованіи.

Закрытіи въ г. Вильнѣ общества св. Винцентія де поль, устроеннаго дворянкою Матильдою Бучинскою въ 1859 году.

Въ концѣ 1859 года, виленская дворянка, вдова Матильда *Бучинская*, возвратясь изъ Парижа въ г. Вильну, распространила между здѣшними дамами высшаго круга, польскаго происхожденія, мысль объ образованіи общества для вспомоществованія бѣднымъ, на подобіе такихъ же обществъ, существующихъ за границею и въ особенности въ Парижѣ, подъ названіемъ св. Винцентія де Поль.

Принявъ на себя дѣятелсную роль въ учрежденіи этого общества, Матильда Бучинская обратилась о томъ съ просьбою къ бывшему здѣсь католическому епископу *Красинскому*, и изготовленный уставъ общества представила на утвержденіе начальства, чрезъ него, епископа Красинскаго.

Бучинская, не получая разрѣшенія, обратилась сама къ покойному католическому митрополиту въ С.-Петербургѣ Жилинскому, съ просьбою ходатайства предъ начальствомъ о скорѣйшемъ утвержденіи устава. Когда же Жилинскій отвѣтилъ, что министръ внутреннихъ дѣлъ, на основаніи законовъ, не можетъ разрѣшить существованія подобнаго общества, то Бучинская и участвовавшія съ нею дамы рѣшились открыть самовольно дѣйствія общества, не ожидая разрѣшенія правительства. При чемъ принятъ былъ для руководства уставъ общества св. Винцентія де Поль, напечатанный въ Варшавѣ; а чтобы пріохотить поступленіе въ общество, въ уставъ включено удивительное отпущеніе грѣховъ.

Въ открытіи этого общества принялъ дѣятельное участіе бывшій виленскій епископъ Красинскій.

Общество это имѣло главною цѣлію вспомоществованіе бѣднымъ; но впослѣдствіи проявилось сомнѣніе, что оно уклонилось отъ этой, какъ казалось, единственной обязанности; ибо менѣе чѣмъ чрезъ годъ дошло до свѣдѣнія начальства, что общество, раздавая нисшему классу пособія, обязывало носить трауръ и отказывало въ пособіи тому, кто этого не исполнялъ. Сверхъ того, было замѣчено, что когда въ костелахъ было пѣніе запрещенныхъ гимновъ, то нищіе, болѣе другихъ, принимали въ томъ участіе, что, при простотѣ ихъ, они не могли дѣлать безъ посторонняго вліянія. А какъ нищимъ благотворило общество св. Винцентія де Поль, то и упомянутое вліяніе слѣдуетъ отнести къ оному.

Для устраненія такой вредной дѣятельности общества, начальство признало необходимымъ закрыть общество; и съ этою цѣлію, 14-го апрѣля 1861 года, выслало изъ Вильны предсѣдательницу, Матильду Бучинскую, въ свое имѣніе; но общество неостановило своихъ дѣйствій и признавая отсутствующую Бучинскую по прежнему своею предсѣдательницею,—вручило окончательную власть, на совѣщаніяхъ, духовному директору братства, ксендзу *Шилейко*.

Изъ документовъ видно, что члены общества знали о незаконности существованія его, ибо оно не получило ни утвержденія, ни оффиціальнаго разрѣшенія правительства. Это подтверждается собственными показаніями бывшихъ должностныхъ дамъ общества.

Изъ годичныхъ отчетовъ, веденныхъ секретаршею общества *Лопацинскою*, оказывается, что главную опору свою общество видѣло въ благословеніи, данномъ ему при открытіи епископомъ Красинскимъ, который, какъ видно изъ его объясненій, присланныхъ изъ вятки 15-го октября 1863 года, независимо отъ нравственной духовной поддержки общества, въ пользу онаго неоднократно жертвовалъ деньги, а въ январѣ 1862 года, болѣе какъ черезъ годъ по высылкѣ Бучинской, принялъ личное участіе въ его собраніи, и по выслушаніи годичнаго отчета, простилъ всѣмъ членамъ общества грѣхи ихъ.

Въ приходо-расходной книгѣ, между прочимъ, есть двѣ статьи, по цифрѣ ничтожныя, но по значенію замѣчательныя; это небольшой штрафъ, за употребленіе французскаго языка. Извѣстно, что всѣ члены общества принадлежали къ высшему сословію,

преимущественно употребляющему языкъ французскій; но въ Литвѣ дворяне, а въ особенности дамы, не говорятъ по русски, хотя въ училищахъ обучаютъ русскому языку, и потому, можно предполагать, что вышеупомянутое наложеніе штрафа относится не къ французскому а къ русскому языку. Но допустивъ, что шуточный этотъ штрафъ относится дѣйствительно къ французскому языку, онъ, при неупотребленіи русскаго языка, проявляетъ желаніе братства поддерживать и распространять въ краѣ языкъ польскій.

Такое незаконное существованіе общества невольно убѣждаетъ, что члены его, подъ предлогомъ благотворительности, пользуясь вліяніемъ, пріобрѣтеннымъ ими надъ нисшимъ неимущимъ классомъ населенія, имѣли тайную цѣль, для достиженія которой они не щадили ни денежныхъ средствъ, ни другихъ жертвъ.

Зная фанатизмъ польскихъ женщинъ, римско-католическое духовенство, для завлеченія ихъ вступать въ общество братства, выдавало каждой вступающей въ члены братства патентъ за подписью директора общества, ксендза Щилейко, и председательницы, Матильды Бучинской. Но всего любопытнѣе, что на оборотѣ патента писались обязанности дамъ милосердія. Между прочими обязанностями написано, — отпущеніе грѣховъ дамамъ милосердія, дарованное св. отцомъ Піемъ IX, на основаніи привиллегіи, данной 16-го іюля 1850 года.

1) Совершенное отпущеніе грѣховъ,—въ день вступленія въ братство.

2) Совершенное отпущеніе грѣховъ всѣмъ членамъ главнаго совѣта и частныхъ совѣщаній, которые будутъ присутствовать на ежемѣсячныхъ собраніяхъ.

3) Совершенное отпущеніе грѣховъ всѣмъ дамамъ, посѣщающимъ и членамъ хозяйственнаго совѣта, присутствующимъ на ежемѣсячныхъ собраніяхъ.

4) Совершенное отпущеніе грѣховъ дамамъ милосердія, какъ посѣщающимъ больныхъ и бѣдныхъ, такъ и сбирающимъ подаянія:

1) Въ торжественный день зачатія пресвят. Богородицы; 2) въ день перенесенія мощей св. Винцентія де Поль, 26-го апрѣля 3) въ самый день праздника сего святаго, 19-го іюля, съ условіемъ присутствовать во время обѣдни и находиться на совѣтахъ, происходящихъ въ это время.

5) Совершенное отпущеніе, въ минуту смерти, всѣмъ членамъ и благотворителямъ общества.

6) Отпущеніе грѣховъ на 7 лѣтъ и столько же сороковъ дней дамамъ, посѣщающимъ бѣдныхъ, за каждое посѣщеніе бѣднаго семейства, или мастерской бѣдныхъ ремесленниковъ и училищъ бѣдныхъ дѣтей; за каждое благотворительное дѣло, содѣянное въ духѣ общества, за выслушаніе панихиды, отслуженной за душу умершей дамы милосердія и за проводы покойника на кладбище.

Всѣ эти отпущенія грѣховъ могутъ быть пріобрѣтены даже въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ общество не существуетъ; лишь бы только дамы, на сколько дозволяетъ мѣстность. исполняли благотворительныя обязанности братства.

7) Ежемѣсячно, отпущеніе грѣховъ, на семь лѣтъ и столько же сороковъ дней, всѣмъ тѣмъ лицамъ, которыя постоянными приношеніями будутъ увеличивать основной капиталъ частныхъ совѣтовъ въ провинціи.

8) Ежемѣсячно, на одинъ годъ, отпущеніе грѣховъ всѣмъ тѣмъ, кои обязались письменно, или другимъ какимъ либо образомъ, присылать постоянныя приношенія главному совѣту или частнымъ.

9) Ежемѣсячно, отпущеніе грѣховъ, за семь лѣтъ и семь сороковъ дней тѣмъ лицамъ, которыя получили какое нибудь пожертвованіе, съ благотворительною цѣлію, въ пользу общества, въ день собранія приношеній.

„Если всѣ въ точности будете исполнять ваши обязанности, то скорѣе будетъ недостатокъ въ бѣдныхъ, чѣмъ въ хлѣбѣ.“

Св. Винцентія де Поль.

Такимъ образомъ существовавшее безъ разрѣшенія правительства это общество, съ вредною дѣятельностію, по произведенному слѣдствію, закрыто въ концѣ 1863 года.

Главные распорядители этого общества, попроизведенному изслѣдованію, принимавшіе участіе содѣйствіемъ мятежу, были въ 1863 году, съ закрытіемъ сказаннаго общества, высланы изъ края подъ строгій надзоръ полиціи.

(*Вил. Вѣст.*)

НѢСКОЛЬКО СЛОВЪ О ЖМУДСКИХЪ НАРОДНЫХЪ КНИГАХЪ.

Ковенская губернія, населенная литовцами и жмудинами, коихъ здѣсь считается до 800,000, (*) не смотря на то, что она составляетъ пограничную съ западною Европою губернію и что отъ Петербурга ее отдѣляютъ только 24 часа ѣзды, едва-ли не менѣе извѣстна русскому обществу, чѣмъ самыя отдаленныя мѣстности нашего отечества; въ русской литературѣ можно найти и ученыя изслѣдованія и весьма интересныя замѣтки и наблюденія путешественниковъ о сѣверномъ краѣ Россіи, о восточной и южной ея полосѣ и о далекихъ, малолюдныхъ странахъ Сибири; но о Жмуди писано такъ мало, что почти не на что указать. Статистика ковенской губерніи, составленная подполковникомъ Афанасьевымъ и, по своей спеціальности, не доступная для большинства читающей публики, двѣ-три статьи Гг. Боричевскаго, Микуцкаго и Юшкевича въ изданіяхъ академіи наукъ и министерства народнаго просвѣщенія за прежніе годы, статья г. Гильфердинга, весьма, впрочемъ, замѣчательная, въ «прибавленіяхъ къ Русскому Инвалиду» за минувшій годъ, да нѣсколько газетныхъ корреспонденцій изъ этого края, описывающихъ преимущественно город-

---

(*) Статистика Ковенской губ., сост. Д. Афанасьевымъ. Спб. 1861.

скую жизнь и имѣющихъ временный интересъ,—вотъ и всѣ наши богатства по этому предмету; между тѣмъ, какой громадный интересъ и для русскаго ученаго и для простаго наблюдателя представляетъ эта своеобразная Жмудь, находящаяся, такъ сказать, у насъ подъ руками, но еще не початая ни русской наукой, ни русской литературой.—Здѣсь живетъ народъ, происходящій, наравнѣ съ прочими европейцами, отъ аравійскаго поколѣнія и сохранившій въ своемъ языкѣ и бытѣ весьма много формъ, принадлежащихъ къ самой отдаленной древности. Изученіе литовскаго языка, въ особенности, важно для насъ, русскихъ, между прочимъ и по тому, что онъ находится въ такой близкой связи съ языкомъ славянскимъ, что, по мнѣнію знатока обоихъ этихъ языковъ, г. Гильфердинга, научное изслѣдованіе славянскаго безъ литовскаго рѣшительно невозможно, не мыслимо. Независимо отъ языка—нравы, обычаи, обряды, преданія, пѣсни и сказки литовцевъ представляютъ совершенно особый міръ, въ который доселѣ еще не вступалъ русскій человѣкъ. Суровый литовецъ или жмудинъ, крѣпко привязанный къ своей родной землѣ и къ своей римско католической вѣрѣ, не выѣзжающій изъ своей деревни никуда далѣе ближайшаго мѣстечка или уѣзднаго города, недовѣрчивый и хитрый и въ то же время добродушный и покорный правительству, только теперь, послѣ манифеста 19 февраля, выступаетъ изъ того мрака, въ какой былъ до сихъ поръ для насъ погруженъ. Освобожденный русскимъ Государемъ отъ власти польскихъ помѣщиковъ, къ политическимъ стремленіямъ которыхъ онъ никогда не питалъ сочувствія, теперь онъ какъ бы самъ просится о пріобщеніи его къ нашей общей русской семьѣ. Для сближенія съ этимъ замѣчательнымъ народомъ, для всесторонняго ознакомленія съ нимъ, теперь наступила для насъ самая удобная пора,—это едва ли требуетъ доказательствъ. Съ подавленіемъ мятежа, въ ковенской губерніи, какъ и въ другихъ губерніяхъ сѣверо-

западнаго края, администрація, устройство быта крестьянъ и народное образованіе переданы въ русскія руки, и потому мы имѣемъ полное право надѣяться, что изъ значительнаго числа русскихъ чиновниковъ, поселившихся теперь въ ковенской губерніи, найдутся, если не многіе, то, по крайней мѣрѣ, нѣкоторые, которые отнесутся къ окружающей ихъ средѣ не съ одной только оффиціальной стороны, но со вниманіемъ и любознательностію людей частныхъ, вполнѣ понимающихъ ту задачу, какая предстоитъ теперь русскому элементу среди литовскаго населенія. Свѣдѣнія, замѣтки и наблюденія, добросовѣстно собранныя русскими людьми на мѣстѣ, прольютъ новый свѣтъ на эту terram incognitam и, безъ всякаго сомнѣнія, будутъ весьма полезны какъ для правительства, такъ и для русскаго общества и для литовскаго народа.—Намъ случалось бесѣдовать со многими лицами, служащими въ ковенской губерніи: каждое изъ нихъ имѣетъ болѣе или менѣе порядочный запасъ интересныхъ свѣдѣній и наблюденій объ этой новооткрытой землѣ; но, къ сожалѣнію, эти свѣдѣнія не оглашаются печатно и потому не идутъ въ общее достояніе русской науки и литературы; было бы весьма желательно, чтобы заговорили наконецъ въ нашей печати русскіе люди изъ Литвы и Жмуди и чтобы голосъ ихъ слышался возможно чаще. Съ своей стороны, желая по мѣрѣ силъ содѣйствовать ознакомленію русскаго общества съ литовскимъ народомъ, мы, на первый разъ, представляемъ вниманію читателей нѣсколько замѣчаній о литовской грамотности и о нѣкоторыхъ книгахъ на литовскомъ языкѣ; при этомъ необходимо замѣтить, что грамотность распространена между литовскими и жмудскими крестьянами весьма сильно, безграмотныхъ между ними мало; но единственная цѣль, для которой крестьяне считаютъ нужнымъ учиться грамотѣ, конечно литовской, состоитъ въ томъ, чтобы умѣть читать молитвы по книжкѣ; учиться же письму они находятъ дѣломъ излишнимъ;

понятію, что при такихъ скромныхъ требованіяхъ отъ грамотности, въ народныхъ учителяхъ въ Литвѣ не могло быть недостатка: не говоря уже про ксендзовъ и монаховъ, каждый органистъ, каждая баба, живущая въ богадѣльнѣ, недоучившійся школьникъ и дворовые люди, едва сами умѣющіе читать,—всѣ эти лица могли учить и дѣйствительно учили народъ; дѣло происходило, безъ всякихъ педагогическихъ затѣй, весьма просто: сначала учили крестьянина латинскому алфавиту, потомъ переходили къ складамъ, за тѣмъ къ отдѣльнымъ словамъ—на томъ и дѣлу конецъ: крестьянинъ считалъ себя грамотнымъ и покупалъ себѣ молитвенникъ, который и читалъ въ продолженіе всей своей жизни. Такого рода грамотниковъ, которые умѣютъ читать только по своей книжкѣ, и то безъ пониманія большей части читаемаго, между литовскими крестьянами найдется очень много. Есть лица, которыя на распространеніе грамоты среди литовскаго населенія указываютъ какъ на особенную заслугу тамошняго латинскаго духовенства; мы не можемъ раздѣлять этого мнѣнія, потому что существующая тамъ грамотность, не даетъ крестьянамъ орудія для дальнѣйшаго ихъ умственнаго и нравственнаго совершенствованія, напротивъ, обольщая ихъ въ ненужности всякаго другаго знанія, она искуственно держитъ умъ ихъ въ темнотѣ, въ невѣжествѣ; полагаемъ, что *такая* грамотность не можетъ составить заслуги ея распространителямъ. Посѣять на Литвѣ и Жмуди сѣмена истиннаго, прочнаго, благотворнаго для народа просвѣщенія предстоитъ русскому правительству, освободившему этотъ народъ отъ панской неволи, къ чему, сколько намъ извѣстно, оно уже и приступило; но это не входитъ въ планъ нашей статьи. Достаточно всѣмъ извѣстно, какое огромное вліяніе имѣло и имѣетъ латинское духовенство на литовскій народъ и, надо сознаться, что, для пріобрѣтенія этого вліянія, оно не жалѣло трудовъ: оно неустанно служило *мши и нешпоры* и другія *набоженьства*,

устраивало разнообразныя процессіи, гремѣло горячими проповѣдями съ костельныхъ каѳедръ, исповѣдывало ежедневно грѣшныя души, заводило тайкомъ отъ правительства школки, гдѣ учило крестьянскихъ дѣтей, чему считало нужнымъ, сочиняло и издавало книги и даже... не будемъ однако, изъ уваженія къ священству, вспоминать недавняго прошедшаго; но какіе же результаты, какіе плоды этой многолѣтней и не усыпной дѣятельности? Распространены-ли въ народѣ истинныя понятія о христіанской любви и терпимости, о любви къ общему нашему отечеству Россіи, о преданности Престолу, вообще объ обязанностяхъ вѣрноподданнаго? Если не искоренены, то, по крайней мѣрѣ, ослаблены-ли многія предразсудки и суевѣрія въ народѣ? Круглое невѣжество литовцевъ и жмудиновъ, не смотря на распространенную между ними грамотность, а быть можетъ и благодаря ей, отвѣчаетъ на эти вопросы удовлетворительно.

Теперь обратимся къ предмету нашей статьи, т. е. къ разсмотрѣнію нѣсколькихъ книгъ на литовскомъ языкѣ, служащихъ для народа источникомъ его духовнаго просвѣщенія.

Вотъ, на прим., книга, изданная въ 1844 году, въ Вильнѣ, подъ заглавіемъ: «*Кантычкосъ жемайтышкосъ*» (*) т. е. Самогитскія Кантычки (духовныя пѣсни). Народъ читаетъ и поетъ эти кантычки и въ костелѣ и дома. Въ этой книгѣ, въ пѣсни IV «О любви ко Господу Богу» заключается, между прочимъ, слѣдующее обращеніе и моленіе къ Богу (стран. 470)

(*) «*Кантычкосъ*», какъ и всѣ другія книги на литовскомъ языкѣ, напечатаны латинскими буквами, но мы будемъ здѣсь писать литовскія слова русскими буквами, находя русскій алфавитъ болѣе удобнымъ для литовской рѣчи; этимъ способомъ нынѣ печатаются уже литовскіе буквари и другія книги.

«Боже справедливый и милосердный!
Ты видишь и знаешь сіе плачевное время,
Когда кровавыми слезами
Каждый изъ насъ горько рыдаетъ,
Когда и наше овое начальство
Обижаетъ насъ и грабитъ чужое достоянiе;
Тягостно угнетенные, мы плачемъ
И помощь твою призываемъ.
О Боже! хотя, живя въ беззаконiи,
Мы, окаянные люди, все это заслужили
И достойны тягчайшаго бремеми,
По множеству нашихъ грѣховъ;
Но мы надѣемся на Тебя, Владыко,
Какъ на величайшаго нашего благодѣтеля,
Что ты оставишь намъ вины наши,
По милости щедротъ Твоихъ,
Когда мы со слезами и смиренно,
Съ сокрушеннымъ сердцемъ, къ Тебѣ припадаемъ,
О прощенiи умоляя Тебя, Всевышняго,
И всемилостиваго нашего владыку.
Не помяни, Господи, духовныхъ скверенъ,
Но услыши вопль вѣрныхъ твоихъ.
Боже милосердый! раззори
Владычества, сопротивныя вѣрѣ,
Дабы враги душъ нашихъ не возрадовались,
А супостаты церкви усмирились,
Покоренные твоимъ могуществомъ
И силою Божественной Твоей десницы.»

О какомъ плачевномъ времени, когда *каждый* заливается кровавыми слезами, говорится здѣсь? О какихъ угнетенiяхъ раздаются горькiя рыданiя? Что это за *овое* начальство, которое обижаетъ и грабитъ народъ? Такъ какъ эту кантычку поютъ только крестьяне, то мы сначала предполагали, что здѣсь говорится объ угнетенiяхъ, которыя претерпѣвали крестьяне отъ польскихъ пановъ, во времена крѣпостной отъ нихъ зависимости;

ясно однако, что подъ словами «свое начальство» не польскихъ пановъ слѣдуетъ разумѣть. Замѣчательно, что всѣ эти вопли объ угнетеніяхъ и моленія, приносимыя смиренно и съ сокрушеннымъ сердцемъ, заканчиваются обращеніемъ къ милосердію Божію, «*Боже милосердный!*» гласитъ пѣснь. Вы ожидаете, что далѣе послѣдуетъ прошеніе или моленіе о прощеніи грѣховъ, о помощи въ добромъ дѣлѣ, или о другихъ какихъ либо проявленіяхъ любви и милосердія, такъ казалось бы и по законамъ логики и по смыслу христіанскаго ученія должно быть послѣ такого обращенія; но у латинскаго патера, составлявшаго эту кантычку, своя логика и свое ученіе, и по тому послѣ словъ «*Боже милосердный!*» онъ прямо ставитъ: «*раззори владычества, сопротивныя вѣрѣ*»?!, почитая, конечно, что такое раззореніе будетъ актомъ милосердія Божія. Въ той же книгѣ, въ пѣсни св. Казиміру, польскому королевичу, читаемъ моленіе о томъ:

«Чтобы искоренены были всѣ еретики, всѣ еретики» (стр. 366).

Подъ еретиками разумѣются всѣ, не принадлежащіе къ римской церкви.

И вотъ, бѣдные крестьяне и крестьянки, старые и малые, не вѣдая ни о чемъ, что дѣлается дальше ихъ деревни, но крѣпко вѣруя въ святость своихъ кантычекъ и въ слова своихъ ксендзовъ, читаютъ и поютъ съ рыданіями о какихъ-то угнетеніяхъ, бьютъ себя въ грудь и молятъ милосерднаго Бога и королевича Казиміра о раззореніи владычествъ, сопротивныхъ вѣрѣ, и объ искорененіи всѣхъ еретиковъ. Понятно, что такія молитвы не любовь и миръ вносятъ въ душу молящагося, но жестокость, вражду, нетерпимость ко всему не римско-католическому. Но эту пѣсню можно считать еще довольно умѣренною, въ сравненіи съ другими, религіозными же (?!) пѣснями, составленными благочестивою ревностію ксендзовъ и напечатанными для народнаго употребленія. Такъ, на жмудскомъ языкѣ есть

книга, подъ заглавіемъ: *Балсисъ ширдиесъ паасъ пона Дева, Швенцяусій Марыя пана ирь Швентусюсъ дингуй караляеенцюсъ, шаукянцесъ паръ гесмесъ, шидутасъ паръ вена кунига S. J. Вильнюй, друкарней кунигу Базиліону»* т. е. «*Гласъ сердца, вопіющаго ко Господу Богу, къ пресвятой Дѣвѣ Маріи и святымъ, въ небѣ царствующимъ, издано нѣкоторымъ ксендзомъ общества Езуитовъ, въ Вильнѣ, въ типографіи ксендзовъ Базиліановъ 1818 г.*» Эта книга перепечатана въ Вильнѣ же, въ 1852 году.

«Гласъ сердца,» на стр. 229, въ пѣсни во время смятенія вопіетъ, между прочимъ, слѣдующимъ образомъ:

«Боже милостивый, Боже Вседержителю,
Ты Богъ Польши, Литвы и Жмуди!
Твой гнѣвъ намъ назначенъ,
Видимъ наказаніе, намъ грѣшникамъ завѣщанное;
Уже много лѣтъ прошло, какъ любовь исчезла,
Христіанская вѣра смущена,
Нѣтъ справедливости, великая неурядица,
Между родными братьями кровь проливается,
Повсюду слезы льются
Уже видимъ, что наше государство погибаетъ,
Города и села пустѣютъ,
Ужасныя мерзости ежедневно возрастаютъ.
Помилуй насъ, Боже, Отче милостивый,
Сохраняй скорбящія, христіанскія сердца.» Аминь.

Далѣе помѣщена слѣдующая пѣснь о прошедшихъ временахъ Литвы:

«Препрославленная пресвятая Марія,
Неба и земли красующаяся Лилія!
Къ тебѣ вопіемъ, къ тебѣ воздыхаемъ,
Твоей милости мы, грѣшники, ожидаемъ,
ими; Ты-матерь сына Божія,
Ибокраснѣйшая дочь предвѣчнаго Отца,
ПреПредстательствуй, Дѣва, святыми молитвами твоне оставь насъ, собери насъ подъ крылья свои.

Видимъ надъ собою великое наказаніе, слѣдующее за грѣхи всякому сану.

Разсѣялся народъ, утомились господа, весьма упало наше государство.

Тысячами изъ народа закованныхъ плѣнниковъ въ рабство гналъ шведъ и москаль.

Тяжкое наказаніе всѣ получили, безвинный народъ кровію обагрился.

Святые храмы, города, села, мызы и деревни непріятель сожигаетъ

Вѣру уничижая, престолы грабитъ; наполняя костелы мерзостію, лошадей тамъ ставитъ.

Божіи служители, священство, монашество, не порочныя дѣвицы и прочіе монахи

Выгнаны, яко овцы, изъ ограды своей, удалены отъ костеловъ и отъ хвалы имени Господа.

Которыхъ тираны на мѣстѣ настигли, старыя и юныя-всѣ кровію облились.

Мучили народъ, кожи обдирая, и ничего дома не оставляли.

И материнскія груди обрѣзывали, дѣтей варили и заставляли матерей въ пищу ихъ употреблять.

Ужасно скорбѣли матери, когда видѣли своихъ дѣтей варенныхъ заживо.

Тогда литовская земля какъ будто исчезла, когда семь лѣтъ въ рабствѣ оставалась.

Но Богъ, по великой милости своей, низпослалъ заступника съ готовою помощію.

Святый Казиміръ съ неба прибылъ и въ воздухѣ воинами былъ видимъ.

За нимъ слѣдовавшіе москали покорили, плачущій народъ изъ неволи освободили.

Пресвятая Дѣва, шведовъ устрашая, отъ Ченстохова въ бѣгство ихъ обратила.

Посрамленныя оставили свободнымъ наше государство.

О царица, защитница наша, взгляни на народъ, жестоко падшій.

Умоли сына своего всемогущаго, дабы призрѣлъ человѣка рыдающаго.»

Й далѣе:

«Святый Казиміръ, премилый царевичъ, Литвы и поляковъ крѣпчайшій заступникъ.

Ты божественною силою тирановъ прогналъ,

Наше государство подъ крылья собралъ,

Ты, царевичъ, наполненъ чистотою, нѣтъ подобнаго тебѣ юноши.

Моли Бога объ оставленіи намъ грѣховъ.»

Дабы Богъ, предстательствомъ твоимъ, духовныхъ своихъ служителей милостивъ былъ возвысить.»

Когда, по какому случаю и кѣмъ составлена эта дикая, исполненная возмутительной лжи пѣснь, намъ не извѣстно. Мы нимало не удивляемся, что эту пѣсню сочинилъ нѣкоторый ксендзъ-езуитъ: почтенные отцы езуиты, подъ покровомъ религіи, безъ малѣйшаго раздумья, посягали и не на такія вещи, а составить фанатическую пѣсню—для нихъ мелочь; но признаемся, мы затрудняемся постигнуть, какимъ образомъ латинское духовное начальство въ Россіи отважилось въ 1852 г. одобрить эту вредную книгу къ перепечатанію въ Вильнѣ, а тѣмъ самымъ и къ распространенію ея въ народѣ. Вѣдь, темный народъ, незнакомый ни съ исторіею, ни съ іезуитскими кознями, вѣритъ полнымъ сердцемъ въ каждую строку своего молитвенника, или книжки, которая носитъ такое трогательное названіе: «Гласъ сердца, вопіющаго къ Господу Богу и къ пресвятой Дѣвѣ Маріи,» относя все написанное, безъ всякаго анализа, къ настоящему времени. Но не говоря уже о варварствѣ и бѣдствіяхъ, какъ порожденіяхъ вымысла фанатика іезуита, спрашиваемъ,—какія стѣсненія претерпѣвала латинская церковь въ Россіи въ 1852 году? Развѣ не пользовалась она тогда въ Русскомъ Государ-

ствѣ такими же, если не большими, правами и преимуществами, какія предоставлены ей въ чисто римско-католическихъ государствахъ и превышающими тѣ, какія имѣла господствующая въ Россіи церковь? Сравните прошедшее Жмуди съ настоящимъ ея положеніемъ: окажется, что нѣкогда русскій элементъ занималъ здѣсь дѣйствительно господствующее мѣсто; акты и многіе судебные документы, уцѣлѣвшіе до сего времени, свидѣтельствуютъ, что до конца XVII вѣка русскій языкъ былъ на Жмуди языкомъ юридическимъ; видно, русскій языкъ былъ сильно распространенъ на Жмуди, когда имѣлъ такое значеніе даже во времена польскаго владычества; тогда были здѣсь и церкви православныя и монастыри. Много событій пронеслось съ тѣхъ поръ надъ Жмудью; нахлынули іезуиты и придавили ее; наконецъ, она вошла въ составъ русскаго государства; по великодушному довѣрію русскаго правительства, административныя должности заняли лица польскаго происхожденія, или ополяченные жмудины, постепенно усиливавшіеся и въ числѣ и въ вліяніи своемъ на управленіе; среднія учебныя заведенія и городскія школы приняли польскій характеръ; народное образованіе было въ рукахъ духовенства, которое въ этомъ отношеніи, какъ и во многихъ другихъ, послушное одному только риму, дѣйствовало почти безконтрольно со стороны русской власти; русскій элементъ, преслѣдуемый поляками и ксендзами систематически, стирался и исчезалъ безъ протеста, такъ какъ поляки были представителями русской власти. Римско-католическая же вѣра окрѣпла на Жмуди гораздо сильнѣе чѣмъ прежде, во времена польскаго владычества. И все это произошло при русскомъ правительствѣ! О какихъ же гоненіяхъ на вѣру и притѣсненіяхъ народа плачъ? Вѣру никто не гналъ и не гонитъ, а народъ, въ томъ числѣ и русскихъ, углитане польскіе помѣщики и польскіе чиновники; вотъ истина; къ чему же эти фанатическіе вопли? Какія же обстоя-

тельства могутъ оправдать напечатаніе этой пѣсни и вообще всей книги? Какое вліяніе можетъ произвести и, вѣроятно, произвела эта пѣснь на того, кто ее читалъ и повѣрилъ всѣмъ заключающимся въ ней бреднямъ, какое чувство въ немъ возбудила? Конечно, ожесточеніе противъ русскаго нравительства за угнетенія и варварства, будто-бы претерпѣваемыя отъ него римскою церковію. Увы! Таково свойство латинской церкви; для нея не паства дорога, дорого собственное владычество; она жить не можетъ безъ пропаганды, она спокойною быть не можетъ, пока существуютъ иныя христіанскія церкви, именуемыя ею, безъ всякаго изъятія, еретическими; она вѣчно хныкаетъ и прикидывается угнетенною, бѣдствующею, что бы тѣмъ возбудить къ себѣ сочувствіе простаковъ, а между тѣмъ сама, въ тихомолку, подъ шумокъ своихъ рыданій, какъ паукъ, закидываетъ сѣти и распространяетъ свое владычство въ разныя стороны.

Но плакаться на какія то мнимыя гоненія, воздвигаемыя кѣмъ то (разумѣется, еретиками, между прочимъ, а можетъ и преимущественно, русскими, православными) еще не достаточно: дѣйствуя въ духѣ пропаганды, патеры—составители разбираемой книги и ей подобныхъ, которыхъ на литовскомъ языкѣ найдется довольно, считаютъ своею обязанностію восхвалять римскую церковь и подвергать самой рѣзкой хулѣ всѣ другія христіанскія вѣроисповѣданія. Такія мѣста найдутся и въ этой книгѣ: «Если душа желаетъ слѣдовать въ небо, говорится въ ней (стр. 268), то надо жить въ католической вѣрѣ.» «Чему учитъ тебя костелъ, соблюдай твердо и будешь спасенъ.» Ксендзъ, конечно, не учитъ тому, чему не учитъ костелъ, но что было бы съ бѣднымъ литовскимъ народомъ, если бы онъ, для своего спасенія, соблюдалъ твердо все то, чему открыто съ костельныхъ каѳедръ учили его ксендзы въ печальное минувшее время? «Много есть вѣръ, только въ нихъ

нѣтъ ни какого спасенія, а одна погибель.» Безъ разсужденій,— коротко и ясно. Книжка священная написана ксендзомъ, мужикъ и вѣритъ—цѣль, слѣдовательно, достигнута: больше ни чего и не нужно, лишь бы только увѣрить простодушнаго читателя, что единственная истинная церковь, въ которой можно спастись, есть римско-католическая, въ другихъ же церквахъ-*погибель;* и между тѣмъ эта святая церковь терпитъ жестокія гоненія отъ еретиковъ; лишь бы вбить въ голову, распространить въ массѣ народа эти простыя мысли—и довольно: все остальное, какъ необходимое слѣдствіе этихъ положеній, не замедлитъ проявиться.

Такимъ же, *христіанскимъ*, духомъ вѣетъ и отъ слѣдующей книги, напечатанной въ 1853 году и перепечатанной въ Вильнѣ въ минувшемъ 1864 году: «*Рожанчусъ швенчаусесъ Маріосъ Паносъ*» и пр. Всего заглавія по жмудски не выписываемъ; въ русскомъ переводѣ она будетъ такъ: «*Рожанецъ* (*) *Пресвятой Дѣвѣ Маріи и сладчайшему имени Іисуса, съ нужнѣйшими молитвами богобоязненному (римско) католику.*

Въ этомъ рожанцѣ въ уста *богобоязненнаго* римскаго-католика влагаются, между прочимъ, слѣдующія *нужнѣйшія молитвы:*

«Господи Боже, Вседержителю и премилосердный, помилуй мя и, какъ Фараона съ его воинами, съ конями и съ колесницами въ Чермномъ морѣ ты потопилъ, равно такъ уничтожи и потопи всѣхъ враговъ честнаго креста и святой (римско) католической вѣры отечества нашего» и проч.

Потрудитесь обратить вниманіе на эту, такъ называемую, молитву: существенная мысль ея, какъ ни прикрывай ее ловкій составитель рожанца, заключается въ томъ, чтобы Господь Богъ уничтожилъ и потопилъ всѣхъ враговъ римско-католической вѣры *отече-*

(*) Четки, молитвы по четкамъ.

ства нашего?! Любопытно было бы знать, — о какомъ это *нашемъ отечествѣ*, въ которомъ господствуетъ римско-католическая вѣра, говорится здѣсь? Мы полагаемъ, что отечество для литовскаго народа есть Россія, Россійская имперія; но въ Россіи, какъ извѣстно, господствуетъ православная вѣра; слѣдовательно ясно, что не о русскомъ отечествѣ здѣсь говорится, а о какомъ-то другомъ; ужъ не о Польшѣ-ли? Видно, что такъ; надо было, чтобы литовскіе крестьяне считали своимъ отечествомъ Польшу, а провести эту мысль въ народъ всего удобнѣе было посредствомъ молитвенниковъ; догадливые патеры такъ и сдѣлали.

Въ другой *нужнѣйшей* молитвѣ къ Пресвятой Дѣвѣ читаемъ такое благочестивое моленіе:

«Ты (т. е. Пресвятая Дѣва) искорени еретиковъ,
И въ милости храни (римско) католиковъ
Въ Самогитскомъ княжествѣ.»

Подобное же моленіе объ искорененіи еретиковъ читаемъ и въ пѣсни Св. Казиміру королевичу польскому и литовскому покровителю:

«О Боже! по милости своей, за его (Казиміра) предстательствомъ,
Услыши молитву нашу, покорно Тебя просящихъ,
Чтобы въ мирѣ жили всѣ католики
И искоренены были всѣ еретики.» (стр. 230) (*)

(*) Представляемыя свѣдѣнія мы имѣли возможность почерпнуть изъ дѣла о цензурованіи книгъ на литовскомъ языкѣ, хранящагося въ виленскомъ цензурномъ комитетѣ; изъ этаго дѣла видно, что, при разсмотрѣніи „Самогитскихъ Кантычекъ," изданныхъ въ 1851 году, цензура не одобрила нѣкоторыя мѣста въ пѣсни королевичу Казиміру; не смотря на то, въ „Рожаньчусѣ," изданномъ въ 1864 году, эта пѣснь напечатана цѣликомъ. Хозяева литовской или жмудской литературы полагали конечно, что, по незнанію жмудскаго языка, ни кто изъ русскихъ не будетъ заглядывать въ ихъ издѣлія, и потому печатали, не стѣсняясь, даже и неодобренное цензурою.

За тѣмъ богобоязненный римскій католикъ найдетъ въ «Рожаньчусѣ» молитву самаго святаго отца, папы Пія «для охраненія св. церкви отъ еретиковъ.» Вотъ эта молитва въ дословномъ переводѣ:

«Милостивый Боже, не поминающій беззаконій съ покаяніемъ къ тебѣ обращающагося, но печальнаго рыданія и сокрушеннаго сердца стенанія выслушивающій, призри на церковь свою, руками невѣрныхъ опороченную и уничиженную, и на христіанъ твоихъ угнетенныхъ. Вспомни люди Твоя, изліяніемъ честнѣйшей и драгоцѣннѣйшей крови Едино-роднаго Сына Твоего искупленные. Вертоградъ, рукою твоею воздѣланный, страшные враги съ основанія ниспровергнуть жаждутъ. Посѣти дѣлателей онаго вертограда и противу супостатъ могуществомъ Твоимъ ихъ укрѣпи, а прилежно въ ономъ трудившимся даруй животъ вѣчный въ царствіи твоемъ, о Христѣ Господѣ нашемъ Аминь.»

Кромѣ молитвъ въ «Рожаньчусѣ» находятся еще свѣдѣнія о тѣхъ способахъ, какими римскіе католики могутъ получать разрѣшеніе отъ грѣховъ, полное или не полное, на 100, 140 и 300 дней и даже на 100 лѣтъ, какъ кому угодно; римская церковь таковыя милости расточаетъ обильно. Чтобы воспользоваться ими, стоитъ только, на прим., вписаться въ братство «*Розоваго вѣнка*»—дѣло весьма душеспасительное; это братство имѣетъ свой рожанецъ, или молитвословіе. Въ разсматриваемой книжкѣ говорится по этому предмету слѣдующее:

«*Рожанецъ или Розовый вѣнокъ.*»

Краткое извѣстіе о розовомъ вѣнкѣ, о разрѣшеніи отъ грѣховъ и условіяхъ для полученія онаго.

Обычай читать Розовый вѣнокъ въ честь Пресвятой Дѣвы, установленный свят. Доминикомъ, принесъ міру много духовныхъ плодовъ и обильныхъ милостей, которыми надѣлили Отцы св. изъ сокровищницы костела.

Этого молитвословія есть три части: каждая изъ нихъ заключаетъ въ себѣ по пятидесяти «*Радуйся Марія*» и предъ каждымъ десяткомъ одно «*Отче нашъ*.» Можно или читать написанныя въ книгѣ молитвенныя славословія, или произносить ихъ наизустъ, размышляя о нѣкоторыхъ тайнахъ изъ жизни Господа Іисуса Христа и пресвятой Матери.

Тѣмъ, кои набожно отправлять будутъ сіе молитвословіе, или одну часть онаго, св. отецъ Венедиктъ XIII, за каждое *Радуйся Марія* и за каждое *Отче нашъ* даровалъ разрѣшеніе грѣховъ на 100 дней; а тѣ, которые произносятъ оное постоянно въ теченіи цѣлаго года, въ одинъ избранный для себя часъ дня, и, причащаясь послѣ исповѣди Святыхъ Тайнъ, молятся за благоденствіе костела, по постановленію того же отца св., получаютъ совершенное разрѣшеніе отъ грѣховъ; нужно только, чтобы ксендзъ ордена св. Доминика освятилъ четки, или хотя и другой ксендзъ, но особенно уполномоченный отъ ксендза доминиканскаго ордена для освященія четокъ.»

Изъ этого постановленія папы Венедикта 13 видно, что разрѣшеніе грѣховъ св. отецъ даруетъ не за искреннюю молитву, не за покаяніе, приносимое отъ всей полноты вѣрующаго сердца; не въ томъ тутъ дѣло: «*нужно только, что бы ксендзъ ордена св. Доминика, или уполномоченный отъ него освятилъ четки*.» Вотъ conditio, sine qua non; освятитъ доминиканскій монахъ четки, получишь и разрѣшеніе, не освятитъ, то хоть по сту разъ въ день читай и *Розовый вѣнокъ* и *радуйся Марія*, а разрѣшенія не получишь, ибо не въ вѣрѣ сила, а въ ксендзѣ. Удивляться ли послѣ того, что столько лицемѣрной набожности, ханжества и фанатической вѣры въ ксендза встрѣчаемъ мы въ литовскихъ крестьянахъ! Молитвы и «*рожаньчусы*,» подобные вышеприведеннымъ, собьютъ съ толку и не такую тем-

ную голову, какова голова жмудина; доказательство тому видимъ не въ однихъ крестьянахъ.

Но будемъ продолжать выписку изъ „Розоваго вѣнка."

Полное разрѣшеніе отъ грѣховъ находящіеся въ братствѣ Розоваго вѣнка получаютъ:

1., Въ день, въ который вступаютъ въ это братство.

2., Въ недѣлю Вай, въ день пасхи, въ день сошествія Св. Духа, Св. Тройцы, Тѣла Господня, въ храмовой праздникъ и т. д.

3., Въ каждый праздникъ Пресвятой Дѣвы, за посѣщеніе часовни или престола того братства.

4., Въ первое воскресенье каждаго мѣсяца за присутствіе на крестномъ ходѣ.

5., Въ часъ смерти.

Не полное разрѣшеніе отъ грѣховъ:

1., За ношеніе на себѣ четокъ, въ знакъ передачи себя покровительству Пресвятой Дѣвы 100 лѣтъ и 100 четв. (квадрагенъ).

2., За отслуженіе молебна Розоваго вѣнка 140 дней.

3., За присутствіе на поздравленіе (Salve) въ костелѣ ксендзовъ доминикановъ 300 дней.

4., За каждый милосердный поступокъ 100 дней. Въ этомъ прейскурантѣ отпустовъ за милосердный поступокъ даруется всего менѣе.

Не вошедшие въ составъ братства сего получаютъ разрѣшеніе отъ грѣховъ:

1., Полное въ день Пасхи, Пятидесятницы, Св. Тройцы, тѣла Господня, каждое воскресенье, въ про-

долженіе цѣлой четыредесятницы, въ день праздника Св. Доминика, Св. Ѳомы Аквитанскаго, Св. Викентія Ферра, Св. Екатерины и прочихъ святыхъ ордена Св. Доминика и въ праздникъ Розоваго вѣнка.

2., Въ первое воскресенье каждаго мѣсяца присутствующіе на крестномъ ходѣ: 7 лѣтъ и 7 четвер.

Всѣ упомянутыя разрѣшенія даровали отцы святые: Сикстъ IV, Левъ X, Пій V; ихъ можно принести также въ жертву за души, страждущія въ чистилищѣ.

Для полученія всѣхъ этихъ разрѣшеній надобно исповѣдаться, причаститься Св. таинъ и молиться за благоденствіе св. костела.

Обязанности членовъ братства:

1., Вписаться въ число членовъ братства.

2., Носить четки, освященныя ксендзомъ доминиканскаго ордена.

3., Разъ въ недѣлю прочитать молитвословіе Розоваго вѣнка, или по одной части въ каждые избранные три дня въ недѣлю.“

Извѣстно, что и у насъ, въ западной Россіи, существуютъ при православныхъ церквахъ братства; цѣль ихъ заботиться о благолѣпіи православныхъ храмовъ, помогать неимущимъ и содѣйствовать распространенію въ народѣ духовнаго просвѣщенія. Наши братства имѣютъ свои уставы, предварительно разсмотрѣнные гражданскою властію и утвержденные епархіальнымъ начальствомъ, и дѣйствуютъ открыто, печатая о своихъ дѣйствіяхъ въ газетахъ; кромѣ денежныхъ взносовъ, ни какихъ особыхъ обязанностей на членовъ братствъ не возлагается и ни какими особыми преимуществами они не пользуются. Не то представляютъ братства римско-католическія: онѣ существуютъ при костелахъ, безъ вѣдома гражданской власти, такъ какъ для открытія ихъ ея согласія не требуется, каждое братство руководствуется особымъ уставомъ, имѣетъ

особыя правила и преимущества; братства носятъ разныя названія, какъ-то: братство Св. Рожанца, братство шкаплера, Св. тайнъ, Сердца Іисусова, Дѣвы Маріи и т. п. При одномъ костелѣ можетъ быть нѣсколько братствъ разныхъ названій. Членъ каждаго братства обязанъ: 1., вписаться въ братство въ этотъ день онъ долженъ исповѣдаться и причаститься, за что и получаетъ отпустъ зупелны (полное разрѣшеніе отъ грѣховъ), 2., носить четки, или шкаплеръ, присвоенный братству и 3-е, произносить въ назначенное время извѣстныя молитвы. Привиллегіи членовъ братства, кажется, состоятъ въ томъ, что они могутъ получать отпустъ зупелны, если въ извѣстные дни и праздники будутъ посѣщать костелъ, участвовать въ процессіяхъ, исповѣдываться и причащаться. Впрочемъ, о дѣятельности и числѣ римско-католическихъ братствъ, существующихъ въ западной Россіи, объ уставахъ ихъ и о числѣ членовъ каждаго братства мы не имѣемъ свѣдѣній, такъ какъ дѣйствія этихъ духовныхъ учрежденій избѣгаютъ огласки, хотя было бы желательно, чтобы онѣ не чуждались русской печати. Если въ русскомъ государствѣ, въ которомъ господствующая вѣра есть православная, учрежденіе братствъ при православныхъ церквахъ разрѣшается не иначе, какъ съ согласія гражданской власти, то почему же римская церковь неподчиняется этому правилу? конечно, потому, что она въ этомъ не нуждается, а не нуждается она на томъ основаніи, что всѣ эти братства уже утверждены свѣтскою властію; но дѣло только въ томъ, что эта свѣтская власть находится не здѣсь, а въ Римѣ.

Обращаемся къ дальнѣйшему разсмотрѣнію религіозныхъ произведеній жмудской литературы.

Полюбуйтесь этою книжечкою, назначенною для дѣтей; она носитъ названіе: „Гарбе Дева книгеле яўнуме-

ней павоста", т. е. „Хвала Богу; книжечка юношеству посвященная."

Вотъ, между прочимъ, молитвы, которымъ латинскіе патеры считаютъ полезнымъ и нужнымъ научить дѣтей литовскихъ и жмудскихъ крестьянъ:

1., „Милостивѣйшій Іисусе! я, лобзая язву шуйцы твоей, страданіями, Тобою претерпенными, равно и милосердіемъ Твоимъ молю Тебя: исплеви (сія) плевелы и истреби невѣрныхъ; ибо они хотятъ раззорить заборъ, ограждающій стадо овецъ твоихъ и, ворвавшись, на подобіе волковъ, рвутъ и разгоняютъ овцы твоя. Посему, Господи, обратись, взгляни съ неба и призри стадо твое. Искорени неправыя ученія и весь народъ собери въ одну истинную (Римско)-католическую церковь."

2., О, сладчайшій къ кресту за насъ пригвожденный Іисусе! за чѣмъ отвращаешься отъ насъ и для чего гнѣвъ твой, на подобіе грозы, загремѣлъ надъ главами овечекъ паствы Твоей? много зла сдѣлалъ врагъ святой церкви: сонмъ народа свелъ съ пути, унизилъ служителей твоихъ и покрылъ ихъ посмѣяніемъ. Наконецъ желаетъ искоренить намъ вѣру (Римско)-католическую и всѣхъ низвергнуть въ пропасть. О, Святый Боже! О, крѣпкій Боже, О, всемогущій Іисусе, избавитель угнетенныхъ! Вотъ я, лобзая язву лѣвой ноги твоей, молю Тя, вознеси могущественную руку твою и избави насъ. Не попусти, чтобы мы невѣрующими остались. Господи! обманщики вторгнулись въ церковь твою, возстани, яко всесильный Царь, ослаби ихъ силы, въ коихъ полагаютъ упованіе свое, защищай твою церковь, разсѣй и истреби тѣхъ, которые хотятъ уничтожить твоихъ овечекъ. Господи, доколѣ прогнѣваешься на насъ? Ярость твоя да обратится на язычниковъ и на царства, которыя не хвалятъ Тебя."

Кто бы вы ни были, чититель, къ какой бы вѣрѣ ни принадлежали, скажите: какая христіанская церковь, проникнутая чистотою евангелическихъ истинъ, (безъ этого она не можетъ называться христіанскою), отважится составить, одобрить и пустить подобныя молитвы въ народъ и при томъ для юношества? А несчастныхъ дѣтей литовскихъ и жмудскихъ крестьянъ, едва научатся они грамотѣ, уже они обучаютъ молитвамъ, въ которыхъ къ дикимъ клеветамъ на какихъ то вымышленныхъ гонителей Римской вѣры присоединяется мольба, приправленная благочестивыми восклицаніями, объ истребленіи, объ искорененіи враговъ Римско-католической церкви и призывается „ярость" Господа на цѣлыя государства, которыя не хвалятъ Бога (конечно, не хвалятъ такъ, какъ учитъ Римская церковь). Такъ, съ дѣтскихъ лѣтъ вносится въ сердце жмудина жестокость и фанатизмъ противъ еретиковъ, т. е., противъ всѣхъ, не принадлежащихъ къ Римской церкви. И эти Богохульныя пѣсни называются молитвами? гдѣ же всеобъемлющая и всепрощающая христіанская любовь? Боже милостивый! воскликнемъ и мы, какимъ страшнымъ душевнымъ холодомъ вѣетъ отъ этихъ пастырей, лишенныхъ любви къ человѣку и проникнутыхъ ненавистію ко всему, что не носитъ на себѣ клейма папизма, когда они безъ малѣйшаго смущенія, прикрываясь религіею, рѣшаются, печатно, развращать невинныхъ дѣтей темнаго литовскаго крестьянства. Если это дѣлается явно, то что же происходитъ тайно, въ бесѣдахъ ксендза съ прихожанами и, въ особенности, на исповѣди, столь частой у Римскихъ католиковъ?

Въ этой дѣтской книжкѣ есть и пѣснь польскому королевичу Казиміру:

„Святый Казиміръ, побѣдитель нашихъ враговъ, моли Бога о насъ!

„Святый Казиміръ, свѣтъ и заступникъ Литвы и Жмуди, моли Бога о насъ!

„Святый Казиміръ, красота Ягеллонскаго народа, моли Бога о насъ.“

А о латинской литургіи внушается юношеству такъ:

„Знай, человѣкъ, что литургія есть великолѣпнѣйшая жертва; подобной не было ни гдѣ и не будетъ до конца міра, какъ только въ одной (Римско)-католической церкви.“

Мысль, что только одна Римско-католическая церковь есть истинная, что только въ ней одной можно получить спасеніе души, что всѣ другія церкви выдуманы невѣрными людьми и заключаютъ въ себѣ гибель, эта мысль въ жмудскихъ народныхъ книгахъ встрѣчается довольно часто, ее найдете вы и въ молитвенникахъ, и въ катахизисѣ и въ священной исторіи. Такъ, въ книгѣ изданной въ 1828 году въ Вильнѣ, подъ заглавіемъ: „Павинастисъ крикщіонишкосъ, орба катехизмасъ“, т. е., „Обязанности христіанскія, или катихизисъ“ въ статьѣ „о церкви и признакахъ истинной церкви“ изложены, въ вопросахъ и отвѣтахъ, доказательства означенной мысли и въ мѣстѣ съ тѣмъ выражены хула на прочія церкви и надежда, что, по милости Божіей, онѣ, эти выдуманныя лжевѣрными людьми церкви, конечно, мало по малу, исчезнутъ.

Въ „Священной исторіи ветхаго завѣта“, изданной въ Вильнѣ въ 1852 году, „(Исторіе Швента сеное истатима) замѣчательно слѣдующее мѣсто:

„Понимай, юношество, сколь ужасно жениться на невѣстѣ не той вѣры, которую самъ исповѣдуешь, равнымъ образомъ, выходить за мужъ за человѣка другой вѣры! Если умнѣйшаго царя (Соломона) женщины съ пути свели, то не возмогутъ-ли и тебя свести?“ (стран. 78):

Эта мысль выраженная печатно, безъ всякаго сомнѣнія развивается ксендзами гораздо пространнѣе и смѣлѣе въ проповѣдяхъ, на исповѣди и въ частныхъ разговорахъ и мы видимъ, что ученіе ихъ идетъ въ прокъ; дѣйствительно, между литовскими крестьянами смѣшанные браки составляютъ величайшую рѣдкость.

За тѣмъ, представимъ нѣсколько выписокъ изъ историческаго сочиненія, изданнаго въ Вильнѣ въ 1848 году, подъ заглавіемъ: „Жемайтю вискупiсте апраще к. Мотеюсъ Волончеускисъ" т. е. „Самогитскую епархію описалъ кс. Матвѣй Волончевскій" и тѣмъ закончимъ наше краткое обозрѣніе печальныхъ зачатковъ жмудской литературы.

Въ началѣ книги авторъ изображаетъ Жмудь языческую, описываетъ идоловъ, божницы, жрецовъ и праздники и говоритъ о необыкновенной смѣлости и храбрости жмудиновъ, обнаруженной ими въ битвахъ съ курляндскими и прусскими нѣмцами, весьма часто нападавшими тогда на Жмудь; отбиваясь такъ храбро отъ враговъ, жмудины дѣлались свободными; „а теперь добавляетъ авторъ, едва только тѣнь такой храбрости осталась между жмудинами.

Въ § 12, описавъ довольно чувствительно послѣдній раздѣлъ Польши, кс. Волончевскій говоритъ:

„Жмудяковъ тронуло несчастное потрясеніе погибающаго Польскаго государства 1794 г., когда послѣдовала огромная потеря людей и денегъ, весь народъ, по гласу Стефана Гедройца Епископа, на подобіе жителей Ниневіи, постился и молилъ Бога о помощи".

О 1812 годѣ расказывается такъ:

„Хотя вся Европа испытала много бѣдствій, но Жмудь ни мало не потерпѣла, ибо слѣдовавшіе французы, подъ бдительнымъ начальствомъ маршала Магдональда, покупали все на готовыя деньги или получали за росписками и щедро платили за съѣстные при-

пасы, — наконецъ, въ 1831 и 1832 годахъ жмудяки много зла претерпѣли, и съ того времени начался для нихъ рядъ несчастій, который и понынѣ ихъ угнетаютъ".

Какъ послѣ этого жмудинамъ не любить французовъ! Въ 1812 году вся Европа много бѣдствій отъ нихъ претерпѣла, но Жмудь не пострадала нимало, хотя Французы ходили и по этой счастливой землѣ; напротивъ они были очень любезны, „покупали все на готовыя деньги и щедро платили за съѣстные припасы", жмудинамъ остается только пожелать, чтобы такіе милые гости являлись почаще. Но съ 1831 года наступаетъ для жмудиновъ худое время: ихъ постигаютъ несчастія, которыя продолжаются и понынѣ, т. е., до 1848 года (книга издана въ этомъ году). Мы понимаемъ, что въ 1831 г. Жмудь много зла претерпѣла отъ поляковъ, вслѣдствіе бывшаго тогда польскаго мятежа; относительно же ряда несчастій, которыя начинаютъ съ того времени тяготѣть надъ жмудинами, нѣсколько недоумѣваемъ: крайне жаль, что авторъ не потрудился перечислить этотъ „рядъ несчастій" и разъяснить, въ чемъ они состояли и отъ кого происходили: отъ польскихъ ли помѣщиковъ, притѣснявшихъ крестьянъ, или отъ польскихъ чиновниковъ, которыми переполнена была губернская администрація, и которые, во вредъ народу, злоупотребляли властію, предоставленною имъ русскимъ правительствомъ? Не имѣя желаемыхъ указаній, оставляемъ это мѣсто безъ разъясненій.

Извѣстно, что послѣ польскаго мятежа въ 1831 году, правительство признало нужнымъ закрыть нѣкоторые римско-католическіе монастыри, между прочимъ, и на Жмуди; упоминая объ этихъ распоряженіяхъ правительства, кс. Волончевскій весьма часто, вмѣсто слова: „закрыть" употребляетъ „истребить".

Такъ значится:

На стран. 123 (§ 218).

„1832 годъ. Правительство, „истребивъ“ кармелитскій монастырь (въ мѣстечкѣ Кейданахъ, ковенскаго уѣзда) имѣніе отъ него отобрало“. *)

На стран. 125.

„1832 г. Правительство этотъ монастырекъ (кармелитанскій, въ г. Россіенахъ) „истребило“.

На стран. 129.

Въ началѣ описывается благосостояніе монаховъ ордена піаровъ, въ г. Россіенахъ, за тѣмъ говорится:

„Такимъ образомъ устроившіеся піары въ г. Россіенахъ обучали дѣтей и славили Бога по 1832 годъ, въ которомъ правительство „истребило“ ихъ. Піарамъ принадлежалъ также монастырь въ г. Поневѣжѣ, но и того въ 1832 г. лишены“.

На стран. 133.

Описывается состояніе монастыря въ мѣстечкѣ Пошолтуны; далѣе:

„Наконецъ правительство въ 1832 году и оный монастырь „истребило“.

На стран. 135.

Описываются богатства францисканскаго монастыря въ Жогиняхъ:

„Въ 1832 году и тотъ монастырь „истребило“ правительство.“

Замѣтимъ еще одно мѣсто въ этой исторіи, сочиненной кс. Волончевскимъ:

„Оказываясь наружно богобоязненными, говоритъ онъ о жмудякахъ, въ концѣ § 283, имѣютъ они при-

*) Слова, употребляемыя авторомъ: *Новити, шчиновити* значать: истребить, искоренить, мучить, т. е., по варварски съ кѣмъ либо обращаться.

вычку пить водку, развращаются и пріучаются воровать, именно, лошадей. Воровать научили жмудяковъ жиды; въ самомъ дѣлѣ, нѣтъ ни одного воровства, въ которомъ бы неучаствовали „бородачи". (? !)

По смыслу рѣчи, въ концѣ ея слѣдовало бы сказать: „жиды", а вышло: „бородачи".!

Въ сочиненіи подобныхъ вещей мы не упражнялись, однако попробуемъ, что сказалъ бы почтенный ксендзъ, Волончевскій, если бы мы, подражая его словамъ, написали, положимъ, такъ:

„Дикому фанатизму научили жмудяковъ языческіе жрецы; въ самомъ дѣлѣ, нѣтъ ни одного фанатическаго поступка, въ которомъ неучаствовали бы „римско-католическіе ксендзы", а наша рѣчь была бы вѣрнѣе.

Представляя читателямъ этотъ первый, на русскомъ языкѣ, опытъ разсмотрѣнія литовскихъ народныхъ книгъ, мы заранѣе сознаемся въ его неполнотѣ и другихъ недостаткахъ; полагаемъ однако, что приведенныхъ выписокъ совершенно достаточно, чтобы составить понятіе о качествѣ той грамотности, о духѣ и направленіи тѣхъ „религіозныхъ" книгъ, которыя сочиняются для литовскаго народа духовными его пастырями. Книги эти, составленныя съ предвзятыми идеями латинскими ксендзами и, частію, свѣтскими лицами польскаго происхожденія, исполненныя клеветы, ханжества, ненависти и нетерпимости ко всему не римско-католическому, именуются „священными, религіозными"; вся эта накипь средневѣковаго изувѣрства, ad majorem Dei gloriam, внѣдряется въ народъ; вотъ надъ чѣмъ въ продолженіе столѣтій работало на Жмуди латинское духовенство и, отдадимъ ему должную справедливость, достигло желаемыхъ результатовъ: народъ теменъ, суевѣренъ и фанатиченъ, какъ

испанцы. И вотъ „народная" литовская литература? Нѣтъ, мы лучшаго мнѣнія о литовскомъ народѣ. Литовскій народъ еще не сказалъ своего слова. Подробныхъ и вѣрныхъ свѣдѣній о состояніи литовской письменности и о другихъ проявленіяхъ народной жизни мы можемъ ожидать только или отъ природныхъ литовцевъ, воспитанныхъ внѣ вліянія польско-латинской нетерпимости, (такія лица, безъ сомнѣнія, современемъ, явятся), или отъ русскихъ, основательно изучившихъ литовскій языкъ и бытъ народный. Было время, когда русскій элементъ имѣлъ на Жмуди весьма важное значеніе, и силу; потомъ этотъ край на долго отъ насъ сокрылся подъ сумракомъ польщизны и папизма; теперь наступила пора возстановленія нашихъ общественныхъ и народныхъ правъ въ этой странѣ; теперь русскій идетъ къ литовцу или жмудину, какъ къ старому своему знакомому и родственнику, и потому необходимо, чтобы русскіе образованные люди, трудящіеся нынѣ на Жмуди, основательно изучали жмудскій языкъ и народную жизнь; жмудинъ же или литовецъ, какъ уже извѣстно, весьма охотно принимается за изученіе русскаго языка, это непосредственное знакомство русскихъ съ жмудинами укрѣпитъ русское вліяніе на Жмуди и будетъ содѣйствовать тѣснѣйшему ея сближенію съ общимъ, нашимъ отечествомъ, Россіею.

ГЕНІЮ-ПОКРОВИТЕЛЮ.

Едва успѣли мы проговорить,
Въ уѣздномъ городѣ, въ глуши уединенья,
Что русскихъ книгъ намъ неначто купить,
Для чтенія дѣтей, для просвѣщенья,
Ты услыхалъ,—и намъ уже помогъ,
Едва узнавъ о нуждахъ нашей жизни!
О, да хранитъ тебя всесильный Богъ,
Для бла а края и отчизны!
Для блага и отцовъ, и ихъ дѣтей,
На пользу истины, на пользу просвѣщенья!
И въ будущемъ на украшенье
Исторіи родной страны твоей!!

Г.—кій.

Г. Мозырь, Мин. губ.

СИГИЗМУНДЪ СѢРАКОВСКІЙ, ПРЕДВОДИТЕЛЬ МЯТЕЖНИЧЕСКИХЪ ШАЕКЪ ВЪ КОВЕНСКОЙ ГУБЕРНІИ.

Одинъ изъ главныхъ организаторовъ, такъ называемаго, литовскаго повстанья былъ безспорно Сигизмундъ Сѣраковскій. Вотъ нѣсколько эпизодовъ изъ его мятежныхъ дѣйствій и послѣднихъ минутъ его жизни.

25, 26 и 27 апрѣля 1863 г. были разбиты соединенныя шайки мятежниковъ, состоявшія подъ главнымъ начальствомъ Доленго (псевдонимъ Сигизмунда Сѣраковскаго, б. капитана генеральнаго штаба).

Изъ донесенія генералъ-маіора Ганецкаго видно, что 25 апрѣля маіоръ Мерлинъ, съ $1\frac{1}{2}$ ротою капорскаго полка и 10 козаками № 42 полка, настигъ шайку Доленго въ 1000 чел., близъ деревни Медейки. Послѣ трехчасовой перестрѣлки, у насъ убито 2, ранено 3 и безъ вѣсти пропалъ 1 человѣкъ. Мятежники оставили на мѣстѣ 60 тѣлъ. 26 апрѣля ген. Ганецкій съ 3 ротами финляндскаго полка съ присоединеннымъ отрядомъ ма-

іора Мерлина у дер. Медейки, послѣ срока пяти верстнаго перехода, аттаковалъ соединенныя шайки Доленго и Колышко— всего около 1500 ч. въ лѣсу, у фольварка Гудишки. Упорный бой въ густомъ лѣсу продолжался четыре часа. Шайка была разбита и преслѣдуема; часть ея разсѣялась, остальныя укрылись въ лѣсу графа Тышкевича. Въ этомъ дѣлѣ мятежники понесли большой уронъ-до 100 ч., Доленго раненъ; взятъ въ плѣнъ начальникъ праваго крыла Станишевскій. У насъ убито 5 рядовыхъ и ранено 32 человѣка. На другой день, 27 апрѣля, преслѣдуя остатки шаекъ Доленги и Колышки, ген. Ганецкій настигъ мятежниковъ, соединившихся въ шайкою ксендза Мацкевича, такимъ образомъ увеличившихся до 2 т. человѣкъ, у фольварка Шнуркишки; мятежники были сбиты съ позиціи и преслѣдуемы на протяженіи 10 верстъ къ Курляндской границѣ, по едва проходимой дорогѣ, и разсѣяны въ разныя стороны. У мятежниковъ отбито 2 знамя, весь обозъ, въ коемъ найдены большіе военные и продовольственные запасы, карты и планы. Убито 50 чел. и взято въ плѣнъ 60, въ томъ числѣ начальникъ кавалеріи Лобановскій и 40 лошадей. Съ нашей стороны ранено нижнихъ чиновъ 10 и одинъ офицеръ, гвардіи генеральнаго штаба штабсъ-капитанъ Лавровъ.

Въ числѣ 113 плѣнныхъ, взятыхъ при этихъ стычкахъ, доставленъ въ Вильну и самъ Сѣраковскій, раненный пулею на вылетъ и помѣщенъ въ военное отдѣленіе больницы св. Іакова. Вмѣстѣ съ нимъ взятъ также начальникъ шайки, присоединившейся къ нему, двор. Болеславъ Колышко, по единогласнымъ показаніямъ котораго и многихъ другихъ плѣнныхъ, Сѣраковскій, принявъ названіе Доленго, сформировалъ шайку мятежниковъ въ ковенской губерніи и, по присоединеніи къ нему другихъ шаекъ, одной подъ начальствомъ Колышко, а другой ксендза Мацкевича, Сѣраковскій принялъ надъ ними главное начальство. Шайкою этою, по распоряженію Сѣраковскаго, въ м. Субочѣ, были повѣшены пятисотскіе, а въ м. Скопишкахъ—сожжены всѣ бумаги сельскаго управленія.

Интересны свѣденія изъ частныхъ писемъ, въ которыхъ

характеристически описываютъ, какъ самихъ предводителей мятежническихъ шаекъ въ Ковенской губерніи, такъ и отношенія ихъ къ населенію. Позаимствуемъ нѣкоторые изъ этихъ свѣденій. „На другой день, послѣ стычки 27 апрѣля, съ самаго утра, мужики изъ окрестностей приводили плѣнныхъ мятежниковъ по одному и по два. Чрезъ нѣсколько часовъ, со взятыми войскомъ, образовалось болѣе ста плѣнныхъ—все почти паны и шляхта. Солдаты окружали ихъ, и дѣло не обошлось безъ остротъ: они дѣлали шляхтѣ наставленія безъ злобы, но свысока,—эта роль имъ нравилась: „Эхъ вы! Чего вы бунтуетесь; что вамъ нужно? и мыза у васъ есть, и деньги есть. Лучше бы вамъ дома сидѣть. Ну, какой же ты воинъ, просто срамъ!" (а генералъ Ганецкій, разсмѣявшись, сказалъ имъ: „шуты вы гороховые!")

Былъ между плѣнными молодой человѣкъ, лѣтъ 19-ти, съ виду угрюмый и молчаливый. На наши вопросы: „кто ты такой? откуда? ты полякъ? онъ постоянно отвѣчалъ, что ничего не знаетъ. Такихъ господъ встрѣчалось нѣсколько. Въ такихъ личностяхъ отражается вліяніе ксендзовъ, которые подъ присягою брали съ нихъ обѣщаніе: когда попадутся къ *москалямъ*,—дѣлаться нѣмыми. Если тебя будутъ пытать, говорятъ ксендзы, ты будешь мученикомъ и попадешь въ рай. Вся шляхта такимъ образомъ увѣрена, что погибель въ лѣсу есть прямой путь въ обители святыхъ. Вотъ причина, почему она такъ отчаянно лѣзла на штыкъ. Уланскій офицеръ, бывшій при нашемъ отрядѣ, приблизился къ одному изъ плѣнныхъ, говоря: „здравствуйте Станишевскій! Какъ? и вы въ шайкѣ?"—Какъ видите, отвѣчалъ тотъ; извините, что не исполнилъ вашего порученія,—вы мнѣ дали денегъ на покупку бинокля." Насъ всѣхъ это озадачило; мы его окружили и стали распрашивать. Оказалось, что онъ—штабсъ-капитанъ, недавно въ отставкѣ и получилъ мѣсто по акцизу въ вилькомірскомъ уѣздѣ. За мѣсяцъ до взятія его въ плѣнъ, онъ собирался ѣхать въ Петербургъ, и тогда уланскій офицеръ сдѣлалъ ему порученіе. Но неизвѣстные люди, будто бы, остановили его приказаніемъ идти въ шайку,—

угрожая въ противномъ случаѣ смертью. Такимъ образомъ, вмѣсто Петербурга, онъ попалъ въ шайку Сѣраковскаго. Тамъ ему поручили начальство надъ косиньерами. Въ дѣлѣ 26 апрѣля онъ командовалъ правымъ флангомъ. Почти у каждаго повстанца есть исторія, которая гласитъ, что онъ невиненъ, что какія-нибудь обстоятельства вынудили его пойдти до лясу, а тобы онъ не пошелъ въ шайку.

Начальникъ кавалеріи Любановскій, которому около 50 лѣтъ, разсказывалъ, что попалъ въ шайку, благодаря дамамъ, — что, когда сосѣди его по имѣнію ушли въ лѣсъ, то дамы начали надоѣдать ему, упрекая его за неисполненіе обязанности — защищать отчизну, и даже начали браниться; онъ пошелъ, чтобъ его не презирали. Не многіе только прямо говорили, что въ шайку пошли по своей охотѣ.

Вечеромъ пріѣхалъ офицеръ капорской роты, который, съ нѣсколькими солдатами, въ густомъ лѣсу, на большой полянѣ, наткнулся на маленькую мызу запертую со всѣхъ сторонъ. Ее окружили; отворилось окно, изъ котораго услышали: „входите, здѣсь — Сѣраковскій!“ Кромѣ того, тутъ были Колышко и часть штаба Сѣраковскаго, всего 21 человѣкъ, которыхъ, послѣ небольшой перестрѣлки, перевезли въ ближайшую мызу Попьели, какого-то графа, который самъ былъ въ шайкѣ. Это было въ 18 верстахъ отъ нашего штаба въ Медейкѣ. Узнавъ объ этомъ, отрядный начальникъ послалъ офицера съ 40 стрѣлками, чтобъ перевезти этихъ плѣнныхъ въ штабъ.

Часовъ въ 12 ночи отрядъ стрѣлковъ прибылъ на мызу. Въ передней были капорцы. Пробравшись до дверей, у которыхъ стояли двое часовыхъ, офицеръ вошелъ въ комнату, гдѣ было до 12 плѣнныхъ, спавшихъ на соломѣ, исключая человѣка, сильнаго тѣлосложенія, съ красивымъ, но рѣзкимъ лицомъ. Онъ всталъ и рекомендовался: „Колышко“. Онъ увѣрялъ офицера, что былъ въ генуэзской школѣ, что правительство два года его розыскиваетъ по политическимъ дѣламъ; но что онъ ловко скрывался. На нѣкоторыхъ изъ спавшихъ было бѣлье чернаго цвѣта, — вѣроятно, нижній трауръ. Офицеръ вошелъ въ сосѣднюю комна-

ту и былъ пораженъ ея обстановкою. По срединѣ комнаты, увѣшанной картинами, на большой кровати, лежалъ раненный Сѣраковскій. У его изголовья сидѣли два доктора, въ польскихъ костюмахъ. Въ глубинѣ комнаты, на соломѣ, лежало шесть раненыхъ. Къ офицеру подошелъ на цыпочкахъ молодой человѣкъ, очень красивой наружности, поклонился и сказалъ: „я графъ Косаковскій, адъютантъ нашего генерала." Офицеръ невольно улыбнулся, говоря: „кончите эту комедію и разбудите Сѣраковскаго; мнѣ велѣно немедленно перевезти васъ всѣхъ въ штабъ, въ Медейку." Но Косаковскій продолжалъ въ томъ же духѣ: „это невозможно, поручикъ; рана нашего генерала опасна, теперь кризисъ, онъ не переживетъ. Подождите до 7 часовъ утра." Не извѣстно, съ цѣлію ли смягчить офицера, доктора и Косаковскій окружили его и упрашивали на французскомъ языкѣ. Нужно сказать, что на мызѣ распустили слухъ (вѣроятно, чтобы напугать нашъ отрядъ), что по дорогѣ въ Медейку, въ лѣсу, находится часть шайки Мацкевича, сдѣлавшая засаду и замышлявшая отбить плѣнныхъ. Этотъ слухъ привелъ офицера въ минутное недоумѣніе. Онъ разбудилъ самозваннаго генерала, который, просыпаясь, сказалъ: „вы пріѣхали взять меня, но я не могу ѣхать, г. офицеръ; погодите до 7 часовъ утра' я буду полезнѣе живой, а то мертваго привезете." Но офицеръ объявилъ имъ, что эти просьбы для него подозрительны, что если они надѣются на помощь мятежниковъ, то это напрасно. Въ два часа начало немного разсвѣтать, офицеръ разбудилъ всѣхъ и велѣлъ одѣваться, что было исполнено, разумѣется, не охотно. Наконецъ плѣнныхъ посадили на подводы. Для раненнаго Сѣраковскаго, найдена была на мызѣ коляска. Но онъ не выходилъ изъ дому, прося позволенія напиться чаю и увѣряя, что это придастъ ему силъ для предстоящаго путешествія. Офицеръ позволилъ, но приготовленія къ чаю тянулись слишкомъ долго. Офицеръ сказалъ ему: „Сѣраковскій, про васъ идетъ слава въ шайкахъ, что вы человѣкъ съ желѣзной волей: докажите, что вамъ чашка чаю ни-по-чемъ." Чрезъ минуту онъ сидѣлъ въ коляскѣ, съ докторомъ и Косаковскимъ. Еще

не доходя Вилькоміра, видѣли великолѣпную мызу, не уступающую какому-нибудь дворцу: это было имѣніе Косаковскаго. Этотъ юноша, лѣтъ двадцати, красивый и богатый не былъ раненъ; о немъ никто не зналъ, что онъ въ шайкѣ, и онъ легко могъ бы скрыться въ своей мызѣ послѣ разбитія шайки. „Я не могъ оставить моего генерала, когда онъ въ несчастіи,“ сказалъ онъ офицеру, и сталъ жать руки Сѣраковскаго. Не имѣлъ ли Сѣраковскій способности—привлекать къ себѣ нравственно; потому что наружность его не привлекательна: у него желтое, болѣзненное лице, какіе-то странные, мутные глаза.

Поѣздъ тронулся.

Офицеръ сталъ расспрашивать Колышко о шайкѣ. Колышко разсказывалъ: „я уже третій мѣсяцъ начальствую шайкой. Въ генуэзской школѣ я пріобрѣлъ стратегическія познанія. Въ продолженіи двухъ мѣсяцевъ меня ловили отряды, но я не попадался, даже иногда проходилъ между двумя отрядами и оставался позади. Меня бы никогда не поймали, если бъ не Сѣраковскій. Не соединись я съ нимъ, я бы теперь былъ преспокойно съ шайкой въ лѣсу. — „Отчего же вы соединились съ нимъ,“ спросилъ офицеръ? „Это нашъ общій начальникъ,—мы должны его слушаться.“ (Дѣйствительно, на нѣкоторыхъ бумагахъ онъ подписывалъ: „воевода литовскій и ковенскій). Колышко обвинялъ Сѣраковскаго въ томъ, что онъ не позволилъ ему напасть на деревню Медейку, когда тамъ была одна саперская рота. „Сѣраковскій умный человѣкъ, говорилъ Колышко, но не полководецъ; у него мало энергіи.“

Поѣздъ ѣхалъ шагомъ, *офицеръ сидѣлъ вмѣстѣ съ Сѣраковскимъ*, который разговорившись, сказалъ: „я вышелъ изъ Ковно съ тремя человѣками; въ непродолжительное время у меня уже сформировалась тысячная шайка. Наше шествіе по Жмуди было тріумфальное: c'était une protestation sanglante! Вездѣ насъ встрѣчали, какъ родныхъ. Бабы крестьянскія приводили своихъ сыновей, но мы ихъ не брали. У насъ безъ нихъ было довольно. Офицеръ не выдержалъ и сказалъ ему: это не правда; русскіе шли за вами шагъ за шагомъ и вездѣ видѣли ужасные слѣды шайки и ожесто-

ченный противъ нея, бѣдствующій народъ. Сѣраковскій на это отвѣтилъ: а мы нарочно приказали крестьянамъ, чтобъ они жаловались на насъ,— это хитрость употреблена для того, чтобы вы ихъ не трогали." Вдругъ изъ лѣсу вышли нѣсколько мятежниковъ; это явленіе на минуту привело отрядъ въ сомнѣніе. Но они тотчасъ замахали конфедератками, въ знакъ покорности и готовности сдаться, и встрѣтившіеся по дорогѣ два козака привели ихъ къ отряду. Одинъ былъ лѣтъ 17, съ раненной рукой. Офицеръ спросилъ его, по своей ли охотѣ онъ былъ въ шайкѣ? ,,Нѣтъ; отвѣчалъ онъ, у меня хотѣли отца повѣсить, если не пойду." Сѣраковскій призадумался, а потомъ сказалъ: онъ лжетъ.—,,Сѣраковскій! какое же бремя вы брали на свою совѣсть! Сколько теперь по вашей милости несчастныхъ!"—Ничего, сказалъ онъ, это кровавыя сѣмена, которыя потомъ дадутъ бѣлые цвѣты; нужно, чтобы Польша давала знать о себѣ, чтобъ ее не забывали" За чѣмъ же вы шли въ Курляндію, гдѣ крестьяне, можетъ быть, приняли бы васъ на топоры, или вы умерли бы съ голоду? ,,Всѣ шайки, продолжалъ Сѣраковскій, вмѣстѣ составляли 5000 чел., чрезъ недѣлю у насъ еще должно было прибыть пять тысячъ, что составило бы 10,000—литовскую армію, съ которой я легко бы всполошилъ Курляндію." Увлеченія Сѣраковскаго кончились при въѣздѣ въ Медейку.

При допросѣ, во время слѣдствія, Сѣраковскій далъ только показаніе о своемъ званіи, а отъ дальнѣйшихъ показаній отказался—неимѣніемъ, будто бы, полнаго сознанія; однакожъ объявилъ, что всегда назывался настоящею своею фамиліею, и что на святой недѣли, проѣзжая изъ Ковно въ м. Шаты былъ задержанъ партіею инсургентовъ, въ которой и находился до разбитія шайки, а 28 апрѣля, когда онъ раненный скрывался на мызѣ Скребишки, приказалъ позвать къ себѣ отряднаго офицера фонъ-Гаса (Саксонскаго полка), объявилъ ему, что онъ русскій офицеръ и просилъ доставить его старшему въ отрядѣ начальнику.

Къ сему Сѣраковскій присовокупилъ, что на показанныхъ

имъ обстоятельствахъ онъ не намѣренъ основывать свою защиту, говоря: „добровольно ли я остался въ лагерѣ инсургентовъ, по физическому, или по нравственному побужденію, какое принималъ я въ возстаніи участіе и, наконецъ, все, что я видѣлъ и что знаю характеризующаго послѣднія печальныя событія, все это я постараюсь вполнѣ объяснить, когда силы мои на столько возстановятся, что я буду въ состояніи вполнѣ сознательно это сдѣлать."

Военный судъ, по болѣзни Сѣраковскаго, открытъ былъ въ госпиталѣ только 10 іюня 1863 г. Когда председатель подошелъ къ кровати больнаго и объявилъ о полевомъ надъ нимъ судѣ, то Сѣраковскій, не вставая съ кровати, тихимъ голосомъ возразилъ, что онъ слабъ и нѣсколько уже ночей не спитъ;—на предложенный же ему вопросъ,- не имѣетъ ли онъ на кого изъ судей подозрѣнія, настоятельно доказывалъ, что не въ силахъ давать отвѣта, по болѣзненному своему состоянію и не надѣется чтобы въ настоящемъ положеніи онъ могъ сказать правду, такъ какъ всѣ представленія, которыя теперь ему кажутся справедливыми,—чрезъ два часа самъ онъ находитъ неправильными.

Медикъ, г. Статманъ, приглашенный въ комнату больнаго, засвидѣтельствовалъ, что подсудимый на предложенные ему коммиссіею вопросы, могъ бы отвѣчать. Въ продолженіи объясненія съ Сѣраковскимъ, когда судъ объявилъ ему, что долженъ въ точности руководствоваться законнымъ повелѣніемъ и что уклоненіе его отъ отвѣтовъ не можетъ остановить приговора судей, такъ какъ и безъ собственнаго его сознанія въ виновности его — Сѣраковскаго, имѣется достаточно фактическихъ доказательствъ,—Сѣраковскій домогался, чтобы для удостовѣренія,—можетъ ли онъ давать отвѣты, была составлена коммиссія изъ медиковъ, и ежели они отвѣтятъ утвердительно, то рѣшеніе его участи, будетъ уже на совѣсти медиковъ, а не судей. На сдѣланное ему возраженіе, что во всѣхъ его объясненіяхъ видна логическая послѣдовательность мыслей и не замѣтно отступленій отъ здраваго смысла, Сѣраковскій сказалъ, что нерѣдко

онъ видитъ предметы не въ настоящемъ положенiи, одни цвѣта представляетъ другими, что вообще онъ находится въ состоянiи кошмара и старается прiйдти въ нормальное состоянiе, но боится потерять разсудокъ, что онъ не спитъ уже 10 ночей и если только проведетъ спокойно хоть три ночи, мысли его возстановятся, и тогда, на вопросы суда, онъ обѣщается отвѣчать и даже желаетъ объяснить всѣ обстоятельства ему извѣстныя,—но боится сдѣлать неправильное показанiе, что его болѣе всего ужасаетъ мысль умереть въ госпиталѣ, что онъ хочетъ все открыть и умереть честно.“ Смысла послѣдней фразы онъ не объяснилъ и къ концу объясненiя, разгорячившись, покраснѣлъ, и какъ видно напрягался, чтобы отъ этого усилiя кровь бросилась на мозгъ.

Сколько ни предлагали Сѣраковскому, чтобы подписалъ актъ о неподозрѣнiи судей, онъ не согласился, отзываясь, что если онъ подпишетъ актъ, тогда ему станутъ дѣлать вопросы, подобные тѣмъ, которые предлагала коммиссiя, а онъ въ настоящемъ положенiи отвѣчать не можетъ. Эта изворотливость Сѣраковскаго имѣла цѣлiю протянуть время и отсрочить законное наказанiе за измѣну. Это доказывается его условiемъ отвѣчать на вопросы, когда онъ проспитъ спокойно три ночи сряду, чего нельзя было предвидѣть, такъ какъ для спокойнаго сна, кромѣ здоровья организма тѣлеснаго, необходима еще спокойная совѣсть и отсутствiе грезъ на счетъ предстоящей будущности.

Сѣраковскiй былъ 36 лѣтъ; женатъ на дочери виленскаго дворянина Аполлонiя-Далевскаго, происходилъ изъ дворянъ волынской губернiи, воспитывался въ петербургскомъ университетѣ и служилъ въ генеральномъ штабѣ до начала мятежа. Свѣдѣнiя эти заимствованы изъ его показанiй. На прочiе вопросы слѣдственной коммиссiи объ участiи его въ революцiонной организацiи, онъ написалъ слѣдующее: „не могу отвѣчать, потому что не имѣю полнаго сознанiя; у меня мѣшаются мысли.“ Не смотря на неоднократныя поѣздки коммиссiи въ госпиталь, чтобы уловить минуту откровенности въ Сѣраковскомъ, всѣ усилiя къ открытiю истины оставались тщетными, и хотя преступникъ пускался въ разсужденiя касательно дѣлъ его по службѣ, услугъ оказанныхъ имъ правительству, но возлагаемымъ

на него порученіямъ, однако явно отклонялъ разговоръ о замыслахъ своихъ противъ правительства, вниманіемъ котораго онъ постоянно пользовался, и которое имъ было такъ нагло обмануто.

12 іюня въ среду, члены слѣдственной коммиссіи послѣдній разъ прибыли къ Сѣраковскому, для убѣжденія его высказать откровенно всѣ обстоятельства, касательно его участія въ возстаніи и причины его къ тому побудившія; но Сѣраковскій и на этотъ разъ уклонился отъ отвѣтовъ и свелъ разговоръ на данную ему правительствомъ командировку въ Парижъ, въ собравшійся тамъ отъ всѣхъ державъ военно-статистическій комитетъ; онъ увѣрялъ, что его работами и свѣдѣніями французское правительство осталось весьма довольно, такъ что, будто бы, императоръ Наполеонъ III лично просилъ его заняться составленіемъ сборника военно-статистическихъ свѣдѣній для Франціи, по той самой системѣ, которую Сѣраковскій предложилъ и по которой имъ уже составленъ подобный сборникъ для русскаго военнаго министерства.—Далѣе—онъ говорилъ о томъ ласковомъ и внимательномъ пріемѣ, какой сдѣлалъ ему генералъ Гарибальди и вообще о его близкихъ отношеніяхъ къ разнымъ высшимъ лицамъ Европы, постоянно уважавшимъ образъ его мыслей и наконецъ проговорился, что онъ бы не остался въ шайкѣ, если бы не былъ увѣренъ, что возстаніе поляковъ есть возстаніе единодушное. Словомъ, онъ старался выиграть время, мечтая, что Наполеонъ будетъ ходатайствовать о смягченіи его участи и считая невозможнымъ исполненіе заслуженнаго имъ наказанія, вслѣдствіе тѣхъ отношеній его къ Европѣ и къ высшимъ лицамъ, о которыхъ онъ отзывался, не называя, впрочемъ, никого по имени, кромѣ Наполеона и Гарибальди. Не смотря на тщетныя двухчасовыя убѣжденія, Сѣраковскій, при уходѣ членовъ коммиссіи, энергически сказалъ: „судъ надо мной долженъ быть гласный.“

15 Іюня 1863 года насталъ для Сѣраковскаго послѣдній день его измѣнической жизни. Онъ былъ приговоренъ полевымъ военнымъ судомъ къ смертной казни. Ксендъ Юліанъ Сырукович былъ назначенъ для христіанскаго приготовленія Сѣраковскаго къ переходу въ жизнь вѣчную и св. причастію. Вотъ что ксендзъ Сырукович передалъ письменно о своемъ свида-

ніи и бесѣдѣ съ Сѣраковскимъ: войдя въ комнату, ксендзъ нашелъ Сѣраковскаго лежащимъ, но не спящимъ. Лишь только осужденный увидѣлъ ксендза въ облаченіи, сѣлъ на кровати и бросилъ испуганный взглядъ на духовное, незнакомое ему лице. Ксендзъ, по обязанности своей, приступилъ къ преступнику, дабы, не теряя времени, приготовить его къ исповѣди и принятію св. таинъ. Преступникъ не оспаривалъ предложенія ксендза, а только просилъ его отложить исповѣдь до другаго дня, по причинѣ его къ ней неготовности. Однакожъ, по совѣту ксендза, онъ согласился на его предложеніе и началъ мыться и одѣваться. Помолившись Богу, Сѣраковскій приступилъ къ исповѣди, по окончаніи которой, причастился св. таинъ съ сокрушеніемъ о грѣхахъ своихъ и раскаяніемъ. Понявъ свою участь, онъ, послѣ краткой молитвы, спросилъ стаканъ чаю, котораго выпилъ только половину. Между тѣмъ, ксендзъ напомнилъ преступнику, что дни его уже сосчитаны, и совѣтовалъ ему не терять напрасно времени, а посвятить послѣднія минуты молитвѣ и раскаянію; послѣ чего ксендзъ вышелъ въ корридоръ.

Командующимъ войсками при казни Сѣраковскаго былъ назначенъ командиръ лейбъ-гвардіи казачьяго полка ген. маіоръ Шамшевъ. Когда онъ вошелъ къ Сѣраковскому, одѣтый при шарфѣ, послѣдній совершенно растерялся и сталъ просить 5 минутъ отсрочки, сказавъ при томъ съ дикимъ взглядомъ, что онъ желаетъ писать стихи; въ этомъ ему, конечно, было отказано.

Одѣвшись, (пишетъ ксендзъ Сыруковичъ) Сѣраковскій поклонился присутствующимъ, прося у нихъ прощенія. Выйдя на дворъ, преступникъ былъ посаженъ на извощика, съ ксендзомъ и госпитальнымъ служителемъ. Большая часть городскаго населенія, въ особенности женщинъ, спѣшили на мѣсто казни. Базарная площадь Лукишки и ближайшія возвышенности были покрыты народомъ. Ни на одномъ лицѣ не было видно состраданія и даже раздавались въ толпѣ восклицанія: „подѣломъ вору и мука; или: „а сколько онъ самъ погубилъ людей; такихъ нечего жалѣть!“ Словомъ, ни одна казнь не была принята съ такимъ равнодушіемъ, какъ казнь Сѣраковскаго. Во все время движенія кортежа, онъ полустоялъ на дрожкахъ, обло-

котясь одной рукой на ксендза, а другой на служителя. Взглядъ его былъ дикъ, лице выражало неизъяснимый страхъ, и въ тоже время надежду, что, по прочтенiи сентенцiи, казнь будетъ замѣнена ссылкою. Когда, по прибытiи на мѣсто казни, осужденнаго сняли съ дрожекъ,— барабаны смолкли и мертвая тишина водворилась на всемъ пространствѣ, занятомъ войскомъ и народомъ, Сѣраковскому начали читать конфирмацiю. Онъ стоялъ облокотясь всѣмъ корпусомъ на ксендза. Колѣна его дрожали; лице покрыла мертвая блѣдность; волосы были растрепаны. Но когда заключительная фраза приговора: „казнить смертью-повѣшеньемъ" была произнесена, когда, слѣдовательно, угасъ для преступника послѣднiй лучъ надежды, тогда только обнаружилось все ничтожество души измѣнника. Когда члены коммиссiи употребляли всѣ старанiя, чтобы склонить его къ признанiю, онъ оставался непреклоненъ въ своемъ упорствѣ, отвергая тѣмъ самымъ все, что могло бы облегчить его участь. По окончанiи чтенiя, Сѣраковскiй громко объявилъ, что онъ протестуетъ предъ лицемъ всей Россiи и Европы противъ этого приговора. Но бой барабановъ заглушилъ этотъ запоздалый и ничтожный протестъ. Палачъ, съ длинною рубашкою, стоялъ уже передъ казнимымъ, и онъ, почти принужденный ксендзомъ, упалъ на колѣна предъ распятiемъ. Вслѣдъ за тѣмъ, палачъ сдѣлалъ движенiе, чтобы поднять преступника для совершенiя послѣдняго акта-экзекуцiи; но онъ явилъ при этомъ самое постыдное зрѣлище безсильной борьбы съ неизбѣжнымъ рокомъ. Отталкивая палача, онъ, въ дикомъ изступленiи, размахивалъ руками во всѣ стороны, силясь продлить оставшiяся ему минуты жизни. Бой барабановъ заглушалъ его неистовые крики. Овладѣвъ скоро обезсиленнымъ въ борьбѣ Сѣраковскимъ, палачъ повлекъ его къ эшафоту; казнимый и тутъ обнаружилъ судорожное сопротивленiе, борясь съ палачемъ и упираясь ногами въ ступени... Еще мгновенiе,—петля была надѣта, и преступникъ въ саванѣ висѣлъ на воздухѣ. Такъ кончилъ свою жизнь человѣкъ, уклонившiйся съ пути чести, долга и присяги и унизившiй себя гнусною измѣной и неблагодарностiю обладѣтельствовавшему его правительству при жизни и недостойною офицера трусостью предъ смертiю.

ВСТРѢЧА

ВНОВЬ НАЗНАЧЕННАГО ДОВУДЦЫ.

КОМЕДІЯ ВЪ ОДНОМЪ ДѢЙСТВІИ.

(Эпизодъ изъ польскаго мятежа 1863 года).

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

Панъ **Бутельскій**, начальникъ повѣта, около 50 лѣтъ.
Пани **Бутельская**, жена его . . . . . . 40 —
Панна **Лудвика**, дочь ихъ . . . . 20 —
Панъ **Капшукевичъ**, глав. организ. края, за 50 —
Маіоръ **Уцѣкайло**, довудца . . . . . . 40 —
Панъ **Ховальскій**, организаторъ повѣта, молодой чел.
Панъ **Уздыхальскій**, агентъ народн. жонда, студентъ 24 лѣтъ.
Панъ **Гвалтовскій**, его помощникъ, высокій, крикливый человѣкъ . 40 лѣтъ.
Панъ **Почтарскій**, референдъ (лазутчикъ). 30 —
Панъ **Крутковскій**, коммиссаръ повѣта, молодой чел.
Панъ **Цыбульскій**, помѣщикъ . . . . за 50 лѣтъ.
Ксендзъ **Закохальскій** . . . . 30 —
Ксендзъ **Мазурекъ** . . . . 26 —
Марися, горничная (шляхтянка) . . . . . 20 —
Юзефъ, лакей (шляхтичъ) . . . . 25 —
Францишекъ, ловчій.

Дѣйствіе происходитъ въ деревнѣ Крупишкахъ—имѣніи пана Бутельскаго.

Театръ представляетъ гостинную. Противъ сцены дверь, на право еще дверь, диванъ, круглый столъ, кресла и стулья. На лѣво два окна, каминъ, возлѣ котораго на тумбѣ стоитъ бюстъ Мѣрославскаго. На стѣнахъ висятъ портреты Костюшки и Гарибальди и карта Польши въ предѣлахъ 1772 года. На столѣ и подъ столомъ опрокинутыя бутылки и битые стаканы и бокали.

ЯВЛЕНІЕ 1.

ЮЗЕФЪ и МАРИСЯ (*прибираютъ комнату*).

ЮЗЕФЪ.

Ну ужъ времячко!.... И дьяволы худшаго не придумаютъ!... Ни днемъ, ни ночью нѣтъ тебѣ минуты отдыха. Гости не переводятся, пьянство, буйство, словно въ котлѣ кипитъ!... Изъ силъ выбился, а тутъ еще несчастье....

МАРИСЯ (*скоро*, оставивъ работу).

Какое несчастіе?

ЮЗЕФЪ (*печально*).

Коханая моя Марися! Я отъ тебя скрывалъ мое горе... Знаешь ли, — я долженъ разстаться съ тобою и, можетъ быть, на вѣки!

МАРИСЯ.

Юзю, что ты затѣваешь, куда же ты собираешься?

ЮЗЕФЪ.

П. Бутельскій объявилъ мнѣ приказаніе народнаго жонда... я долженъ отправиться въ рухавку, а трудовыя деньги, которые выслужилъ у п. Бутельскаго, поступаютъ въ кассу жонда... Такое ужъ мое счастье: и графъ Бычинскій отжилилъ у меня жалованье за два мѣсяца; сталъ ему выговаривать, такъ еще и аплеухами накормилъ!... Ухъ, если бы моя была воля!...

МАРИСЯ.

Безсовѣстные!... Вотъ и съ меня также п. Бутельская стянула 20 злотыхъ на проклятое повстанье... я думала къ празднику сшить себѣ новую *камзельку* и ботинки, а теперь придется щеголять въ старыхъ! Но чортъ съ ними, пускай общитываютъ насъ несчастныхъ, зачѣмъ же еще посылаютъ тебя на вѣрную погибель. Это ужасно!... Нѣтъ, Юзя, неслушай ихъ просто не ходи до лясу!...

ЮЗЕФЪ.

Не могу ослушаться, коханая Марися... я уже присягалъ...

МАРИСЯ.

За чѣмъ же ты присягалъ?

ЮЗЕФЪ.

Не могъ отказаться; сама посуди. На дняхъ, залучилъ меня ксендзъ *Закохальскій* въ *закристіи* и говоритъ: »присягай новому крулю и народному жонду.» Я отговариваться, такъ куда,—позеленѣлъ отъ злости, трясется, пѣна у рта; выхватилъ изъ кармана *габита* (ксендзовскаго капота) револьверъ, да прямо ко лбу; »присягай, говоритъ,» пся кревъ, не то тутъ тебя и дьяволы возьмутъ!» До смерти перепугалъ; я такъ и бухнулся ему въ ноги... и присягнулъ... что же было дѣлать... вѣдь застрѣлилъ бы!...

МАРИСЯ.

Онъ тебя пугалъ, Юзю. Какъ можно застрѣлить человѣка и еще въ костелѣ! чтобы ему за это было!...

ЮЗЕФЪ.

Ровно ничего; тутъ бы и запрятали мой трупъ, въ подвалѣ костела, а ксендза никто бы и не думалъ считать моимъ убійцей. Да имъ теперь застрѣлить или повѣсить нашего брата, все равно — что плюнуть (плюетъ въ лѣвую сторону)... Развѣ мало перевѣшали?... Только что затѣяли прежнюю Польшу, а ужъ какую силу взяли! хоть бы и нашъ п. Бутельскій, чуть что не по немъ, сейчасъ и крикнетъ »я тебя на *шибеницу!*»

МАРИСЯ.

Бѣдный мой Юзефъ! я не переживу этой разлуки, я умру безъ тебя!... (*плачетъ*). Подумай, Юзю,—нѣтъ ли средствъ отдѣлаться отъ этой проклятой рекрутчины?

ЮЗЕФЪ.

Никакихъ, милая Марися; я уже все передумалъ: донести, кому? Московское начальство—все изъ нашей же шляхты и тянетъ за пановъ; ослушайся, повѣсятъ, а ксендзы проклянутъ.. Ну ужъ времячко!... Сегодня ожидаютъ новаго довудца; прежній, говорятъ, обворовалъ народную кассу и куда то удралъ. Говорятъ — строгій, престрогій! Даже самъ п. Бутельскій его боится. Навѣрное будетъ попойка, и ужъ непремѣнно кого нибудь повѣсятъ,—такъ себѣ, какъ они говорятъ, для страха...

Эхъ, если бы для страха повѣсили хоть одного пана или ксендза! Такъ нѣтъ же, — все нашему брату приходится болтаться между небомъ и землею!...

МАРИСЯ.

Тише, кажется, п. Бутельская идетъ!

(*Складываютъ бутылки и стаканы въ корзину и выносятъ*).

ЯВЛЕНІЕ 2.

Пани БУТЕЛЬСКАЯ и панна ЛУДВИКА (*въ глубокомъ трауръ, на кушакахъ бѣлые орлы, на груди сломаные кресты, на шеѣ дебелыя цѣпи.*)

П. ЛУДОВИКА (*говоритъ скоро.*)

Какъ я рада, *мамуня*, что наконецъ могу съ тобою переговорить!... Безпрестанно гости, ты занята, минуточки не было свободной, а дѣло очень важное! Знаешь ли, мамуня, что п. Уздыхальскій сдѣлалъ мнѣ предложеніе?...

П. БУТЕЛЬСКАЯ.

П. Уздыхальскій?... какая дерзость! голякъ, у котораго ничтожной застѣнокъ и нѣсколько морговъ песку, осмѣливается искать твоей руки!...

П. ЛУДВИКА.

Онъ не бѣденъ, мамуня; у него хотя небольшое имѣніе, но хорошо устроено, и кромѣ того есть капиталъ ...

П. БУТЕЛЬСКАЯ.

Лжетъ, лжетъ; не вѣрь ему, у него гроша нѣтъ за душою!...

П. ЛУДВИКА.

Нѣтъ, мамуня, не лжетъ, я имѣю на то доказательство въ рукахъ. Онъ мнѣ далъ на сохраненіе 50,000 злотыхъ и кромѣ того вотъ сію минуту получила отъ него записку, что пріѣдетъ къ обѣду въ новой найтычанкѣ, настоящей *штанкелерувкѣ*, которую купилъ въ Варшавѣ, а лошади, пишетъ, настоящіе олени!...

П. БУТЕЛЬСКАЯ.

Странно! Отъ—куда же онъ взялъ деньги?... А, понимаю! вѣдь онъ агентъ народнаго жонда и собираетъ пожертвованія и контрибуцію въ пользу повстанья!

П. БУТЕЛЬСКІЙ (*выглядываетъ изъ дверей и подслушиваетъ разговоръ*).

П. ЛУДВИКА.

Ахъ, мамуня, какъ можно такъ дурно думать о такомъ патріотѣ, какъ п. Уздыхальскій. Неужели онъ рѣшился бы воспользоваться деньгами, пожертвованными для спасенія ойчизны?

ЯВЛЕНІЕ 3.

ТѢЖЕ и п. БУТЕЛЬСКІЙ (*въ халатѣ*).

П. БУТЕЛЬСКІЙ (*дочери*).

Отъ чего же и не рѣшится?...

П. ЛУДВИКА (*цѣлуетъ отца въ плечо*).

Папуня! заступись за п. Уздыхальскаго, онъ меня такъ любитъ!...

П. БУТЕЛЬСКІЙ.

Хорошо, хорошо,... заступлюсь. Слушай! мы всемъ готовы жертвовать для ойчизны, но не слѣдуетъ и себя забывать. Это законъ, который Творецъ положилъ въ основаніе мироздания. Послѣдуемъ же примѣру великаго нашего патріота, (*показываетъ на бюстъ Мѣрославскаго*), кое-какъ перебивался онъ уроками исторіи, а теперь живетъ въ Парижѣ, какъ магнатъ старо-польскихъ временъ: у него великолѣпныя отели, увеселительные замки; откуда же это берется?... На наши денежки, дурочка, кутитъ!... Всѣ газеты обличаютъ его, претенденты надсѣдаются, разумѣется, больше изъ зависти, а онъ себѣ и въ усъ не дуетъ; пользуется репутаціей перваго патріота и оживляетъ насъ надеждою возстановленія рѣчи посполитой, въ предѣлахъ 1772 года... (*смѣется*).

П. ЛУДВИКА.

Папуня, и ты противъ п. Уздыхальскаго? Онъ тебя такъ любитъ, такъ тебѣ угождаетъ!...

П. БУТЕЛЬСКІЙ.

Нисколько! я отдаю ему полную справедливость; онъ человѣкъ разсудительный и изъ него выйдетъ примѣрный семьянинъ... (*смѣется*).

П. БУТЕЛЬСКАЯ.

Перестань болтать глупости! Въ твоихъ шуткахъ, такъ много цинизма, что тебя непріятно даже слушать....

П. БУТЕЛЬСКІЙ.

Какія тутъ шутки!.... Теперь, каждому изъ насъ, приходится выбирать одно изъ двухъ: или быть одураченнымъ и ограбленнымъ, или самому дурачить и обирать другихъ. Ну, конечно, вы меня не осудите за то, что я выбралъ послѣднее. Чтожъ? вы думаете, что я принялъ на себя званіе начальника повѣта и задаю каждый день попойки для того лишь, чтобы разориться и вмѣстѣ съ вами пойдти по міру?... Да кто еще можетъ поручиться-то и за благополучный исходъ нашего дѣла?... можетъ быть!!!..

П. БУТЕЛЬСКАЯ (*Зажимая мужу ротъ*).

Замолчи, замолчи! слишкомъ ужъ заврался!.... У тебя еще вчерашній хмѣль не вышелъ изъ головы; хоть бы не говорилъ этого при дочери!....

П. БУТЕЛЬСКІЙ.

Отъ чего же? она не ребенокъ; пора и ее познакомить съ нашими подземными тайнами. Она въ такихъ лѣтахъ, что должна уже помогать намъ старикамъ. (*Дочери*) Сегодня ожидаю къ обѣду новаго нашего довудцу, маіора Уцѣкайла,— человѣка, говорятъ, чрезвычайно строгаго, грубаго и неуживчиваго. Народный жондъ, недовольный нашимъ повѣтомъ, нарочно прислалъ его къ намъ, чтобы насъ, какъ говорится, подтянуть. Ну, такъ забудь хоть на-сегодня твоего Уздыхальскаго и постарайся любезностью своею укротить льва,— понимаешь?... Ступай же и принарядись къ лицу, а я посовѣтуюсь съ твоей мамуней, какъ лучше намъ принять дорогаго гостя.

ЯВЛЕНІЕ 4.

тѣ же кромѣ Лудвики.

П. БУТЕЛЬСКАЯ.

Ахъ, какой ты странный!... Какъ можно при дочери такъ откровенничать; она у насъ такая ветреная, болтушка еще, пожалуй, проболтается своему Уздыхальскому, или другому кому нибудь....

П. БУТЕЛЬСКІЙ (*перебивая*).

Комуже другому?... Гвалтовскому, Капшукевичу, Ховальскому, Почтарскому. Да вѣдь у нихъ у всѣхъ „рыльцо въ

пушку." Я все таки честнѣе ихъ; хоть и пользуюсь жондовыми деньгами, но не прячу ихъ въ карманъ, а вмѣстѣ съ вельможными пропиваю. Но не объ этомъ рѣчь. Вотъ о чемъ хотѣлъ я предупредить тебя: намъ нужно, во чтобы ни стало, выманить отъ Капшукевича бланкъ народнаго жонда на право брать деньги изъ народныхъ кассъ другихъ повѣтовъ, потому что въ нашей кассѣ пусто, какъ въ головѣ Гвалтовскаго. Не мѣшало бы пріобрѣсть нѣсколько бланковъ и на сборъ пожертвованій въ пользу возстанія и на право кары, за ослушаніе народнымъ властямъ. П. Капшукевичъ, послѣ побѣга и покражи прежняго нашего довудцы Загребайла, сдѣлался остороженъ на счетъ выдачи бланковъ; но ты у меня—бой баба, дипломатъ, и съумѣешъ одурачить этого старою филина. Если удастся хитрость, то мы устроимъ наши дѣлишки на славу, понимаешъ?...

П. БУТЕЛЬСКАЯ.

Будь покоенъ! П. Капшукевичъ, до сихъ поръ еще занятъ собою; на эту слабость мущинъ можно ловить, какъ рыбъ на удочку....

П. БУТЕЛЬСКІЙ (*смотритъ въ окно*).

Легокъ на поминъ! Кажется, его экипажъ. Смотри же—по искуснѣй поведи атаку, а я тѣмъ временемъ одѣнусь. (*цѣлуетъ жену и уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ 5.

П. БУТЕЛЬСКАЯ (*одна*).

Въ самомъ дѣлѣ, мужъ мой очень здраво разсуждаетъ; всѣ наживаются, а мы только угощаемъ. Бѣдный мой мужъ! совершенно разстроилъ свое здоровье, пьянствуя съ этими бездонными бочками, а мнѣ минуты нѣтъ покоя: каждый день принимай гостей, наряжайся, наряжай дочь, умирай за ойчизну,—и когда все это кончится!... До смерти, право, надоѣло!... Вотъ хоть бы и теперь вздыхай и прикидывайся влюбленною въ этого противнаго Капшукевича.... (*поправляетъ передъ зеркаломъ чепчикъ, охорашивается, садится на диванъ и склоняетъ голову на руку*).

ЯВЛЕНІЕ 6.

П. БУТЕЛЬСКАЯ и П. КАПШУКЕВИЧЪ (*въ чемаркѣ, длинныхъ бутахъ, на поясѣ гербы, въ рукѣ конфедератка*).

П. КАПШУКЕВИЧЪ (*шаркая*).

Падамъ до ногъ, моя безцѣнная, многоуважаемая, п. Бутельская! какъ ваше драгоцѣнное здоровье?..

П. БУТЕЛЬСКАЯ (*скоро встаетъ, подходитъ къ Капшукевичу и пожимаетъ его руку*).

Ахъ п. Капшукевичъ!... Какъ неожиданно! удивительно, право удивительно! Можете вообразить, — сижу себѣ и думаю объ васъ, ну—такъ и чувствую, что вы возлѣ меня.... Ахъ, какая пріятная мечта!...

П. КАПШУКЕВИЧЪ (*не выпуская руки п. Бутельской*).

И я также,— ѣду себѣ, и все думаю объ васъ,— и знаете, съ такимъ нетерпѣніемъ спѣшу, что то — и дѣло толкаю въ шею кучера, да кричу: пошолъ, пошолъ!...

П. БУТЕЛЬСКАЯ (*перебиваетъ*).

Понимаю, понимаю; это просто симпатія, магнетизмъ, то есть—о комъ вы подумаете, тотъ невольно васъ вспомнитъ. Прошу же садиться, вотъ здѣсь на диванѣ возлѣ меня... У васъ должно быть пропасть электричества и магнитизма?...

П. КАПШУКЕВИЧЪ (*садясь*).

Да, въ молодости.... а теперь....

П. БУТЕЛЬСКАЯ (*прерывая*).

Полноте прикидываться старикомъ; вы моложе молодыхъ. Въ вашихъ глазахъ такъ много огня, а въ обхожденіи столько ловкости, любезности, что вамъ ничего нестоитъ покорить самую неприступную красавицу.

П. КАПШУКЕВИЧЪ (*охорашиваясь*).

Не говорите этого, П. Бутельская! гдѣ ужъ намъ — старикамъ!... въ молодости,—другое дѣло,... грѣшный человѣкъ... (*цѣлуетъ руку*).

П. БУТЕЛЬСКАЯ.

Не вѣрю вамъ, П. Капшукевичъ, не вѣрю: вы до сихъ поръ сохранили эту магическую силу, которая такъ чаруетъ и покоряетъ насъ — женщинъ; знаете ли?... Я васъ боюсь!... Помните три года назадъ, — на костюмированномъ балѣ у п. Перстышкевича, когда вы нарядились туркомъ?...

П. КАПШУКЕВИЧЪ (*цѣлуетъ руку*).

Помню, помню... хе—хе—хе! какая у васъ память!...

П. БУТЕЛЬСКАЯ.

Я этого никогда не забуду; вы были тогда восхитительны!... На другой день съѣхались у меня всѣ наши красавицы, п. Подхвостська, п. Утыльска, п. Жулѣвска, панна Струмилувна, панна Свистувна и другія,—всѣхъ не припомню,—и стали разговаривать о балѣ. Я и спрашиваю: „скажите, mes dames, кто изъ кавалеровъ, на балѣ, вамъ болѣе понравился?... Нѣкоторыя сконфузились, покраснѣли, а другія какъ то уклончиво отвѣчали; вотъ я и говорю: „послушайте, mes dames, возмите по клочку бумаги и пускай каждая подумаетъ и напишетъ имя того, кто болѣе ее плѣнилъ. Разобрали бумажки, и я взяла, подумали и написали, — и представьте себѣ, — какъ васъ уважаютъ,—каждая написала: Панъ Капшукевичъ!...

П. КАПШУКЕВИЧЪ (*цѣлуя руку*).

Ну, если ужъ пошло на откровенность, такъ я долженъ также признаться, что никто такъ мнѣ не понравился изъ нашихъ дамъ, какъ вы, моя очаровательная П. Бутельская! Вы, просто, ангелъ на землѣ... звѣзда востока!... (*Придвигается къ П. Бутельской и хочетъ ее обнять*).

П. БУТЕЛЬСКАЯ (*кокетливо отодвигаясь и затыкая уши*).

Замолчите, п. Капшукевичъ, замолчите! Мнѣ страшно васъ слушать... Въ настоящее время, всѣ мои помыслы и чувства принадлежатъ одной ойчизнѣ!... (*торжественно*) Клянусь вамъ, что если бы мои мечты, самыя завѣтныя, могли осуществиться, я бы отказалась отъ своего счастья для счастья ойчизны!...

П. КАПШУКЕВИЧЪ.

Ваши патріотическія чувства заставляютъ меня еще болѣе уважать васъ. (*цѣлуютъ руку*) Въ этомъ случаѣ мы совершен-

но съ вами симпатизируемъ!... Въ настоящее время, я готовъ все принести въ жертву моей ойчизнѣ: счастье, жизнь, имущество, все!...

П. БУТЕЛЬСКАЯ (*съ чувствомъ*).

Я отреклась отъ самыхъ священныхъ обязанностей: отъ мужа, единственной дочери, мы разорены, а я радуюсь!...

П. КАПШУКЕВИЧЪ (*прерываетъ*).

Какъ разорены?!... Вашъ мужъ получилъ значительную сумму на расходы...

П. БУТЕЛЬСКАЯ.

Эта сумма — ничтожна въ сравненіи съ нашими расходами. Представьте себѣ, — обмундированіе и продовольствіе партій, покупка оружія, на жалованье, на подкупъ разныхъ лицъ; а чего стоятъ намъ эти угощенія, отъ которыхъ мой мужъ, какъ начальникъ повѣта, не въ правѣ отказаться!...

П. КАПШУКЕВИЧЪ.

П. Бутельскій можетъ взять, сколько ему понадобится, въ кассѣ своего повѣта; онъ имѣетъ на это полное право...

П. БУТЕЛЬСКАЯ.

Въ кассѣ нашего повѣта пяти грошей нѣтъ, — все уже захвачено другими; а вамъ хорошо извѣстно, какъ наши обыватели скупы на пожертвованія?...

П. КАПШУКЕВИЧЪ.

Отъ чего же вашъ мужъ ничего мнѣ не скажетъ, — я бы ему далъ бланкъ народнаго жонда, на полученіе суммъ изъ кассъ другихъ повѣтовъ?

П. БУТЕЛЬСКАЯ (*съ достоинствомъ*).

Вы знаете, п. Капшукевичъ, безкорыстіе и патріотизмъ моего мужа: онъ скорѣе свое потеряетъ, чѣмъ станетъ просить. Впрочемъ, если вы предлагаете, то мы не вправѣ отказаться принять деньги, для спасенія нашей ойчизны.

П. КАПШУКЕВИЧЪ.

Охотно предлагаю, охотно, но съ однимъ условіемъ. Вы знаете, моя несравненная п. Бутельская, какъ низко воспользовался моимъ довѣріемъ бывшій нашъ довудца панъ Загребай-

ло, — забрал деньги въ кассѣ и бѣжалъ, подлецъ!... Конечно, никто не можетъ меня въ этомъ обвинить; какъ было не довѣриться такому патріоту, какъ п. Загребайло?!...

П. БУТЕЛЬСКАЯ.

Кто же осмѣлится васъ обвинять!...

П. КАПШУКЕВИЧЪ.

Вотъ я теперь положилъ себѣ за правило неиначе выдавать бланки народнаго жонда, какъ прописавъ ихъ собственноручно.

П. БУТЕЛЬСКАЯ (*звонитъ*).

Осторожность — даръ мудрости.

ЯВЛЕНІЕ 7.

ТѢЖЕ и МАРИСЯ (*выходитъ изъ боковыхъ дверей, замѣтивши п. Капшукевича, присѣдаетъ*).

П. БУТЕЛЬСКАЯ (*Марисѣ*).

Принеси мою шкатулку и чернильницу.
(*Марися выходитъ, а Капшукевичъ, вынимаетъ изъ кармана бумажникъ и разбираетъ бланки, нѣкоторые падаютъ на коверъ, но онъ этого не замѣчаетъ*).

П. БУТЕЛЬСКАЯ (*осторожно подымаетъ нѣсколько бланковъ, — въ сторону*).

И такому ослу довѣряютъ жизнь и имущество шляхетства!...

(*Мариса возвращается и ставитъ на столъ шкатулку и чернильницу съ перомъ*).

П. КАПШУКЕВИЧЪ (*беретъ перо и пишетъ на бланкѣ*).

„Предявителю сего немедленно выдавать изъ народныхъ кассъ требуемую сумму.“ (*пишетъ на другомъ бланкѣ*). „Предявителю сего разрѣшается на лагать наобывателей, по его усмотрѣнію, пожертвованіе въ пользу повстанья.“ (*пишетъ на третьемъ*). „Предявитель сего имѣетъ право карать смертью, за ослушаніе народнымъ властямъ“... Вотъ вамъ, моя безцѣнная п. Бутельская, три листочка (*передаетъ*

бланки), которые, хе—хе—хе! дѣлаютъ вашего мужа, равнымъ по могуществу съ падашахомъ.... хе—хе—хе!...

П. БУТЕЛЬСКАЯ (*склоняется къ плечу п. Капшукевича*).

О достойнѣйшій и милѣйшій, п. Капшукевичъ! какъ счаслива наша ойчизна, что имѣетъ такихъ защитниковъ!... (*отпираетъ шкатулку ключикомъ, который виситъ у нея на шеѣ, прячетъ бланки, запираетъ и передаетъ шкатулку Марисѣ*). Отнеси въ мою спальню и спрячь въ камодъ!

МАРИСЯ (*беретъ шкатулку*).

Слушаю, сударыня (*въ сторону*) Юзефъ спасенъ, мой ключикъ приходится къ этой шкатулкѣ!... (*уходитъ*).

П. КАПШУКЕВИЧЪ *обнимаетъ п. Бутельскую и цѣлуетъ въ лобъ*).

Королева моя! Чего не сдѣлалъ бы я для моего кумира!... (*За кулисами слышенъ голосъ п. Бутельскаго*).

П. БУТЕЛЬСКАЯ (*отводя руку п. Капшукевича*).

Осторожнѣе,—кажется, мужъ!...

ЯВЛЕНІЕ 8.

П. КАПШУКЕВИЧЪ и п. БУТЕЛЬСКІЙ (*въ чемаркѣ и бутахъ,—поясъ и грудь украшены революціонными эмблематическими знаками.* П.БУТЕЛЬСКАЯ *выходитъ въ боковую дверь*).

П. КАПШУКЕВИЧЪ (*кидается въ объятіи п. Бутельскаго*).

Коханый мой, безцѣнный п. Бутельскій, здоровъ ли, каково поживаешь?!...

П. БУТЕЛЬСКІЙ (*съ чувствомъ*).

Достойнѣйшій, п. Капшукевичъ, какъ я счастливъ, что вижу доблестнаго нашего начальника, неусыпнаго, неутомимаго!... Тысячу извиненій, что не могъ встрѣтить; тьма дѣлъ и все приходится самому....

П. КАПШУКЕВИЧЪ.

Точно такъ какъ и мнѣ,—все самъ!... тяжелыя времена... (*беретъ за руку — и съ укоризною*). Напрасно п. Бутельскій скрывалъ отъ меня?... Но я уже распорядился и передалъ п. Бутельской три бланка... Надѣюсь этого будетъ достаточно!... хе—хе—хе!...

П. БУТЕЛЬСКІЙ.

Благодарю, достойнѣйщій п. Капшукевичъ, благодарю! (*цѣлуются*). Но вы знаете мой патріоизмъ, мое безкорыстіе?.. Послѣдняя капля крови, послѣдній злотый отдамъ ойчизнѣ; если возстановимъ нашу славную рѣчь посполитую, то она не забудетъ своихъ сыновъ, а нѣтъ, пропадай все!... (*дѣлаетъ отчаянный жестъ рукою*) Прошу же садиться...

П. КАПЩУКЕВИЧЪ (*садясь*).

Не надобно терять надежды, п. Бутельскій!...

П. БУТЕЛЬСКІЙ (*съ жаромъ*)

Пока у насъ будутъ такіе достойнѣйшіе патріоты, какъ вы, п. Капшукевичъ, я не теряю надежды!... Клянусь вамъ, какъ васъ уважаю, если бы не мои больныя ноги (*бьетъ себя по ногѣ*), я бы все бросилъ,—жену, дочь и сталъ бы въ рядахъ нашего храбраго отдѣла!...

П. КАПШУКЕВИЧЪ.

О, если бы не удушье (*кашляетъ — съ одишкой*), я бы также не отсталъ отъ васъ! Задали бы мы фейферу москалямъ!...

П. БУТЕЛЬСКІЙ.

Эхъ, если бы 20 лѣтъ съ кости долой, чтобы мы надѣлали, п. Капшукевичъ?...

П. КАПШУКЕВИЧЪ (*вскакивая*).

Ухъ, страшно и подумать! мнѣ кажется я бы врѣзался въ непріятельское каре и всѣхъ бы москалей, *какъ мышей*, передавилъ... (*машетъ руками и задѣваетъ п. Бутельскаго*).

П. БУТЕЛЬСКІЙ (*съ азартомъ*).

А я взялъ бы двѣ бомбы, ворвался прямо въ колону мо-

скалей, да и бросилъ бы въ самую середину; пускай всѣхъ разрываютъ на части!...
(*машетъ руками и задѣваетъ п. Капшукевича*).

П. КАПШУКЕВИЧЪ (*обнимаетъ п. Бутельскаго, цѣлуются*).

Браво! молодецъ! просто—*зухъ*!...

П. БУТЕЛЬСКІЙ.

Вы меня одушевили, п. Капшукевичъ, своимъ геройскимъ примѣромъ!... Но, къ несчастію, мы не воины, а администраторы, на насъ лежатъ другія обязанности и я долженъ объяснить кое—что (*значительно*). Сегодня, на общее обсужденіе, я представляю мой проэктъ. Вотъ въ чемъ заключается моя мысль: къ чему намъ тратить такія значительныя суммы на формированіе отдѣловъ, партій и ихъ довудцовъ! Не лучше ли намъ дѣйствовать, тоюже системой какъ и до сихъ поръ, то есть, чтобы распорядительная власть оставалась за нами... вы меня понимаете....

П. КАПШУКЕВИЧЪ.

Понимаю, понимаю!

П. БУТЕЛЬСКІЙ.

Поддержите же меня, для общей нашей пользы...

П. КАПШУКЕВИЧЪ.

Непремѣнно, даю вамъ честное слово!...

П. БУТЕЛЬСКІЙ.

Говорятъ, нашъ новый довудца маіоръ Уцѣкайло—человѣкъ крутой, неуживчивый. Если онъ пойдетъ противъ насъ, или захочетъ повѣрять наши дѣйствія, то его надобно *сковернуть*: напишемъ доносъ народному жонду, подкрѣпимъ безъименными письмами, а если это не поможетъ, пускай не прогнѣвается, мы его подведемъ подъ московской *сюркупъ*. ..

П. КАПШУКЕВИЧЪ.

Подъ сюркупъ, мой коханый, непремѣнно подъ сюркупъ!... Въ нашемъ положеніи надобно дѣйствовать энергически; иначе насъ самыхъ перевѣшаютъ!

П. БУТЕЛЬСКІЙ.

Я отъ васъ, достойнѣйшій п. Капшукевичъ, ни въ чемъ

не таюсь. П. Уздыхальскій въ нашихъ рукахъ. Онъ ухаживаетъ за моей Лудвикой и далъ ей на сохраненіе 50,000 злотыхъ. Сумма эта, вѣроятно, украдена имъ изъ писла сборовъ на повстаніе. Теперь намъ надобно позаботиться, какъ нибудь застраховать себя отъ п. Дембовскаго,—члена народнаго жонда; онъ человѣкъ очень зоркій, и можетъ надѣлать намъ много непріятностей...

П. КАПШУКЕВИЧЪ.

И я отъ васъ, п. Бутельскій, ни въ чемъ не таюсь; успокойтесь! п. Дембовскій подведенъ уже подъ московской сюркупъ: я написалъ на него безъимянный доносъ, его арестовали, но жаль, что обыскъ производили преданные нашему дѣлу чиновники и позволили сжечь бумаги; боюсь, чтобъ его не освободили!

П. БУТЕЛЬСКІЙ.

Жаль, очень жаль! не мѣшало бы намъ завести въ русскомъ жондѣ такихъ, знаете, чиновниковъ, что если нужно кого подвести подъ сюркупъ, такъ чтобы не сорвалось!...

П. КАПШУКЕВИЧЪ.

Трудно, теперь, такихъ отыскать въ нашемъ краѣ! вѣдь мы, п. Бутельскій всѣхъ ихъ искоренили.

(*За кулисами слышенъ говоръ и топотъ*).

П. БУТЕЛЬСКІЙ.

Ну, вотъ и наши собираются.

ЯВЛЕНІЕ 9.

Тѣже и п. ХОВАЛЬСКІЙ, п. КРУТЬКОВСКІЙ, ксендзы: ЗАКОХАЛЬСКІЙ и МАЗУРЕКЪ. (Изъ боковихъ дверей) п. БУТЕЛЬСКАЯ и ЛУДВИКА. (*мущины въ чемаркахъ и длинныхъ бутахъ и разукрашены революціонными эмблематическими знаками. Другъ передъ другомъ шаркаютъ, цѣлуются. Слышатся отривистыя привѣтствія. А мой коханый, сердце мое, безцѣнный! и тому подобное. Общество группируется около камина.*).

ЯВЛЕНІЕ 10.

Тѣже и п. ГВАЛТОВСКІЙ (*въ такомъ же костюмѣ, кидается на каждаго, обнимаетъ, сильно прижимаетъ къ сердцу, называя каждаго по фамиліи, съ прибавленіемъ: „Сердце мое, коханный и проч.; въ азартѣ обнимаетъ онъ и бюстъ Мирославскаго, который падаетъ и разбивается. Слышатся восклицанія Ахъ, охъ, ай!...*)

П. БУТЕЛЬСКІЙ (*всплеснувъ руками*).

Ну, удружилъ пріятель!...

П. ГВАЛТОВСКІЙ (*кидается въ объятія п. Бутельскаго, цѣлуетъ и прижимаетъ*).

Прости, прости, п. Бутельскій!...

П. БУТЕЛЬСКІЙ (*вырываясь изъ объятій*).

Прощаю, прощаю!... (*оправляясь*) Невелика бѣда; только жаль что разбилъ до пріѣзда нашего довудцы; ему бы пріятно было увидѣть, что мы цѣнимъ нашихъ патріотовъ.

П. КАПШУКЕВИЧЪ (*важно*).

Панове! мы собрались для того, чтобъ общими силами обсудить, нѣкоторые, весьма важные вопросы, относительно пользъ нашей святой ойчизны. Кромѣ того намъ предстоитъ еще посовѣтываться, какъ торжественнѣе встрѣтить нашего браваго довудцу, маіора Уцѣкайла, котораго ожидаемъ къ обѣду. И такъ, панове, не теряя времени займемся дѣломъ; (*обращаясь къ п. Бутельскому*) за позволеніемъ достойнѣйшаго нашего хозяина, прошу садиться.

(*П. Бутельскій униженно кланяется, п. Капшукевичъ занимаетъ предсѣдательское мѣсто, прочіе размѣщаются: съ правой стороны Бутельскій, Ховальскій, Крутьковскій, а съ лѣвой Гвалтовскій, Закохальскій, Мазурекъ. П. Бутельская съ дочерью садится на диванъ и принимаютъ участіе въ общихъ совѣщаніяхъ*).

П. ХОВАЛЬСКІЙ.

Какая найтичанка, какія лошади у п. Уздыхальскаго!... просто, прелесть! я въ Варшавѣ ничего не видѣлъ подобнаго!

П. ЛУДВИКА.

П. Ховальскій самъ видѣлъ найтичанку и лошадей п. Уздыхальскаго?

П. ХОВАЛЬСКІЙ.

Собственными глазами, и былъ въ неописанномъ восторгѣ. Сего дня вы сами ихъ увидите; п. Уздыхальскій встрѣчаетъ нашего довудцу у п. Цыбульскаго, съ тѣмъ, чтобы предложить ему свой экипажъ и вмѣстѣ къ вамъ пріѣхать.

П. КРУТЬКОВСКІЙ.

П. Сасиская, пожертвовала для нашихъ повстанцовъ, великолѣпную ветчину, — просто объѣденіе!

П. ГВАДТОВСКІЙ.

Ну, ужъ какими колбасами потчивала меня сегодня п. Кеньдюховская! такихъ и въ Варшавѣ не ѣдалъ, просто во рту таютъ!

П. БУТЕЛЬСКАЯ.

П. Кеньдюховская выучилась у меня дѣлать колбасы...

П. КАПШУКЕВИЧЪ (*стуча по столу*).

Нельзя ли, панове, ветчину и колбасы отложить до другаго времени, а теперь займемся дѣломъ. (П. Бутельскому) И такъ, достойнѣйшій нашъ патріотъ, объясните намъ, ваше геніальное предположеніе.

П. БУТЕЛЬСКІЙ (*откашлявшись*).

Прежде чѣмъ буду имѣть честь, многоуважаемые товарищи, изложить предъ вами мое мнѣніе о томъ, какія средства дѣйствительнѣе, для востановленія нашей отчизны въ предѣлахъ 1772 года, позвольте мнѣ объяснить вамъ. Изъ иностранныхъ газетъ и партикулярныхъ свѣдѣній намъ извѣстно, что Европа на нашей сторонѣ. По желанію великихъ державъ, нашъ великій стратегикъ, тактикъ и администраторъ Мѣрославскій, начерталъ геніальный планъ войны съ Россіею, вотъ онъ: Англія и Швеція, вторгаются въ Россію въ Финскомъ заливѣ, Франція высаживаетъ въ Либавѣ и Ригѣ армію въ 300,000, Италія съ Австріей занимаютъ *Крулество* и Волынь, Турція дѣлаетъ высадку въ Крымъ. Одна Пруссія намъ не сочувствуетъ, но за это мы отберемъ у нея Познань!...

ВСѢ.

Браво, браво, брависсимо!... Ура!

П. БУТЕЛЬСКІЙ (*кланяется*).

И такъ, панове, вы должны убѣдиться, что до этихъ громадныхъ результатовъ, мы достигли не другимъ чемъ, какъ мудрою нашею политикой, нашимъ всемогущимъ катихизисомъ. По всей необъятной Россіи разсѣяны наши агенты, чиновники на желѣзныхъ дорогахъ и телеграфныхъ линіяхъ — поляки, чиновники по акцизному управленію въ краѣ — поляки, чиновники во всѣхъ присутственныхъ мѣстахъ въ краѣ — поляки, земская и градская полиція въ краѣ — поляки, наставники и учителя во всѣхъ гимназіяхъ и училищахъ въ краѣ — поляки. Редакціи газетъ во всей Европѣ подкуплены нашимъ золотомъ и ратоборствуютъ, съ честью, въ нашу пользу; Гарибальди обѣщаетъ намъ свое покровительство!...

ВСѢ.

Брависсимо! Ура!... Продолжайте!

П. БУТЕЛЬСКІЙ (*встаетъ съ жаромъ*).

За чѣмъ же намъ, панове, измѣнять нашу мудрую политику?... Зачѣмъ формировать партіи, отдѣлы и тратить такія огромныя суммы на вооруженіе и содержаніе довудцовъ?!... Не лучше ли намъ, ограничась только новыми налогами, на святое дѣло возстанія, продолжать тою же системой.

ВСѢ (*кромѣ Закона и Лекса*).

Браво, брависсимо! долой новую систему, долой!

П. ГВАЛТОВСКІЙ (*принимаетъ въ свои объятія п. Бутельскаго, прижимаетъ и цѣлуетъ, приговаривая*).

Превосходно, геніально!... Ты, просто Гарибальди, Мирославскій! Ты!

П. БУТЕЛЬСКАЯ (*подходитъ къ мужу*).

Досконально, сердце мое, досконально!... (*Капшукевичу*) неправда ли славная голова? (*цѣлуетъ въ лобъ мужа*).

П. КАПШУКЕВИЧЪ (*пожимая руку Бутельскому*).

Да, завидная голова!...

П. ЛУДВИКА (*подходитъ къ отцу и цѣлуетъ его въ плечо*).

Папуня!...

Ксендзъ ЗАКОХАЛЬСКІЙ (*важно*).

Все, что вы намъ объяснили п. Бутельскій, относительно къ нашимъ врагамъ, столько же справедливо, какъ и пріятно для истинныхъ патріотовъ; однакожъ, я съ вашимъ мнѣніемъ никакъ не могу согласиться. Система, которую вы такъ вѣрно обрисовали, дѣйствительно геніальна. Она свершила все то, что мы отъ нея ожидали, но этого мало, — намъ нужно и самимъ нанести рѣшительный послѣдній ударъ, чего безъ посполитаго рушенья, мы не можемъ совершить. Побѣды одержанныя нашими непобѣдимыми войсками, подъ предводительствомъ доблестнаго генерала Лангевича, вполнѣ ручаются за успѣхъ. Въ настоящее время, дѣйствія наши должны быть въ высшей степени энергичны, мы должны возстать повсемѣстно. Представьте себѣ: въ Самогитіи, Литвѣ, Черноруссіи, Бѣлоруссіи, Волыни, Подолѣ, въ княжествахъ кіевскомъ, черниговскомъ, смоленскомъ, въ инфлянтахъ, Курляндіи, вдругъ, какъ изъ земли, выростаетъ армія въ 300,000, и мы съ кинжалами, напитанными смертоноснымъ ядомъ, кидаемся на ослабленную Россію и превращаемъ ее въ кучу пепла!...

ВСѢ (*кромѣ Бутельскаго и Капшукевича*).

Браво, браво!... продолжайте!...

К. ЗАКОХАЛЬСКІЙ (*съ азартомъ*).

Тогда мы, панове, уничтоженному врагу, покажемъ наше снисхожденіе и ограничимся востановленіемъ рѣчи посполитой въ предѣлахъ 1772 года!

П. ГВАЛТОВСКІЙ (*громко*).

Не согласенъ на снисхожденіе, не согласенъ; я требую, чтобы рѣчь посполитая была востановлена въ предѣлахъ 772 г.; тысячу лѣтъ долой, вотъ какъ!...

П. ХОВАЛЬСКІЙ, п. БУТЕЛЬСКІЙ и КАПШУКЕВИЧЪ.

Молчи, молчи, вздоръ мелешь, ничего не понимаешь!

П. ГВАЛТОВСКІЙ (*не слушая*)

Не согласенъ, панове, не согласенъ! мы кровь свою проливаемъ, послѣдній грошъ отдаемъ, какое тутъ снисхожденіе, нѣтъ, нѣтъ, — въ предѣлахъ 772 года!

К. ЗАКОХАЛЬСКІЙ (*дергая за рукавъ Гвалтовскаго*).

Не горячись, мой коханый, въ 772 году и Польши не было!...

П. ГВАЛТОВСКІЙ (*съ сердцемъ*).

Самъ чортъ васъ не разберетъ!

(*Общій смѣхъ*).

П. КАПШУКЕВИЧЪ (*Стучитъ по столу*).

Панове, я нахожу что мнѣніе п. Закохальскаго превосходно, но ужъ онъ слишкомъ увлекается: въ нашемъ положеніи надобно дѣйствовать осторожно, такъ сказать — на вѣрняка.

К. ЗАКОХАЛЬСКІЙ (*прерываетъ*).

Мой планъ и состоитъ въ томъ, чтобы дѣйствовать на вѣрняка!... во первыхъ...

П. ГВАЛТОВСКІЙ (*прерываетъ*).

Я нахожу, панове, что обѣ системы одинаково геніальны, а потому соединимъ ихъ вмѣстѣ и будемъ дѣйствовать, по нашему, сплеча!...

П. ХОВАЛЬСКІЙ.

Невозможно, п. Гвалтовскій; системы противуположны, одна другой будутъ противудѣйствовать...

П. ГВАЛТОВСКІЙ.

Это не бѣда, мой коханый, пускай себѣ противудѣйствуютъ, а мы тѣмъ временемъ будемъ душить москалей!

(*Общій смѣхъ*).

П. КАПШУКЕВИЧЪ (*стучитъ по столу и съ трудомъ возстановляетъ порядокъ*).

Позвольте, панове, позвольте! предметъ нашихъ разсужденій такъ важенъ, что требуетъ серьёзнаго обсужденія. Я нахожу полезнымъ, панове, отложить наше засѣданіе до завтрашняго дня; вѣдь намъ еще нужно посовѣтоваться, какъ лучше встрѣтить нашего храбраго довудцу: (*Смотритъ на часы*) скоро долженъ пріѣхать.

(*К. Мазурекъ и п. Гвалтовскій встаютъ*).

К. МАЗУРЕКЪ.

По моему мнѣнію...

П. ГВАЛТОВСКІЙ (*перебивая*).

Геніальная мысль!... Знаете ли, панове, — устроимъ ему

люминацію, надъ крыльцомъ транспарантъ съ вензелемъ, а надъ вензелемъ слава трубитъ и сыплетъ лавры, а внизу надпись: въ предѣлахъ 1772 года; кругомъ плошки, а по всей дорогѣ смольныя бочки!...

(*Общій смѣхъ.*).

П. КАПШУКЕВИЧЪ.

Заврался п. Гвалтовскій, заврался!... Къ чемуже иллюминація, вѣдь довудца пріезжаетъ днемъ?

П. ГВАЛТОВСКІЙ (*ударивъ себя по лбу*).

Ахъ чортъ возьми, не сообразилъ!... (*садится.*).

П. КАПШУКЕВИЧЪ (*Мазуреку.*).

Вы что то хотѣли сказать?

К. МАЗУРЕКЪ (*вставая*).

По моему мнѣнію встрѣтить бы довудцу приличнымъ гимномъ...

П. ГВАЛТОВСКІЙ.

Геніальная мысль, именно гимномъ, пропоемъ ему: »еще Польска не згинела!»

К. МАЗУРЕКЪ.

Этотъ гимнъ устарѣлъ, новые намъ болѣе везутъ. Я сочинилъ приличные стихи, которые пропоемъ на голосъ: »съ дымомъ пожаровъ.» Если позволите панове, я прочту...

ВСѢ.

Читайте, читайте!

П. ЛУДВИКА.

Ахъ, мамуня, какая будетъ торжественная встрѣча!

П. БУТЕЛЬСКАЯ.

А послѣ гимна, ты поднесешь знамя, которое вышила я для XV отдѣла.

К. МАЗУРЕКЪ (*вынимаетъ изъ кармана пачку бумажекъ и читаетъ.*).

ГИМНЪ.

При встрѣчѣ довудцы Уцѣкайла.

«Хвала тебѣ нашъ храбрый вождь!
Довудца смѣлый, непреклонный!
Тебѣ нестрашенъ снѣгъ и дождь;
Врагамъ ты мститель безпардонный.»

***

«Отчизны геній и кумиръ!
Въ тебѣ воскресъ Ольгердъ, Ягайло;
Да узритъ изумленный міръ,
Каковъ довудца Уцѣкайло!»

* * * * *

«Затмилъ Костюшекъ, Корибутовъ;
Они передъ тобою дрянь;
Они твоихъ нестоятъ *бутовъ*,
Идиже не святую брань.»

* * * * *

«Ты озаришь отчизну славой,
Ты снова унію введешь,
Ты возвратишь шляхетству право,
И хлоповъ вновь въ ярмо впряжешь.»

В С Ѣ (*аплодирують*).

Браво, браво, брависсимо.

П: ГВАЛТОВСКІЙ (*обнимаетъ Мазурека, крѣпко прижимаетъ и цѣлуетъ*).

Геніально, превосходно, неподражаемо!

К. МАЗУРЕКЪ (*освобождаясь*).

Вотъ, панове, листочки, на которыхъ написаны стихи, а музыка вамъ извѣстна. (*раздаетъ, въ томъ числѣ П. Бутельской и Лудвикѣ*).

П: ЛУДВИКА (*жеманно*).

Вы нашъ второй Мицкевичъ!

К. МАЗУРЕКЪ (*раскланиваясь*).

А вы, наша вторая Ванда!

П: ГВАЛТОВСКІЙ.

Панове, я буду дирижировать, вѣдь и въ костелахъ я всегда дирижировалъ...

К. МАЗУРЕКЪ.

Панове, мы еще успѣемъ сдѣлать репетичку...

ВСѢ (*встаютъ*).

Успѣемъ, успѣемъ!..

ЯВЛЕНІЕ 11.

ТѢЖЕ и ЮЗЕФЪ.

ЮЗЕФЪ (*торопливо*).

До-до-вудца ѣдетъ!

(*Всѣ подбѣгаютъ къ окнамъ: П. Бутельская и Лудвика къ ближайшему къ сценѣ, смотрятъ, другъ друга толкаютъ, нѣкоторые восклицаютъ: „ѣдетъ, ѣдетъ!*)

П: ЛУДВИКА

Мамуня, какіе лошади, какая найтичанка, прелесть!... но гдѣже п. Уздыхальскій, въ найтичанкѣ сидитъ одинъ маіоръ Уцѣкайло?

П: ГВАЛТОВСКІЙ

По мѣстамъ, панове, по мѣстамъ! (*безъ церемоніи толкаетъ и устанавливаетъ по обѣимъ сторонамъ дверей*) смотрите, панове, не зѣвать, какъ махну, такъ и валяй.

ЯВЛЕНІЕ 12.

ТѢЖЕ и П. УЦѢКАЙЛО (звѣрскаго вида съ огромными усищами, въ чемаркѣ, длиннѣйшихъ бутахъ, за поясомъ съ гербами два пистолета, револьверъ, кинжалъ, около бока дебелая сабля, на головѣ конфедератка съ перомъ. Останавливается въ дверяхъ, сердито смотритъ на присутствующихъ и снимаетъ конфедератку; и потомъ гимнъ въ честь довудца поютъ, фальшивая безъ такту, Гвалтовскій топаетъ ногами, машетъ руками и нѣкоторыхъ задѣваетъ, Мазурекъ фистулой завываетъ почти къ самому уху довудцы, а п. Бутельская и Людвика съ другой стороны кричатъ пронзительними дискантами, м. Уцѣкайло въ продолженіи пѣнія то пятится назадъ, то закрываетъ уши руками.

П: ГВАЛТОВСКІЙ (*по окончаніи пѣнія, обнимаетъ м. Уцѣкайло, со всѣхъ силъ прижимаетъ, цѣлуетъ, приговаривая:*

Да здравствуетъ нашъ маіоръ? Да здравствуетъ нашъ храбрый довудца!... Да здравствуетъ нашъ обронца!... ура!...

ВСѢ

Ура!... ура!.....

М: УЦѢКАЙЛО (измученный, шатаясь, машынально опускается на диванъ).

Честь имѣю рекомендоваться, М. Уцѣкайло, довудца XV Отдѣла.

(*Всѣ подходятъ и униженно клонятся м: Уцѣкайлу*).

П: КАПШУКЕВИЧЪ

Честь имѣю представить себя,— главный организаторъ края Капшукевичъ.

П. БУТЕЛЬСКІЙ (*держа за руки жену и дочь*).

Начальникъ повѣта Бутельскій, а это, честь имѣю представить: моя супруга и дочь (*обѣ жеманно присѣдаютъ, м. Уцѣкайло смотритъ угрюмо*.

П: ЛУДВИКА (*разворачиваетъ свертокъ малиноваго атласа, на которомъ вышитъ одноглавый бѣлый орелъ*).

Собственными руками вышила это знамя для непобѣдимаго XV отдѣла.

М. УЦѢКАЙЛО (*важно принимаетъ этотъ свертокъ и кладетъ возлѣ себя на диванъ*).

Благодарю.... Ужъ. . (*П. Ховальскій, Крутковскій, Гвалтовскій, Закохильскій и Мазурекъ хотѣли отрекомендоваться, но Уцѣкайло, не обращая на нихъ вниманія, встаетъ и окинувъ собраніе грознымъ взглядомъ продолжаетъ*): Граждане, я очень не доволенъ вашимъ повѣтомъ!.... Представьте себѣ,-гражданинъ Цыбульскій, отказалъ мнѣ въ лошадяхъ и если бы гражданинъ Уздыхальскій не предложилъ мнѣ свой экипажъ, вы бы меня, сегодня, не увидѣли!...

ВСѢ (*переглядываясь*).

Это ужасно!... какая дерзость!

М. УЦѢКАЙЛО (*строго*).

За эту дерзость я приказалъ гражданину Уздыхальскому арестовать гражданина Цыбульскаго и доставить его сюда А съ нимъ намѣренъ поступить, какъ онъ этого заслуживаетъ я его повѣшу!....

П. ГВАЛТОВСКІЙ.

Для чего же его вѣшать, пане Маіоре?...

М. УЦѢКАЙЛО (*сердито*).

Для примѣра другимъ!...

П. ГВАЛТОВСКІЙ.

Для примѣра можно повѣсить хлопа, а не пана. П. Цыбульскій акуратно взнесъ слѣдуемое съ него пожертвованіе въ пользу возстанія; если ужъ онъ такъ провинился, назначте съ него штрафу 1000 руб.,—онъ человѣкъ денежный...

М. УЦѢКАЙЛО (*важно*).

Арестантъ здѣсь?

ВСѢ.

Нѣтъ, нѣтъ, еще не привозили ....

М. УЦѢКАЙЛО (*строго*).

За неисполненіе въ точности моего приказанія и гражданину Уздыхальскаго повѣшу!

П. ЛУДВИКА.

Ахъ, мамуня! ...

(*П. Бутельская, жестами успокаиваетъ дочь*).

П. ГВАЛТОВСКІЙ

И п. Уздыхальскаго не слѣдуетъ вѣшать, если онъ провинился, наложите на него контрибуцію въ пользу жонда, возмите у него наитичанку и лошадей.

ВСѢ

Да, да, оштрафовать? возмите п. Маіоре.

П. ЛУДВИКА (*плачетъ*).

Мамуня, это ужасно!... я умру съ отчаянія!...

М. УЦѢКАЙЛО (*послѣ нѣкотораго размышленія*).

Я это дѣло разбѣру...

ЯВЛЕНІЕ 13.

ТѢЖЕ и П. УЗДЫХАЛЬСКІЙ и П. ЦЫБУЛЬСКІЙ, ЮЗЕФЪ и МАРИСЯ.

(*Оба первые, въ чемаркахъ, въ длинныхъ бутахъ, съ гербами и украшеніями, какъ и у прочихъ. На Цыбульскомъ чемарка не сходится, рукава коротки, воротникъ сзади отстаетъ, замѣтно, что чемарка принадлежитъ другому.*

Оба подходятъ къ м. Уцѣкайлу. Уздыхальскій униженно кланяется, а Цыбульскій смотритъ съ презрѣніемъ. Изъ боковыхъ дверей выходитъ Юзефъ и Марися съ корзиною и накриваютъ на столъ).

М. УЦѢКАЙЛО (*громко*).

Какъ вы осмѣлились, гражданинъ Уздыхальскій, замедлить исполненіемъ моего приказанія?... (*Уздыхальскій въ испугѣ пятится, м. Уцѣкайло наступаетъ*). Я осматривалъ войска, три часа проѣздилъ, и пріѣхалъ сюда прежде васъ?...

П. УЗДЫХАЛЬСКІЙ (*робко*).

Па—па—пане ма—маіоре, я не могъ, не—не было лошадей...

М. УЦѢКАЙЛО (*грозно*).

Это не отговорка, за ослушаніе мнѣ слѣдовало бы васъ повѣсить, но снисходя къ убѣдительнымъ просьбамъ моихъ достопочтенныхъ товарищей, я налагаю на васъ контрибуцію; да, по общему нриговору, въ пользу народнаго жонда, конфискую ваши найтичанку и лошадей. (*Обращаясь къ Юзефу*). Сію минуту найтичанку и лошадей гражданина Уздыхальскаго подъ замокъ; если что случится, ты мнѣ отвѣчаешь головой!... Слышишъ?

ЮЗЕФЪ (*пугливо*).

Слу—слу—шаю... пане генерале!

П. УЗДЫХАЛЬСКІЙ (*запинаясь*).

Позвольте мнѣ, пане маіоре, объяснить вамъ...

М. УЦѢКАЙЛО (*вспыльчиво*).

Не принимаю никакихъ объясненій: приказанія народныхъ властей должны исполняться буквально!... (*обращаясь къ п. Цыбульскому*), васъ, гражданинъ Цыбульскій, въ примѣръ другимъ, повѣшу!... Какъ вы осмѣлились отказать мнѣ въ лошадяхъ! знаете ли, что вашъ поступокъ также строго наказывается, какъ измѣна отечеству?!...

П. ЦЫБУЛЬСКІЙ.

У меня нѣтъ лошадей п. маіоре, ваши же повстанцы всѣхъ забрали, за что же, пане маіоре, оскорбляете меня вашими рѣшительными приговорами?... Я исполнялъ безпрекословно всѣ приказанія народнаго жонда, уплатилъ сполна на-

логъ въ пользу возстанія, а вы что сдѣлали? посмотримъ какъ вы еще себя покажете при встрѣчѣ съ москалями?...

М. УЦѢКАЙЛО (*вспылчиво*).

Я облеченъ довѣріемъ народнаго жонда, и оправдаю эту довѣренность... я... докажу!...

П. ЦЫБУЛЬСКІЙ (*смѣло перебиваетъ*).

Тоже самое говорилъ намъ и прежній довудца Загребайло, да кончилъ тѣмъ, что подтибрилъ народные денежки и удралъ!

М. УЦѢКАЙЛО (*азартно*).

Какая дерзость!...

П. ГВАЛТОВСКІЙ (*кидается къ маіору, обнимаетъ его и цѣлуетъ, приговаривая*).

Достойнѣйшій нашъ довудца, не слушайте его, это оригиналъ, благороднѣйшій человѣкъ, патріотъ!... Назначте на него 1000 р. контрибуціи, будетъ съ него, мы всѣ просимъ о томъ обожаемаго нашего довудцу!...

ВСѢ.

Довольно съ него 1000 р., очень довольно!... просимъ, пана маіора!...

М. УЦѢКАЙЛО (*смягчаясь*).

Благодарите этихъ достойныхъ гражданъ (*дѣлаетъ жестъ рукою*); склоняюсь только на ихъ убѣдительную просьбу и освобождаю васъ отъ смертнаго приговора, но вмѣстѣ съ тѣмъ, для примѣра другимъ, подвергаю васъ денежному штрафу. Да, вы должны заплатить въ пользу возстанія 1000 р. контрибуціи.

П. ЦЫБУЛЬСКІЙ.

За какую же вину, пане маіоре, я долженъ заплатить контрибуцію?

М. УЦѢКАЙЛО (*вспыльчиво*).

Такъ вы еще осмѣливаетесь сопротивляться и не умѣете оцѣнить великодушія вашего начальника?!...

П. ГВАЛТОВСКІЙ (*прижимая и цѣлуя п. Цыбульскаго*).

Коханый мой, не спорь! знаемъ, что у тебя есть денежки; нашъ храбрый маіоръ великодушенъ, онъ уступаетъ тебѣ половину, тебѣ ничего не стоитъ бросить 500 р.... Если бы ты зналъ нашего маіора, что за человѣкъ,... что за душа право, такому человѣку не жаль и дать!... (*обращаясь къ маіору,*

пане маіоре, уступите ему половину, мы всѣ васъ просимъ!... (*Маіоръ колеблется, п. Гвалтовскій приближается, чтобы его обнять*).

М. УЦѢКАЙЛО (*пятясь назадъ*).

Согласенъ, согласенъ!... Не могу отказать убѣдительной просьбѣ, достопочтенныхъ моихъ товарищей...

П. БУТЕЛЬСКІЙ.

Достопочтенный нашъ довудца, вы сегодня такъ много потрудились для ойчизны; отдохните же послѣ заботъ, посреди людей, всею душею вамъ преданныхъ и подкрѣпите свои силы *венгжиномъ*, временъ славы рѣчи посполитой...

(*Подноситъ вино: п. Лудвика маіору, п. Бутельская п. Капшукевичу, а протчимъ Юзефъ и Марися, которая передъ каждымъ присѣдаетъ*.,

К. ЗАКОХАЛЬСКІЙ (*подымая стаканъ къ верху*).

Панове, да обитаетъ въ нѣдрахъ нашего братскаго союза, миръ, тишина и христіанское смиреніе, а между врагами нашими да гнѣздится раздоръ, несогласіе и да омрачатся умы ихъ строптивостью и гибельною самонадѣянностью!... Панове, за благоденствіе рѣчи посполитой, и на погибель врагамъ!... (*пьетъ*).

В С Ѣ.

На погибель врагамъ, на погибель!... (*пьютъ*).

П. БУТЕЛЬСКІЙ (*провожая къ столу*).

Пане маіоре, панове! не угодно ли закусить.

(*П. Бутельская, подаетъ руку маіору и сажаетъ его на первое мѣсто, возлѣ нее садится п. Капшукевичъ, п. Лудвика садится вмѣстѣ съ п. Уздыхальскимъ, прочіе размѣщаются какъ попало, а Цыбульскій занимаетъ мѣсто ближайшее къ сценѣ. П. Гвалтовскій наливаетъ вмѣсѣ въ стаканы вино и съ жадностью пьетъ и ѣстъ*).

М. УЦѢКАЙЛО (*опорожнивъ стаканъ*).

Граждане, я могу порадовать васъ радостными вѣстями. Во первыхъ, я нашелъ мой отдѣлъ въ самомъ удовлетворительномъ состояніи. Наша неустрашимая молодежъ, такъ и рвется въ бой; на всѣхъ лицахъ выражена отвага и рѣшимость умереть за ойчизну. Да, съ такимъ отдѣломъ я не попячусь назадъ!...

П. ЦЫБУЛЬСКІЙ (*въ сторону*).

До первой встрѣчи съ козаками!

М. УЦѢКАЙЛО.

Во вторыхъ, я получилъ отъ воеводы самогитскаго и литовскаго предписаніе соединиться съ его корпусомъ, для совокупнаго дѣйствія. Планъ составленъ геніально. Около Вилькомира мы даемъ генеральное сраженіе, и на голову разбиваемъ москалей. Послѣ этого воевода идетъ прямо на Вильну и овладѣваетъ городомъ, а я съ своимъ храбрымъ отдѣломъ направляю въ Инфланты, гдѣ соединяюсь съ тамошними партіами и беру приступомъ динабургскую крѣпость!... Да, граждане, я не маіоръ Уцѣкайло, если черезъ три недѣли не буду въ динабургской крѣпости!...

П. ЦЫБУЛЬСКІЙ (*въ сторону*).

Непремѣнно будетъ, ужъ тебѣ не минуть динабургской казаматы!

К. ЗАКОХАЛЬСКІЙ (*съ жаромъ*).

Вотъ какъ разсуждаютъ истинные сыны ойчизны!... (*къ Бутельскому*) Пане Бутельскій, не то ли самое я говорилъ?

П. БУТЕЛЬСКІЙ.

Развѣ я не такъ же судилъ, пане Закохальскій знаете ли, если бы не ноги, я бы самъ пошелъ съ маіоромъ!

П. КАПШУКЕВИЧЪ.

Удушье проклятое, а то бы и сто дьяволовъ меня неудержали, чортъ возьми!...

П. БУТЕЛЬСКАЯ.

Чтобы сталось, безъ васъ, пане Капшукевичъ, съ нашей администраціей?...

М. УЦѢКАЙЛО (*важно*).

Граждане, *ратуйте* ойчизну, на тѣхъ мѣстахъ, которыя вы съ такою пользою занимаете, и будьте увѣрены, что маіоръ Уцѣкайло, съ своимъ храбрымъ отдѣломъ и безъ васъ перебьетъ, неповоротливыхъ москалей, какъ выразился нашъ великій, Мирославскій.

П. ЦЫБУЛЬСКІЙ (*въ сторону*).

Дѣйствительно—неповоротливые, ни какъ ихъ назадъ не поворотишь!

М. УЦѢКАЙЛО.

Я теперь могу сказать тоже, что сказалъ Монтекукули что...

П. ГВАЛТОВСКІЙ (*встаетъ съ бокаломъ въ рукѣ, и перебиваетъ*).

Панове, выпьемъ же за здоровье, любезнѣйшаго, дорогаго, неоцѣненнаго и давно ожидаемаго нашего храбраго маіора!

ВСѢ *встаютъ и маіоръ также съ бокалами наполненными виномъ.*

Да здравствуетъ панъ маіоръ!... Да здравствуетъ панъ храбрый довудца!... Виватъ... Ура!...

П. ГВАЛТОВСКІЙ (*повелительно*).

Панове, гимнъ!...

(*Пѣніе начинается, Гвалтовскій машетъ руками, незамѣчая, что вино изъ бокала плещетъ на окружающихъ. Успѣваетъ пропѣть только первые два стиха*).

ЯВЛЕНІЕ 14.

ТѢЖЕ и п. ПОЧТАРСКІЙ.

П. ПОЧТАРСКІЙ (*суетливо*).

Панове, сію минуту изъ Вильно!... Несчастіе... Ужасное несчастіе... погибаемъ!...

ВСѢ (*торопливо*).

Какое несчастье, что случилось, говорите, говорите?...

П. ПОЧТАРСКІЙ (*печально*).

Непобѣдимый нашъ воевода самогитскій и литовскій случайно разбитъ и взятъ въ плѣнъ!

ВСѢ (*кромѣ Цыбульскаго*).

Не ужели!... Невѣроятно!... Измѣна!!!

П. ПОЧТАРСКІЙ.

Это бы еще не бѣда, силы наши велика; но вотъ несчастье, назначенъ новый генералъ-губернаторъ!...

ВСѢ (*поспѣшно*).

Кто именно, говорите, говорите, мы всѣхъ знаемъ!

П. ПОЧТАРСКІЙ.

Этого въ особенности!... Вспомните, панове, 1831 годъ!...... (*закрываетъ лицо руками*).

(*Всѣ вскрикиваютъ, у нѣкоторыхъ выпадаютъ бокалы изъ рукъ, стоятъ въ недоумѣніи, пораженные страхомъ*).

П. ЦЫБУЛЬСКІЙ (*въ сторону*).

Что?... Спустили носъ на квинту!

ЯВЛЕНІЕ 15.

ФРАНЦИШЕКЪ (*поспѣшно вбѣгая*).

Панове, спасайтесь, москали идутъ!... пѣхота съ ружьями и козаки въ гнѣдыхъ мундирахъ на синихъ коняхъ, такъ и прутъ прямо на Крупишки!...

(*Общее замѣшательство, слышатся крики отчаянія, бѣгаютъ по сценѣ, другъ друга толкаютъ. Маіоръ первый безъ конфедератки прыгаетъ въ окно, за нимъ п. Бутельскій— съ особенною ловкостью*).

П. ЦЫБУЛЬСКІЙ (*смѣясь*).

Откуда и ноги взялись у п. Бутельскаго.

П. БУТЕЛЬСКАЯ (*прижимаясь къ Капшукевичу*).

Спасай меня, спасай, мой коханый п. Капшукевичъ!...

П. КАПШУКЕВИЧЪ (*подавая руку*).

Поѣдемъ ко мнѣ, у меня будешъ, сердце мое, въ совершенной безопасности! (*поспѣшно уводитъ въ середніе двери*).

П. УЗДЫХАЛЬСКІЙ (*беретъ за руку Людвику.*)

Уйдемъ поскорѣе, моя коханая, спрячемся въ лѣсу, у ловчаго!... *уходятъ въ боковую дверь.*).

(*Гвалтовскій, Крутьковскій, Ховальскій, Почтарскій, Францишекъ, Юзефъ и Марися изчезаютъ, кто прыгаетъ во окно, кто выбѣгаетъ въ дверь.*).

ЯВЛЕНІЕ 16.

Ксендзы ЗАКОХАЛЬСКІЙ и МАЗУРЕКЪ и п. ЦЫБУЛЬСКІЙ (*стоятъ прижавшись къ стѣнѣ*).

К. ЗАКОХАЛЬСКІЙ (*вынимаетъ изъ кармана поспѣшно склянку съ порошкомъ*).

Голодные москали, вѣроятно, захотятъ выпить и закусить!

(*посыпаетъ изъ склянки на кушанья и въ бутылки*). Кушайте во здравіе!...

К. МАЗУРЕКЪ (*дѣлаетъ тоже*).

Желаю хорошаго апетита! (*Оба хохочутъ и выпрыгиваютъ въ окно.*)

ЯВЛЕНІЕ 17.

П. ЦЫБУЛЬСКІЙ ОДИНЪ

П. ЦЫБУЛЬСКІЙ (*подбѣгаетъ къ столу*).

Чемъ то посыпали, вѣроятно отравой!... И это служители олтаря!... Которые проповѣдуютъ братскую любовь и христіанское смиреніе!.. Мерзавцы!... Творецъ милосердный! до какого униженія мы дошли! (*беретъ блюда, бутылки и выбрасываетъ за окно*).

ЯВЛЕНІЕ 18.

П. ЦЫБУЛЬСКІЙ, ЮЗЕФЪ и МАРИСЯ.

(*Юзефъ входитъ изъ средней двери, а Марися изъ боковой*).

ЮЗЕФЪ (*не замѣчая Цыбульскаго.*)

Всѣ удрали, хоть шаромъ покати!

МАРИСЯ (*подбѣгая къ Юзефу*).

Юзю, я тебя вездѣ ищу!

ЮЗЕФЪ (*беретъ ее за руку*).

А, Марися!

МАРИСЯ (*радостно*).

Юзю, ты спасенъ! (*Показываетъ ему одинъ изъ бланковъ народнаго жонда*).

ЮЗЕФЪ (*читаетъ*).

»Предъявителю сего немедленно выдавать изъ кассъ народнаго жонда требуемую сумму.» (*Къ Марисѣ*) Отъ куда ты взяла этотъ бланкъ?

МАРИСЯ (*улыбаясь*)

Изъ шкатулки п. Бутельской.

ЮЗЕФЪ.

Превосходно, моя коханочка! экипажъ пана Уздыхальскаго въ моихъ рукахъ, захватимка денжонокъ въ одной, въ другой кассѣ, и отправимся себѣ въ Петербургъ — жить да поживать!

МАРИСЯ (*подаетъ другой бланкъ*).

Вотъ еще и другой бланкъ народнаго жонда.

ЮЗЕФЪ (*читаетъ*).

„Предъявитель сего, имѣетъ право карать смертью за ослушаніе противъ народныхъ властей.“ (*приосанивается*) вотъ этого только мнѣ и недоставало! ... (*важно покручивая усы.*) Марися, я измѣняю планъ моихъ дѣйствій; мы ѣдемъ прямо къ графу Бычинскому, я хочу повѣсить этого марзавца!

МАРИСЯ.

Юзю, что ты затѣваешь, какъ можно взять на душу такой тяжкій грѣхъ?..

ЮЗЕФЪ (*важно*).

Онъ меня оскорбилъ,—понимаешь ли, меня, родовитаго шляхтича, произходящаго, по прямой линіи отъ герба черной вороны,—и я, по нашей шляхетской регулѣ, долженъ его повѣсить!

МАРИСЯ (*нѣжно*).

Юзю, коханый, прости его, прости!

ЮЗЕФЪ (*строго*).

Нѣтъ Марися, нѣтъ, не проси! слабость въ мущинѣ, говоритъ П. Бутельскій, большой порокъ, непремѣнно повѣшу, надобно показать примѣръ!

МАРИСЯ (*кидается на колѣни*).

Юзю, коханый мой, прости, я тебя умоляю!

ЮЗЕФЪ (*смягчаясь*).

Встань Марися, встань! ... (*поднимаетъ*) для тебя только прощаю; рашквашу ему только носъ и надаю треуховъ!

МАРИСЯ.

Пожалуй, сколько угодно, только не вѣшай (*замѣчаетъ на диванѣ знамя и беретъ его*).

ЮЗЕФЪ.

Брось, на что оно тебѣ?

МАРИСЯ

Какъ на что, камзельку себѣ сошью! Пойдемъ же мой коханый, нечего мѣшкать (*беретъ за руку Юзефа и уходятъ*).

ЯВЛЕНІЕ 19.

П. ЦЫБУЛЬСКІЙ одинъ.

П. ЦЫБУЛЬСКІЙ (*печально*).

Творецъ милосердный? до какого безобразія довели насъ нелѣпыя. несбыточныя затѣи?.. Какъ безсмысленно по дѣтски, нашимъ апатичнымъ бездѣйствіемъ, мы предали себя въ руки этой красной сволочи?.. Какъ глупо поставили себя между двухъ огней, между кровожаднымъ революціоннымъ жондомъ и законнымъ правительствомъ, которому рано или поздно, прійдется дать отчетъ въ нашихъ дѣйствіяхъ?... Оглянитесь же безмозглые, что происходитъ вокругъ васъ, самые скверные люди въ краѣ забраливъ руки власть, самопроизвольно назначаютъ налоги, воруютъ общественныя деньги и грозятъ вамъ висѣлицей!.. Лакей, случайно, получаетъ диктаторскую власть, расхищаетъ кассы народнаго жонда и вѣшаетъ нашего брата помѣщика!.. Ксендзы—проповѣдники смиренія и кротости, съ кинжалами, напоенными ядомъ, предводительствуютъ шайками и какъ бандиты отравляютъ пищу!... И все это совершается во имя свободы и какой то идеальной ойчизны!... Но, теперь не до разсужденій... что мнѣ дѣлать?... что предпринятъ?... (*осматриваетъ свой костюмъ*). Дьяволъ меня дернулъ, послушаться еще этого воришку Уздыхальскаго и нарядиться шутомъ. Кто повѣритъ, что я не принадлежу къ революціонной бандѣ. Самъ чортъ не разберетъ теперь, кто изъ насъ правъ—кто виноватъ!... Всѣ мы, когда круто прійдется, увѣряемъ и клянемся, что преданы законному правительству, а между тѣмъ, каждый изъ насъ замѣшанъ въ это скверное возстаніе, каждый нарядился въ дурацкій костюмъ!.... (*срываетъ съ себя эмблематическіе знаки, бросаетъ на полъ и топчетъ*) Вотъ этакъ желалъ бы я растоптать и тѣхъ, кто затѣялъ эту подлую революцію.... (*за кулисами слышенъ барабанный бой.*) Идутъ, идутъ ... (*съ отчаяніемъ бѣгаетъ по сценѣ*). Что же мнѣ дѣлать! куда дѣваться!... пропалъ я несчастный; пропалъ! (*Подбѣгаетъ къ камину, осматриваетъ, потомъ къ окну, хочетъ кинуться, но останавливается*) Нѣтъ!... лучше въ трубу чѣмъ до лясу, лучше быть трубочистомъ чѣмъ воеводою самогитскимъ и литовскимъ!.. (*лѣзетъ въ каминъ*).

(*Занавѣсъ опускается*).

КОНЕЦЪ.

Содержание 5-й книжки „Вѣстника Западной России“ за $18\frac{64}{65}$ г.

ОТДѢЛЪ I.

ОТДѢЛЪ II.

ОТДѢЛЪ III.

ОТДѢЛЪ IV.